

ЖУРНАЛ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
СИБИРЬ
383/6 6.2020

Литературно-художественный и культурно-просветительский
журнал писателей Восточной Сибири
Учредитель — Иркутское региональное отделение
Общероссийской общественной организации
«Союз писателей России»
Журнал выходит при финансовой помощи
Министерства культуры и архивов Иркутской области
Основан в 1930 году. Выходит 6 раз в год

Содержание

Слово

Игорь Кобзев , губернатор Иркутской области	3
Николай Иванов , председатель правления Союза писателей России	4
Сергей Шаргунов , заместитель председателя Комитета Государственной Думы по культуре, главный редактор журнала «Юность»	5
Руслан Дячук , министр культуры и архивов Иркутской области	6
Анатолий Байборodin , главный редактор журнала «Сибирь». Без журнала литературе не жить	7

Эрестоматия

200 лет со дня рождения великого русского поэта Афанасий Фет . Душа к стопам твоим летит	15
120 лет со дня рождения выдающегося русского поэта Александр Прокофьев . Чтоб дружбу товарищ пронес по волнам	20

Поэзия

Владимир Костров . Мы — последние этого века	24
К 90-летию русского поэта Юрий Ключников . Притихший российский глагол	39
Валентина Беляева . Стелется дым над родным пепелищем	51
К 65-летию города Братска Стихи поэтов-братчан : Юрий Розовский, Владимир Корнилов, Иннокентий Медведев, Максим Орлов, Зинаида Мирских, Нина Михалик, Вячеслав Парилов, Михаил Ермаченко, Татьяна Дякивская, Татьяна Чемезова (Предисловие В. Корнилова)	82

Проза

75-летие Победы в Великой Отечественной войне Сергей Кириллов . Война. Рассказ из повествования «Уйдама»	30
Альберт Гурулёв . Ель. Рассказы	45
Виктор Потанин . Легкая. Рассказ. Предисловие В. Распутина	58
Олег Слободчиков . Дар. Рассказ	113
Анатолий Байборodin . Косопятая сказка. Рассказ	128

Стрижками истории

Иван Молчанов-Сибирский , главный редактор журнала «Будущая Сибирь» (1937 г.) У истоков ИЛХО	136
Владимир Ряполов . Варнаки, бродяги. Образ каторжника глазами русских писателей	138
Николай Никитин . Что стоит за спорами о Поклонном кресте в честь Ермака?	145
Светлана Зубакова . «Сибирь». Историческая хроника	155

Очерк и публицистика

Галина Афанасьева-Медведева . Стихия русского народного языка. Слово на вручении Государственной премии Российской Федерации	161
Валерий Расторгуев . Конституционная реформа Путина	167

Критика

75-летие поэта Владимира Скифа

- Евгений Артюхов.** «...И вынул комету из грядки» 171
Виктор Петров. Письма о главном.
Адресованы Лидии Сычёвой, автору книги «Мы всё ещё русские» 174
Валентина Семенова. Дух Победы, цена Победы.
От военной прозы 1950–1980 гг. — к нашим дням 184
Валерий Скрипко. Журнал «Сибирь» — хранитель народного духа 191

Радевица

125 лет со дня рождения поэта С.А. Есенина

- Анатолий Змиевский.** Сергей Есенин. Поэма 203
Евгения Молчанова. Иван Молчанов — мальчишка из Глазковского предместья 225

Вернисаж

150 лет Иркутскому художественному музею

- Елена Зубрий.** Прибайкальское сокровище искусства 233

80 лет со дня рождения Юрия Селивёрстова

- Слово жителей Усолья-Сибирского.** Малая родина художника 242
Валентин Распутин. Владеющий тайной русской души 245
Валерий Гаврилин. Памяти друга 247
Произведения Юрия Селивёрстова 251

О «Сибири»

- Юрий Павлов.** «Сибирь» — лучший журнал востока России 254
Михаил Щукин. В Сибири жить, «Сибирью» прирастать 255
Михаил Тарковский. В «Сибири» душа Сибири 256
Лидия Сычёва. Державное и душевное 257
Лидия Довыденко. Письмо главному редактору 259
Елена Пустовойтова. Еще не кончен Русский век 260
«Российский писатель». Слово о журнале 262

Книжная лавка

Анна Панова-Кувакина. «Душа грустит о небесах...».

- О книге А. Байбородина «Озерное чудо» 267
Любовь Московенко. О добром — честно. О книге Э. Анашкина «Честная книга» 269
Книжная полка 274

Сулочка к другу

- Степан Правдурубский.** Пародии 279
Владимир Скиф. Пародии 280

События

- Поздравляем** 282
Иркутские писатели-юбиляры 283

Главный редактор **А.Г. БАЙБОРОДИН**

Директор редакции **Ю.И. БАРАНОВ**

Заведующий отделом поэзии **В.П. СКИФ**

Заведующий отделом прозы, ответственный секретарь **С.В. ЗУБАКОВА**

СОВЕТ ЖУРНАЛА

Г.В. Аксаментов, А.А. Антипин, А.С. Гурулёв, В.К. Забелло, В.В. Козлов,
И.И. Козлов, А.К. Лаптев, М.П. Попова, Л.А. Сулейманова, В.Н. Хайрюзов

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются, кроме особо оговоренных случаев. Редакция оставляет за собой право принятые к печати рукописи редактировать и корректировать. Произведения более пяти авторских листов к рассмотрению не принимаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Оформление обложки Г.Г. Гордиевских. Комп. верстка А.Л. Гордиевских. Корректор Н.О. Шильникова.

Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Иркутской области.

Свидетельство о регистрации СМИ от 13.12.2012 г. ПИ № ТУ38-00600

Адрес редакции: 664025, г. Иркутск, ул. Степана Разина, 40. Адрес учредителя: 664025, г. Иркутск, ул. Степана Разина, 40.

Телефон редакции: 8-914-92-75-720. Электронный адрес редакции: sve-t-lana@mail.ru

Подписано в печать 23.11.2020 г. Выход в свет: 07.12.2020 г. Формат 70x108/16.

Усл.-печ. л. 21. Тираж 1300. Цена свободная.

Издательство: ИП Лаптев А.К. Адрес: 664047, ул. Трудовая, 55-51. Тел. 8 (3952) 23-38-45.

Отпечатано в типографии: ООО «Ретроцентр+», г. Иркутск, ул. Сергеева, 3/1. Тел. 8 (3952) 540-940.

ИГОРЬ КОБЗЕВ

ГУБЕРНАТОР ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

Уважаемая редакция и читатели журнала «Сибирь»!

От всей души поздравляю вас со знаменательной датой в истории литературного издания — 90-летием со дня основания, которое вы отметили в этом году.

За эти десятилетия произошли многие изменения в общественно-политическом строе нашей страны, взглядах и литературных пристрастиях читателей и авторов. Но ваш журнал по-прежнему верен тем культурным традициям, которые когда-то заложили Иван Молчанов-Сибирский, Георгий Марков, Франц Таурин, Константин Седых, Исаак Гольдберг, Пётр Поликарпович Петров, чьё имя носит Иркутский дом литераторов. Свою судьбу с журналом связали известные русские писатели Валентин Распутин, Александр Вампилов, Алексей Зверев, Пётр Реутский, Глеб Пакулов, Альберт Гурулёв, Ростислав Филиппов, Евгений Суворов, Станислав Китайский, Геннадий Машкин, Владимир Жемчужников, Виктор Соколов (поэт), Василий Забелло, Валерий Хайрюзов, Владимир Скиф, Геннадий Гайда, Василий Козлов, Борис Архипкин, Анатолий Змиевский, Валентина Сидоренко, Анатолий Байбородин, Александр Семёнов, Олег Слободчиков и ещё многие и многие авторы, определившие пути развития современной литературы. И сегодня в издании печатаются не только сибирские писатели, но и литераторы со всей России: Мария Аввакумова, Геннадий Иванов, Николай Иванов, Григорий Блехман, Лидия Сычева (Москва), Анатолий Аврутин (Минск), Юрий Перминов (Омск), Светлана Сырнева (Киров), Игорь Тюленев (Пермь), Владимир Шемшученко, Борис Орлов (Санкт-Петербург), Владимир Молчанов (Белгород), Лидия Довыденко (Калининград), Сергей Донбай, Борис Бурмистров (Кемерово), Александр Щербаков (Красноярск), Сергей Чепров (Тамань), Марина Шамсутдинова (Крым), и ещё можно называть десятки писателей из разных городов нашей необъятной Родины, представленных на страницах журнала «Сибирь», кого читают и знают сибиряки.

Многие страницы журнала отданы молодым прозаикам и поэтам. Редакция продолжает воспитывать литературную смену, уделяя особое внимание сохранению нравственных и духовных идеалов нашего народа.

Искренне желаю журналу «Сибирь» ещё многих ярких, интересных выпусков, сотрудникам редакции — радости творческих свершений, а читателям — открытия новых имён и захватывающих произведений.

НИКОЛАЙ ИВАНОВ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Уважаемые коллеги и друзья!

Журнал «Сибирь» за 90 лет своего существования прошел славный путь. Созданный при участии А.М. Горького, он стал надежной литературной площадкой не только для сибирских писателей. В разные годы на страницах этого издания появлялись произведения писателей, ставших со временем гордостью советской и русской литературы: Георгия Маркова, Константина Седых, Анатолия Преловского, Юрия Левитанского, Валентина Распутина, Ивана Молчанова-Сибирского, Александра Вампилова. Журнал «Сибирь» менял название, менял формат, но всегда оставался неизменным его курс на реалистичный показ народной жизни, воспитание любви к своему отечеству, правду и русскую идентичность. И сегодня журнал по-прежнему засеивает ниву русской словесности семенами добра, милосердия, патриотизма, тщательно выверяя каждое предложение, каждое слово своих авторов. «Сибирь» способствует, как и должно, объединению здоровых литературных сил, размещая на своих страницах произведения признанных мастеров: Валентина Распутина, Глеба Пакулова, Алексея Зверева, Станислава Китайского, Альберта Гурулева. А рядом с ними — молодых и талантливых: Андрея Антипина, Юрия Харлашкина, Максима Живетьева, Игоря Корниенко.

От имени правления Союза писателей России желаю журналу «Сибирь» долгой жизни, любви читателей и дальнейших успехов в работе по возвышению русского слова, правды и укреплению единства народов России!

СЕРГЕЙ ШАРГУНОВ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ПО КУЛЬТУРЕ,
ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ЖУРНАЛА «ЮНОСТЬ»

Уважаемая редакция, авторы и читатели журнала!
Дорогие коллеги!

Сердечно поздравляю всех вас с юбилеем замечательного литературного журнала «Сибирь».

За эти годы журнал прошёл огромный путь, и по праву считается одним из самых уважаемых «толстых» литературных журналов России.

На его страницах в разные годы выходили произведения выдающихся отечественных писателей, классиков нашей литературы: Максима Горького, Валентина Распутина, Василия Белова, Виктора Астафьева, Александра Вампилова, Василия Шукшина, Владимира Крупина и многих других.

Произведения не только «сибирских» авторов, впервые напечатанные в журнале «Сибирь», стали достоянием отечественной и мировой литературы.

Желаю журналу дальнейших творческих успехов!

РУСЛАН ДЯЧУК

МИНИСТР КУЛЬТУРЫ И АРХИВОВ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

Уважаемая редакционная коллегия, авторы и читатели журнала!

Примите самые искренние поздравления с 90-летием литературно-художественного и культурно-просветительского журнала писателей Восточной Сибири.

Долгие годы при поддержке министерства культуры и архивов Иркутской области издание продолжает знакомить жителей с выдающимися произведениями российской литературы и признанными мастерами русской словесности. Сегодня, несмотря на почтенный возраст, журнал не утратил своих позиций и остается востребованным в читательской среде.

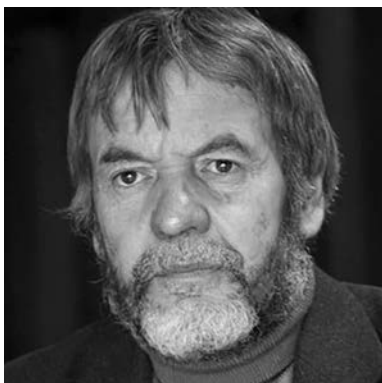
Редакция журнала всегда проводит большую работу с молодыми сибирскими авторами и профессиональными союзами писателей. Это даёт возможность объединять творческих работников различных взглядов и направлений, выявлять рукописи высокого художественного уровня.

Журнал «Сибирь» вносит весомый вклад в воспитание личности человека, приобщает к культурным, духовным и патриотическим ценностям.

Желаю журналу «Сибирь» и его авторам вдохновения, творческих идей, и надеюсь, что и в дальнейшем журнал будет способствовать расширению культурного кругозора, воспитанию литературного вкуса и сохранению единства всех народов России.

АНАТОЛИЙ БАЙБОРОДИН

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ЖУРНАЛА «СИБИРЬ»

Без журнала литературе не жить

А.Ш. Завершается год 2020 — болезненный год, когда мы нередко взывали к Господу о здравии ближних. Глаз писателя зорок, потому литература в будущем подробно поведаст о том, что было — игры ли, заговоры ли против народа, или череда случайностей, перед которыми слабосильными оказались все, от просто-Иванушки-дурачка до большого чиновника.

Печали и сомнения оставим в прошлом, а пока вспомним о том, что журналу «Сибирь» девяносто лет и встретимся с главным редактором, Анатолием Григорьевичем Байбородиным.

Основанный в 1930 году, журнал назывался «Будущая Сибирь», выходил до 1935 года. Затем менял названия: «Новая Сибирь», «Ангара», и уже с 1971 года именуется привычно для нынешнего читателя — «Сибирью».

Нить беседы потянулась издалека. Анатолий Григорьевич работает над пятой, окончательной редакцией романа «Боже мой», написанного тридцать лет назад, опубликованного в Иркутске отдельной книгой, потом с предисловием Валентина Распутина в московском журнале «Роман-газета» тиражом в полтора миллиона. Говорю это для того, чтобы показать, сколь ответственно, с большой долей самокритики подходит Анатолий Байбородин к своему творчеству и к литературному журналу, который возглавляет.

— Анатолий Григорьевич, литературный процесс — глобальное действие, закономерное и, в то же время, стихийное. Если взять наш журнал и рассмотреть его как часть этого действия, то какую роль он играет в литературном процессе? Какой прок от него читателю и писателю?

А.Б. Роль журнала в литературном процессе велика, ибо широкий круг читателей узнаёт о новых произведениях прозы, поэзии, публицистики, критики из журнальных публикаций. Книга может выйти позже, и дойдет ли до читателя... А произведение, прошедшее суровый редакторский отбор, уже заслуживает читательское внимание. Если сочинителя напечатала «Сибирь», а тем более, журнал «Наш современник», то сего автора признают уже состоявшимся писателем. Нынче не всякий писатель, даже истинно даровитый, может издать книгу прозы либо поэзии, а посему журнал даёт возможность читателю познакомиться с его

произведениями. Благодаря журналу писатель видит своё сочинение со стороны и либо восклицает в душе: «Я ли се вообразил и запечатлел... Ай-да Пушкин, молодец...», либо хватается за голову, узрев огрехи, и потом доводит сочинение до ума и доброго духа.

А.Ш. А чем отличаются журналы друг от друга?

А.Б. Отличаются главными редакторами... Либерал ли прозападный, патриот ли российский, а далее по степени литературного дарования, его мистических, национально-этических и эстетических познаний... В былые времена российские литературные журналы храбро сражались меж собой на идеологических и даже политических полях: в позапрошлом веке русофилы-консерваторы с прозападными либералами; а в прошлом веке русские национальные журналы («Молодая гвардия» и «Наш современник») противостояли либерально-прозападным («Новый мир» и ему подобные журналы), стараясь мирно ужиться с интернационально-советскими изданиями. В нынешнем веке идеологическое противостояние журналов едва тлеет, поскольку и журналы, утесненные интернетом, дышат на ладан и вымирают.

А.Ш. А журнал «Сибирь» имеет некое идеологическое направление?

А.Б. Журнал наш художественный, проза и поэзия не терпят лобовые идеологические декларации, и лишь в критике, публицистике авторы могут откровенно выразить свое мировоззрение, скажем, русское народно-православное, кое исповедую. В сем смысле «Сибирь» созвучен журналу «Наш современник», а посему и не случайно некий писатель повеличал наш журнал его младшим братом.

Но в журнале не все зависит от главного редактора, даже если у того семь пядей во лбу и дар от Бога; образ журнала зависит от духовного, творческого уровня окружающих писателей, ибо журнал — издание, подвластное губернской писательской организации. При публикациях главный редактор вынужден быть иногда снисходительным, печатая прозу и поэзию здешних членов Союза писателей — пусть порой бедно и бледно, но профессионально, а к сему еще и автор — юбиляр, либо давно не печатался. За снисходительность меня не единожды бранил Василий Козлов, который до меня был главным редактором лет тридцать. На брань я бы эдак ответил: «Ты, брат, редакторствовал, когда в Иркутске процветала такая плеяда талантливых писателей, какая не снилась прочим губерниям даже в сказочном сне: прозаики Валентин Распутин, Алексей Зверев, Дмитрий Сергеев, Глеб Пакулов, Альберт Гурулёв, Геннадий Машкин, Евгений Суворов, Владимир Жемчужников, Станислав Китайский, Ким Балков, Валентина Сидоренко, Олег Слободчиков, Андрей Антипин, поэты Ростислав Филиппов, Петр Реутский, Михаил Трофимов, Анатолий Горбунов, Виктор Соколов, Геннадий Гайда, Владимир Скиф, Татьяна Суровцева, Василий Забелло, Анатолий Змиевский, Александр Семенов, Борис Архипкин, да и сам Василий Козлов».

Есть и ныне мастера, но, чтобы эдакой ватагой... Спасаем журнал тем, что наряду с прибайкальскими представляем и писателей других губерний, чье мудрое и живописное русское народное слово слышно по всей России-матушке.

А.Ш. Три года, как Вы главный редактор «Сибири», и журнал благополучно выходит шесть раз в год. Но были же тяжкие времена...

А.Б. Были... В окаянные девяностые, когда российскую власть похитили слуги дьявола, ненавидящие Россию и русский народ, разграбившие государство, политикой своей убившие миллионы соотечественников, разумеется, от всеобщей народной нищеты и журнал едва дышал... Но жил, благодаря тогдашнему главному редактору Василию Козлову и его соратникам. Без журнала литературе не жить.

Коль есть писатели, для кого литература — призвание, судьба, крест и тягостный, и сладкий, значит, они способны нечто придумать, изыскать возможности выйти к читателю. Да простят меня сочинители «в стол», но по мне это равносильно беседе сумасшедшего со стеной «желтого дома». Писатель жаждет читателя, как певец — слушателя, живописец — зрителя... Таланту нужно выражение — ручеёк, стремящийся к народу. Нет журнала, стенгазету выпускают, а сейчас заполнили «мировую паутину». Словом, писателю нужны журналы, а когда покинет сей мир, тогда — лишь молитвы, ибо Господь принимает не по мирской славе, а по слову: запечатлел ли писатель ярко, живо и красиво искреннюю любовь к Вышнему и ближнему.

А.Ш. Не знаю, с чем можно сопоставить труд редактора. Тьму рукописей нужно прополоть, чтобы отделить зёрна от плевел. Каждый редактор имеет свой подход к работе, своё видение. Один отсекает что-то, в его субъективном понимании лишнее, другой создаёт что-то новое. По каким критериям Вы отбираете рукописи для журнала?

А.Б. Коль журнал представляет *русскую* литературу, то и отбираем для публикации произведения по степени их *русской народности*. Трагедия постсоветской российской литературы, да и всего искусства, в том, что сбесившиеся властители дум на кровавом закате прошлого века «освободили» искусство от высокого нравственного критерия, именуемого *народность*, и тогда искусство рухнуло в дьявольскую бездну.

А.Ш. А как Вы понимаете народность?

А.Б. О *народности* в искусстве, и особо в литературе, желательно почитать в сочинениях Пушкина, Гоголя, Аксакова, Достоевского. А сказать коротко и просто, *народность* произведения — родной народ, запечатленный с любовью. Со времён Пушкина шли споры о *народности*, но тогдашние славянофилы и западники, по-разному оценивая прошлую народную судьбу, по-разному желая грядущую, искренно любили народ. А если говорить о *народности* и в художественном смысле, то *народность* произведения — в способности писателя стилистически взойти ко многовековой поэтической стихии русского народного языка, звучавшего веками в былинах, сказах и сказках, в песнях, пословицах и поговорках, а с Крещением Руси в церковнославянском песнопении.

А.Ш. Возлагаете ли вы надежды на молодое поколение поэтов и прозаиков? Делая очередную выборку произведений, кому отдадите предпочтение — молодому писателю (поэту) или же именитому?

А.Б. Скажу образно, в иные журналы именитый пришлет чистые листы, их напечатают, потом услужливые критики настрочат о глубоком проникновении именитого в человечью душу, а в завершение чистые листы удостоятся весомой премии. Я же ценю писателей не по славе, а по слову, и мне безразлично, именитый или безымянный писатель прислал рукопись, для меня главное, чтобы в произведении сосредоточилась художественно поведанная мудрость, но не от ближнего, от Вышнего.

И, если именитым все же отдаем предпочтение, то лишь потому что именитые обычно и мастеровитые. Оценивая по слову, а не по славе, я стараюсь к оценке рукописей подходить без снисхождения, и мне безразлично, безусый юнец ли принес сочинение, или седовласый старец. Вспомним, Пушкин, Лермонтов в юные и младые лета сочинили свои гениальные произведения, но можно вспомнить и писателей, которые в преклонные лета создали свои вершинные произведения.

Сибиряк Глеб Пакулов, скажем, писал крепкие повести, но воистину талантливый роман «Гарь» создал в старости, а сибиряк Андрей Антипин написал талантливые повести в молодые годы. Неисповедимы пути творческие...

А.Ш. Кроме редактора, есть ещё редакция, в данном случае это коллектив единомышленников, или вам трудно прийти к согласию?

А.Б. Не имею права судить, сколь сотрудникам близки мои русские народно-православные идеологические взгляды, основанные на оборонительной любви к родному народу, но могу сказать, что сотрудники не противятся моим воззрениям, кои выражает и журнал, особо, в публицистике и критике — эти отделы я возглавляю. Впрочем, Владимир Скиф, заведующий отделом поэзии, широко известен в России именно как русский национальный поэт. И с Юрием Барановым, директором журнала, и со Светланой Зубаковой, возглавляющей отдел прозы, работаем в согласии.

А.Ш. Вы — прозаик, но журнал публикует и поэзию. И по каким критериям Вы отбираете стихи?

А.Б. Напомню, в журнале есть отдел прозы и отдел поэзии, где происходит отбор рукописей, а я одновременно с редакторством веду отделами публицистики, критики и прочими. Будучи прозаиком, иногда читаю и прозу, особо когда просят приятели-писатели, а в отдел поэзии годом да родом заглядываю. Да если поэт придет в отдел поэзии с рекомендацией главного редактора, то Владимир Скиф, заведующий отделом, может грозно выставить стихотворца со словами: «Здесь я Байбородин!..». По писательскому преданию, некий стихотворец вручил свои стихи поэту Юрию Кузнецову, возглавлявшему отдел поэзии в журнале «Наш современник», и добавил: дескать, главный редактор Куняев читал и одобрил; на что Юрий Поликарпович громогласно возгласил: «Здесь я Куняев!..»

А.Ш. Три года назад Вы возглавили «Сибирь», и с той поры журнал изменился?

А.Б. Полностью поменялся внешний облик журнала: введя новый раздел «Вернисаж», мы стали публиковать статьи о талантливых иркутских художниках, особо юбилярах, и выставлять на четыре страницы обложки, на четыре страницы вклейки репродукции живописных полотен. А ранее я предложил редакции кроме традиционных журнальных: «Проза», «Поэзия», «Очерк и Публицистика», «Критика» ввести разделы «Святому святое», «Слово», «Хрестоматия», «Скрижали истории», «Радоница», «События». Поясню, «Святому святое» — православная жизнь, выдающиеся русские святые, подобные Сергию Радонежскому. «Хрестоматия» — произведения избранных классических русских писателей юбиляров, с ликованием, состраданием воспевших родной русский народ, а посеми и возлюбленных народом. «Радоница» — очерки, статьи и даже поэмы в память о почивших талантливых деятелях культуры и искусства. «Скрижали истории» — очерки, статьи о русской истории, исправляющие грехи былых и нынешних историков, русофобски искажающих, уничижающих русскую историю, русских героев. Что ещё есть нового? Раздел, где печатаются публицистические сочинения, стали именовать «Очерк и публицистика», где публикуем очерки о судьбах людей.

А.Ш. За три года Вашего редакторства, какие публикации Вас особо впечатлили?

А.Б. Я помяну избранные произведения поэзии, прозы, публицистики, критики, которые меня лично впечатлили, но в журнале публиковались и произведения, вероятно, не уступающие помянутым. И даже мой перечень будет долгим, коли во всяком очередном номере изрядно произведений, авторам которых я бы при-

жизненно либо посмертно вручил премии журнала «Сибирь». Скажем, в разделе **«Поэзия»**: «Чудесная лампада». Церковно-приходская легенда (№ 4-2017); Анатолий Горбунов. «Огонёк родного дома» (№ 4-2017); Геннадий Гайда. «Ангелом светлым по жизни ведомый...» (№ 4-2017); Ростислав Филиппов. «Если я когда-нибудь воскресну...» (№ 4-2017); Сергей Чепров. «И только Русь одна — святая!» (№ 3-2018), «И встала Русь, светла и богомольна» (№ 5-2019); Варлам Шаламов. «Вагонные стихи». Поэма (№ 3-2019); Михаил Трофимов. «Посреди России встану...» (№ 3-2019); Владимир Скиф. «Среди тёмных столбов бытия» (№ 2-2019), «Я Приамурье вижу святорусским». (№ 6-2019); Анатолий Змиевский. «Так смешно и напрасно...» (№ 3-2019); Михаил Анищенко. «Грехи и сомнения бродят во мгле...» (№ 5-2020); Владимир Шемшученко. «Поэт молчаньем говорит» (№ 5-2020); Александр Щербаков. «Слава Богу за всё...» (№ 2-2018); «Иду смиренным смертным смердом...» (№ 3-2020); Юрий Аксаментов. «Хочу я быть задумчивой рекой» (№ 4-2018); Светлана Кузнецова. «Уже завершаю свой срок на земле» (№ 4-2018); Леонид Лебедев. «Я птица, летящая в небе». Послесловие Иннокентия Чулкина (№ 4-2018); Борис Бурмистров. «У памяти тонкие нити» (№ 3-2020); Василий Казанцев. «Пора счастливая была». Стихи (№ 2-2020); Георгий Кольцов. «У могилы неизвестного солдата» (№ 2-2020); Алена Шипицына. «Памяти причудливый узор» (№ 1-2020).

По разделу **«Проза»** помяну добрым словом избранные публикации: Борис Шергин. «Кроткая вода». Поморские сказы. (№ 1-2018); Владимир Личутин. «Пожар в мастерской художника». Рассказ из повествования «В ожидании Бога» (№ 4-2018); Валентин Распутин. «Имена». Рассказ (№ 2-2020), Алексей Зверев. «Гарусный платок». Повесть (№ 4-2017), «Как по синему морю...». Рассказ (№ 2-2018), «Свеча». Рассказ из повествования «Раны» (№ 2-2020), Глеб Пакулов. «Из Байкал-моря к Иркутскому острожку». Сказ из повествования о протопопе Аввакуме (№ 4-2017), «Гунн». Рассказ (№ 1-2019), «Во время войны». Рассказ из повествования (№ 1-2020), Андрей Скалон. «Живые деньги». Повесть. Предисловие Василия Шукшина (№ 6-2019), Игнатий Пономарёв. «Шукшин». Повесть. (№ 3-2020), Михаил Щукин. «Белый голубь на колокольне...». Рассказ из повествования. (№ 4, 2018); Михаил Попов. «Красно солнышко». Повесть (№ 1-2019); Лидия Сычёва. «Шиповник». Рассказы (№ 3-2019); Василий Забелло. «Путь к аналою». Быль (№ 5-2020), «Ранение». Рассказ (№ 2-2020), Андрей Антипин. «Живые листья». Из книги миниатюр (№ 5-2020), Юрий Баранов «Последний полёт». Рассказы (№ 1-2019); Елена Чубенко. «На море-окияне». Рассказы. (№ 2-2019), Алёна Шипицына. «Улиточка». Рассказ (№ 2-2019).

Большую историческую и литературную ценность представляют и очерки, статьи, опубликованные в разделе **«Скрижали истории»**: Митрополит Иоанн (Снычев). «Битва за Россию». (№ 4-2018), Дмитрий Володихин. «Покорители Сибири. Русское наступление в Восточной Сибири при царе Фёдоре Ивановиче» (№ 4-2018); Юрий Похабов. «Яков Иванович Похабов, енисейский сын боярский». (№ 4-2017), «Хула и слава Ивана Похабова, или Штрихи к портрету одного из отцов-основателей Иркутска». (№ 3-2018); Григорий Лазарев (А. Байбородин). «Великий сын России». К 210-летию со дня рождения генерал-губернатора Восточной Сибири, графа Муравьева-Амурского (№ 1-2019); Владимир Бушин. «Навет на Великую Победу. Акция «вторая мировая», и «Правдюки» о войне» (№ 2-2020); Александр Голованов. «Сибиряки в битве под Москвой и в Сталинграде» (№ 2-2020); Татьяна Миронова. «Григорий Распутин: оболганная жизнь,

оболганная смерть» (№ 4-2020); Станислав Парамонов. «М.М. Сперанский и масонство в России» (№ 5-2020).

Далее, идеологически созвучный раздел **«Очерк и Публицистика»**, где помяну некие знаковые публикации: бывший иркутский владыка, ныне митрополит Ярославский и Ростовский Вадим. «Сердцевина русской Победы» (№ 2-2020); Владимир Личутин. «Русская песня. Сказы из книги переживаний «Сон золотой» (№ 3-2020); Олег Платонов. «Триумф национальной мудрости». Вступительное слово Владимира Осипова. (№ 3-2020); Альберт Гурулёв. «День поминаения». Очерк (№ 5-2020); Лидия Сычёва. «Гей, культура!» (№ 4-2020); Наталья Колобова. «Пересохший колодец». Сельские очерки (№ 3-2020).

И в разделе **«Критика»** увидели свет славные сочинения: Дмитрий Володихин «Друг царей, верноподданный России. Похвала гению Николая Карамзина». (№ 6-2019); Анатолий Заболоцкий. «Памяти Василия Белова. О деревенщиках, совести, семитомнике и юбилеях». (№ 1-2018), «Кому в угоду перелопачивают Шукшина? О книге А. Варламова «Шукшин» (№ 3-2018); Юрий Павлов. «О чувстве родины, русофобии, антисемитизме в книге Прилепина «Есенин: обещающая встречу впереди». (№ 4-2020); Михаил Тарковский. «Три урока. Русская жизнь и русская литература». (№ 4-2020); Сергей Шаргунов. «Слово должно быть красно украшенное. Мысли о писателе и беседа с писателем. К 80-летию Владимира Личутина (№ 3-2020); Алексей Шорохов. «Ганина яма и лестница к небеси. Новый роман Личутина к столетию Цареубийства» (№ 4-2018), «Новокрестьянские поэты: исповедничество в слове. О причинах избирательной ненависти к русской деревне и ее певцам». (№ 1-2020); Александр Новосельцев. «Куда ж России без Христа? Крестьянская православная культура в жизни и творчестве Василия Шукшина». (№ 5-2019); Валентина Иванова. «Плакали чайки. О прозе Андрея Антипина». (№ 3-2020).

«Вернисаж»... Я уже говорил, на страницах обложки и вклейки в каждом номере журнала печатаем репродукции живописных полотен талантливых художников, чаще иркутских, а к репродукциям прилагаем статьи об этих живописцах. Публикации достойные, и среди них статьи: Федор Ясников. «На пороге величия... О творчестве художника Аркадия Вычугжанина». (№ 4-2018); Тамара Бусаргина. «Волшебное единоборство света и тьмы. О живописи художника Андрея Рубцова» и Алёна Байбородина. «Оттенки духовного света. О живописи Андрея Рубцова» (№ 5-2020).

А.Ш. *Есть в журнале разделы, которые не во всех номерах: скажем, «Святому — святое», «Слово», «Радоница», «Лукоморье».*

А.Б. Да, эти разделы появлялись в журнале от случая к случаю. В разделе **«Святому Святое»**, помню, печаталась ...даже статьей именовать уничтожительно... воистину боговдохновенная проповедь митрополита Иркутского и Ангарского Вадима «Вечная память. О русских погостах» (№ 4-2018).

Столь же редким был и раздел **«Память»**, куда, помнится, я подготовил две речи: «Слово графа Н.Н. Муравьева-Амурского по поводу присоединения Амурского края в 1858 году» и «Речь святителя Иннокентия, митрополита Московского, сказанная в г. Благовещенске графу Н.Н. Муравьеву-Амурскому после молебна по поводу присоединения Амурского края, 18 мая 1858 года». Номер журнала был посвящен юбилею губернатора Николая Муравьева-Амурского, великого сына России, без единого выстрела присоединившего к России Дальний Восток.

А в редком журнальном разделе **«Слово»** прозвучало «Выступление И.В. Сталина на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии»,

24 мая 1945 г. (№ 2-2020). Номер был посвящен Победе в Великой Отечественной войне.

Есть еще более редкий раздел, именуемый «**Лукоморье**», где публиковались фольклорно-этнографические тексты. Помню, была публикация, посвященная 75-летию выдающегося сибирского учёного-фольклориста В.П. Зиновьева: «Соловей кукушку подговаривал. Сказки, мифы, песни Восточной Сибири» (Предисловие: В. Распутин; послесловие: Н. Новикова) (№ 4-2017).

А.Ш. А «Радоница» — это воспоминания о поэтах и писателях?

А.Б. Не только о писателях, но и воспоминания о видных исторических деятелях, об учёных, о талантливых художниках, композиторах, артистах, певцах, музыкантах. И в этом разделе есть публикации наиболее интересные: Владимир Личутин. «Последний в цепи», к 125-летию со дня рождения писателя Бориса Шергина¹ (№ 1-2018); Валентин Распутин. «С болью и верой, честно и талантливо». К 105-летию со дня рождения писателя Алексея Зверева (№ 2-2018); Владимир Личутин. «Последний срок. Памяти Валентина Распутина» (№ 4-2018); Василий Белов. «Тяжесть креста: Воспоминания о Шукшине» (№ 5-2019); Валерий Румянцев. «Люблю тебя, как любят неземное». О судьбе и лирике поэта Михаила Анищенко (№ 5-2020); Наталья Харлампьева. «...А Витимом можно бы сына назвать!» Памяти поэта Светланы Кузнецовой (№ 4-2020); Татьяна Сазонова. «Солнце видела я в отраженье росы», к 70-летию со дня рождения народной артистки России Людмилы Стрижовой (№ 6-2019).

А.Ш. Анатолий Григорьевич, я благодарна Вам за то, что Вы отметили и мои публикации в разделах «Поэзия» и «Проза». В свою очередь, хочу сказать, что и мне понравились Ваши очерки: «По своей Руси хожу...», о судьбе и поэзии Михаила Трофимова» (2019/ №3); «Русский обычай. Очерк о языческом и христианском в народной этике» (№ 4-2018); «Загадочный... Александр Солженицын в Иркутске» (№ 4-2020); «Иерусалимский погост» (№ 3-2018); «Семейский корень. О забайкальском старообрядчестве» (№ 4-2018), «День меркнет ночью, а человек печалью», памяти журналиста Натальи Колобовой (№ 3-2020); «Душа грустит о небесах...». Трагедия поэта Сергея Есенина (№ 1-2018).

Зачастую в своих произведениях Вы раскрываете страшную правду, которая, казалось бы, лежит на поверхности, но её все обходят, делают вид, что не поняли, не заметили. Нужно обладать редкой смелостью, чтобы поднимать такие глубокие и опасные темы.

Сейчас всё меньше остаётся бумажных журналов, большинство издаются только в электронном виде. А стоит ли утруждать себя — изыскивать финансовые средства, не проще ли уйти в Интернет?

А.Б. Литературные интернет-журналы гармонично уживаются с традиционными бумажными журналами. «Сибирь» можно прочесть и в интернете, и в бумажном варианте. Пока живы поколения тем, кому за сорок и более, привыкшие держать в руках живую книгу, живой журнал, печатные версии изданий будут главенствовать. А дальше... Неисповедимы пути Господни. Может случиться, люди откажутся от «мировой паутины» и обратятся к живым книгам и журналам.

А.Ш. Многие издания взаимодействуют между собой, взаимно продвигают авторов, благодаря друг другу выдерживают конкуренцию. С кем дружит и с кем сотрудничает «Сибирь»?

---

¹В разделе «Хрестоматия» в связи с юбилеем А.С. Пушкина я подготовил сочинение Бориса Шергина «Сказы о Пушкине» (№ 3-2019).

А.Б. Есть некое взаимодействие журналов, близких по духу и слову, и выражается общими авторами. Писательская, журнальная судьба свела меня с тремя главными редакторами, тремя Михаилами: Щукин — главный редактор журнала «Сибирские огни», Тарковский — главный редактор журнала «Енисей», Попов — главный редактор журнала «Двина». Почитаю их единомышленниками. Они и писатели славные, и я охотно всех троих публиковал в «Сибири». С повестью Михаила Попова о княжении святого равноапостольного князя Владимира даже в нашей редакции журнала были разногласия. Писатель погрузился духом и словом в Древнюю Русь, и запечатлел судьбу героя языком, предельно близким древнерусской образной языковой стихии. Обвиняли: приходится читать со словарем древнерусского языка. Отвечаю: и слава Богу, прикоснетесь к дивному древнерусскому языку, близкому церковнославянскому, на котором божественно запечатлено Святое Писание.

Что касается журнальной дружбы с прочими губернскими изданиями, то «Сибирь» по мере сил взаимодействует с калининградским журналом «Берега», который, благодаря главному редактору Лидии Довыденко, давно уже стал одним из самых широко известных литературных изданий России.

А.Ш. Речь идет о традиционных бумажных журналах, но давно уже в ходу и журналы интернетные — сайты, порталы. Есть ли подобные издания, с которыми «Сибирь» сотрудничает.

— Разумеется, и «Сибирь» не чуждается «мировой паутины»... Добрые отношения у журнала с литературным сайтом «Российский писатель», коим руководит Николай Дорошенко, талантливый писатель и мой старинный столичный товарищ. Я на сайте публиковал свои очерки и рассказы, а критик Валерий Скрипко печатал у Дорошенко обзоры очередных номеров журнала «Сибирь». А ранее обзоры печатались и на портале «День литературы», где главный редактор Валентина Ерофеева, её литературному, редакторскому таланту и редкостному, азартному трудолюбию я дивлюсь и восхищаюсь — кроме интернет-портала, Валентина Григорьевна редактирует и газету, и журнал с одноименным названием «День литературы».

«Сибирь» идейно и художественно созвучна журналу «Родная Кубань», где главный редактор — Юрий Павлов, доктор филологических наук, профессор университета, мужественный литературный критик, талантливо и воинственно противостоящий лжи о русском народе, русской судьбе, русской истории и русской культуре. Его статьи — сила нашего журнала, равно как и проза, публицистика Лидии Сычёвой, талантливого прозаика и публициста, главного редактора литературного интернет-журнала «Молоко» и сайта Славянство — Форум славянских культур.

А.Ш. 90 лет — это большой срок даже для журнала! Накоплен изрядный опыт, не раз проведена работа над ошибками. Сменилось не одно поколение авторов и читателей. Будем верить, что Анатолий Григорьевич прав — журнал «Сибирь» ещё не одно десятилетие будет приносить радость читателям и явит миру многие имена новых авторов, создающих Великую Русскую литературу.

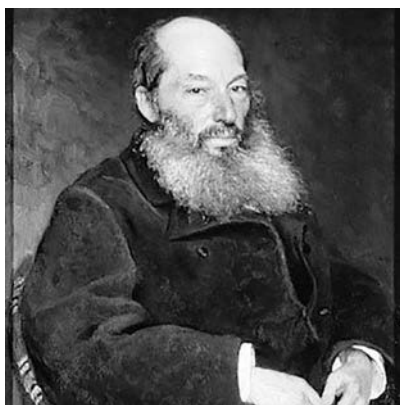
Беседу записала Алена Шпицына

Эресто.матия

200 лет со дня рождения великого русского поэта

АФАНАСИЙ ФЕТ

ФЕТ Афанасий Афанасьевич родился в семье помещика Афанасия Неофитовича Шеншина и матери, которая ушла к нему от мужа Иоганна-Петера Фета. После четырнадцати лет орловской духовной консисторией Афанасию была возвращена фамилия предыдущего мужа матери, из-за чего он терял все привилегии дворянства. Фет учился сначала дома, затем был отправлен в немецкую школу-пансион в г. Верро и блестяще окончил ее в 1837 году. В 1837 Афанасий Фет приехал в Москву, поучился в пансионе профессора М.П. Погодина и в 1838 году поступил сначала на юридический факультет, затем на историко-филологическое отделение философского факультета Московского университета. В 1840 году он выпустил за свой счет стихотворный сборник «Лирический Пантеон А.Ф.», который похвалили в «Отечественных записках» и поругали в «Библиотеке для чтения». В 1842–1843 годах в «Отечественных записках» было напечатано восемьдесят пять его стихотворений. В 1845 году Афанасий Фет поступил унтер-офицером в кирасирский полк, расквартированный в Херсонской губернии, желая приобрести потомственное российское дворянство. В 1846 году ему было присвоено первое офицерское звание. В 1847 году было получено разрешение цензуры на издание книги и издана книга стихов в 1850 году. На стихи были положительные отзывы в журналах «Современник», «Москвитянин», «Отечественные записки». В 1853 году Афанасий Фет перешел в гвардейский уланский полк, расквартированный вблизи Волхова, и стал чаще бывать в Санкт-Петербурге. Здесь он начал общаться с новой редакцией «Современника»: Н. Некрасовым, И. Тургеневым, В. Боткиным, А. Дружининым. В 1854 году его стихи начали печататься в «Современнике». В 1856 году Афанасий Фет оставил военную службу в чине гвардейского штаб-ротмистра, не выслужив дворянство, и поселился в Москве. В 1857 году женился на М.П. Боткиной. В 1860 году купил поместье в Мценском уезде и, по выражению И. Тургенева, «сделался агрономом-хозяином до отчаянности». С 1862 он стал регулярно печатать в редакционном «Русском вестнике» очерки, обличавшие порядки на селе. В 1867–1877 годах Афанасий Фет был избран мировым судьей. В 1873 году фамилия Шеншин была признана его фамилией и даровано потомственное дворянство. В этот период он мало занимается литературной деятельностью. В 1881 году Афанасий Фет купил особняк в Москве, и в этом же году

выходит его перевод «Мир как воля и представление» А. Шопенгауэра. В 1882 году он издал свой перевод первой части «Фауста» И.В. Гёте. В 1883 году Афанасий Фет начал снова публиковать свои стихи в виде сборников «Вечерние огни». В 1888 году вышли вторая часть «Фауста» И.В. Гёте в переводе Афанасия Фета и третий сборник стихов «Вечерние огни». Афанасий Фет скончался предположительно от сердечного приступа 21 ноября (3 декабря) 1892 года в Москве. Похоронен в селе Клейменово, родовом имении Шеншиных.

Душа к стопам твоим летит

* * *

Весь вешний день среди стремленья Ты безотрадно провела И след улыбки утомленья В затишье ночи принесла.	И всё мне кажется, что снова Живее цвет твоих ланит. Кто, сердцеведец, разгадает — Что в этом кроется огне? Былая скорбь, что угасает, Или заря навстречу мне?
---	---

* * *

Когда мечты мои за гранью прошлых
дней
Найдут тебя опять за дымкою
туманной,
Я плачу сладостно, как первый иудей
На рубеже земли обетованной.

Не жаль мне детских игр, не жаль мне
тихих снов,
Тобой так сладостно и больно
возмущенных
В те дни, как постигал я первую любовь
По бунту чувств неугомонных,

По сжатию руки, по отблеску очей,
Сопровождаемый то вздохами, то
смехом,
По ропоту простых, незначащих речей,
Лишь там звучащих страсти эхом.

* * *

Не избегай; я не молю	Хочу нестись к тебе, лететь,
Ни слез, ни сердца тайной боли,	Как волны по равнине водной,
Своей тоске хочу я воли	Поцеловать гранит холодный,
И повторять тебе: «люблю».	Поцеловать — и умереть!

* * *

Только месяц взошел	Как я рад, что тебя
После жаркого дня, —	Никому не видеть!
Распустился, расцвел	
Цвет в груди у меня.	Погляди, как спешу
	Я в померкнувший сад —
Что за счастье — любя,	И повсюду ношу
Этот цвет охранять!	Я цветка аромат.

* * *

Какая ночь! Как воздух чист,	Полночный свет, ты тот же день:
Как серебристый дремлет лист,	Белей лишь блеск, черней лишь тень,
Как тень черна прибрежных ив,	Лишь тоньше запах сочных трав,
Как безмятежно спит залив,	Лишь ум светлей, мирнее нрав,
Как не вздохнет нигде волна,	Да вместо страсти хочет грудь
Как тишиною грудь полна!	Вот этим воздухом вздохнуть.

* * *

Шепот, робкое дыханье,	Ряд волшебных изменений
Трели соловья,	Милого лица,
Серебро и колыханье	
Сонного ручья,	В дымных тучках пурпур розы,
	Отблеск янтаря,
Свет ночной, ночные тени,	И лобзания, и слезы,
Тени без конца,	И заря, заря!..

* * *

Я целый день изнемогаю
В живом огне твоих лучей
И, утомленный, не дерзаю
К ним возводить моих очей;

Но без тебя, сознавши смутно
Всю безотрадность темноты,
Я жду зари ежеминутно
И всё твержу: Взойдешь ли ты?

* * *

Руку бы снова твою мне хотелось пожать!
Прежнего счастья, конечно, уже не видать,
Но и под старость отраднo очами недуга
Вновь увидеть неизменно прекрасного друга.

В голой аллее, где лист под ногами шумит,
Как-то пугливо и сладостно сердце щемит,
Если стопам попирать довелось устало
То, что когда-то так много блаженства
скрывало.

* * *

Озираясь на юность тревожно, Будь заветной святыне верна! Для надежды граница возможна, — Невозможна для веры она.	Не дивись же, что прежнее пламя Всё твою окружает красу: Ты уходишь, но верное знамя На ходу над собой я несущу.
---	---

Посвящение Афанасию Афанасьевичу Фету

1. Спасибо, Фет!

Спасибо, Фет, за избавленье
От чёрных дум, от горьких дел.
Ушло из памяти скопленье
Неясных, чужеродных тел.

Сияет лунная полуда,
Стихи вызванивает лес.
Спасибо, Фет, за это чудо,
За эту музыку словес!

Я проповедую повсюду
Твою поэзию, твой стих.
Поэт, теряющий рассудок,
Тебя читая, поутих,

Переосмыслил быль и небыль
И душу переворошил.
Спасибо, Фет, за то, что небо
И землю ты мне одолжил.

Я в новом мире, обретённом
Ценой пристрастья. Я при нём.
Сажу в домишке полутёмном,
Читаю Фета день за днём.

1977

2. Сердце поэта

Ах, как он влюблялся! Растрчивал пыл!
Как женщин любил несусветно!
«Бальзаковских» женщин и юных любил.
От чувств избавлялся, но тщетно.

Амбарная книга цифирью цвела,
Там были счета и расчёты.
И, впрочем, чиновничьи были дела...
Но фыркала рифма: «Да, что ты?

Какая цифирь и какие дела,
Когда за амбаром тяжёлым,
К тебе, как из небыли, дева сошла,
И снятся неверные жёны?»

И Фет забывал назначение книг
Своих и амбарных, и прочих...
...И даже когда его возраст настиг,
Он женщин искал между строчек.

Ах, как он влюблялся! В иные года
Терял свои зрелые годы.
И пела душа, и сияла тогда
Великая тайна природы.

Да, были горячие сны и грехи,
Страданья великого Фета.
В бессмертной России – остались стихи,
И в женщинах – сердце поэта.

2006

Владимир СКИФ

АЛЕКСАНДР ПРОКОФЬЕВ

ПРОКОФЬЕВ Александр Андреевич родился 19 ноября (2 декабря) 1900 года в с. Кобона Петербургской губернии в семье ладожского крестьянина-рыбака. Отец, вернувшись с действительной военной службы в унтер-офицерском звании, работал на лесопильном заводе и рыбачил. В сельскую школу Прокофьев поступил в 1907, там же пристрастился к чтению, к школьным годам относятся и первые стихотворные опыты Прокофьева. В 1913 «по большому конкурсу» Прокофьев поступил в Петроградскую учительскую семинарию, окончить которую ему не удалось (ушел из 4-го класса) по семейным обстоятельствам: отец был призван в армию, и Прокофьев, как старший в семье, стал полноправным хозяином. В 1920 Прокофьев окончил Учительский институт Красной Армии, стал политработником. С 1921 по 1922 работает военным цензором. С 1922 по 1930 — сотрудник полномочного представительства ВЧК-ОГПУ в Ленинградском военном округе; январь — апрель 1930 — секретарь редакции газеты «Крестьянская правда по радио» в Ленинградском радиоцентре; в апреле — октябре 1930 — секретарь управления Государственным народным домом; декабрь 1939 — март 1940 — корреспондент газеты «Героический поход» 9-й армии. В годы Великой Отечественной войны (июль 1941 — авг. 1945) — военный корреспондент Политуправления Ленинградского, Волховского и Заполярного фронтов. В 1945–1948 и 1955–1965 — первый секретарь правления Ленинградской писательской организации.

С 1922 Прокофьев живет в Петрограде. В 1923 году Прокофьев «нашел Пролеткульт», где в литературной студии, руководимой А.П. Крайским, стал овладевать поэтической техникой. С 1923 по 1927 Прокофьев почти не публикует своих стихов, сам он так говорил об этом периоде: «У меня отсутствовала вовсе поэтическая культура. Я считал, что стихи можно писать залпом, авось что-нибудь и выйдет. У меня не было чутья ни к слову, ни к ритму, ни к теме, ни к образу. Слова умирали в моих стихах, как говорится, на ходу» («О себе»). Между тем это было время активного творческого становления Прокофьева. В стихах тех лет явно ощутимо влияние таких несхожих поэтов, как А. Блок и С. Есенин, Д. Бедный и В. Маяковский. По-своему обобщая их опыт, Прокофьев приходит к своеобразному синтезу тем и мотивов, которые связаны в читательском сознании с этими именами. Ранний Прокофьев ищет поэтические средства прежде всего для воплощения образа своего героя — вчерашнего красноармейца, матроса, крестьянского парня, покида-

ющего родные места. При этом поэт рисует трудность перехода от деревенской жизни к городской. С начала 1930-х поэзия Прокофьева развивается в основном в двух жанровых направлениях — лирике и балладе (границы которых в поэзии тех лет, впрочем, весьма условны). Лирика Прокофьева, как правило, развивала темы родного Приладожья, поэт смело осваивает фольклорные традиции. Особое место Прокофьев уделяет зачину стихотворения: пейзажно-психологическая зарисовка чаще всего разрывается прямой речью. Лексика Прокофьева наполнена самыми разнообразными слоями живого языка («Шли над морем буревестники», 1930; «Ой, какая звонкая погода...», 1930; «Одиночество», 1932; «Здесь тишина. Возьми ее и трогай...», 1933 и др.). Прокофьев в лирике стремится к моментальности, своего рода кинематографичности. Сюжет, даже в балладе, играет второстепенную роль: все внимание автора направлено на смену психологических рядов — «кадров» («Смерть пулеметчика Евлампия Бачурина», 1931; «Бой под Белорецком», 1931; «Измена Енборисова и Каюкова», 1931). Сборник стихов «Дорога через мост» (1933), «Прямые стихи» (1936) и другие, включая обобщающую книгу «Стихотворения» (1938), показывают эпическую сторону художественного дарования Прокофьева (как это часто наблюдается с поэтами, вышедшими «от земли», начиная с Н. Клюева и Есенина до П. Васильева и Твардовского). Однако эпос Прокофьева в отличие от старших современников и ровесников более интуитивен.

В 1930-е Прокофьев приходит к песенному творчеству. И хотя элементы лирической песни, частушки сопутствовали всей его поэзии, с середины 1930-х поэт усиленно обращается к этому жанру в «чистом виде» («Плясовая», 1934; «Песенка Тони», 1934; «Походная песня геологов», 1934; «Коль жить да любить — все печали растают», 1937, и др.). В 1937 выходит сборник Прокофьева «Песни». К творчеству Прокофьева обращались композиторы В. Соловьев-Седой, Д. Прицкер, Ю. Левитан, Э. Денисов, Г. Свиридов, С. Прокофьев. Одно из «программных» стихотворений Прокофьева 1930-х «Товарищ» (1930), положенное на музыку О. Ивановым, стало популярной песней. Новым взлетом таланта Прокофьева стала книга «Приглашение к путешествию» (1960) (Ленинская премия — 1961). Указом Президиума ВС СССР от 1 декабря 1970 года за выдающиеся заслуги в развитии советской литературы, плодотворную общественную деятельность и в связи с семидесятилетием со дня рождения Прокофьеву Александру Андреевичу присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот», Сталинская премия второй степени (1946) — за поэму «Россия» и стихотворения: «Не отдадим!», «За тебя, Ленинград!», «Застольная», «Клятва» и другие.

Ленинская премия (1961) — за сборник стихов «Приглашение к путешествию» (1960). Александр Андреевич Прокофьев умер 18 сентября 1971 года в Ленинграде.

Чтоб дружбу товарищ пронес по волнам

Товарищ

Я песней, как ветром, наполню страну
О том, как товарищ пошел на войну.
Не северный ветер ударил в прибой,
В сухой подорожник, в траву зверобой, —

Прошел он и плакал другой стороной,
Когда мой товарищ прощался со мной.
А песня взлетела, и голос окреп.
Мы старую дружбу ломаем, как хлеб!

И ветер — лавиной, и песня — лавиной...
Тебе — половина, и мне — половина!
Луна словно репа, а звезды — фасоль...
«Спасибо, мамаша, за хлеб и за соль!

Еще тебе, мамка, скажу поновой:
Хорошее дело взрастить сыновей,
Которые тучей сидят за столом,
Которые могут идти напролом.

И вот скоро сокол твой будет вдали,
Ты круче горбушку ему посоли.
Соли астраханскую солью. Она
Для крепких кровей и для хлеба годна».

Чтоб дружбу товарищ пронес по волнам,
Мы хлеба горбушку — и ту пополам!
Коль ветер — лавиной, и песня — лавиной,
Тебе — половина, и мне — половина!

От синей Онеги, от громких морей
Республика встала у наших дверей!

Алёнушка

Пруд заглохший весь в зеленой ряске, В ней тростник качается, шумит. А на берегу, совсем как в сказке, Милая Алёнушка сидит.	С берега трава, врываясь буйно, Знать не хочет, что мертва вода, И цветет дурман с цветком багульник Рядом у заглохшего пруда.
---	---

Прост веночек, а нет его красивей, Красен от гвоздик, от лилий бел. Тополиный пух на платье синем, С тополиных рощ он прилетел.	Но кукушка на сосне кукует, И тропинка к берегу ведет, Солнце щедро на воду такую Золотые обручи кладет.
--	---

Люблю берёзку русскую

Люблю берёзку русскую, То светлую, то грустную, В белёном сарафанчике, С платочками в карманчиках. С красивыми застёжками. С зелёными серёжками. Люблю её нарядную, Родную, ненаглядную, То ясную, кипучую,	То грустную, плакучую. Люблю берёзку русскую, Она всегда с подружками Весною хороводится, Целуется, как водится, Идёт, где не горожено, Поёт, где не положено, Под ветром долу клонится И гнётся, но не ломится!
---	--

Яблоня на минном поле

Она в цвету. Она вросла в суглинок
И ветками касается земли.
Перед ней противотанковые мины
Над самыми корнями залегли.

Над нею ветер вьет тяжелым прахом
И катятся седые облака.
Она в цвету, а может быть, от страха
Так побелела. Не понять пока.

И не узнать до осени, пожалуй,
И я жалею вдруг, что мне видна

Там, за колючей проволокой ржавой,
На минном поле яблоня одна.

Но верю я: от края и до края,
Над всей раздольной русской стороной,
Распустятся цветы и заиграют
Иными днями и весной иной.

Настанет день такой огромной доли,
Такого счастья, что не видно дна!
И яблоня на диком минном поле
Не будет этим днем обойдена!

Мне о России надо говорить

Мне о России надо говорить,
Да так, чтоб вслух стихи произносили,
Да так, чтоб захотелось повторить,
Сильнее всех имён сказать: Россия!

Сильнее всех имён произнести,
Сильнее матери, любви сильнее
И на устах отрадно пронести
К поющим волнам, что вдали синеют.

Не раз наедине я был с тобой,
Просил участия, требовал совета,
И ты всегда была моей судьбой,
Моей звездой, неповторимым светом.

Он мне сиял из материнских глаз,
И в грудь вошёл, и в кровь мою проник,
И если б он в груди моей погас,
То сердце б разорвалось в тот же миг!

ПОЭЗИЯ

ВЛАДИМИР КОСТРОВ

Мы — последние этого века

* * *

Мы — последние этого века.
Мы великой надеждой больны.
Мы — подснежники.
Мы из-под снега.
Сумасшедшего снега войны.

КОСТРОВ Владимир Андреевич родился 21 сентября 1935 года в деревне Власиха Боговаровского района Костромской области в семье военнослужащего. Окончил химический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (1958) и Высшие литературные курсы (1967). Работал инженером на заводе в Загорске (Сергиев Посад). Имеет изобретение в области химических технологий (поляроиды). Стихи начал печатать с 50-х годов в журнале «Юность». Работал журналистом в журналах «Техника — молодёжи», «Смена», заместителем главного редактора журнала «Новый мир» (1986–92). Первая книга в коллективном сборнике «Общечитие» вышла в 1961. Затем выходили сборники стихов «Первый снег» (1963), «Кострома — Россия» (1964), «Нечаянная радость» (1974), «Избранное» (1972), «Открылось взору» (1980), «Свет насущный» (1984), «Стратостат» (поэмы, 1987), «Стихотворения и поэмы» (1989), «Песня, женщина и река» (2001) и др. Лауреат Государственной премии России (1987), премии «Золотой телёнок» (за иронические стихи, 1987), премии мэрии Москвы (1998), имени Александра Твардовского (1987), имени Ивана Бунина (2000), имени Андрея Платонова (2000). Трижды лауреат телевизионного конкурса «Песня года» (на его стихи писали песни Мурадели, Пахмутова и др.), автор стихов и либретто оперы «Джордано» (композитор Лора Квинт). Составитель и ответственный редактор антологии «Русская поэзия: XX век» (Олма-Пресс, 1999, второе издание, расширенное и исправленное — 2001). Вице-президент международного Пушкинского фонда «Классика». Профессор Литературного института им. А.М. Горького. Член Союза писателей России.

Доверяя словам и молитвам
И не требуя блага взамен,
Мы по битвам прошли,
Как по бритвам,
Так, что ноги в рубцах до колен.

Но в конце прохрипим не проклятья —
О любви разговор поведём.
Мы — последние века.
Мы — братья
По ладони, пробитой гвоздём.

Время быстро идёт по маршруту,
Бьют часы, отбивая года.
И встречаемся мы на минуту,
А прощаемся вот навсегда.

Так обнимемся.
Путь наш недолог
На виду у судьбы и страны.
Мы — подснежники.
Мы из-под ёлок,
Мы — последняя нежность войны.

* * *

Валентину Распутину

Как хотел он нас предостеречь,
Убедить, что Слово — это весть.
Человек, России давший речь,
Жизнью заплатил за слово Честь.
Но теряет смысл свои права...
Чудаки, а пуще — дураки,
Золотые русские слова
Разменяли мы на медяки.
Если не пойдём его тропой,
Если зарастёт его тропа,
Станем мы базарною толпой
У Александрийского столпа.
Так прими его благую весть,
И врагу тебя не победить...
Ну, а людям, потерявшим честь,
Можно из истории уходить!

* * *

Я вспоминаю всё пуще и пуще
Рубленный дом, на верёвках бельё,
Спелой черёмухи райские кущи,
Ясное солнышко — детство моё.
Мама с цыплятами в пёстром подоле,
Сжатых полос золотое жнивье,
Дальняя песня и чистое поле,
Ясное солнышко — детство моё.
Солнце в снопах и луна над амбаром,
В сенях — телёнок, в саду — соловей.
Всё это было мне отдано даром
Кроткой душою — Россией моей.
Слушать и слушать бы шелест берёзы,
Видеть лицо молодое твоё.
И вспоминать сквозь счастливые слёзы
Ясное солнышко — детство моё.

* * *

Надо будущее строить, Надо прошлое спасать. Гимн советскому народу Я мечтаю написать.	По святой народной воле, Волей Божьего суда. Чтобы будущее строить, На костях нельзя плясать. Гимн советскому народу Я мечтаю написать.
--	--

Памяти Георгия Васильевича Свиридова

Незримы и невыразимы, Лишённые телесных пут, Рождественские серафимы Теперь Свиридову поют. О тесноте земной юдоли, Где каждый звук его зачат, В морозном небе, в чистом поле Распевы горние звучат. И хора сладкое согласие, Мерцающее в звёздной мгле,	Так внятно говорит о счастье, Ещё возможном на земле. И как пророк в сухой пустыне, С надеждой глядя в небеса, Почти оглохшая Россия Внимает эти голоса. Молись и верь, Земля родная, Проглянет солнце из-за туч... А, может быть, и двери рая Скрипичный отворяет ключ.
---	---

* * *

Я потихоньку умираю.
Смотрю на пташек у стрехи
И в памяти перебираю
Друзей любимые стихи.

Но были мы одна стихия,
Но были мы одна волна.
Была советская Россия,
Была великая страна.

Я не ищу себе забаву,
Я вслушиваюсь в бытиё.
Одни друзья познали славу,
Другим не выпало её.

Стихи друзей придут оттуда
И возвращаются туда.
Такого певческого чуда
Уже не будет никогда.

* * *

Полон взгляд тихой боли и страха.
Что тебе я могу обещать?
На пространстве вселенского краха
Обещаю любить и прощать.

Всей судьбою своей окаянной
Обещаю не прятать лица.
Обещаю любить постоянно,
Обещаю прощать до конца.

Ты в глазах у меня не седая,
Ты смеёшься, беду отводя,
Вся желанная, вся молодая
В тонких линзах из слёз и дождя.

Прогони эту злость и усталость.
Нас вдвоём и судьбе не избыть.
Всё пропало, а сердце осталось,
Обещая прощать и любить.

* * *

Янтарная смола. Сосновое полено.
Грибной нечастый дождь
Да взгляды двух собак.
И сердце не болит
Так, как вчера болело.
И верить не велит,
Что все идёт не так.
Как хорошо заснуть!
Как сладко просыпаться,
И время у печи томительно тянуть,
И медленно любить безлюдное пространство,
Не подгонять часы,

Не торопить минут.
И быть самим собой —
Не больше и не меньше,
И серебро воды в лицо себе плескать,
И сладко вспоминать глаза любимых женщин,
И угли ворошить,
И вьюшку задвигать.
Двух ласковых собак тушёнкой не обидеть,
И пить лесной настой, как свежее вино,
И записных вралей не слышать и не видеть,
А слушать только дождь
И видеть лес в окно.
У пруда силуэт давно знакомой цапли,
Которая взлетит немного погоды.
Спасибо, вечный врач,
Мне прописавший капли
В прозрачных пузырьках
Нечастого дождя.

* * *

Ещё горит сияющая млечность, И молода вода в ночной реке...	А там поёт пленительный Карузо, И сладкие стихи читает Фет.
Мои друзья уходят в бесконечность, По одному уходят, налегке.	Здесь ходики стучат неутомимо. Пылают звёзды и шумят леса.
Освободившись от земного груза, Я верю, что они идут на свет,	О, Господи, я верю в чудеса! Но отчего печаль неутолима?

Памяти Ростислава Филиппова

Ах, если б жизнь сумела повториться,
И животворным получился стих,
Мне мир бы вновь явился в милых лицах
Моих друзей, товарищей моих.
Мы все мечтали сказку сделать былью,
Построить светлый храм не на крови.
Тогда я тоже прирастал Сибирью
В своих поездках, дружбе и любви.
Без всяких всхлипов и рекламных клипов
Друзей не позабуду я вовек.
В моей судьбе жив Ростислав Филиппов —
Сибирского масштаба человек.
С пластической медвежностью югорской
В моих глазах он снова молодой,
Шумит, как Енисей, под Дивногорском,

Гитарою звенит над Ингодой.
Роднились мы краями и домами,
И по веленью душ, а не силком
Нас из Иркутска посылали к Маме
Распутин, Марк Сергеев и Обком,
Мир наших чувств тогда был юн и светел,
Не обещал безвременных могил.
Тогда «старик» Старшинов нас заметил,
На творческую жизнь благословил.
И я уж на аэродроме, друг мой,
Готовлюсь улететь к тебе — туда,
Где огоньков просыпанною клюквой
Под крыльями роятся города.
И новый век, на прошлый непохожий,
Под крыльями другие времена,
И у небес другая глубина,
И в них витает только Ангел Божий.

* * *

Я выхожу из леса и... ни с места.
И страх, и боль не бережат меня.
В черёмуховом платье, как невеста,
Стоит деревня в жарком свете дня.
Так много света радости и воли,
Так бьётся сердца перепел рябой,
Овсяное передо мною поле
Над песенкою речки голубой.
И солнышко на небе златооко,
И дышится привольно и легко.
И прошлое, как будто недалёко.
И будущее так недалеко.
Не осуждайте бедного поэта,
Что он остановился на пути.
Жизнь прожита. Горит Господне лето.
Осталось только поле перейти.

75-летие Победы в Великой Отечественной войне

СЕРГЕЙ КИРИЛЛОВ

Война

РАССКАЗ ИЗ ПОВЕСТВОВАНИЯ «УЙДОМА»

От автора: 9 мая 1961 года, когда я учился в пятом классе, на уроки к нам были приглашены ветераны — участники Великой Отечественной войны. (Не удивляйтесь упоминанию уроков: ведь тогда день 9 мая не был «красным днём календаря». Мы тогда в этот день «грызли гранит науки» в школе, а наши родители возили навоз на колхозные поля, потому что вот-вот предстояла их вспашка). Одной из приглашённых была народная сказительница России Олимпиада Васильевна Антропова — двоюродная сестра моего дедушки Копылова Василия Демидовича. Она много лет работала в Северном русском народном хоре, сочиняя

КИРИЛЛОВ Сергей Яковлевич родился 16 октября 1949 года в северной деревне Едома Черевковского (ныне Красноборского) района Архангельской области. После окончания школы-десятилетки служил в армии, работал мастером и преподавателем в училище киномеханики в городе Советск Калининградской области, где и живёт и ныне. Работал внештатным корреспондентом различных газет (как гражданских, так и военных). Автор нескольких прозаических сборников, а в нынешнем году завершил работу над многотомным повествованием «Уйдома» о судьбе русской деревни XX века, которое несколько лет публикует журнал «Двина». Рассказы из сборников публиковались в журналах и литературных альманахах: «Нева», «Двина», «Берега», «Подъём», «Параллели», «Ступени» (Литва) и другие. Лауреат различных литературных конкурсов.

как тексты для песен, так и участвуя в постановках концертов. Во время Великой Отечественной войны она была руководителем фронтовой агитбригады, и выезжала, естественно, с концертами на фронт. И вот летом 1944 года она была приглашена отделом контрразведки СМЕРШ для проведения спецоперации по введению в заблуждение противника, расположенного перед фронтом войск РККА в Белоруссии, где уже через день-два должна была начаться крупнейшая операция «Багратион». Главная цель этой спецоперации — создать у немцев иллюзию полного затишья на фронте со стороны РККА в зоне «Белорусского балкона». Иными словами говоря, скрыть от противника замысел о нанесении главного удара РККА в Белоруссии именно в зоне этого самого «Белорусского балкона». Как показали последующие события, задуманное с блеском удалось! Немцы никак не ожидали наступления РККА в Белоруссии, и неожиданность удара РККА на этом участке фронта стала решающим фактором конечного успеха операции «Багратион». Как всё там происходило — мной услышано из первых уст... К сказанному остаётся лишь добавить, что и командир дивизии генерал-майор Квашнин А.П., и народная сказительница России Антропова О.В., и полковник СМЕРШ Ванька «Кот», с которых списаны образы героев повествования — мои земляки. Маленькое пояснение: ниже приведённый текст — рассказ из моего многотомного повествования «Уйдома», над которым я работаю уже восемнадцатый год.

Сергей Кириллов.

На Восточном фронте происходили события невероятные. 20 июня, в день, когда освобождён был Выборг, в штабе дивизии генерала Майкова прозвучал телефонный звонок. Чего, вроде бы, особенного — мало ли их звучит за день-то — но стоило лишь телефонисту поднять трубку, как он тут же протянул её комдиву с прической:

«Комфронта!»

Палуша не мешкая протянул руку, прижал трубку к уху и коротко доложил:

— Генерал Майков у аппарата!

— Здравствуй, Павел Федосович! — радостно-возбуждённо донеслось до уха, и Палуша как-то сразу опешил: с чего бы это? Всё последнее время разговоры с вышестоящим начальством были краткими, велись на строго официальном языке, в них не звучало никаких важных вопросов и, конечно, пустопорожних тем, а тут вдруг... тут вдруг такой радостный голос командующего.

— Здравия желаю, товарищ командующий! — машинально отозвался Майков, чуя, однако, какую-то необычность в тоне разговора комфронтом.

— Хочу тебя спросить, Павел Федосович... — прозвучало в трубке.

Палуша замер, ожидая продолжения, но на линии стояла тишина.

— Хочу спросить... — последовало после порядочной паузы, — ...не пропало ли у тебя желание поплясать?

Палуша растерялся поначалу, но как-то быстро вспомнил разговор с командующим по случаю успешного овладения высотой под Витебском и неуверенно ответил:

— Да нет... вроде бы...

— А чего ж так робко? — прозвучал вопрос в трубке.

— Да... не время, вроде как...

— Это почему же?

— Так повода же нет.

— Ну, почему же? — не согласился голос в трубке. — Повод как раз и есть. Ты ж ведь знаешь, что наши войска освободили Выборг?

— Знаю.

— Вот тебе и повод, чтобы поплясать! — совсем уж весело проговорил командующий. — Что ты на это скажешь?

— Да..., да неожиданно как-то это...

— А чего тут неожиданного? — перебил его комфронтом. — На фронте у нас всё тихо, на улице тепло, Выборг освободили...

— Да так-то, оно, всё так...

— Короче говоря, Павел Федосович, я тебе направляю фронтовую агитбригаду, и ты можешь вволю с ними поплясать! Появилась у меня такая возможность, а обещанное надо выполнять — верно я говорю?!

Палуша уловил в голосе командующего какие-то озорные нотки, незнакомые ему доселе, и настроение комфронта невольно передалось и ему. «Ну, а почему бы нет? — мелькнуло в его голове. — В самый раз вроде бы».

— Когда они будут? — задал он вопрос.

— А вот уже выехали! — снова бодро отозвался комфронтом. — Так что встречай, Павел Федосович, и радуйся вместе с подчинёнными! Будь здоров!

В трубке щёлкнуло и всё стихло. Палуша тут же пригласил к себе замполита с начштабом и поведал о неожиданной новости.

— Что будем делать? — спросил после объявления. — Как и где организовать концерт?

Подчинённые растерянно переглянулись, ошеломлённые неожиданной новостью, и пожалы плечами. И в самом-то деле: где и как организовать такое мероприятие? Ведь ни помещения подходящего поблизости, ни условий... Да ведь и людей же под рукой немного, всё-таки не «передок», где боец возле бойца сидит да с бойцом разговаривает.

— Надо обзвонить всех, кто поближе, — предложил замполит, — пусть соберутся по-быстрому. На сколько ожидать-то?

— Да если б знать, — развёл руками Майков. — Сказано только, что они выехали — и всё. Что у нас там?

И Палуша мотнул головой в сторону передовой.

— Да тихо всё, — ответил начштаба.

Подождал, подумал и добавил:

— Гармошки даже ихние губные слышно иногда!

— Н-да-а, — произнёс Майков. — Прямо курорт, а не война!

Они перебросились ещё несколькими фразами и решили, в конце концов, что надо сперва дождаться артистов, а уж потом собирать людей, которые поблизости.

Автобус с агитбригадой появился в расположении дивизии примерно через час. Был это действительно хоть и старенький да маленький, но автобус, и в нём сидело одиннадцать человек. Двое было баянистов, трое мужичков хоть и «за пятьдесят», но бодреньких, а остальные — обыкновенные с виду русские бабоньки разного возраста. Их с улыбкой встретил замполит и сразу же объявил о намерениях командования собрать к штабу близко расположенных солдатиков с их командирами.

— А что, разве они не все вместе сейчас? — спросила моложавая полноватая женщина — руководитель группы, как позже выяснилось.

Замполит замялся.

— Вместе-то вместе, — проговорил он, — но это только «на передке».

— Вот и поехали на этот ваш «передок»!

— Да вы что?! — округлил глаза замполит. — Там же стреляют!!!

— Люди там есть? — в упор уставилась на замполита собеседница. — Солдаты?..

— Как не быть...

— Вот и поехали!!! — перебила его женщина.

— Да я не имею права!!! — воскликнул полковник. — А вдруг с вами что случится? Что я тогда буду делать?!

— Мы ведь, товарищ полковник, не в колхоз ехали-то! — осадила его руководитель. — И не для детсадика песни петь собрались, а для солдат и командиров! Защитников наших! Это Вам понятно?!

Замполит опешил. Он растерянно закрутил головой в поисках поддержки, и в это время из-за автобуса показался уже знакомый многим полковник СМЕРШ, сопровождавший со своими бойцами агитбригаду. То, что произошло дальше, потом ещё долго передавали из уст в уста все солдаты и офицеры дивизии, потому что происшедшее было почище и поярче самого зажигательного концертного номера.

Почти в то же время к автобусу подошёл командир дивизии, и приезжий полковник поспешил к нему навстречу. Они обнялись, как старые знакомые, и полковник, поводя рукой в сторону артистов, произнёс:

— Вот, Павел Федосович, принимай гостей!

Майков повернулся в сторону приезжих и с улыбкой шагнул к ним навстречу.

«Здравствуйте!» — выразительно поклонившись, поприветствовал он артистов и вдруг замер. Одна из гостей — та самая, которая только что выказывала намерения агитбригады попасть «на передок» — неожиданно застыла как вкопанная и не мигая уставилась на комдива. Того тоже «хватил столбняк», и перед глазами собравшихся неожиданно возникла немая сцена.

— Ванюшка! — неожиданно «ожил» руководитель агитбригады в совершенно непредсказуемом обращении к полковнику СМЕРШ. — Это кто?!!

Тот улыбнулся во весь рот на глазах у многочисленных уже сослуживцев и проговорил:

— А это, Линушка, Федосья Майковой сын!!!

Теперь уже замерли все! Да что — замерли; впечатление было такое, что все, слышавшие эту фразу полковника из особого отдела, просто умерли мгновенной смертью и окаменели, будто статуи египетских фараонов! Как это — «Федосья Майковой сын»? Она что — Федосья эта — богородица какая новоявленная что ли? А это-то тогда кто — задавшая столь невыговариваемый вопрос? Да ещё и задавшая его полковнику СМЕРШ!!! Даже сам виновник этого «вселенского столбняка» выглядел не живее, чем его подчинённые, хоть и немало уж повидал всякого на белом свете! Но только выглядел... В голову его всё-таки вошло выражение «Кота» — а полковник-«особист» это, конечно же, был Ванька «Кот», его односельчанин — и генерал, начав «крутить мозгами», обнаружил, что в приехавшей руководительнице агитбригады уж очень много сходства с Линой Демидовой, двоюродной сестрой Гришки Демидова, спасённого им ещё под Кемью в восемнадцатом, его — Майкова то есть — односельчанкой! С той самой Линой, родная сестра которой Соня так хотела выйти замуж за деревенского забияку Палушу

Майкова, но того безнадежно «присушила» на всю жизнь другая, ставшая в итоге сводной родственницей Сони. С той самой Линой, которая сама мечтала выйти замуж за «Кота», хоть и более старшего, чем его родной младший брат Ванька, но погибшего за Россию ещё в ТУ войну. Ещё какое-то время они не сводили глаз друг с друга, выискивая в обличьях неуловимые деревенские сходства из далёкого уже детства, потом почти одновременно расцвели сначала робкими, потом уж улыбками до ушей, а уж подстёгнутые ими бросились друг на друга, как два молодых петушка в бой!

«Палушенька-а-а-а!!! — уткнувшись в майковское плечо, испустила в пространство энергичная звонкоголосая женщина. — Как же я рада-а-а!!!»

И немая сцена на всю гвардейскую дивизию!!! Оно, конечно, весь личный состав не мог бы её видеть, но те, кому столь повезло, передавали потом увиденное со всем возможным тщанием и точностью! Чтобы уж точно знали все до единого солдатики! И все узнали! И никому бы в голову не пришло в тот момент измерять степень силы народной, влившейся в души солдатские и командирские от увиденного, ибо никаким инструментом эту силу было бы не измерить, и никакому бы врагу её не сокрушить, если бы, не дай Бог, он это вздумал! Вот как ещё бывает на войне! И думать не придумашь как может быть, а оно бывает!

Постояли так-то Палуша со своей землячкой в обнимку (да и в слёзы же скупые, хоть и невидимые), осознали душами, навстречу друг дружке потянувшимися, непередаваемую ценность такой встречи и... и услышали вдруг ладошные хлопки!.. Засмутились, услышав, отстранились малость друг от друга — а хлопки ещё сильнее зазвучали! — и тогда уж, ещё больше улыбнувшись, жарче прежнего прижались друг ко дружке! И получилось это всё получше да победительнее, чем в каком-нибудь кино! Потому что истово сделано было, от чистого сердца! И увидевшие это оценили! Да и как может быть иначе?.. Истовое — оно всегда по высшей шкале оценивается!

— Павлушенька! — очень быстро вернувшись в суровую военную действительность, горячо заговорила Лина (а это, конечно же, была она — Ангелина Александровна Демидова — Лина Демидова, если по-простому, по-уйдомски), — нас тут не пускают на передовую!

— Кто не пускает? — не подумав над вопросом, воскликнул Палуша.

— Замполит ваш!

— И правильно делает! — опомнился Майков.

— Как это — правильно?! — отшатнулась от него Лина. — А для чего же мы тогда приехали?

— Вы приехали петь песни! — широко улыбаясь, погладил её Палуша по плечу.

— Для кого?

— Для нас.

— А солдаты? — возмутилась Лина. — Они что, не люди что ли?

— Но там передовая! Там очень опасно!

Палуша старался быть спокойным и рассудительным, но это не помогло.

— Ты это дело брось, Палуша! — сдвинув брови, сердито возразила Лина. — Мы, конечно, споём и для штабистов, но сначала для тех, кто в бой может уж завтра пойдёт!

— Но...

— И никаких «но»! — резко оборвала Лина попытки Майкова ей возражать. — С особым отделом всё это обговорено! Правда, Ванюшка?!

Она повернулась в сторону полковника Кошелева, и тому ничего не оставалось делать, как развести руками.

— Ну, коли так, — Палуша тоже повторил жест своего земляка, — тогда поехали...

...Они довольно скоро преодолели расстояние до расположения ближайшего стрелкового полка и остановились возле его штаба.

— Дальше автобусу нельзя! — жёстко заявил Майков. — Придётся пешком.

Вся агитбригада без малейшего ропота двинулась в указанном направлении, и очень скоро они оказались в расположении полка. Предупреждённый по телефону личный состав максимально сгрудился в одно место, образовав «зал» никак не меньше сотни человек, туда же подогнали «полуторку», раскрыли у неё все три борта, и образовалась импровизированная сцена. Дело оставалось за малым...

И вот тут Палушу по-настоящему охватил страх! Мало того, что он воочию увидел, что пары-тройки залётных мин будет достаточно, чтобы насмерть уложить несколько десятков его подчинённых сразу, так ещё же и артисты могут тут остаться навечно! Ведь одно дело — петь с земли, и совсем иное — петь с раскрытого кузова «полуторки»! Видимость совсем иная. Но поворачивать было поздно. Оставалось только уповать! И Палуша взмолился! Сделал он это мысленно, стараясь не показать своего душевного состояния, но сделал с такой истовостью и откровенностью, что вряд ли его душевное волнение осталось незамеченным у подчинённых.

А артисты, между тем, взобрались на кузовную площадку и, поприветствовав слушателей, запели «Широка страна моя родная»! Делали они это выразительно и многоголосо, под переливчатые баянные переборы, а потому, когда последний аккорд истаял в воздухе, пространство заполнили бурные аплодисменты, которым, казалось, не будет конца. Но мало-помалу ладошные хлопки стихли, и артисты запели «Я по свету немало хаживал...». И опять в многоголосье, опять звонко и разливанно, опять под бурные аплодисменты в конце. Потом спели ещё несколько песен из утверждённого «наверху» репертуара, сплясали, снова спели и вдруг... вдруг, когда совсем затихли аплодисменты, и настал черёд объявить очередную песню, откуда-то со стороны донеслось хоть и заглушённое расстоянием, но отчётливое:

«Катюшу-у-у!!!»

Все обмерли! Все мгновенно определили, что звук этот проистекал ОТТУДА! Из-за линии окопов! Именно из-за линии, а не из самих окопов, как можно было бы подумать поначалу. Но там... Но там же нет РУССКИХ солдат!.. Там есть только солдаты немецкие. То есть враги!!! И они кричат «Катюшу-у-у!»

«Ну., сука!.. — вскочил на ноги сидевший неподалёку от «полуторки» молоденький лейтенант. — Я те сейчас покажу «Катюшу»!..

И он пулей рванул к линии окопов, к тому самому месту, где размещалось пулемётное гнездо.

«Товарищ лейтенант!» — раздалось вдруг со стороны «полуторки».

Раздалось, вроде бы, негромко, но требовательно, и отчётливо было услышано всеми собравшимися. Лейтенант замер чуть ли не в прыжке и повернул голову на прозвучавший женский голос. Он исходил от руководительницы агитбригады — той самой полноватой женщины, которая и объявляла очередные номера концерта, и все, не сговариваясь, удивились! Ведь голос был негромким. Да, он прозвучал требовательно, но совсем не так, как это прозвучало бы из уст какого-нибудь боевого полковника — громогласно, непрерываемо, угрожающе даже. Тут же ничего этого нет! Никакой угрозы, никакой истошности, и в то же время прозвучало столь властно, что не остановиться, чтобы узнать в чём дело, было невозможно.

— Ну, зачем же Вы так, товарищ лейтенант?! — с мягкой укоризной проговорила женщина, подходя в офицеру, и снова все обмерли! Прямо как в театральном спектакле каком-то, прямо на глазах у собравшихся разворачивалось что-то невероятное.

«Зачем же так-то?! — снова с той же укоризной произнесла руководитель ансамбля и взяла лейтенанта под локоть. — Зрителя надо уважать!!!»

Совсем ошеломила всех! Какого ещё «зрителя»? Что имеется в виду?! Как понять происходящее?!

— Коль просят, — руководительница сделала паузу, — ...коль просят, значит надо уважить!

И ни слова более не говоря, развернулась назад. Быстро и с неожиданной ловкостью шагнула на платформу «полупорки» и еле заметно кивнула головой баянистам.

То, что произошло дальше, потом ещё долго обсуждали все до единого солдаты и офицеры. Обсуждали как величайшее чудо, происшедшее прямо на их глазах! Чудо, которому все они были безмолвными свидетелями, хоть и боялись поверить поначалу, что такое вообще может быть на белом свете! А началось оно — рукотворное, человеком созданное чудо — с самых первых звуков баянов. Как-то уж совсем по-особому излились из мехов первые звуки хорошо знакомой песни! Как-то уж совсем не по-полевому, а будто бы на концерте перед членами ЦК партии, исторглись в пространство первые слова, и все услышавшие их мгновенно замерли. Они вдруг поняли и сердцами своими почувствовали, что артисты пошли в бой! Тот самый «последний и решительный»!!! Когда «или-или!» Когда либо ты — либо тебя! Но наступление это песенно-артистическое было столь могучим, что ни о каком ином исходе разгоревшегося боя за людские души не могло бы быть и речи! Песня зазвучала столь мощно и разливанно, что все невольно подумали: так-то ведь и в ставке Гитлера услышать могут! И зазвучала не какая-нибудь «обязательная» мелодия из строго ограниченного репертуара, а самая настоящая народная! И на всю округу!..

После заключительного баянного аккорда не пошевелился никто. Все замерли на своих местах, словно навек пригвождённые к земле. Никто не хлопал, никто не шевелился, — все, казалось, помutilись рассудком. И в этой-то тишине слышался вдруг звук далёкого весеннего ручейка, который пробивает себе дорогу под ярким солнышком среди бескрайних снегов. Пробивает, всё более и более набирая силу и мощь от увеличения числа водяных струй в нём. И звук этот простекал ОТТУДА! Из-за линии окопов!.. Но ведь там же нет никакого снега!!! Там же не может течь никакой весенний ручеёк! Ведь на улице жаркий июнь! Что это? Что ещё за напасть на красноармейские головы? Но хватило всего лишь нескольких мгновений, чтобы понять природу этого звука: очень скоро все присутствующие на концерте красноармейцы — все до единого и все в одно мгновение! — поняли, что слышат они звук многих людских ладоней, бьющих друг о друга! Звук аплодисментов!!! И он долетает ОТТУДА!!! Пусть и приглушённый расстоянием, пусть еле различимый, но он долетает!!! И не успел ещё никто ничего ни сделать, ни начать тоже аплодировать, как ОТТУДА донеслось придавленное расстоянием «Спасибо!!!» Потом ещё.., потом «Карашшо!..», дальше «Данке!..» и всё тот же звук весеннего ручейка! И лишь после этого все слышавшие песню красноармейцы взорвались, как один, мощнейшими аплодисментами! Словно всеокрушающей артподготовкой перед решительным наступлением! Все вскочили, как один, и уж стоя постарались выразить сполна всё, чем переполнилась душа!

И всем вдруг как-то одновременно пришло в голову: а как теперь воевать-то? Ведь, выходит, ТАМ тоже сидят люди! Коль они сами попросили исполнить понравившуюся песню, коль они так искренне поблагодарили за её исполнение, значит... но это значит... Какие же это враги России, если они любят русские песни?! Что же они тогда тут делают? Зачем пришли? Чего хотят? Из той реакции, которой стали невольными свидетелями многие бойцы и командиры, выходило, что кричащие ОТТУДА вряд ли хотят нести смерть. Но тогда зачем война? Кому она нужна? Не пора ли её кончать? И нашлись ведь пожилые солдатики, которые беззлыми юнцами братались с немцами ещё в ТУ войну! Которые братанием этим выражали истинные чувства народов разных наций! И всё это пролетело в головах людских столь стремительно и будоражающее, что никто не вспомнил более ни о каких мерах предосторожности. И уже приплясывать стали наиболее непоседливые и пышущие жаром молодых сердец бойцы вместе с артистами на кузовной площадке «полуторки». И уж полились из уст приезжих гостей совсем не те слова и музыка, которая рекомендована была для исполнения начальством и разного рода комиссарами, а самые что ни на есть задушевные русские мелодии. Ну и пляски... Если до этого «коленца выкидывали» лишь brave мужички из ансамбля, то теперь в пляс пустились чуть ли не все собравшиеся на концерт! И выглядело это со стороны как буйный пир человеческих душ, истосковавшихся по добру, по дому, по семьям, по детям, по мирной жизни, наконец! Чтобы уже если завтра в бой смертельный, то хоть встряхнуться бы по-русски удало и бесшабашно! Ну, а уж там как будет и что Бог даст. И не было, казалось, на свете силы, которая могла бы остановить эту вселенскую пляску и буйство человеческих душ! И не имело никакого значения количество и величина звёзд на погонах тех, кто всё это видел и в чём самолично участвовал!

И случилось в разгар этого вседивизионного веселья вдруг то, чего уж и вовсе никто не ожидал. В какой-то момент на середину образовавшегося круга вышел комдив, протянул приглашающую руку своей землячке (а все уже поняли, что руководительница приезжего ансамбля — землячка комдива) и, выведя её на самую середину, пустился вдруг в такую разудалую «присядку», что можно было бы подумать, что всё это вытворяет молоденький лейтенант, пришедший со вчерашним пополнением, а не тёртый жизнью генерал, распечатавший шестой десяток прожитых годов! Как жаль, что этого не могла увидеть вся дивизия, генералом возглавляемая, но узнали об этом все до единого её бойцы! Потому что не было на тот день важнее новости, разносимой «солдатской почтой», чем вот эта: комдив плясал «вприсядку» в паре с приезжей артисткой! И попробуй теперь останови любого из бойцов такой дивизии, если ЭТОТ командир поднимет его в бой! Да тут и пуля-то не всякая способна на такое!

Концерт явно перевалил за отведённые ему рамки. Более того; он стал концертом не только для бойцов Красной Армии, но и для её противников. Ведь в самый разгар веселья самые внимательные наблюдатели (а расслабляться до конца, конечно же, было нельзя, несмотря ни на что) заметили, как наиболее отчаянные немецкие солдаты выскакивают за бруствер перед окопами и отчебучивают на виду у всех такие же лихие плясовые коленца, что и красноармейцы, для которых проводился концерт! И при этом ничуть не задумываются о собственной безопасности, полагая, что в такую минуту ни одной живой человеческой душе не придёт и в голову открывать огонь, или ещё что-то смертоносное предпринимать! А коли так — чего ж бояться-то?.. И отплясывали...

Всё завершилось гораздо позже рассчитанного времени. Уже порядком присомлевшие артисты, ошеломлённые ТАКИМ приёмом, всё продолжали и продолжали озвучивать «на бис» знакомые ещё по довоенной поре всем приглянувшиеся мелодии, и, казалось, этому не будет конца. Потому что каждая такая песня неутомимо уводила солдата в его родной дом, в его семью, в его деревню, из великого множества которых было большинство красноармейцев, и никому не хотелось эти сладостные минуты свидания с домом — пусть даже вот с таким, мысленным — прерывать. И никому не хотелось стрелять, пусть даже и враги, окончательно осмелевшие, наслаждались концертом для красноармейцев, как концертом для себя. Они просто перестали быть врагами на тот момент, превратившись в обыкновенных «детей Божьих», коими, вообще-то, и были когда-то произведены на свет белый. Оволшебствление «зала» было полным и абсолютным!

И лишь уже после всего, уже выслушав все неподдельные «спасибо» и «карашо», летевшие прямо от поднявшихся над бруствером наиболее осмелевших немцев, уже отъехавши от «места события», Лина и Палуша вместе с Ванькой разговорились «за чашкой чая», как в родной Уйдоме. Сначала-то, конечно же, все вместе, со всем ансамблем, ну а уж потом уединившись. Да и могло ли быть как-то иначе? Чтобы встретившись через столько лет, столько пережив и перенеся на своих плечах, да и не разговориться наособицу? Не может быть никак по-другому в такой ситуации! И не было! Разговаривали, вспоминали обо всём, что было в их довоенной жизни, и не было для них на тот момент ничего важнее, чем этот вот разговор. Даже освобождение Витебска, к началу которого всё было готово! Даже взятие Берлина, в котором никто уже не сомневался, а лишь думал, КОГДА именно это произойдёт. И так чуть ли не на всю короткую летнюю ночь! Вот уж недаром говорится и поётся, что «нам песня строить и жить помогает!» Ещё как помогает!

Но и этим дело не кончилось. Ничего не стал говорить «Кот» о том, что вся эта «операция» была задумана им, как последний гвоздь в головы генералов противника. Что с её помощью он мечтал окончательно внушить немецкому командованию, что ТУТ у Красной Армии «полный курорт»! А уж когда Кошелев прознал, КТО именно руководит ансамблем, появившимся в расположении фронта, тут и вовсе он включил все резервы в разговоре с командующим. И тот его полностью поддержал. Да ведь и подыграл же! Ни словечка же ведь не выдал про то, что в дивизию Майкова едет с концертом его землячка! Ну и всё сработало как нельзя лучше. И даже немцы этому способствовали, восхитившись исполнительским мастерством артистов!

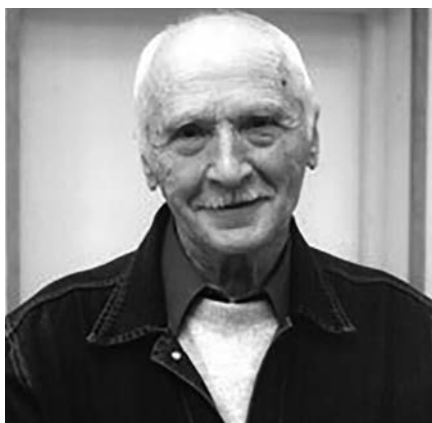
Именно немцам-то и досталось на другой день. Командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Буш, узнав от своих подопечных о «нештатном» происшествии, выразившемся в «концерте по заявкам» русского ансамбля, выписал, во-первых, нагоняй своим подчинённым за эдакое их самовольство, а во-вторых, задумался: а что же это происходит-то перед войсками его фронта? По всему видать, тут русские и думать-то забыли о войне, коль так распелись! А погода-то какая хорошая!.. Самое времечко хоть малость отдохнуть! И на другой день генерал-фельдмаршал Буш отбыл в отпуск.

ПОЭЗИЯ

К 90-летию русского поэта

ЮРИЙ КЛЮЧНИКОВ

Притихший российский глагол

Аз есмь!

Когда облечься письменною плотью
Пришел душе славянской звездный час,
Ту плоть Кирилл и брат его Мефодий
Определили первой буквой — Аз.

«Аз есмь» — мой предок тонкой вывел кистью
Слова Творца, те самые, что Он
Вписал нам в сердце, как венец всех истин,
Как главный над законами Закон.

КЛЮЧНИКОВ Юрий Михайлович — известный русский поэт, эссеист, философ, переводчик, путешественник, автор 23 книг стихотворений, переводов, прозы и эссеистики, академик Петровской Академии наук, член Союза писателей России и Союза журналистов России. Лауреат III Славянского литературного форума фестиваля «Золотой витязь». Родился в рабочей семье 24 декабря 1930 года в городе Лебедин (Сумская область). В начале войны вместе с родителями был эвакуирован в Кузбасс. С 1942 года и до сегодняшних дней живет в Сибири. Окончил филологический факультет Томского университета, работал учителем литературы, директором школы, журналистом в газете, радиокорреспондентом, а также главным редактором Новосибирского областного радио, Западно-Сибирской студии кинохроники, редактором издательства «Наука» СО РАН. В 1979 году был обвинен в идеализме и богоискательстве и после трехлетних партийных разбирательств уволен с работы, затем 6 лет трудился грузчиком на хлебозаводе. В годы перестройки издавал книги по духовной культуре Востока, Запада и России. Публиковался в центральных литературных журналах и изданиях.

Летели годы, дни, Россия крепла
На радость Богу — сатане на страх,
То поднимаясь фениксом из пепла,
То падая опять почти во прах.

Когда же чужеземная зараза
Вползла незримо в русские сердца,
Мы отделили наше «я» от Аза
И первым поместили от конца.

Сегодня мир охвачен общим тленьем.
Но мы всему, что утеряло честь,
С российским нескончаемым терпеньем
Ответствуем уверенно:
— Аз есмь!

Жива души уступчивая сила,
Жива в душе торжественная песнь,
Жива Земля, пока жива Россия.
Аз есмь!

1982

Молодым

Поучать не хочу,
Жизнь сама вас научит:
Обломает рога,
Шоры с глаз уберет.
Есть у каждой эпохи и солнце, и тучи,
Есть у каждой души свой крутой поворот

Или вверх, или вниз,
Остальное — детали...
Вон Георгий опять поднимает копьё.
Мы Россию в боях никому не отдали,
Вы на ваших торгах не продайте ее.

2005

Алтайская рапсодия

Звезда

Над Белухой вспыхнула звезда,
Что-то шепчет горным склонам глухо.
Что же ты услышала, Белуха,
Что нас ждет, надежда иль беда?

Над Белухой вспыхнула звезда,
Ловят свет алтайские озера,
Что-то здесь случится очень скоро,
Но тиха озерная вода.
Над Белухой вспыхнула звезда,
Мир подлунный в ожиданье замер,
Смотрят вверх тревожными глазами
Ледники, селенья, города.
Над Белухой вспыхнула звезда.
Сердце, ты одно звезду услышишь,
Мужеством и радостью утишишь
Пламена Последнего Суда.
Над Белухой вспыхнула звезда.

1982

А мы молились за Россию

По глыбам льда, из-под которых
Катунь рождается на свет,
Мы поднимались молча в гору,
Светлей которой в мире нет.
Был день, как лед, холодный, синий,
Серели тучи, как жнивье,
А мы молились за Россию,
За воскресение ее.
Нам мнилось: час великий пробил,
Страна снимается с креста.
О, как стучалась в клетку ребер
Нахлынувшая красота!

Нам с ней хотелось сердцем слиться,
Взлететь по стенке ледника
И выше, к солнцу, по ресницам
Лучей, пробивших облака.
Но Голос вдруг раздался строгий,
Звучал он как бы изнутри:
— Еще не выстроились сроки
Стране обещанной Зари.
Ступайте вниз, в свое безлюдье,
Вериги прежние влача.
Да негасимую пребудет
Зажженная в груди свеча!

1996

Белуха

Когда расстанусь с плотной оболочкой,
Когда в бесплотный устремлюсь полет
В бездонно-фиолетовый, полночный,
Луной посеребренный небосвод,
Налюбовавшись звездными мирами,
Я возвращусь однажды на заре,
Как блудный сын в новозаветной драме,
К тебе, все утоляющей горе.
Берели Белой светлая излука,
Кок-коля Малого немолчный звон и зов.
Белуха, несравненная Белуха,
Ты для меня — как первая любовь.

В душе моей впечатаны навеки
Снегов твоих целительный простор,
Лазурные улыбки аквилегий,
Зеленый мрамор кедров и озер.
Я знаю, что и ты, как я, не вечна,
Когда-нибудь твои растают льды,
От всех твоих нарядов подвенечных
Останутся лишь светлые мечты.
Но никакой зигзаг судьбы случайный
Не разлучит нас с очагом Отца.
Живет в нас ослепительная тайна,
Которой нет и не было конца.

Далекое и близкое

В голове у меня
Среди желто-зеленых сосенок
Протекает ручей,
Он ленив, словно пленная рысь.
Но ведь где-то бежит
По холодным камням, как бесенок,
И сверкает на солнце
Веселыми пятками брызг.
Это память меня
Возвращает на горные тропы.
...По компьютерным клавишам
Пленными пальцами бью,
Все пытаюсь вдохнуть

В черно-белые строгие строфы
Синь алтайских вершин
И сердечную нежность свою.
Состязаться с природой —
Привычное дело поэта
И, конечно, проигрывать
Спор в безнадежной борьбе.
О, ручьи!
О, Катунь!
О, Белуха!
Полцарства за это!
Но вторые полцарства
Оставлю стихам и себе.

* * *

Одинокий костер
Ты зажег на излучке Катунь
Уходящему солнцу вдогонку.
Вокруг ни души.
Все, о чем бы во мгле
Наступающей вдруг ни подумал,
Облекается тотчас в картины живые.
Пиши!
Например, как в костре
Огнеликие ангелы бродят
Или гном на огонь
Из-за мшистого камня глядит,

Как танцует вода
На катунском крутом повороте
И рождает из брызг
Белопенных речных Афродит.
Все вибрирует жизнью
И смертью задымлено тоже
Под лучами души твоей.
В ней и надежда, и жуть.
Ты на этой излучке
Всего лишь случайный прохожий.
Дай же право поверить,
Что ты ее главная суть.

Сибирская земля

Встреча с Байкалом

Я рад, что видел штормовую ярость,
воистину, твою мужскую статью,
а после шторма ты качал наш парус,
как маленьких детей качает мать.

Я рад, что жизнь тебя не погубила,
не превратила в грязное пятно.
Что на мели и на больших глубинах
не прячешь дно. И что оно — одно.

* * *

Над Кулундой в два слоя облака,
Сентябрь дождит неделю за неделей,
Но в ритме круглосуточном потеют
Комбайнов порыжелые бока.
Когда же торжествует Водолей,
Когда хлеба в работу не годятся,
В недолгий час молчания полей
Здесь лебеди усталые садятся.
И делается празднично и тихо,
И, долгой скукой
Схваченная в плен,
Вдруг расцветет, как старый гобелен,

Простая кулундинская холстина.
Склоняют шеи царственные птицы
В прохладное озерное вино —
В коричневую мутную водицу
Запить благословенное зерно.
Но скоро в путь
Ликующий и дальний.
Ударят белых крыл колокола —
Чтоб темный день
Клубился светлой тайной,
Чтоб эта степь
Надеждою жила.

Транссиб

За вагонным окном
Проводами расчерчены ели.
От Москвы до Сибири,
По всей необъятной Руси
Пряжу белую ткут
Молчаливые наши метели,
И вдогонку вагонам
Седая лошадка трусит.
Через ямы и кочки,
Сквозь бесов кривые ужимки
Русь рысит не спеша
По раздольной дорожной петле.
Прикасаются нежно
Февральского снега пушинки,
Словно пальцы ребенка,
К уставшей от грусти земле.

Наважденья уносятся
В теплом березовом дыме.
Наглотались мы вдоволь
Заемных сладостей и страстей.
Проплывет деревенька,
В душе всколыхнет и подымет
Задремавшие корни
Под ворохом шумных вестей.
Так судьба прочертила
Наш путь по не нашим орбитам,
Новизна упирается
В издревле данный завет:
Возвращаться из города
К сельским просторам забытым,
Из колодцев чужих
Подниматься на собственный свет...

140-летие адмирала

Красиво умирал Колчак,
Смотрел поперх штыков, молчал.
О снисхожденье умоляя,
С ним рядом плакал Пепеляев¹.
Соединял ангарский лёд
Двух пленных и особый взвод,
Россию ту с Россией этой.

И ахнул залп, и эха гром
Откликнулся в тридцать седьмом
Свинцовой тою же монетой.
И тоже кто-то был красив
На алом стыке двух Россией.
Забудем о минувшей злобе,
Сегодня вспоминая обе.

¹Последний премьер правительства Колчака, арестованный, просил большевиков о пощаде, но был расстрелян в 1920 году.

Мы тебя отстоим!

Край передний иную
Наметил манеру рисунка,
Поменяли регистры
Октавы военной грозы —
По высотам сердец,
По лощинам и лужам рассудка
Пролегает сегодня
Зигзаг фронтовой полосы.
Мы в окопах еще,
Мы в траншеях по самые плечи,
Видно, день не настал,
Видно, час наступать не пришел.
Словно мессеры, кружат
Чужие недобрые речи,
Атакуя повсюду
Притихший российский Глагол.

Ждали пуль и огня,
Оголтелой пехоты и танков,
На прямую наводку в туман
приготовив стволы.
А отравы вползла
На позиции главные с флангов,
Потому что мы сами
Открыли отраве тылы.
Мы и это пройдем,
В эшелонах тройных перестроясь,
Пусть нас кто-то хоронит
И в яму загнать норовит.
Мы тебя отстоим,
Золотая славянская совесть,
Наше русское сердце —
Сияющий Спас на крови!

АЛЬБЕРТ ГУРУЛЁВ

Ель

РАССКАЗЫ

Зависть

Медленно угасает день. Небо уже не такое голубое, не такое глубокое: оно линяет, плотнеет, опускается ближе к земле. Но рождаются новые краски. Солнце, еще недавно слепяще белое, начинает расти, наливаясь красной силой. И красными, теплыми становятся кромки облаков, подкрашена розовым вода. Теперь уже скоро, вот-вот из дальних просторов, из вечернего красного света появятся утки. Они налетят внезапно, в свисте косых крыльев, стремительные.

Сегодня открытие охотничьего сезона. Я буду стрелять с крошечного прибрежного островка. Островок почти голый, но на одном его крутом склоне растет несколько разлапистых сосенок, среди них можно укрыться от зорких глаз уток-старок.

ГУРУЛЁВ Альберт Семёнович родился 28 сентября 1934 г. в г. Спасске Приморского края в семье военнослужащего. В канун Великой Отечественной войны семья приехала в г. Черемхово Иркутской области. В 1952 г. окончил Черемховскую среднюю школу и в том же году был принят в Иркутский государственный университет на филологическое отделение. Работал в газете «Советская молодежь», «Знамя коммунизма», затем — главным редактором альманаха «Сибирь» и литературным консультантом в Иркутской писательской организации. Автор романа «Росстань», повестей «Осенний светлый день», «Чанинга», «Выбор цветных снов», «И был день», «Дом на своей земле», книги воспоминаний о В. Распутине «Остановиться... и оглянуться» и др. Дважды лауреат премии Губернатора Иркутской области, лауреат премии Иркутского комсомола им. И. Уткина, обладатель «Серебряного витязя» VIII международного славянского литературного форума «Золотой витязь» (2017 г.) и других литературных премий. Живет в Иркутске.

Тяжелеет, скатываясь за туманные леса, солнце. Вот-вот прилетят утки. Ружье давно заряжено. Пальцы на курках. Бегут мурашки в застывших от напряжения ногах.

Полетели утки. Полетели. Во-он, далеко, над тихим морем, летят они. Летят низко, почти около воды. Но летят не ко мне. Напрасно я прячусь среди сосенок — не ко мне.

И снова тягучее напряженное ожидание.

В стороне глухо, раз за разом, бухнула крупнокалиберная двустволка. И сердце облилось завистью к счастливцу. Ведь вот же какое неудачное место я выбрал. Ведь собирался же сесть на лесистой косе — как раз в том месте, где бухнула двустволка. Ну, невезучий же... Да разве...

Свистят над головой крылья. Кручу головой. Где? Да где же?! Табунок уток. Вот он. И далеко уже. Но спохватываюсь и, хотя отчетливо и холодно понимаю, что утки за выстрелом, палю вдогонку. В белый свет. Как в копеечку. И замирает сердце: а вдруг споткнется утка и, перевертываясь, шлепнется о воду. И, не удержавшись, стреляю еще.

Проходит напряжение. Снова вижу море, лес, солнце. Можно закурить. Вспоминаю давешнюю бухающую двустволку, у соседа сейчас тихо — пусть теперь он мне позавидует.

Слышу далекий голос Валентина.

— Есть — нет?

И Валентин заволновался. Я кричу что-то вроде «о-э», рассчитывая на то, что Валентин не поймет, а кричать снова не решится; могут налететь утки.

Но он, тоскуя, кричит:

— Есть?

— О-э, — глухо кричу я.

И снова тишина. Долгая томительная тишина. Какая же все-таки черная штука — зависть. И никак люди не могут избавиться от нее. И Валентин... Ведь интеллигент, педагог. Мой друг. А вот зависть. Учить вас надо. И уже специально для Валентина и того, соседа на лесистой косе, стреляю из обоих стволов, раз за разом.

Умиrotворенно я жду завистливых криков Валентина, но он молчит. То-то, думаю, так вас. И вдруг выстрел. Один. И через несколько долгих секунд другой. Как пить дать Валька утку срезал. А второй выстрел — подранка добивал. Я знаю. Первый выстрел в лет, а второй — по подранку на воде.

— Есть? — напрягая горло, кричу я.

Но Валентин молчит. Определенно, он утку сейчас из воды тащит. Потому и молчит.

Мне хочется сбегать к Валентину, посмотреть на его добычу, но с этого чертова островка не убежишь: до берега не так уж далеко, но проливчик глубокий, и вода холодная, осенняя. А лодка у Вальки.

— Есть? — кричу я снова.

Валентин что-то отвечает, но я не могу разобрать его слов.

— Что-о? — деревянеет шея от крика, и аж эхо гудит в хребтах. И опять не понять ответа.

Нет, чтоб по-человечески ответить, посадил меня на этот проклятый остров, а сам уток бьет.

Подожди, думаю я мстительно. Теперь ты покричи, а я послушаю. Поднимаю стволы в небо и рву курки. Ах! Ахх! — отозвались вода и лес. Вот так-то. И уже

стреляя, нет, еще до выстрела, но когда его уже не предотвратить, вижу, как на меня низко, совсем уже рядом, в двух десятках метров, летят утки. Красавицы утки свежей взмывают вверх, а я шарю на поясе и рву патроны из тугих гнезд патронташа.

Нет чтоб по-человечески ответить, — думаю я о Валентине и снова накаляюсь. Если бы он ответил как надо, да разве бы я стал палить в воздух? И уток упустил. А ведь мог бы сбить. Из правого ствола первую, когда она мимо протягивает, а из левого — вторую, вдогонку. Определенно мог бы.

А в награду не было даже криков Валентина. Он молчал.

Я раздумывал, не пальнуть ли мне еще, но услышал выстрел Валентина. И еще один. Может быть, он и продолжал стрелять, но я уже не слышал: ко мне, как во сне, как в замедленном кино, плыла по синему воздуху утиная стая. И еще раньше, чем поднять ружье, уже знал, что собью утку. Собью непременно. И кажется: я медленно поднимаю ружье, медленно взвожу курок. Но и утки пролетели за это время совсем малое расстояние. И четко вижу ту утку, которую собью. Не слышу ружейной отдачи и лишь знаю, что утка сейчас упадет. И она, налетев на невидимую преграду, перевернувшись в воздухе, тяжело шлепается о тугую воду.

Замедленное кино кончается: птицы круто берут к морю, и тотчас становятся за выстрелом. Но я не жалею: моя утка, сбитая в лет, в лет, а не как-нибудь, лежит на воде. Она чуть покачивается на мелкой волне, и ветерок медленно гонит ее к моему острову. А пронесет мимо — тоже не беда: кончится зорька, и Валентин пригонит лодку. И теперь, если Валентин крикнет, я знаю, что ему отвечать. И отвечаю с удовольствием.

И уже уверенно ожидаю новые стаи уток. И сам себе говорю, что волноваться и спешить не буду: подпущу утку на выстрел, вернее, пропущу над собой и потом прицельно — вдогонку.

Но внезапно появляются новые заботы: моя утка ожила. Она подняла голову, осматривается. И намерена плыть явно не в мою сторону.

Нет уж, не выйдет. По неподвижной-то цели я не промахнусь. Поднимаю ружье и стреляю. Дробь хлещет по воде, где мгновение назад качалась утка. Но ее самой на том месте нет. Она исчезла, она нырнула за какие-то доли секунды до того, как по воде хлестнул дробовой сноп. Через несколько долгих секунд она показывается из воды целая, невредимая.

Торопливо стреляю из второго ствола. И опять дробь рябит воду, а утка на мгновение исчезает. Это уже черт-те что значит. Торопливо вгоняю в стволы новые патроны. Ведь еще мгновение, и моя утка уплывет, и поминай как ее звали. Прыгает, качается мушка ружья, рвут воздух выстрелы, вскипает вода под дробовой осыпью. Колотит в горло и ребра сердце, сохнет во рту. И стреляю, стреляю.

Шарит рука на поясе и замирает внезапно: последний патрон. И возвращается рассудок. Последний патрон. Есть патроны, но они на таборе. Кто же знал, что мне придется сегодня так много стрелять!

А утка невредима. Хотя нет, постой. Видно, какая-то шальная дробина задела ее и, когда я спускаю курок у пустого ствола, она пытается нырять, но не может нырнуть.

Последний выстрел, и утка, подгоняемая ветерком, чуть заметно плывет к моему острову.

Все. Мне теперь не надо замирать в нервическом ожидании и высматривать в тускнеющей дали утиные косяки. Стрелять все равно нечем. Я выберусь из укрытия, сяду на выброшенный морем сосновый обрубок, буду курить и спокойно, умиротворенно смотреть на вечернее море, на пролетающих уток.

Я закуриваю, гляжу, как плывет и тает в чистом воздухе табачный дым и думаю, что мне хорошо и спокойно. И что я сделал свое дело: расстрелял патронташ, добыл утку, и вот теперь тихо и благостно смотрю на притихшее перед ночью море, на темнеющие облака, на размытый горизонт. Усмехаясь, вспоминаю давешние свои и Валентиновы крики и немного жалею о пустой от зависти стрельбе. Сегодня вечером мы посмеемся у костра.

Но нет еще в мире спокойствия. Свистят крылья, появляется утиный табунок, и летит к черту вся благостность. Хватаю ружье, но тотчас вспоминаю, что оно пустое, и хочется его сломать, разнести в щепы, смять через колено стволы.

А утки летят близко, крупные кряковые утки. Это самые лучшие, самые крупные утки из тех, что я видел за сегодняшний вечер. И табунки летят часто.

Но на этом попытка не кончилась. Просвистел крыльями и безбоязненно шлепнулся в воду, неподалеку от моего острова, одинокий селезень-гоголь. Гоголь, видимо, славно провел сегодня день. Сытый и довольный, он плескался на мелководье, поправлял перья, потягивался крыльями.

Шарю по карманам, ищу хоть один завалявшийся патрон, но не нахожу.

Бухают ружья Валентина и того незнакомца на лесистой косе. Вздрагивает и обрывается мое сердце.

Оглушенный несправедливостью, смятый, сижу на острове и смотрю, как из розовой прорвы заката валом идут утки.

Ель

Настасье уж какой день неможется. Сегодня прибежала фельдшерица Валя, градусник ставила, расспрашивала, что где болит. Дала горьких порошков. «Пейте — говорит, — тетка Настасья. А я к вам еще загляну».

А потом заходил Петрован.

Петрован с бригадой напротив Настасьино дома новый сруб зуевскому зятю ставит.

— Дай, тетка, стаканчик. Вишь ты, какое дело, матку положили. А без этого нельзя, порядок такой.

Щелкнул гулко по бурой шее.

— Сам возьми. Во-о-н там в кути, — кивнула она на ситцевую занавеску.

Уже в дверях плотник участливо спросил:

— Приболела, штоль? Вид у тебя плохой...

— Хвораю.

— Продуло, видно...

— Может, и продуло... Вроде ничего не болит, а худо...

Он сочувственно вздыхает, глядит мимо хозяйки. В тяжёлых рамках оконных косяков видны высвеченная солнцем ель, веселый черемушник. Ель особенно славная: сытая, холеная. Новогодняя. Под мохнатыми раскрылками ели лесной покой.

Петрован потоптался у порога, сказал значительно:

— Ель, видно, это.

Скучно в доме.

Настасья оделась потеплей, выбралась за ворота на лавочку.

Добрая изба у зуевского зятя будет. Рубят ее из бревен смолевых, желтых, сол-

нечных. Машет Петрован блестящим топором. Гонит по бревну широкую, как лопать масла, стружку.

И у нее, Настасьи, хороший дом. Ставили его еще до войны, после той зимы, когда Алексей на удивление всей деревни с охоты пришел с большим фартом.

Тогда же и привезли в палисадник черемуховые кусты и ель. Нет ни у кого такой ели.

Изда Настасьи крайняя в улице. Прямо за двором начинаются заросли колючей боярки, шиповника. Дальше — крутой угор к реке. Ее дальний размытый берег видно отсюда, с лавочки.

А за Леной — темень тайги.

Сидит Настасья, слушает, как река играет, как вяжется к ели ветер, как стучат топорами Петровановы парни. Слушает свою болезнь.

— Ну как, тетка, не лучше?

— Это ты, Валя? Чего уж там...

— А дядя Алексей-то ваш где?

— Известно где... Сухари в зимовьюшку повез. До снега, говорит, надо. Да корья для крыши надрать... Видно, прохудилась.

— Что прохудилось?

— Да крыша, говорю...

Валя роется в большой, как у городских модниц, сумке, выставляет на стол пузырьки, пакетики.

— Я тут еще лекарств принесла. Помогут эти обязательно.

— Ну их к ляду... Вот чернички попью да брусничного листа... Пройде-е-ет. Большой трехцветный кот тяжело спрыгнул с печи, потерял о Валины ноги.

— Ах ты, пьяница... Это он валерьянку, тетка, учуял...

— Любит, зараза.

Дверь скрипнула, кот недовольно метнулся на печь, вошел Петрован.

— Я опять за вчерашним, за стаканчиком.

— Вижу я. Там же возьми.

Петрован держит заскорузлыми твердыми пальцами прозрачный стакан, покашливает, лезет за папиросами.

Когда Валя ушла, плотник присел на скрипучий табурет.

— Чего фельдшерица говорит?

— Порошки вот оставила...

Обычно развеселое лицо Петрована строго.

— Я вот что скажу... Ель это сосет тебя...

— Да уж и не знаю.

— У дома ель нельзя держать. Примета такая. Верно. Срубить ее надо. И полегчает.

— Слышала я, да не верится.

— Ну, так я срублю. Первое дело.

Молчит Настасья.

Высоко подняв щетинистый подбородок, Петрован ходит вокруг ели.

— Хороша лесина. Хоть на лодку, хоть...

И, вынув из-за опояски топор, стал обламывать нижние ветки.

Отступил на шаг, махнул топором, крикнул весело:

— А ну, нар-р-род, разойдись.

Сгрудившиеся у палисадника ребятишки прыснули к заплотам.

— Хак!.. Хак!.. — вторя топору, резко выдыхал плотник.

Острая вершина вздрагивала, потом качнулась, чиркнула по белым облакам, и ель плашмя рухнула в пыль дороги.

— Во топор, — восхитился Петрован. — А я его уж сколь не точил.

«Ох ты, как тихо, — мается Настасья от окна к окну. — Пустыня чисто».

А прошлой ночью несколько раз вставала с деревянной кровати, шарила по стене выключатель. Пила воду. Будто потеряла что.

Вышла на улицу. Который раз. Постояла. Шепчет:

— Дом-то как голый. Пустыня чисто.

Петрован со сруба кричит:

— Ну как, тетка, лучше?

Махнула рукой. Не ответила. Иди к лешему.

Выкатила из-под амбара тележку, взяла лопату с подгорелым чернем и не спеша пошла в сторону Теплого ключа, где растёт ельник.

Дорогой она часто останавливается, отдыхает.

Поправляет выбившиеся из-под цветастого платка волосы, смотрит на свой дом. Дом ей кажется больным, старым, обиженным.

— Ничего, — шепчет. — Еще лучше посадим елку. На Теплом их пропасть...

В лесу Настасья долго ходит по жухлой траве, трогает колючие лапы елочек и никак не находит такой же, как увезли они с Алексеем в те далекие годы.

Еле приплелась домой. Тележку в лесу оставила. Думает, завтра пойду, елку непременно пригляжу... А сейчас полежать надо...

Вечером из конторы Валя-фельдшерица в соседнее село, в больницу звонит:

— Марья Андреевна... Да Валя это... — голос ее плачет. — Больной худо моей. Что? Ну, да! Приезжайте скорее.

А Настасья... Настасья снова в лесу. Ель выбирает. Вместе с Алексеем. Алексей в мягких ичигах, красной рубашке, молодой и улыбчивый. Настасья тоже молодая. Но чудное дело: идет она, а трава под ее шагами не мнется.

ВАЛЕНТИНА БЕЛЯЕВА

Стелется дым над родным пепелищем

Послевоенное лето

Светящаяся пыль стеной до неба.
Из печки — сладкий дух ржаного хлеба.
Галоши на ногах. Мне — пятый год.
На пальчике — плетёное колечко.
Солдат без ног на липовой дощечке
С колёсами в ладошку у ворот.

Он на меня смотрел светло и кротко,
В одной руке — линиялая пилотка,
В другой — на спичке красный леденец.
И, чем-то засмущавшись на минуту,
Он мне его не отдал почему-то
И белым стал. И страшен как мертвец.

БЕЛЯЕВА Валентина Ивановна родилась в г. Бурны Сумской области Украины. Окончила факультет прикладной математики Воронежского государственного университета. Работала инженером-программистом. Автор пяти поэтических сборников, книги детских стихов «Лики радужных дождей». Печаталась в газете «День литературы», в литературно-художественных журналах «Новый енисейский литератор», «Дальний Восток», «Подъём», «Невский альманах», «Новая Немига литературная» (Беларусь), «Берега», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Родная Ладога», альманахе «Академия поэзии» и других. Лауреат газеты «Российский писатель» и регионального литературного конкурса «Кольцовский край». Член Союза писателей России. Живёт в Воронеже.

Он, словно привидение из мрака,
Смотрел в моё лицо, молчал и плакал,
И что-то вдруг привиделось ему.
Земная твердь у ног загрохотала
И смерть — свинец — лавинами метала,
И шёл солдат в клубящемся дыму.

Он ползал в чреве дышащего ада,
Он рыл чужую землю для собрата
В саду близ догоравшего жилья.
Он шёл по пепелищам лихолетья,
Он шёл затем, чтоб в тихом предрассветье
Услышать под Берлином соловья...

Ещё не знала я, что мне — ребёнку
Та встреча с ним — зияющей воронкой
Оставит эхо пройденной войны...

Ещё не знала я, что плыли реки
Кровавых слёз безногого калеки —
Счетами моей будущей вины...

Две слепые старухи в 90-х

На сползавший закат, слыша осень вполуха —
Из напевных дождинок с намокшей листвы,
По старинному парку продрогшей Москвы
Шли навстречу зиме две слепые старухи...

Брызнет блестящей влагой журавль у криницы,
Запоют хоры вьюг молодых февралей,
И свеченье далёких щемящих углей
Как во сне проплывут золотой вереницей...

А старухи идут, гомонят — не глухие.
Вспоминают, как звёзды восходят из тьмы,
Что Господь уберёт от суммы да тюрьмы,
Как смогли пережить обе годы лихие...

Лунный блик заскользит на их сморщенных лицах,
Чуть задержится дрожью сомкнувшихся век.
И расстелется холст, где и пламя, и снег,
И хрипящие кони в обеих столицах...

Там же двух гимназисток, от страха дрожащих,
Встретит сабельный визг у кремлёвской стены —
Под десницей великой бессмертной войны
В блеске крови её на знамёнах кипящих...

И расстелется холст... Ручки, перья и ластик,
И всё то, что их век за собою унёс...
Трепет губ — из горчащих и радужных слёз...
И свистящее небо грохочущих свастика...

И ничтожный лишь миг... Ветром гулким гонимый —
Скрежет танков, в упор расстрелявших страну...
И как, бедным, понять, что и эту вину
Унесут, беспощадной и неискупимой, —

Из заросших полей, пепелищ и разрухи,
Из дымящихся вёрст и плывущих мостов.
И откуда среди тлена забытых крестов —
Шли навстречу зиме две слепые старухи...

Памяти октября 93-го

Оглянись, современник, безмолвен и тих.
Не оркестром ли век твой гремит вдоль границы?
Не твои ль времена — у истлевшей криницы
Средь развалин и свалок разводят костры?
Не пещерный ли вихрь буреломов лихих
То сметает столбы леденящей метелью,
То, залив белый свет колокольною трелью,
Из песочных часов воздвигает мосты?..

Ты не умер ещё, соплеменник! Гляди,
Там, на папертях, люди стоят отрешённо.
Ты ускоришь шаги и как тень, отражённый,
Унесёшь за собой безысходность их лиц.
Обернись. Что оставил ты там, позади?
Видишь? Стелется дым над родным пепелищем.
Что же ты? Ты — согбенным невидимым нищим
Побредёшь вслед цепям растворившихся птиц...

И, наверное, вспомнишь, преступно незрим,
Как стоял на мосту, чёрный дым созерцая.
Как вокруг обречённо кричала рыдая
И металась у глаз золотая листва...
Как большая страна под распятым своим
Тихо плакала в дымно тягучем рассвете,
И в разливах курантов пел западный ветер.
И смывала кровавые лужи Москва...

Ностальгия. Моя Украина

Я больше не помню скамьи у резного крылечка.
Крыла журавля над журчащей водой у криницы.
Не помню, как сладко трещала поленьями печка,
И пела романсы у маминых ног — половица.

Я больше не помню и сказочной вербы склонённой
Над тропкой, бегущей куда-то над речкой игриво,
Где время застынет жестокой верстой пленённой,
Где я серым камешком стала в подножье обрыва...

Я больше не помню бессмертья щемящих оконцев
Побеленной хаты под вишней за странной границей,
И плеска над ней в небесах восходящего солнца,
Что больно и сладко в рассветных мгновениях снится...

Я больше не помню пьянящий и запах еловый,
И нежные трели дрозда на околице рая.
Зачем же — «Купите фиалки — букетик лиловый»¹
Я слушала маленькой девочкой там, умирая?..

Глаза солнца

Я хочу, столько лет, в жажде странной и давней,
Распознать и осмыслить — что есть небеса.
В раскидавшийся свет, окровавленно ранний,
Поглядеть восходящему солнцу в глаза...

Что увижу я в их раскалённом раздумье —
Завихрившийся снег ли в полночном окне
Иль невидимый крест в бездорожном безлунье,
Что однажды был Господом послан и мне?

Может, россыпь зелёных лучей бессловесных
Для невидящих глаз холстяных фонарей?
Иль гранитные камни тропинок безвестных
Под ногами гуляющих диких зверей?

Что — на их восхищённо искрящихся днищах,
Возрождаясь из тлена, застынет во прах —
Средь моих же свечей, на моих пепелищах,
И в моих берестяно поющих кострах?..

Что увижу я в лоне их праздного взгляда —
Может, дым, что обьял за спиною мосты?

---

¹Грустная лирическая песня 50-х годов.

Цепеняще ли огненный вальс листопада
Над осколком украденной в полночь звезды?

Солнце, тихо сползая вдоль старой аллеи,
Улыбнулось печально мне, вздрогнув слегка.
А недвижны, как статуи, мудрые ели
Провожали в безжизненный путь облака...

Время

Я не знаю, не вижу и не ощущаю
Ни объятий твоих, ни следов на крыльце.
Но не ты ли меня, словно призрак в венце,
За собою влечёшь безотвратно куда-то?
Я бессильна в объятьях твоих! И прощаю,
Как младенцу рождённому только что — крик,
Мой незримо мелькнувший единственный миг,
Унесённый безжалостно в чрево заката...

Ты — моё... Так отдай мне мольбу искупленья,
Коль ступаешь на мой пошатнувшийся мост, —
Поцелуев безгрешных и краденых звёзд,
Колких выюг и клыков из распахнутой пасти.
Ты — моё! Так отдай мне ещё хоть мгновенье
Отражённых в стекле драгоценных камней...
И я сладко заплачу над бездной твоей
И берёзовых прядей, и лживого счастья...

Чёрно-белая птица

Памяти Виктора Беляева

— Я открою окно. Странно, сумрак густится.
С неба камнем летит чёрно-белая птица...
И в стекло безоглядно и яростно бьёт.
Что ей нужно от нас? Отчего так тревожно?
Что так душу мою беспощадно безбожно —
Цепкой дланью какой — и терзает, и рвёт?

Почему ты молчишь? Ты куда-то уходишь?
Ты мне снился. Как будто один тихо бродишь
Среди залитых солнцем заснеженных скал.
Подойди же к окну. Видишь? В трещинах клёны,
Словно с древней холстины глядят изумлённо,
Как вспаривший листок невесомый — упал.

Не смотри на меня так. Вон небо светлеет.
Птица рвётся в стекло... Почему-то белеют

На глазах, видишь? перья её чёрных крыл.
Так отчаянно бьются в решётку темницы...
Улетай! Что ты хочешь, несчастная птица?
Отчего этот твой обезумевший пыл?

То ли где-то отбилась от стаи, бедняжка...
Что же душу сегодня мне гложет так тяжко...
И не вспомнишь ни счастья, ни горестей-бед.
А ты всё же уходишь? И мне улыбнёшься?
Непременно, я знаю. Но скоро ль вернёшься?
— Нет, родная. Прости меня. Нет...

* * *

Лишь миг... И охладает свод небесный, Степенно стихнет ветер у крыльца. Звезда, коснувшись краешком лица, Безумным светом вспыхнет, уплывая, И что крадёт — лишь Господу известно... Осколками полуночную мглу Засыплет и в обычную золу К восходу превратится, остывая.	И дрогнет твердь под парковой аллеей, И лёд её отточенных камней Заглотит блеск и дым твоих огней, О грешных тайнах вскользь упоминая. Ты кинешь взгляд куда-то вдаль, бледнея, Под жуткий вальс осеннего листа. Увидишь арки вечного моста, Бессмертия его ещё не зная...
---	---

Сын. Памяти Родиона

Римме Лютой

Он — в стекле. На стене. В тонкой рамке. Как ни горько, родная, тебе. И ему только преданный ангел Будет спутником-стражем в судьбе.	И не путник, актёр или зритель — Он найдёт для себя островок, Где тепла и надёжна обитель, Где недвижим взошедший восток.
Ну, а там, средь вселенского снега, Средь равнин из серебряных льдов, То ль Медведица, то ли Омега Вспыхнет горним цветением садов.	И растерянный взгляд оживится Среди сонма светящихся крыл. И он тихо в окно постучится. И услышится: «Мама, я был...»

Портрет. Памяти Родиона

Вячеславу Лютому

Он ушёл. Ни о чём не жалея...
От тревог, и обид, и грехов.
Ну, а ты, жить ещё не умея,
Шёл по следу безмолвных волхвов.

Что ты видишь теперь долгой ночью?
Иль нетронутый белый листок,

Вереницу ль нагих многоточий
Сквозь бесстрастно взошедший восток?

И ничем, и нигде не согреться,
Полон свет предсказаний и смут.
Так послушай несчастное сердце:
Ведь тебя ещё любят и ждут.

Ты — мужчина. Ты — сильный. Смирись же.
Что ты смотришь бессмысленно в дверь?
И пойми: никогда ещё ближе
Не был он от тебя, как теперь.

Ты уже ощутил, что отныне —
Ни сомнений, ни счастья, ни ссор.
Только небо слепящей пустыней
Да щемящий мальчишеский взор.

И он памятью скорбно неправой
Во мгновенье остался тебе.
Как чудовищно сладкой отравой.
Как единственным вздохом в судьбе...

* * *

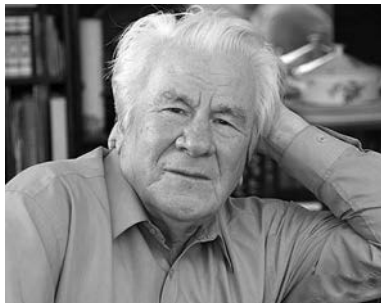
Что тебе фонари в темноте подворотни,
От осколка стекла незаживший ожог...
Этот листик, приникший к окну, прошлогодний,
И сургучные письма из почты господней,
И суровый, с самим же собой, диалог...

Что тебе птичий клин в облаках леденящих,
Крепостная ограда — из лунных зеркал...
Покрасневшие гроздья рябинки щемящей,
Оркестровый аккорд вдалеке цепенящий
И сверкнувший с обочины волчий оскал...

Что тебе заострённый клинок блудной черни,
За плечами — безмолвье в истёртой суме,
Если с каждой минутой твоей — всё смятней
Льётся свет упоительно жуткий — вечерний?..
Ни вернуть, ни объять... Растворяясь во тьме...

ВИКТОР ПОТАНИН

Легкая

РАССКАЗ

Добрый рыцарь совести и слова

ПРЕДИСЛОВИЕ

14 августа В.Ф. Потанину исполнилось 75 лет, и журнал «Сибирь» сердечно поздравляет замечательного мастера русского слова и желает Виктору Федоровичу радости на многая и благая лета!

Давным-давно, очень скоро можно будет сказать, что было это в прошлом тысячелетии, познакомились мы с Виктором Потаниным. Как большинство

ПОТАНИН Виктор Фёдорович — прозаик, публицист. Родился 14 августа 1937 года в семье учителей в селе Утятском Глядянского района Челябинской области. В 1958 году окончил историко-филологический факультет Курганского педагогического института. С 1958 года по 1967 год работал литературным сотрудником, ответственным секретарём в областной газете «Молодой ленинец». В 1967 г. окончил заочное отделение прозы Литературного института имени А.М. Горького. В 1966 году был принят в Союз писателей СССР. С января 1970 по 1998 годы являлся литературным консультантом Курганской писательской организации. На X съезде Союза писателей России избран членом правления Союза писателей России и членом высшего творческого и Координационного Советов Союза писателей России. Также В.Ф. Потанин является членом редколлегии журнала «Урал», работает в редакционно-издательском совете журнала «Современник»; член Приемной комиссии Союза писателей РСФСР. Профессор и руководитель литературной студии Курганского государственного университета. Заслуженный работник культуры РСФСР. Автор книг: «Тихая вода» (1976), «Поздний гость» (1980), «На вечерней заре» (1984), «Поезда не возвращаются» (1985), «Пристань» (1986), «Четыре повести», «Плакала кукушка» (1992), «Танцую без перерыва» (1995), «Украденная жизнь» (2000), «Доченька» (2012) и многих других. Награжден: в 2018 г. Патриаршей литературной премией (За значительный вклад в развитие русской литературы), в 2016 г. — Большой литературной премией России (Вторая региональная премия для писателей Республики Саха-Якутия), в 2012 г. — Премией имени Александра Грина, в 2005 г. Национальной премией «Имперская культура» имени Эдуарда Володина (Проза, «Доченька»), в 2002 г. — Премией имени Д.Н. Мамина-Сибиряка (Проза), в 1978 г. — Премией Ленинского комсомола в области литературы («Тихая вода»), также удостоен премии им. В.М. Шукшина. Награждён орденом «Знак Почёта», орденом Почёта. В 2017 году В. Потанину на VIII Международном славянском литературном форуме «Золотой Витязь» вручена Золотая медаль имени А.С. Пушкина «За выдающийся вклад в литературу».

молодых писателей-провинциалов, честолюбиво точивших свои крылья на большой полет, познакомились в Москве. Виктор Потанин учился тогда на литературных курсах, и постоем его было общежитие Литературного института, а мы, иркутяне, приезжая в первопрестольную, вповалку ночевали на полу в комнате того же общежития у Александра Вампилова, нашего земляка. Там мы и встретились, в месте, где вообще-то серьезные писатели не встречаются, — в кухне, большой и голостенной, в ней не держались даже запахи пищи. Виктор Федорович, которому было, как и мне, под тридцать, кашеварил, когда я пришел туда с чайником. И мы сразу разговорились. Страна наших имен, разумеется, не знала, но мы имена друг друга знали: только что прошли два громких совеща́ния молодых сибирских писателей, в Чите и Кемерове, на одном из них был я, на другом Виктор Потанин, и первые наши рассказы в общем сборнике под названием «Молодые мы» были опубликованы в Москве.

С той самой что ни на есть прозаической встречи в общарпанной студенческой кухне, памятной нам, стоящей торжественной обстановки в самых великолепных залах, которые удалось видывать позже, мы и дружим. Вместе с Виктором Лихоносовым, Василием Беловым и Владимиром Крупиным. Зная друг о друге все, — и по совместным поездкам то в Карелию и Новгород, то в Орел, то на Байкал, то еще куда-нибудь, и устным рассказам о себе и своей жизни, где нам нечего было скрывать, и по тем рассказам, где и скрыть ничего невозможно, зовущимся литературой. Благодаря ей, матушке литературе, мучительнице нашей и спасительнице, нам ведомо друг о друге такое, чего люди обычно не достигают при близких отношениях, чего и достигать было бы опасно, окажись у нас омутные припрятые. Кому, как не нам, знать, что ни один герой без части автора появиться не может, что автор сосуществует абсолютно во всем, что есть в книге, в том числе в таких, казалось бы, абстрактных и вспомогательных картинах, как закат солнца или игра ветра с опавшими осенними листьями. Виктор Потанин напишет эту игру совсем по-другому, чем я или Владимир Крупин, мы безошибочно узнаем его ветер и его листья, мы увидим даже, с каким выражением лица писал он эту картину, как он «оглаживал» ветер, чтобы не дать ему быть грубым. Он вообще не признает грубости ни в общении, ни на страницах своих работ, ни в помыслах, это редчайшая по благорасположенности ко всему, ко всему, что есть на свете, природы, про которые говорят, что они не от мира сего. Это не значит, конечно, что Потанин-писатель избегает зла, переполнившего сейчас жизнь, и ищет укромные уголки, где можно было бы его миновать. Вовсе нет. Но он не может принять зло как неизбежность, не может согласиться с его агрессивным полноправием, и любые проявления зла заносит на бумагу с очевидным страданием, с мучительным недоумением: да как же это может быть? Вот так писалась, я чувствую, повесть «Доченька» — на пределе сил, с содроганием перед реальностью, заступающей едва не за каждый порог, с невольной и сокрушающей виной за нравственный вызов, бросаемый сейчас не столько даже младшим поколением старшему, сколько исходящий от как-то быстро народившейся чуждости. Народившейся и в младших, и в старших. И это больное сердце не героя, а автора содрогнулось: «Что будет со мной завтра? А послезавтра? А через год? Неужели я проживу еще год?»

Мы переписываемся нечасто, но самую полную, самую подробную весть о себе мой друг подает всякий раз, когда я читаю его новые работы. Я всерьез встревожился за него после «Доченьки», но успокоился и порадовался после «Легкой».

Господи, какую же светлую, какую же доброжелательную и нежную надо иметь душу, насколько пропитать свой талант любовью к человеку, чтобы сложить из одного только бескорыстия и жертвенного служения людям Антонину Ивановну, жену, мать, работницу, в каждой из этих трех ипостасей показавшей какое-то дивное торжество совести. Антонина Ивановна из тех праведниц, без которых не стоит «ни село, ни город, ни вся земля наша». Из тех, которые живут чем-то нечто большим, чем обыкновенная жизнь, не поднимающаяся из повседневности, и оставляют о себе нечто большее, чем воспоминания, — они точно приходят и уходят как вечная непорушимая нравственная мера человека. Когда удаётся такой образ — сантиметр в сантиметр с тем, что только можно ожидать высшего и чуткого от обыкновенного, казалось бы, не вполне развившегося человека с угловатой и не совсем удавшейся жизнью, как у Антонины Ивановны, — это большая, очень большая удача художника. Это большой дар — в обыкновенном найти высшее, в естественном, самородном — мудрость и доброту в их точном и соразмерном выражении.

Что поделаешь, грубость жизни проникает и во многие писательские сердца, защититься от торжествующего ныне зла чрезвычайно трудно. Да и надо ли уходить от него, не лучше ли подставить себя, как всегда, под ту суровую правду, которая, по пословице, весь мир перетянет. Под правду пусть и жестокую, но необходимую, излечивающую или отсекающую пораженные участки наших душ и сердец. Я, к примеру, знал всегда, что другой позиции у писателя, кроме как следовать правде и идти по ее спасительному пути, нет и быть не может. Однако сегодняшние смысловые перемены всего и вся не оставили в покое и ее, нашу главную творческую опору. Есть Правда и правда — с большой буквы и с маленькой. Они, в сущности, всегда были разделены как высшее и низшее, но имели единый понятийный ствол. Сейчас и корни у них разные. Правда как одна из сегодняшних страшных реальностей заключается в том, что сотни, тысячи молодых женщин после родов пеленают младенцев в плотные пелены и опускают в мусорные баки. Эта правда, заставляющая нас цепенеть при встрече с нею, продолжается в том, что сотни и тысячи малолетних зверенышей, точно распеленавшихся и выбравшихся из мусорных баков, перебравшихся в подземные теплотрассы и выглядывающих из люков, перед тем как выбраться на охоту за куском хлеба, смотрят на нас глазами иного, уже нездешнего выражения. Сама жизнь принимает сегодня иное выражение — более жестокое, растерянное и вызывающее. Внутреннее, глубинное переходит в поверхностное, духовное переходит в физическое, слова теряют красоту и смысл. Новая литература быстро освоила эти перемены и отыскала в читателе не эстетические, как прежде, а физические, животные центры удовольствий. На них она и жмет. «Правда жизни», легко отысканная под ногами, оказалась в услужении у невысоких запросов потребителя.

От «тьмы низких истин» никуда не деться. Однако так их развелось много и такой плотной чащей они окружили человека, что он может и не видеть просвета и не чаять другого воздуха для дыхания. Ему может показаться, что для вселенских сумерек, наступивших без конца и без края, срочно нужна новая адаптация, которая бы позволила чувствовать себя в них уверенно. Но, если задуматься, все, что обессиливает, угнетает, обезволивает человека, не может быть ни правдой литературы, ни правдой жизни. Это продукты распада жизни. Главная правда сейчас — Надежда. И берется она не из обманчивых видений и не

из туманных воспоминаний, а — видится без труда глазами, в которых зрачок сохранил способность соединять в целое разрозненные картины. Ни добрую душу, ни совесть, ни милосердие и сострадание, ни тяготение к чистому и честному, ни тем более дар восприятия всего этого младшими от старших — отменить нельзя. На них мир стоит, и других оснований дня него придумать невозможно.

Точно так же нелепо было бы предполагать, что литературу, как и всю культуру, все искусство, можно установить на безнравственности.

Время от времени человеком, как в лихорадке, овладевает горячее беспокойство, моральные правила кажутся ему устаревшими, неудобными, стесняющими движения, он рвется на свободу, с шумом и восторгом вырывается, объявляя о торжестве здравого смысла, и, не теряя лихорадочно возбуждения, отдается безудержному ново-«нравственному» чревоугодию. Нечто подобное произошло и на этот раз. На этот раз — с претензией на окончательную победу: показалось, что сама цивилизация, по-мефистофельски потребовавшая у человека душу за некоторые хитроумные услуги материального характера, подвела к этому итогу. Быть может, когда-нибудь, если человек не решится порвать это дьявольское соглашение, так и случится, но не теперь, не теперь. После десяти лет искусительной свободы, буйным ураганом прошедшей по России из конца в конец и из края в край, даже самым бесноватым из заблуждавшихся, независимо от того, признаются они в своем прозрении или нет, приходит сейчас понимание (к врагам не придет), что не ту они вызвали силу, не оттуда, не затем, что свершилось. Свобода — как неисполнение гражданских и личностных обязанностей, как переворотный механизм отеческого бытия, как стихия вседозволенности, — такая свобода убивает и человека, и государство. В очередной раз стало очевидным, что без духовного и нравственного — смерти подобно. «Вначале было Слово. И Слово было Бог». Подножье в небо не задерешь, и небо под ноги не опустишь.

И литературу не переименовать, в любой современности и при любом новаторстве она или есть в своем собственном ценностном виде, или ее нет. То вызывающее, безжизненное, наркотическое, агрессивное, имеющее вид циничного интеллигентика с усмешкой, что все это десятилетие выдавало себя за литературу и постарается еще какие-то сроки выдавать и впредь — есть просто болезненное и дурное состояние духа бунтующих. Бушующих по своей ущемленности и неполноценности, пытающихся свою недостаточность поставить впереди полноты и здоровья. Но подмену свершить не удалось. Литература во все эти смутные годы не переставала талантливо и уверенно исполнять свое главное назначение — любить человека и сострадать ему, а лихолетье заставило ее любить человека и сострадать ему еще больше.

Среди самых верных ей работников, у кого и мысли не могло возникнуть устроить из своей богоданной профессии бизнес, остался и Виктор Потанин. Книга сия служит тому доказательством. Остался при своем возвышенном и добром таланте, ни в одном качестве не уронившим звание мастера, материалом для работы которому являются русский язык и русская душа.

Мы с ним оба в преклонных летах. Волей-неволей, хотя, быть может, преждевременно, приходится думать, как всем в нашем возрасте, что оставим мы после себя... Оставим, конечно, книги. Оставим детей. Но еще оставим и дружбу нашу, которая своей бескорыстностью, мягкостью и искренностью не может не иметь земного следа — из тех, что уводят от бескорных мест.

Валентин Распутин

Говорят, к сорока годам в человеке что-то стихает и успокаивается, и все чувства, желания входят в свои берега. А если разобраться, то много ли сорок лет? Просто жизнь так коротка, быстротечна, что надо ловить свое счастье, пока еще можно, пока в тебе бродит горячая кровь. А если она уже не горячая, если все прошло, миновало, — и вот уж рядом печальный закат... Об этом и еще о чем-то длинном, тяжелом думал школьный учитель Валерий Сергеевич и молча курил. Сигарета не успокаивала, да и мешала девочка. Она сидела напротив и смотрела в окно. Глаза были сухие, настойчивые, таили обиду.

— Пойдемте к маме... В последний раз. — Он вздрогнул от ее голоса и распахнул створку. В комнату залетел легкий воздух. Запахло мокрой зеленью, огурцами. Учитель вздохнул глубоко и нахмурился. Потом вспомнил девочку.

— Нина, чего тебе?

— Пойдемте к маме! Я боюсь одна на могилу...

Он поехал точно от холода, закурил. Струйка дыма казалась голубенькой посреди большой комнаты. Таким же голубым и веселым переливался хрусталь, запертый в гладком дубовом серванте, даже ковры на полу и по стенам тоже оделись в голубое, зеленое — это солнце потревожило их. А учителю снова грустно. И снова в глазах родилось больное и темное, и чем сильнее вглядывался в эту девочку, тем больше делалось этого темного, — и он опять сползал, погружался в свою тяжелую думу.

— Пойдемте?! — требует девочка.

— Ну хорошо.

Он снова курит, вздыхает, а девочка хмурится, молча ждет у двери.

На улице солнечно и свежо. Ветерок какой-то обволакивающий. Он залетает под воротник, под рубашку и скользит, трогает тело, словно бы сам живой. «Эх, какой воздух!» — не может сдержаться учитель и поднимает высоко голову. В такой день хорошо оседлать машину и лететь в дальние леса, перелески, где шелестят, поскрипывают под листьями белые грибы и синявки, где все дышит тишиной и покоем, и усыпляет, укачивает этот покой. Девочка идет рядом, смотрит под ноги.

Он выбрал самый дальний, окольный путь. Вот уже кончилась улица, и обступили поля. Но учитель свернул направо, в березы. Там, глубоко в лесу, был школьный трудовой лагерь. Там жил его сын — пятиклассник Сергей. Он любил приходить к нему неожиданно, да и сын всегда ждал. Вот и сейчас он решил повидаться. Нина чувствует его хитрость и как-то покорно стихает. Глаза сощурены и смотрят вперед.

Из-за берез показалось солнце, оно повисло так неожиданно, что он вздрогнул. Лучи были прямые и жаркие — опять возвращался зной. От земли, от листьев, от старых сучьев поднимался пар и пропадал в вышине. Влага, пролитая за ночь на эти травы, березы, опять уходила туда, откуда пришла. Девочка кашлянула, призывая к себе.

— Я уеду, а кто мне напишет?

— Я напишу. И мой Сережа напишет. Ты ведь дружишь с Сережей. Вот и пишите...

— А еще?

— Кто-нибудь...

Она обиженно замолчала. Сандалии неслышно опускались в песок, и она точно не шла, а подкрадывалась, и этот легкий шаг его мучил, потому что кого-то напоминал. «Ну конечно, ходит как мать...» — вдруг подумал Валерий Сергеевич, и сразу жалость пронзила. Ведь Нина же теперь сирота, совсем круглая сирота.

— Тебе будет хорошо в детском доме! Да и город большой, театры... Я бы сам пожил в городе.

— Какие театры, — прервала девочка и улыбнулась. Улыбка была тихая: она снова хотела заплакать или в чем-то признаться, и нерешительность эта, видно, томила, мешала дыханью.

— Извините, я перебила.

— Ничего, Нина, ничего...

— Я попрошу...

— Говори, говори, — подбодрил он, а у самого все замерло, затаилось: «Чего опять выдумала, клонит к чему?»

— Я потом... — Она замолчала. Учитель обрадовался молчанию и спокойно курил. «Какое тяжелое вышло лето, да кто поможет — никто. Вот уж целый месяц ни тетрадей, ни школы, а все нет желанного отдыха. Да и жена далеко, в Черкассы уехала. Хотела недельку погостить у родителей. Но разве обойдешься неделей? А была бы рядом — все же горе полегче. Но откуда, за что это горе? За что же?!» — вопрошал он кого-то и нервно покашливал. Березы не шевелились. Дышалось трудно, точно перед грозой.

— Вы завтра меня повезете?

— Завтра, Нина, не беспокойся.

— Я так... Все равно...

Она шла теперь как молчаливое осуждение, да и лицо ее было сухое, серьезное, без кровинки лица. Иногда посматривала на небо, точно бы ждала грозу, непогоду, и заранее боялась грозы. А в небе уже шли облака. Они родились внезапно. Из ничего. И медленно потекли над лесом.

Девочка опять подняла глаза, и он усмехнулся.

— Чего там увидела? Запнешься! — Он попробовал пошутить и отвлечь ее, но голос вышел мрачный, глухой.

— Не запнись! — так же мрачно ответила и еще внимательней засмотрела вверх.

Облака были странные: одни белые, другие темные, иногда два облака сливались в одно, и тогда цвет выходил какой-то серый, белесый, но все равно в этом облаке уже слышался дождь. «Хорошо, что дождь снова, значит, трава подрастет — и покосим...», — подумал с облегчением Валерий Сергеевич и усмехнулся сам над собой. За годы жизни в деревне он стал совсем деревенским. Вот и сейчас он подумал вдруг о своей корове, об овцах, которым надо поставить сена, а в засуху разве поставишь? Зато после дождика любая травка пойдет, зарезвится. Может, и разрешат покосить по лесам. Девочка кашлянула, поправила волосы.

— Ну что, запнулась? — опять попробовал пошутить он, но та не поняла шутки, не поддержала.

— Я легкая, не запнись...

— Легкая. — В голосе — новая досада и боль.

— Легкая, легкая. — Он не заметил, что говорит вслух. И уж совсем не заметил, как опять ее вспомнил. «Как они похожи все-таки — мать и дочь! И походкой, и голосом... Ну и что из того — пусть похожи». Но все равно уже мысли эти

стали опутывать, обволакивать, и не было сил от них отмахнуться, избавиться, да и зачем. И он совсем сдался на милость им, но все равно, чтоб отвлечься, рассеяться, стал считать деревья. Думал — дойдет, досчитает до ста — и полегчает, исчезнет боль, но вот уже до ста дошел, вот уж больше, а все так же ныла, болела душа. И он совсем, совсем покорился, стал думать о давнем, о прошлом. Но в этом прошлом опять поднялась она, а с ней и сам он в свои двадцать лет. Нет, не в двадцать уже, в двадцать семь. Институт он закончил поздно, невовремя. Да и какая радость парню в педагогическом? Теперь бы не пошел ни за что, а тогда вернулся из армии и сразу — бух, как с обрыва, одно утешенье — институт в родном городе, а он любил городскую жизнь. И вот он — уже учитель. Сельский учитель. Как это трудно для него, непривычно, но что поделаешь — судьба... Зато повезло в малом — с квартирой, с хозяйкой. Вот она стоит перед ним, Антонина Ивановна, улыбочку на лице сделала, без причины состроила, зато в глазах — одна доброта. Потом привык и к словам, и к улыбочке, как-то сразу привык и доверился. А чего копать в человеке, раздумывать, если тот сердцем — к тебе.

— Ты Тоней зови меня или Тонечкой. Не остарела пока, поди, в сестры гождусь?

— Кому в сестры?

— На тебя потихоньку натрахиваюсь, а ты уж напужался, поморговал. А я ведь постаре-то немного, каких-нибудь десять лет.

— Сколько вам, Антонина Ивановна? — спросил он уже веселым голосом, ему стало очень легко.

— Кто ж у бабы про года спрашиват? Я совру, ты поверишь. А ты Тоней зови, называй. И чтоб без всяких там хвостиков, без чинов. Ты ведь можешь еще и посватать меня! Видишь, кака баска да молодинька, — сама засмеялась громко и весело. И вдруг что-то вспомнила, повернула лицо. — А ты не сердися, не сердись.

— Я ничего.

— Ну вот, хорошо, все правильно. Не всем быть молодым да красивеньким, а некрасивых куда? Чё, в чулан на замок? — Она засмеялась опять, но быстро сникла и опустила голову.

— Я в войну ведь так выхудала, а после и не поправилась. Видно, сжались тогда мои косточки от хорошей, сладкой еды... Ну чё замолчал, Валерей, Валерей... Ага, Сергеевич? Ты прямо у нас молодой да подсадистой, ну прямо офицер какой, капитан.

— Я не офицер...

Но она уже не слушала, прервала его, увлеклась. И слова как горох:

— У меня муж тоже был офицерик. Такой бравой да сухонькой, руки в бок, шагом арш. — Она опять засмеялась, потом смутилась, нахмурилась. — Ну ладно, смешно тебе, смешно, вижу. А ты, значит, хорошей, серьезной... И коровки, поди, нет у тебя? А в деревне как без коровки? Ну ничево. Не страдай, не тушуйся, молока принесу — хоть запейся, а живи давай поотдельно. Комнатка-то твоя бокова, есть друга дверь из сенок, ход-то будет другой. А то люди наврут на нас, обессудят... — она покраснела, засуетилась, — да, поди, чего на меня, ничего. — Всё это она враз выпалила и не запнулась. И пока говорила — прямо в глаза смотрела и не мигала. А на улице было ярко и солнечно — и от слов ее, от настойчивости, от белой веселенькой комнаты, где сидели они, от самой летней деревни и раскидистой зелени, от теплого чистого воздуха, от всей теперешней жизни, такой новой и неустроенной, ему стало вдруг так хорошо, так радостно, что он любил уже всех, обнимал всех глазами: и хозяйку свою, и деревню, и школу, которую еще не видел, но верил уже, что и там хорошо, и все ждут его — не дождутся.

— И река у вас есть?

— Ты чё! Поди, через мост ехал, на воду плевался?..

— Ехал, Антонина Ивановна!

— Ну вот, дознались, Валерей Сергеевич. — Последние слова она произнесла медленно, с остановкой, потом совсем замолчала, задумалась. Но, видно, трудно было молчать. — Ты чё меня Тоней не называшь? То ли трудно тебе, тяжело? Ничего, будет время — само придет. Я — баба легкая, не сердитая, и имя тако же легкое, тонко-тоненько...

— Магазин где у вас, Антонина?..

— Ну чё ты, чё ты — Тоня, Тоня я! Честно слово, как неродной. Давай деньги, сбегаю за покупками, только водки не покупаю. Нет, Сергеевич, нет и нет...

— Что вы, вас затруднять...

— Надо ж, надо ж, каки мы вежливы! «Что вы, что вы, вас затруднять!»! — она передразнила его громким веселым голосом, подмигнула и подняла вверх оживленные глаза. — А ты бы по-простому, по-нашему: ну-ко, Тонька, шаг — туда, два — обратно, и без сдачи хватай, без очереди.

— Поди, далеко?

— Ох, смешаешь ты, Сергеевич! Я ведь шагом не хожу, все бегом, как по воздуху. Я зарядкой занимаюсь, Сергеевич!

— Неужели?

— Неужели в самом деле, честно слово — не пойму. — Она засмеялась, откинула голову. Видно, весело, что поразила и сбила с ног. А он смотрел, смотрел на нее, приглядывался, и все кружилось в нем, наливалось радостью. Что-то было праздничное в ней, забавное: то ли простоты вдоволь и мало ума, то ли, наоборот, что-то хитрит, заплетает веселое. — Я и колесо делаю. Вертушку кручу! Тебе в армии, наверно, показывали?

— Знаю, знаю, показывали. — Он уже еле сдержался, но смеяться боялся — еще заплачет, обидится, соберется в комок. «Но откуда она? Откуда взялась такая маленькая, веселая, с карими подвижными глазками, с пучком поседевших волосиков, завитых, скрученных в тугой узелок?»

— А ты не жалея Тоньку, приказывай. Я баба веселая, легкая, сухая палка, бараний вес. Я и в городе жила, побывала. Городских сухарей попробовала, ишь чё с их расплылась.

— Долго жили там?

— Долго, долго, Сергеевич. У нас квартира на втором этаже была, так я на третий все пробегала. Разбегусь, бегу да убьюся. Да прямо в дверку чужую стукнуся. Подь ты к черту, корю себя, то ли птичка ты, то ли бабочка семикрыла? Куда летишь, спешаешь, поди, никто и не рад.

— Вы с мужем жили?

— С мужем, да. — Она на минуту задумалась. И снова осветилось лицо. — Мой-то из военных был, с золотыми погонами. Капитан, может, даже майор.

— Может, генерал? — Он засмеялся, не вытерпел, но сразу смолк, в руки взял себя.

— Зачем прибавил, Сергеевич? Ты видал генерала-то! Его, поди, не обхватишь по талии, да и росту отмеряно. А мой — кого — такой же легонькой, суховатенькой, от него и научилась гимнастике. По утрам соскочим, оботремся, обмоемся, потом уж на голове стоим.

— Оба стоите?

— А чё нам, Сергеевич! Я вначале — из угождения, потом вижу — на пользу мне. Здоровье-то не купишь у нас. Хочешь, покажу упражнение?

— Потом...

— Закругляюсь, Сергеевич. А то надоели слова да речи, надо и за стол.

А потом, за столом, ему стало опять покойно и весело, как будто приехал к родной матери на каникулы, и кругом — все родное, домашнее, — и оттого тепло и покой. А она все смотрела на него устало и ласково, как будто бы сына видела и желала ему вечной радости, многих лет.

Но Тоней так и не смог называть ее, как-то не получалось. Стеснялся, да и временами она выглядела совсем старой, уставшею, не помогала, видно, гимнастика, а может, просто давила жизнь.

Очень любила ходить по грибы. Правда, редко приходилось с корзинкой — в колхозе время всегда горячее. Работала много — то дояркой, телятницей, то замещала заведующего на ферме, — вставала рано, ложилась поздно, так что какие уж тут грибы. Но все равно выкраивала свободный часок. Лес-то рядом, и ноги свои. Да и любила эти лесные часы. Да и как не любить их, березы...

Валерий Сергеевич вздохнул глубоко, отвернулся. По дороге кто-то ехал на лошади. Лошадь весело фыркала: видно, попадал в ноздри сухой песок. Поравнялась телега, в ней сидела Валентина Корюкина — школьный завхоз. Он не любил эту женщину, избегал. Но сейчас — делать нечего — носом к носу...

— Пошел к сыночку, Сергеич?

— Туда! — он ответил отрывисто и замедлил шаг. Но телега тоже замедлилась, и он с раздражением закурил.

— Все собираюсь к вам да наглаживаюсь, поглядеть ваши ковры, гарнитуры...

Он опять промолчал, только в щеки бросилась бледность. Но она ничего не заметила, лицо веселое, круглое, и руки такие же круглые, толстые, они цепко сдавили кнут.

— На своих ножках нынче. Надоело на «Жигулях»?

— Надоело... — И снова затих разговор. Но ей, видно, не привыкать. Опять веселая:

— Говорят, вы втору коровенку заводите да пустили бычка?

— Ну и что?

— А я хочу к вам в работники! На полставки возьмешь?

— Мне сейчас не до шуток! — И он посмотрел долгим взглядом на девочку, и у завхоза изменилось лицо. Но девочка, казалось, не обращала на них никакого внимания, еще сильнее присмирела, все мысли в себе.

— Худо тебе, Нинка, наступит без мамушки! Ой, худо — не приведи. Да не вернешь...

— Кого? — спросил машинально учитель.

— Не вернешь нашу Антонину Ивановну. Да хоть бы не така смерть... — И Валентина поднесла к глазам носовой платок.

— Тебе-то что плакать, страдать... — оборвал он ее громким сердитым голосом и сразу пожалел, что вспылит. Не хотелось ругаться, еще больше расстраиваться, только хотелось побыстрее от нее отделаться.

— Ты мне не указывай, Валерий Сергеич! Ты мне рот не затыкай белой тряпкой... Я вот правду возьму да выпалю.

— Давай, давай, — он махнул устало рукой, отвернулся. Им овладели апатия, безразличие, видно, сказались усталость последних дней, напряжение, и он закрыл глаза. Когда открыл, то сразу же, в упор увидел печальное лицо девочки и

злые, напористые глаза Валентины. В них было все: злая боль, осуждение и еще большое-большое лукавство. Но все равно он решил отмолчаться, не ввязываться, зато она не молчала:

— Гарнитуры-то еще не все в Кургане скупили? Когда-нибудь завалит вас этими досками... Прямо с головой и завалит.

— Какими досками? — он удивленно посмотрел на нее и опять нашел силы сдержаться. Ему хотелось уже совсем забыть про нее, но Валентина не умолкала. Только глаза ее стали проще, добрее. Может, стало стыдно, неловко, что наговорила ему много тяжелого, лишнего, и теперь пробовала пошутить даже, перевести разговор на смешное.

— Ну ладно, Сергеич! Не переживай ты, не обижайся. А то идешь — губу на локоть, а с чего бы? Да плюнь ты на меня, на такую нахальную бабенку! Все плету не свое, не наше, а ты — к сердцу да к сердцу! А то бы размахнулся да ударил меня, поучил по-мужскому. — Она засмеялась и, видно, ждала ответного смеха. Но он даже не улыбнулся.

— Я не хулиган...

— А ты похулигань, Сергеич, тебе можно. Ты — человек большой, образованный, а я — кого: три класса да два коридора. Мне уж с рубля-то не сдать тебе по порядку...

— Не хвастай... — Он еще хотел что-то добавить, но она перебила, не слушала, опять начала тараторить:

— Сколько матушка-покойница приговаривала: учись, Валентина, не моргуй книгами, пригодятся, а я все — зачем, неохота. А та опять: учись, а то затопчут. А я отвечаю ей: я к забору прижмуся. Тогда в забор вдавят, — это мать-то опять страшат. А выходит, что не страшала — жалела...

Пока она говорила, он стал успокаиваться, но все равно раздражение не смолкало в нем, да и надоел ее голос. Он начал покашливать: мол, хватит, поговорили уже, теперь пора помолчать. Валентина заметила это покашливание, истолковала по-своему. А может, хитрила, у нее хватит ума.

— Простудился где-то, не поберегся... А чё же, Сергеич, тебе жалко, поди, Антонину? Ох, поди, жалко! Как она болела о тебе, как родного брата держала. И помогала тебе перво время — вся деревня знает, и я знаю... А ты, Нинка, не наводи ухо, не обязательно... — она взглянула на девочку, что-то еще хотела добавить, но только головой покачала. Девочка сразу побледнела и совсем низко склонила лицо.

— Не надо про маму... Я пойду вперед, тогда говорите.

— Зачем, Нина? Иди рядом со мной, — прервал быстро учитель и сразу же закурил. Валентина чему-то обрадовалась, глаза засмотрели вразброд:

— Хорошо сказал! Честно и добросовестно... У нас, Нинка, нету секретов.

— Ладно! Нина поняла уже, — опять рассердился учитель и начал покашливать. Его ладони то сжимались, то разжимались...

— Все, все. Мы закончили. А ты точно простудился, Сергеич. — Валентина хмыкнула и закусила губу. — Хлипкий пошел народишко. Я в войну вон до Покрова босиком бегала — не в чем дак. Так доброй обуинки и не нашивала. Дегтем пятки натру да подошвы, теперь хоть на снег ступай, хоть на стекло — нога не чувствует... — Ее голос стал мирный, податливый, но учитель молчал, и это ее удивляло. — Садитесь, что ли, подброшу? Я тоже в лагерь — везу продукты...

— А мы на могилу. Я к маме, — вступила в разговор девочка и сразу же засмотрела на них строго, пронзительно. Потом в глазах прошло нетерпение, погасли

глаза. Наверно, надоел уже разговор. Но Валентина не чувствовала, потому опять начала:

— Как ты ее с Серезенькой-то начнешь разлучать? Все время вместе играли, привыкли. В детдом ее, что ли?

— В детдом... — И вдруг он вздрогнул от непонятного звука и повернул голову. Это плакала девочка. Перехватив его взгляд, затихла и заговорила сдавленным голосом:

— Зачем вы при мне?! Я отойду?!

Валентина услышала, спохватилась.

— Ох, Нинка, не отходи ты! Виноватая, обзабылася. То его разобидела, то теперь вот тебя... Ну чё ты, ну чё ты, как разожгло тебя! Я сама об Антонине реву, все сердчишко мое изболело... — Теперь уж сама Валентина заплакала. Плакала навзрыд, не таясь и не закрываясь, и видно было, что забыла про лошадь и про то, куда едет, — и учителю тревожно опять, как перед сильной опасностью. Эта тревога, этот стыд перед девочкой, который вдруг вырвался изнутри и охватил затем голову, — совсем сломили его. Он слышал уже, он чувствовал, что нервы горят огнем, догорают.

— Не понимаю, Сергеич, зачем ты Нинку туда повел? Я — чужа сторона, да и то боюсь даже рядом...

— Она сама попросилась.

— Мало ли что сама...

— Да перестань ты меня учить!.. — почти крикнул он, но в последний момент сдержался. Зато Валентина не унималась:

— Пожалей девку-то, не води туда! Како сердце надо иметь — или каменное сердце.

— Замолчи ты! Пристала пчела... — сказал потихоньку и сразу побледнел, как стена. Сдержаться не смог уже и теперь ругал себя, что не смог. Она все слышала и сразу поникла. Вожжи выкатились из рук. Лошадь фыркнула, остановилась, ноздри вспухли и повлажнели.

— Я — пчела, а ты — хозяйчик, кулак! — она подняла голову и посмотрела в упор. Но он не видел ни глаз ее, ни лица, ни тяжелой обиды в глазах. В нем все уже клокотало. И тогда, чтобы избавиться быстрее от нее, он подобрал с земли палку и замахнулся на лошадь.

— Пошла! Пошла...

Но лошадь словно тоже была заодно с Валентиной — только скалила зубы, не шевелилась.

— Пошла давай!

И опять стоит лошадь, тогда Валентина слезла с телеги, подобрала медленно вожжи и так же медленно села.

— Спасибо, Валерий Сергеич! Спасибо, родной... Вот уж палкой начал замахиваться, а ты ударь, ударь, чё жалешь бабу-дуру...

— А ты напростишь: доберусь вот по-настоящему.

— А-а, не пугай Настасью большой снастью. Сами кого хошь напугам!

— Проезжай!..

— Да не кричи, поостынь! Богатство-то, видно, дерет тебя, распират сильно груди. Да не бойся, не раскулачим... Но-о, поедем, Гнедуха! — Она натянула вожжи, и телега сразу покатила. Лошадь вздернула высоко голову, заржала. То ли сердилась, то ли почувала волю. Через минуту смолкла телега, и учитель стал

приходить в себя. Успокаивало, что с Валентиной у них так всегда: как сбегутся, так сцепятся. У каждого, видно, свой друг и свой враг. Плохо только, что поругались при девочке... Да что — теперь не исправишь. И это «теперь не исправишь» совсем успокоило и вернуло в строй.

Остыла и девочка. Когда взрослые горячились, она отошла в сторону и старалась не понимать. Но кое-что все равно поняла она — и слова эти принесли боль. Да и вопросы не отпускали. Почему Валентина ругала учителя, почему? Может, надо было за него заступиться?.. И в то же время она давно любила Валентину — и по школе, и так, по разным добрым делам от нее, — потому очень переживала, испугалась, когда учитель побледнел и начал ругаться. Она переживала и за лошадь, на которую замахнулись палкой, а за что замахнулись? Спина ее сразу замерзла — и все эти муки, переживания нахлынули разом и отвлекли. Но вот стихла телега, и девочка оглянулась. Учитель уже спокойно посматривал в небо. Она тоже глаза подняла. Сразу увидела множество облаков, черных и белых. Только чернота эта была понятная и нестрашная. Она несла с собой дождь — влагу на луга, огороды. Дождь был так нужен земле. Он прошел вчера, но его не хватило. И лес, и травы, и птицы теперь тосковали о нем. Тосковала и Нина. Она тоже любила дождь и сейчас с надеждой смотрела вверх. И еще ей хотелось в этих очертаниях-облаках увидеть то родное-родное лицо. Но оно не пришло, и на девочку снова нахлынул непонятный и странный вопрос: «Где ж ты, мама, сейчас? Где ты?»

2

Учитель тоже разглядывал облака, но глаза были пустые, усталые. И все-таки почти успокоился, да и дышалось ровней. И о девочке думал без напряжения, душа почти улеглась. «Все справедливо, все правильно, в детдом ее — больше некуда. Не брать же в свою семью. Вон даже родных детей оставляют, сколько матерей развелось одиночек, а ты, подумаешь, — филантроп...» И пока думал об этом, все смотрел в небо, и небо тоже отвлекало его, успокаивало, и становилось совсем легко. «А что мучаюсь, собственно, переживаю? Неужели не заслужил я спокойную жизнь?.. А ведь тоже нелегко было, не сразу манна с небес. А учился как! На стипендию и одевался, питался — да что говорить... А сейчас зажил как человек, — и сразу увидели. И эта тоже кричит — ковры, гарнитуры. Эх, зависть-матушка. Кто ее выбьет из нас...» Он дышал уж совсем ровно, спокойно, и так же спокойно курил.

Каждое облако намечало свое лицо. И только начинало что-то проступать и угадываться, как все лица мешались и путались, и все опять пропадало. Но все равно наблюдать интересно. Только отдых его длился недолго. Девочка подошла близко-близко к нему, даже рукой затронула:

— А поскорее нельзя? То отстае да отстае, а я легкая на ходу...

«Легкая, легкая...» И опять она, Антонина, стояла в глазах. Да так отчетливо, ясно: слышно каждое слово ее, каждый шорох, движение, будто совсем рядом она, на расстоянии дыхания. Будто продолжает все тот разговор. И смешно, горько и забавно опять, как говорит она, как в глаза смотрит, приглядывается — верят ли ей, не верят, слушают или забыли ее. И он удивлен, сбит с толку, подавлен: откуда эта доверчивость, простота? Будто спешит всю жизнь свою выложить, все мысли, самые тайные, кровные, все надежды свои... А почему, а зачем? Ведь он чужой совсем, незнакомый, а она все спешит и спешит.

— Мужик мой беспокойный был. Хоть связывай его, хоть привязывай, он встал да пошел. А куда пошел? Ясно куда — по друзьям-сотоварищам вино пить да закусывать. А на работу, правда, всегда добрый конь. Опять ленивому-то кто же квартиру даст в городе? Не дадут, нет и нет. Только мой-то не больно сидел в этой квартире, и семья ни при чем. Вот как обидно, Сергеич, чё я — не женщина, чё — кака опояска ему, развязал, бросил под ноги и пошел. А я ведь, я... — Она задохнулась тогда от волнения, но он ждал молча, не перебивал. — Я хоть и маленька, зато уж мила, красивенька, а кожа-то — с лица воду пей, умывайся. А каки были волосы! Ох, помру я, Сергеич! Распадутся по плечам, полетят мои косоньки, а я косоплетку носила, а ленты голубеньки, под цвет глаз выбирала, под цвет. А ноги-то каки были, Сергеич! Хоть сзади, хоть спереди — таки прямые, стройные ступочки, хоть ступай сама, хоть любуйся. Нет, не похаю себя, не похаю, да и хозяйкой была, ох была я, Сергеич! Все у меня глажено-переглажено, да и муж всегда ходил чистенький, аккуратненький, гладенький, как окунек какой, да избаловался. Чё ему! Сама поважала... К столу сядет, поставлю, а он — того не хочу, другого. Тут недосолено, а тут недоварено, ужмет губы, сидит, похохатывает. Я злось, трепыхаюсь вся: кого, мол, придираешься, ужимка? Ты другу такую поищи. И не могу — задохнуться. А чё строить насмешки, ужимать сухи губки, ты на себя погляди да сравни. Вот и встану перед ним така лёгонька да хорошинька, на ногах — чики-брики, босоножки по-вашему, он задышит, одумается. Как минута проскочит, он — кулаком больно по столу: «Пошто, Тонька, не родишь никого?» Ну вот и дойдем с ним до этого, нарежемся досыта, обнимемся, а кто поможет — никто. Не приведи никому, если нету их. И с ними — худо, а без них — хоть в петлю. Ох, худо было, Сергеич. Да мужик всегда оправдаться, вот и школил меня, стучал по столу. Постучит кулаком, пойдет да напьется. И на следующий день — вино. И позаследующий — все вино. Я домой не пускаю, а жалко. Возьму в зубы кулачки да гложу их, покусываю, а у самой уж — слезы, слезы. Вот наша жизнь. А ему чё? Залетела в рот пьяна ягодка. И на работе уж недовольны, грозятся. А ему чё — ничего. Вот уж и деньги выйдут, и друзья прогоняют. Они чё — друзья, пока денежки... Дома тоже чисто, зачищено. Было дело — без хлеба сидели, все спускал мой ужимка. Однажды саму-то зарыл до срока. Только што не отпел со дружками, да выплыло...

Он бы долго еще слушал ее голос, перебирал его в памяти, опускался в самую глубину его, погружался весь без остатка, отрешась от этой дороги, от девочки, — но его потревожили, разбудили. Опять потревожила девочка.

— Пойдемте быстрее! Ползем прямо... — В ее голосе уже звучало требование, и он удивился.

— Ты что кричишь на меня? Я иду, не стою.

— Кто так идет... — сказала нарочно громко, чтобы услышали. Ему стало обидно: «За что она? И так каждый день с ней. Привязалась, липучка». И тут же оборвал себя — зачем сердиться, у нее горе, расстроена, ей не хочется уезжать. Но на словах не сказал ничего. И даже обрадовался, что сдержался.

В лесу было душно. Солнце поднялось уже высоко, и его прямые лучи упирались прямо в голову и жгли нестерпимо. Деревья не защищали. У некоторых берез свернулся, пожелтел лист, как будто дохнула осень холодным инеем и погубила листву. Но это сделали суховеи. Они залетали с дальних южных пустынь, а нынче залетали особенно часто: все лето стояла жара, и этот зной измучил людей, и они уже ни на что не надеялись. Вчерашний дождь принес большую надежду. Эта надежда была на новый дождь, и сейчас учитель опять посмотрел на небо.

Облака были в правой стороне, откуда чаще всего поднимался ветер. Сейчас тоже дул ветерок, но солнце жгло уже по-дневному, и ветерок не освежал, а, наоборот, обжигал щеки, — и он подумал, что в лесу, наверно, все равно лучше, чем в поле. Там — настоящее пекло. Сразу мысли метнулись к сыну. Их класс теперь на последней прополке...

— Мы к маме в последний раз? Или можно...

— В последний! — ответил он твердо и поднял голову. Но все равно та продолжала смотреть на него, глаза напряглись, не мигали. И он опять повторил: — В последний, в последний...

Когда повторил, сразу стало плохо и стыдно, но он не знал, почему плохо с ним, почему очень стыдно, почему не мог взглянуть прямо ей в глаза, не мог заговорить с ней, не мог даже вздохнуть свободно, всей грудью, словно кто-то за ним подглядывал, запрещал. Неужели из-за нее самой, этой Нины, так стыдно, так тяжело? Неужели из-за того, что он повезет ее завтра в город и там навсегда оставит? Но ведь любой на его месте решил бы так же!.. Но если не поэтому, то почему? Почему?.. Ему делалось все хуже, все беспокойнее, потом заныли виски от тупой расслабляющей боли, и скоро боль эта захватила всю голову, и он зажмурился. Учитель знал, что это заныли нервы — в школе разве сохранишь их. Только одно утешало, что все это скоро кончится, что сегодня они идут в последний раз на могилу. «В последний, конечно, в последний», — повторил опять про себя, чтобы в чем-то оправдаться и успокоиться. И вдруг слово это обожгло своим печальным роковым смыслом, и опять та, роковая, печальная, встала в глазах. Но теперь уж совсем не мог он бороться с видением, не мог переключиться на что-то хорошее, успокаивающее, и вот уж полетели секунды, минуты в этом видении, сейчас уже ничего не исправить. Да и как исправить, если знал, понимал уже, что теперь не забыть ее, не забыть и эту упрямую девочку — дочь ее. «Но все не верится, нет, не верится... Где ж теперь она, где?..» Он повторял про себя те вопросы, которые повторяла, несла в себе девочка, но он не знал об этом и не догадывался. Только одно теперь знал он, в одно поверил, признался, что вся спокойная жизнь его кончилась и все хорошие дни прошли, что теперь ему самому надо решить что-то о своей собственной жизни, решить такое же большое, огромное, как все муки его, все сомнения. И чтоб не терзаться еще, не мучиться — он погрузился снова в свое видение. И снова лицо ее, совсем живое, веселое, завладело им, подчинило, да он и сам желал этого, потому и сбылось.

— Ой, не могу, Сергеич, ударь меня по спине, Сергеич, так смешно вышло, прямо грузди в январе выросли. Ты не поверишь в грузди-то, а в мое-то поверь. Ну вот, ужимка пропился до нитки, и все уж ему отказывают, и ты б такому займы поморговал. Он у меня и повял. Да совсем несчастным прикинулся, да в профком. Пожалейте, мол, в положенье войдите — жена родна померла, Антонина Ивановна. Хочу в хорошо одеть, а денег нет на хорошо... Ну чё, повздыхали, погоревали, обещали навестить, денег выписать, а пока что четвертну сунули. Добрых людей много. А он взял деньги, не отказался — да ко друзьям. А ко мне пришли из профкома-то. Ну вот. Зашли, потоптались — у вас, говорят, горе большое — покойница. Я гляжу на них — какая покойница? Делать нечего, рассказали, что пришел к ним ужимка, расплакался — хороню, говорит, жену, Антонину Ивановну. Как стояла я, так зашаталась. Потом говорю — я сама Антонина Ивановна. Но жива пока и надеюсь пожить. А сама как зареву, зареву, они тоже побледнели все. А потом — как да как? А вот так, — говорю, — муженек у меня интересный, хо-

тите — продам? Они снова — мы накажем его, накажем. Неуж живых хоронить? Нет, говорю, отступитесь — муж с женой разберутся, а придет ко мне неминуча, все равно схоронит, не убежит. Только через годик мне самой пришлось хоронить. Говорят, что желудок увел его. То ли рак, то ли сплетня на рак? Теперь все одно пишут, а, поди, сроду друго...

— Валерий Сергеевич, можно быстрее? Быстрее!..

Он услышал имя свое и вздрогнул, пришел в себя.

— Что, что?

— Пойдемте быстрее, — попросила девочка. Глаза ее горели колючим, и они уж не просто смотрели, а обвиняли, эти глаза. Она, видно, уже еле сдерживалась, но он не видел ее нетерпения, да и как видеть и замечать ему, если все еще плыл, купался в своем радостном сне. — Прошу вас, быстрее! Мы же в последний раз... Вы обещали...

— В последний... — повторил за ней машинально, и вдруг сознание вернулось к нему. «Почему командует? Зачем такой голос, глаза?..» — Сейчас он хорошо увидел ее глаза, и они оттолкнули и поразили его. «Неужели думает, что у ней есть права? Есть права на меня. Но кто я ей, кто?.. Ну пусть она дружит с моим Сережей, пусть с детства они не разлей вода. Ну и что из того?..» И чем больше так думал, тем сильнее обижался на девочку. И хотелось уж быстрее увезти ее в город, чтобы больше не видеть, не замечать. А потом вдруг его осенило другое. И пришло оно незаметно, потому и застало врасплох. Он только посмотрел на девочку сбоку, взгляделся — что-то, мол, другое стало лицо, — и сразу замерло сердце, потом так же внезапно забилося, но боль не прошла. И он всматривался снова и снова в ее светлые воздушные волосы, в ее шейку, желтую от загара, похожую на тонкий желтенький колосок, в ее глаза, в которых так и осталась с рождения прозрачная пленочка, она, видно, хранила, защищала глаза от беды. И все это тоненькое, слюдяное и зыбкое вытягивалось в одну бесконечную и родную ниточку и вызывало страдание, и только одно теперь мучило: неужели он порвет ее, эту робкую ниточку? Неужели от рук его станет гибнуть этот живой колосок? Но почему гибнуть, да почему же? Там, в городе, с ней будет коллектив, воспитатели, они и поймут, и полюбят, и заменят семью... И чтоб хоть немного отвлечься, утешиться, стал разглядывать облака. А мысли были новые, какие-то странные, и они неприятно поразили его. «И куда они вечно спешат? Кто их гонит? Зачем?.. И где конец небу и где начало? Неужели после смерти мы все уходим туда, на это самое небо?.. Смешно — на небо...» Он усмехнулся и опустил голову. Глаза щипало, точно перед слезами. «Но о чем плачу, вот ей бы плакать, а мне-то?» Опять покопился на девочку, и снова ее тонкая шейка потрясла его, и вдруг, как по чьему-то приказанию, какая-то неведомая сила подхватила и понесла его. Она понесла к самому началу, к истоку, где начался этот живой родничок. Он так зримо вспомнил тот вечер, так ясно, отчетливо услышал каждое слово ее, движение, будто дело было вчера еще, будто не прошло этих многих и трудных лет.

Она постучала тогда рано, так рано, что он испугался. Но зашла она смиренненько, потихоньку и сразу устало опустилась на стул. Он совсем испугался усталого лица, ее глаз, робких, просительных — значит, пришла с горем и теперь мнется, выжидает момент. Но она заговорила о легком, о постороннем и как будто разве-селилась и отвлекла его.

— Чё давно не заходишь? А я упражнение новое разучила! Заходи — покажу.

И он улыбнулся, от души отлегло.

— Заходи... — повторила.

— Я занят, к урокам готовлюсь, мне некогда.

— Тогда чайком напои.

Он налил ей чаю, наложил мятных пряников. Ей понравился чай, а до пряников не дотронулась.

— Чё, Сергеич, я узнала... Ты дом покупаешь?

— Покупаю, Антонина Ивановна.

— Эх ты, мужик! Так Тоней и не назвал старуху, видно, сильно глубоко я состарилась. Скоро съедешь от меня — только и видела. — Она нехорошо засмеялась и прикусила губу. И вдруг переменилась вся, вспыхнула. И распахнулись глаза во всю ширь. — Я, Сергеич, дочку решила взять. Вчера в город поехала, сразу в больницу пришла. Там у меня есть родня мужова — хирург Раиса Степановна. Она меня жалела всегда, и теперь пожалела — возьми, говорит, девочку или мальчика. У них есть вот такие девочки. Родит женщина, заявленье напишет, что не нуждается в своем дитеночке, его и оставляют в больнице. Есть таки у нас матери — оторви им хвост. Потом государство берет на себя и воспитывает. Вот како у нас государство ласково... Чё, Сергеич, одобряешь меня?

— Решайте сами, не знаю.

— А я решила сейчас, наревелася. Завтра еду! Ты за домом погляди, надавай куричонкам да истопи печь покрепче — девочке-то надо будет тепло.

Приехала через два дня из города и привезла с собой дочь. Зашла в дом задумчивая, вся сжатая, как во сне. Только по глазам видно, что это счастливый сон. Человека всегда выдают глаза. С тех пор зажглась в них тихая счастливая свечечка, и огонек этот уж больше не свертывался, не затухал.

А он уже купил домик, небольшой, правда, но первое время жить можно. В тот же год и появилась жена Наташа, и жизнь его тоже походила на радостный сон — все перевернулось и все улеглось, — и новый порядок пришелся по душе. Заходила иногда Антонина Ивановна. Она стала серьезней, степеннее, все разговоры о дочери. Шло время, и дочь Нина росла у нее, поднималась, и вот уж личико разобрать можно — глаза небесные, синие, да и волосы не подвели — густые, пушистые, а возьмешь на руку — они легкие, прямо пепельные, дунет ветер — они падают на лицо, мешают, опутывают, а матери радостно — точно сама родила и выносила это чудо — родную кровь. Да и на работе всегда много радости, не шла на работу, а прямо летела. И все в колхозе уважали ее, приводили в пример. Ей дали орден как знатной телятнице и путевку на юг. От путевки отказалась, потому что на руках была доченька, да и не привыкла ездить по теплым морям. Зато привалила новая радость Антонине Ивановне — ей дали ключи от хорошей квартиры, — живи, мол, да дочку воспитывай, да ни о чем не тужи. Об этом сразу узнала жена Наташа и доложила ему. Она всегда все знала, его Наташа, у кого что куплено, что получено, что еще решают купить. А самой хотелось жить лучше всех. Да и помогли Наташе родители — как-никак одна дочь. Потому в первый же год пришла в их дом новая мебель, да и на сберкнижку отнесли первый взнос. Жена радовалась, сияла, он удивлялся ее желаньям и, кажется, еще больше любил. А потом ей не понравился дом — мол, слишком низенький, и внутри мало места: не войдет лишний стул. Он ей поверил и нанял плотников. Прирубили летнюю комнату и веранду. Жена за всем смотрела, считала, выдавала деньги, рядилась, а он наблюдал издали, выжидал. Зато все вышло дешево и красиво — домик сразу умылся, помолодел, и он стал гордиться женой. А потом прошло года три, — и

задумали про машину. Другие покупают, а чем они хуже, и в этом желанье еще больше сроднились, и он не уставал восхищаться женой.

Одно мучило — не хватало денег, но что деньги — их следует зарабатывать, и они не жалели себя. Да и в школе пошли навстречу — за ним закрепили всю математику в вечерней школе, да и в дневной-то он занимался на полторы ставки — вот и нажили рубль. А наступил месяц август, он пришел в правление колхоза и попросился в бригаду. Его похвалили, пожали руку, написали об этом в районной газете, а через день доверили новый комбайн. Механизаторов не хватает, а он знал технику, механизмы, вот и решили: раз берется — не подведет. И он в первую же осень заработал пятьсот рублей, а на следующий год свой рекорд повторил. А все равно на машину мало, но опять Наташа поклонилась родителям, и скоро пришел большой перевод из Черкасс. Так и захала к ним в ограду машина, и оба они ходили возле нее как дети, боясь дотронуться до сидений, до мягкой полированной стали, а в глазах опять поднималась гордость — гордость собой. А рядом с ними ходил уже десятилетний Сережа, их сын, наследник. Десять лет прошло — не заметили, да и кто замечает время, если счастлива жизнь.

А через год они возвели флигелек. Лес на дом достали почти бесплатно, да и было его много, с остатком, потому так быстро построили. Отдали флигелек сыну — пусть читает там, занимается, а потом раздумали — это ж деньги! Стали на лето пускать туда квартирантов — город рядом, приезжают на лето дачники, рыболовы, вот и отдали им «Сережин домик». Правда, протестовала Антонина Ивановна. Ведь это ее лес потратил Валерий Сергеевич. Она продала ему свои «родные гнилушки», зачем ей старый домик, если жила теперь в новой квартире, а эти «гнилушки» стояли без крыши, без стекол: без хозяина дом — не дом. Вот и назначила цену, да такую смешную, малую цену, что Валерий Сергеевич удивился. А она замахала руками: «Не набавляй, не надо! Ты мне теперь — за брата. Я умру, поди, скоро — не вечна. Вот и посмотришь за Нинкой, она станет сиротка, а ты поглядишь — и оживет моя Нинка...» Он засмеялся, сказал какую-то шутку, так и закончилось дело. Но вот пустили жильцов в новый домик, и Антонина Ивановна рассердилась: «Ох, Сергеич, чё-то неладно. Все-то деньги все одно не возьмем...» Но что ее слова, если они решили купить вторую корову. Опять же выгода: много приезжих, и все спрашивают молоко да сметану. Одним словом, деньги-то под ногами, только наклонись да возьми. Теперь и жена гордилась умелым мужем.

Только вот с коровой произошла остановка. Хотя и денег скопили, а покупать страшно — все лето зной, ни дождинок, луга остались пустые, только по лесам бы и пособирать травки, но все равно это не выход, — на две головы тяжело. Правда, все располагало вначале. Сергея отправил в трудовой лагерь, жена уехала погостить в Черкасс, один остался — веселое дело. Знай гуляй по лесам да собирай травку. Но помешало это внезапное горе, так помешало! Поди, и тут жара виновата. Суховой хорошо поработал, все дерево высохло, иструхло, как порох. Вот и вспыхнуло, взорвалось... «Нет, не надо об этом думать, не надо!» И учитель сломил себя, отвлек на другое. Но все равно озноб пошел меж лопаток, и это, страшное, роковое, еще долго ворочалось в нем, поднималось. И каждый раз он призывал всю волю, чтобы не знать об этом, не помнить. Даже о девочке думать лучше, спокойней, — и он спросил ее что-то. Она не ответила, может, ушла в себя, промолчала. Потом стал думать о сыне. И как только поднялся в глазах он, высокий, красивый, с длинными ресницами, как у Наташи, так сразу освободилось дыхание. Но ненадолго. Он еще раз обернулся на девочку, еще раз вздохнул

глубоко, — и вдруг пронзило совсем простое, хорошее: а ведь она может стать ему дочерью! Только пожалей, приложи немного старания. Да что старания? Только обогрей душой, приголубь... И как только признался, сказал себе — так нахлынул страх. Он его караулил все последнее время, таился, а теперь выбрал подходящий момент и свалил. Учитель зажмурился. Было стыдно своей нерешительности, невыносимо — и потому еще больше страшно за себя, за семью. А если узнает сын? Как Наташа?.. Они никогда не примут чужую, не поймут его, не простят... Да и расходы будут — такие деньги! — на девочку-то много надо. Вот-вот и станет большая, и подавай ей платья, наряды, а что скажет собственный сын? И к чему его жалость, к чему?.. И он вдруг представил, что бы сказала Наташа, как бы сдвинула строго брови: «Еще сына на ноги не поставили, а ты уж привел нахлебницу. А у кого спросил?» Он закурил, опять посмотрел на Нину. Она, видно, устала от долгой дороги. Шла совсем обреченно, уныло. Босые ноги утопали в песке, она их с трудом вытаскивала и так же с трудом заносила вперед, а сандалии были в руках. Сзади зашумела машина. Учитель оглянулся, нахмурился. Он сразу узнал эту зеленую «Волгу» — на обочине стоял Копытов, председатель колхоза. Лицо было веселое, молодое. Потом посмотрел на девочку и сразу опустил голову. Но голос все равно бодрый, такая же бодрость во всей тяжелой крепкой фигуре.

— Ты ведь, Сергеевич, лектор? Знаю, все знаю — сам руку поднимал за тебя. А что ж выходит, милый товарищ, в бригаде тебя не видно? Кто народу рассказывать будет... Да ты слушаешь или уснул? — председатель рассердился, посмотрел напряженно. А учитель и вправду его плохо слышал. Ему сразу же надоел Копытов, от него шла привычная монотонность и усыпляла. Хотелось, чтоб председатель уехал, но тот не спешил.

— Ты не слушаешь меня, дорогой. Пустяками не занимаешься? Понимаю. Сено будешь нынче косить?

— Буду. Пособираю по колкам, да колхоз продаст, — учитель посмотрел на него удивленно, ему почудилось что-то недоброе, и он не ошибся.

— Не знаю, продаст ли... А за что продавать? Ты колхозу не помогаешь. Сам себе господин-товарищ. У тебя флигелек-то в ограде свободен?

— Свободен.

— Ну, жди квартирантов. Приедут на уборку студенты. Я к тебе пошлю троих-четверых.

— Флигель у нас занят. Там — сын, кровать. Тесно...

— В тесноте — не в обиде...

— Я не согласен, — заявил учитель решительно, потом добавил: — И жена не пустит!

— Мы и до жены доберемся, а то, ишь, барсуки. Чуть что — в колхоз, а для колхоза сами палец о палец... Вон, смотрите, Антонина Ивановна! Эх ты, лектор мой, лектор. Надо в каждой бригаде, по всему району кричать, как спасала она теляток, на что себя обрекла. А за что? За нас с тобой, за колхоз, Валерий Сергеевич. И дочь береги ее. От всего колхоза — наказ...

И сразу мотор пустил на все обороты. Машина рванулась.

Учитель покачал головой. Обидно, что председатель отказал в сене и заговорил о флигеле, но в слова его плохо верилось. Он и в прошлом году грозил ему, что оставит без корма, а потом продал, да еще помог привезти до ограды. Вот и сейчас петушится, не в настроенье, но пройдет хмарь и отойдет сердце. «Видно, и он не может забыть Антонину Ивановну. И легко же сказать — забыть...» И снова в памяти прорвался ее голосок — не хотел, все удерживал, а не смог. Сначала он

мучил издали, где-то внутри бежал, пробивался, и только потом уж бросился в голову и прорвал все запруды. И опять содвинулись все тяжелые камни, и все, что держалось на тяжелых крепких запорах, снова хлынуло, прорвалось...

— Вот вырастет наш Сереженька, и поженим их обязательно. Даю слово, Сергеич. Буду жива, не помру — сотворю это дело. Не беда, что не ровня по возрасту. Оно и надо, чтоб кто-то постарше. А я теща хороша буду, ох и хороша! Я теща простая да легонька, никого не задену, не ушибу. По утрам как всех выстрою, а чё, Сергеич, на зарядку всех выстрою — шагом арш да пошел! А потом как начнем колесо крутить! Нет, не могу я, Сергеич, вынести, как хорошо будет, смешно. А где смех — там и семья... Ты согласен на такую тещу, Сергеич? А че, поди, не согласен? Я и по дому помощница, я и на работу удаленька. Побегу, дак не остановишь, так и несет меня, тащит по ветру, хоть привязывай на веревочку. А чё привязывать — оторвет все равно. Побегу, только вихорек. А Нина у меня растёт умница. Эх, Сергеич, не могу прямо, жалко. Таку девку в дом возьмете, как же я вынесу, да и Наташа твоя избидит. Ты мужик ничево, а она смотрит лисонькой, ложит в мягку кроватку, а одеяльце-то у ней тяжеленько. Ты с ней построже, Сергеич, сильно любит деньгу Наташа, молода еще, а купчиха, чё поделать — не осуждаю, боюсь. А за Сереженьку Нину отдам я, не бойся. Не бойся, не обижайся. А про купчиху я наговорила неправильно, кого я понимаю, Сергеич, а вот ты понимаешь... Ты знаешь чё — признаюсь, да не ругайся. Я ведь вроде сама Нину родила. Зимой приснилось, что Нину вынашиваю, в животе тяжело, прорывает мой красный халатишко, а сама уж чую — постукиват, ножкой она постукиват. Оттянет ноженьку и ну давай ей пинать, да сильно так, с оттягом пинат. И так хорошо мне стало, в груди все согрелось, будто птичка я кака-нибудь лётная, снялась, полетела, гляжу вниз на цветочки, на травку — и все лучше мне, горячеей. Вот как доченька во мне занялась, угодила. А отчеством ты ее доволен, Сергеич? Я по мужу записала — Степановной. Чё поделать — попивал он, да кто не пьет? Зато память оставил он по себе, а если б трезвый ходил да ласковый, поди, не так бы запомнила. А хочешь, Сергеич, твое отчество дам? И будет у дочери моей твое отчество?

— Теперь уж нельзя, бумаги составлены.

— Сама знаю — нельзя. Просто подумала, чтоб тебя порадовать. Из уваженья, считай, к тебе. А может, попробуем...

— Нет, нет. — Он испугался тогда. Даже теперь испугался воспоминаний. Он всегда боялся любой обязанности. Как легко иметь дело с машинами! Над ними легко командовать и подчинять себе. Например, «Жигули». Хороша машина! Один раз показал на станции — там залезли в мотор, почистили, и гоняй год — ни заботы, ни переживаний. А с людьми — одно мученье, забота. Если что-нибудь сделают, то уж сразу ждут чего-то взамен. Вот его пригрела, пустила на квартиру Антонина Ивановна, а вот чем кончилось. Надо дочку ее пристраивать, надо мучиться и терзать себя. Но при чем здесь Антонина Ивановна? Ее нет сейчас, и она не просит, не лезет. Так на кого же он обижается? — подумал с досадой и закурил. Пальцы подрагивали, он слышал это и еще сильнее злился: «Надо же, так довел себя». Стал смотреть в небо, чтоб успокоиться, но и это не помогло. Небо было хмурое, невеселое, вдали собирался дождь. Нина молчала. «Почему она все время молчит?» — подумал учитель про девочку, и в этом мелькнуло опять раздражение, и он закурил. «Но чем же виновата она? Чем же его обидела, такого большого, взрослого, умного?» — усмехнулся над собой с ехидной иронией, и вдруг опять

стало стыдно. Даже и не стыдно, а просто грустно, неловко. Почему не поговорит с ней? Вот уж целый час на дороге, а он все как чужой, посторонний. «И она чувствует это, наверно, потому и молчит... Не о чем говорить, а все же...» И он повернул к ней голову.

— Устала, Нина? Надо было на машине...

— Не хочу на машине. — И опять замолчала. Хорошо бы вспомнить какое-то доброе слово, приласкать и утешить, но это слово не шло на ум, и он снова на себя злился. И было стыдно.

— Скоро дойдем. Я еще к сыну...

— Я знаю... — И только успела ответить, как впереди зашумела машина. Она вырвалась из-за березы как-то радостно и внезапно, из кузова неслась песня. Напев был стройный, напористый, как у солдат. Пели школьники, они сидели в кузове плотной гурьбой. Среди них он увидел сына. Сергей тоже его увидел и поднял руку. У сына было большое счастливое лицо, и это счастье сразу передалось ему. И вот уж нет машины, умчалась. «Куда поехали? А поют-то, боже мой — голова-а! Мужики уже, мужики...» Потом подкралась тревога. «Такая скорость, еще врежутся в дерево. Куда же они?.. Да о чем это я, зачем все думаю? Наверно, просто на Тобол за водой... — Он улыбнулся. — А ведь сын-то совсем большой, да и ростом скоро догонит. А вот Нина эта, наверно, так и не вырастет. В кого ей? Вон мать у ней маленькая, сухая. Дунет ветер — взлетело перышко. Но ведь мать-то ей неродная. Да о чем я?» И сразу мысли приподнялись упругой змейкой, потом скользнули в другую сторону. Словно бы опасность услышали. Так и было — пришла опасность.

— А теперь к маме. Сережа проехал... — И, не дожидаясь, повернула в другую сторону. За ней машинально пошел учитель. Теперь бы отдохнуть, постоять под березами, покурить. Но Нина двинулась вперед крупным шагом, и он молча повиновался. А девочка что-то решила. Она уже не шла даже, почти бежала. Лицо побледнело и заострилось. «Куда торопится, зачем торопится?» — усмехнулся учитель. И стало грустно. «Будет ли сын потом ко мне так бежать? Если что со мной случится? Но что случится? О чем я думаю? Смешно и нелепо. Вся жизнь еще впереди, вся жизнь. И то, что прожил, хорошо прожил. Все было, и все испытал. И был счастлив...» И он опять усмехнулся и опять посмотрел на себя, как на чужого, и рассердился. «Счастлив, счастлив...», — зашептал про себя с ехидным злорадством. У него бывали такие минуты злорадства. Он знал их в себе, знал и боялся. Так было, когда завел в ограду машину, так было, когда построили флигель для сына, так было, когда заходил в конце года на почту и проверял, сколько набежало процентов на книжку. Всегда в эти минуты горько восклицал про себя и так же горько смеялся: «Все живот набираю, Сергеич! Скоро через ремень перевалит». Так говорила Антонина Ивановна, когда наблюдала их очередную покупку. Потом и сам стал повторять эти слова, потом сделал их поговоркой.

3

Девочка шла быстрым упругим шагом. Он еле поспевал, запыхался. Лес теперь кончился, началась большая поляна. В конце поляны снова были березы. Лист на березах обуглился и свернулся.

Еще издали он услышал запах дыма и тот самый, едва уловимый, запах смерти и запустения, который всегда остается после пожаров. Забилось сердце, и стало

страшно. Девочка выглядела теперь старенькой и серьезной. «Но кто виноват? Жара виновата. Или ребяташки курили, и выпала искра? Может, провода пробило, замкнуло? Наверно, это провода виноваты... так объяснила милиция, прокурор. Но кто же виноват еще, кто же? Неужели только эти жалкие проволочки замкнулись и сразу взвилось в небо пламя, закрыло небо? Закрыло и саму ее, унесло с собой. А ведь они встретились только за час до той страшной минуты. Если б знать, если б чувствовать!» И снова в голове те минуты...

Он пошел тогда в школу — приехал инспектор. И зачем приехал? Зачем тащился сорок верст из района? Ребята все давно на каникулах, учителя в отпуске, а он решил проверить школьный участок. И всех вызвали в школу. Прибежал и за ним посыльный. С тяжелой душой шагал он по улице — не дают отдохнуть, зачем тогда отпуск. И вдруг догнала сзади Антонина Ивановна, тронула за плечо, засмеялась. Он вздрогнул.

— Не пугайся, идешь потихоньку — и догнала, напугала.

— Ты любого догонишь.

— Так легонька же я, Сергеич, всю дорогу такая... А чё Нина не пришла из похода? Девчонок-то зачем отправляете? А чё случится — учителя в стороне, так оно будет, Сергеич? Получай от меня замечание.

— Куда бежишь? — решил перевести разговор на другое.

— Бегу прямо да забегуся. У меня два теленка в профилактории заболели со вчерашнего вечера. Такой жар — забило все глазоньки, — поди, чё поели, то полизали. Николай, фельдшер, смотрел, да кого он? Сам знашь Николая, ему бы только акты подписывать, нехороший у нас Николай. Ну ладно, обгоню тебя, а то заждались телятки, поди мычат да поглядывают в окошечко, где, мол, та стара дура, где задержалась. — Глаза заблестели ярко и радостно, и в тот же миг она обогнала его, и это ему не понравилось. И он подумал тогда устало и с раздражением: «И что бежит, чему радуется? Старая уж, а все — под молоденьку...» А он-то, мол, почему не смеется, не задирает голову. И все есть у него: и жена, говорят, красивая, и сын есть, и машина в гараже быстроходная, и скота в пригоне полно, и на сберкнижке накоплено. Ну что ему надо, ну что еще?! Почему он не смеется никогда и не радуется, почему жить ему тяжело-тяжело?..

Потом стали заседать в кабинете директора. Пришло их всего пятеро, а он был шестой. Инспектор приехал говорливый, молоденький, все курил маленькую ореховую трубочку и часто выбивал ее о полированный стол. В окнах виднелись березы. Они покачивались из стороны в сторону.

Вначале он слушал инспектора, потом наблюдал за трубочкой, потом совсем забыл, где сидит, — задремал. Но глаза были открытые, они все видели и вбирали в себя. И глаза не удивились почти, когда над березами встал дымок. Он был маленький, чуть заметный, голубенький. И когда Валерий Сергеевич очнулся, голос инспектора звучал бодро, почти торжественно, — и вдруг дымок круто выстрелил, взорвался и превратился в густой настоящий дым. В первый миг это не испугало, не потревожило, только подумалось с удивлением: опять жгут костры ребяташки, зачем допускают в лес. Но дым опять выстрелил — и сразу туча огня. Учителя заметались, забегали, он тоже выскочил за ними на улицу, закричал. И рядом с ним уже все кричали, бежали к лесу. Казалось, ринулось все село. А он уже давно понял — горит ферма, горит. Потом ударило в голову — надо бы обратно теперь, обратно. Да подготовить воду, лопаты — вдруг огонь пойдет в улицу — такая сушь, все сметет... Опять кричали, гудели машины, и вдруг напал страх. Он вспомнил, как она спешила на ферму, как поговорили, как встретились,

как блестели ее глаза, как пожалела теляток. И родилось предчувствие. Оно было тяжелое, нехорошее, да и люди кричали по-дикому, кто-то рыдал.

Вот и лес, вот и ферма, вот и страшный огонь. И все кружится, вертится, и ничего не понять. И он стоял оглушенный, потерянный, люди что-то кричали, рассказывали, он слышал слова, но не понимал этих слов. Потом понял. Подошел ветеринар Николай и сказал, что сгорела Катайцева. И сказал так просто, обыденно, что до него не дошло. Потом и другие сказали, и он опять не поверил, не захотел.

Огонь шумел, рвался к небу. Огня много потому, что взорвались баллоны. Первый взрыв он увидел еще в учительской. Это был тот дымок, чуть заметный, голубенький.

Не хотелось верить, что там она. А Николай курил, и рассказывал, и вытирал глаза... Она подбежала, когда ферма уже вспыхнула. И Николай подбежал. Она кинулась на него с упреками, почему, мол, не вывел теляток, они больные, им страшно, не вытерпеть. Николай защитил себя: когда, мол, вывести, сам сейчас подбежал. И тогда она — прямо в огонь. Только голос оставила: «Я их вынесу, вынесу!» С теми криками и ушла. И только исчезла в проеме, как стали рваться баллоны. Их было много на кормокухне. От них еще больше огня.

Пламя сильное, да не вечное. Вот огонь стал стихать, гореть-то нечему — все зола. Потом снова ветер поднялся, но теперь уж не страшен он, огонь кончился, одна зола пролетела, один прах. Приехал Копытов на газике, бродил кругом, сам с собой разговаривал: «Что же ты, Тоня, наделала... Жизнь свою отдала... Отдала за теляток!» Но никто не подговорился к нему, и председатель совсем расстроился. Потом подошел к толпе, поднял голову. Голос хриплый, сухой: «Вот, товарищи, дорогие товарищи! Какие люди у нас работают!» И опять не подговорился никто.

Потом появилась милиция. Он удивился тогда, зачем приехали, упали, как с неба коршуны. Лейтенантики были молодые, упрямые. И эта молодость оскорбила всех, все пытали, выпрашивали, но никто не отвечал им, все отворачивались. Но не унывала милиция, да и двое их было. Все записали, общупали и опять бухнулись в свой мотоцикл — и в район. После них и народ стал расходиться. Все говорили — хорошо, мол, что дочка ее в походе, а то бы с ума теперь помешалась. А он, учитель, все спрашивал кого-то невидимого, могучего: «Где же Антонина? Еще недавно шла рядом, смеялась, за плечо трогала — и вот теперь ее нет. Неужто нет? Может, просто куда-то уехала, может, поднял ее ветер, такую легкую? Поднял и снова опустит...»

Вот о чем думал тогда. Об этом же думал сейчас. Лес теперь кончился, еще больше пахло дымом, горелым. «Все еще дым». Стал жадно курить. Вот уж видно пожарище, девочка закрыла лицо.

Сгорело не все, но лучше бы все сгорело — так было тяжело, сиротливо. Кругом зола и несколько бетонных опор. Огонь их только задымил, не потрогал. Девочка пошла вдоль пожарища, он следовал за ней издали. Далеко поднимался гром. Из-за грома не заметил машины. Из машины вышел Копытов.

— Где б ни ежжу, а тянет... — он обратился к учителю, но тот промолчал. Обида не прошла еще. Председатель нахмурился, стал разглядывать девочку. И насмелился: — Нина, иди-ко!

Она подошла. Учитель прислушался к разговору. Копытов стоял бледный, подавленный и почему-то оглядывался.

— Нина, не ходи ты на головешки. Кого тут глядеть... Поди, меня в чем обвиняшь? Ты прости... Я хозяин, не доглядел огонь.

— Вы ни при чем.

— А все равно болит душа, Нинка. Снится мне Тоня, мать твоя дорогая. Толь-

ко ночь — и приходит. Все стоит надо мной, похохатывает, а то за руку тянет. Ты прости за нее, сними грех...

— Вы ни при чем, — девочка усмехнулась и опустила глаза.

— Ладно, пошлю бульдозер, сметем головешки и нову ферму построим.

Девочка промолчала, и Копытов опять нахмурился. Потом отвел учителя в сторону.

— Как с дочкой-то? Давай думай — ты им человек близкий.

— Она в детдом пожелала.

— Сама, что ли?

— Сама... — ответил тихонько учитель и отвернулся.

— Решай, ты — педагог, разберешься... — еще больше поник Копытов. Потом рванул «Волгу» с места. Учитель зажмурился от стыда — вдруг их слышала Нина. Не хотел ведь соврать, не думал, но вопрос был поставлен в упор, — и язык повернулся. И было стыдно, просто невыносимо. Но это вскоре прошло, да и отвлекло другое. За спиной у себя услышал странный звук, и он делался все громче, слышнее. Потом догадался — то плакала Нина. Она даже не закрывалась, не прятала слезы. Она просто не замечала их, и эта безнадежность, покорность опять на него навалились, и в нем снова рванулось к ней сердце, но он быстро справился, заглушил его. Зато потом пришло раздражение. Не ждал он, не ведал. Таким он себя не помнил. Он злился и на себя, и на девочку, и на жену свою, которую где-то внутри побаивался, злился и на председателя за то, что пришлось лгать, изворачиваться. Давила обида и на Антонину Ивановну, которая сама ушла, распрощалась, а дочку оставила — и вот теперь мучайся да устраивай... «Да и стоило из-за телят? Как все глупо, нелепо!» Только так могла Антонина Ивановна... А дочку-то зачем к нему привязала? И вон как получилось! Да что получилось?! «Ничего, в детдоме хорошо будет, везде люди, везде...» И эта мысль его успокоила.

И хлынул дождь. Большая туча опустилась над лесом, и деревья потянулись к ней, выпрямились и стали выше еще, стройнее. Дождь был теплый, парной. Они еле успели стать под березу. Все лето — ни капли, а сейчас с неба — реки. Словно смерть ее была данью кому-то, святым откуплением, и вот дань эту приняли — хлынул дождь. Нина тоже смотрела на дождь благодарно, видно, тоже ждала его, а теперь наблюдала, забылась... Вблизи глаза ее были крупные, синие, таилась в них мысль, и он пытался поймать ее, разгадать. «Все пройдет, все исчезнет. Как этот дождь, облака...» Девочка подняла голову и вдруг решила:

— Не отвозите меня в детдом. Можно у вас остаться? — она снова заплакала.

— Как «у вас»? — не понял Валерий Сергеевич.

— Я бы пожила у вас. Я бы все делала, прибирала. Вам тяжело на два дома...

Он вздрогнул и огляделся. За спиной никого не было, один дождь, как тугая стена. Он не ждал такой откровенности, таких прямых слов. Вдали тяжело заворочался гром, и дождь стал слабеть. Ему даже показалось, что это не гром, а гудит самолет.

— Я на все бы пошла. Хоть чего заставляйте. Только бы возле мамы...

— Но ведь нет уже мамы! Надо в сердце держать...

— Есть, есть она! — заволновалась девочка. Они пошли опять по дороге, сейчас он шел впереди, она — сзади. Он смотрел себе под ноги, а она смотрела вперед. Почти у самого поворота в деревню учитель насмелился. Вначале он остановился и отдышался. Девочка поравнялась с ним. Сердце его тяжело стучало, ему хотелось где-то присесть, отдохнуть.

— Вот что, Нина. Тебе надо обязательно ехать. Там — коллектив, воспитатели. Там будет лучше.

— Сами и поезжайте туда! — она ответила вспльчиво, отвернувшись.

— Ты почему грубишь?

— Не надо меня — так и скажите! Так и скажите! Я знаю, почему отправляете, — опять ожила она, еще громче заплакала.

— Почему?

— Вы думаете, что объем вас. У вас денег не хватит.

— Ладно, достаточно! — рассердился учитель и сразу прибавил шаг. Она осталась далеко позади, и он больше не оглянулся. «В конце концов все справедливо. Не было у нее родителей, подобрали в больнице, сейчас опять вернулась к исходному. Видимо, нужно судьбе. Нужно так, вот и все. Да и мне еще надо пожить. Сорок лет — невелико число. Все еще будет — и горе, и смерти, и потери... — подумал он с грустью, и сразу стало жалко себя. — Да, все еще будет... Зачем лишние гири. Жизнь и так тяжела. И довольно терзаться. Чужой ребенок — всегда чужой...» И эта простая мысль совсем успокоила.

Девочка зашла поздно вечером и сразу с порога:

— Извините, я вам днем нагрубила. Я согласна в детдом...

— Согласна?

— Да, согласна! Не беспокойтесь. Только вещи мамы перенесите потом к тете Вале, завхозу. И ключи ей от нашего дома отдайте...

— Так и мы бы посмотрели за домом.

— Не надо. Я потом к ней в гости приеду. Не сердитесь. Вы и так много сделали... — Она говорила как взрослая, ему опять стало грустно. Ночью почти не спал, вспоминал жизнь свою, вспомнил Антонину Ивановну, и только одного хотелось: чтоб скорей наступило утро, чтоб завести машину — и в город, в детдом.

Утром девочка спокойно выпила чаю, и лицо было доброе, тихое.

— А теперь встали, поехали. — Она улыбнулась даже, но потом что-то вспомнила и нахмурилась. — Вы мне дайте от дома ключи. Я сама их отнесу тете Вале.

Она сбегала быстро, вернулась с маленьким желтым ковриком.

— На память взяла. Мама берегла его. Говорила, что жизнь ее пошла с этого коврика. А со мной машина-то сдвинется?

— Что тебе?

— Ничего. Я говорю, легкая я, не тяжелая. Машине будет легко. — Она посмеивалась, говорила как взрослая.

«...Легкая, легкая», — опять поднялось в голове у него, и он побледнел. На улице светило большое солнце после дождя. Девочка молчала, смотрела вперед. Учитель тоже молчал. Пока ехал по улице, все втягивал в плечи голову, точно бы убегал от кого-то, таился. В степи поднял голову, но на девочку не взглянул. А она уже ничего не видела, устало прикрыла глаза. Да и мотор успокаивал. Он работал мягко, бесшумно, и машина мчалась легко. На поворотах ее слегка заносило в сторону, и она вздрагивала и приседала на новые колеса.

ПОЭЗИЯ

К 65-летию города Братска

Стихи поэтов-братчан

Литературная жизнь Братска

ПРЕДИСЛОВИЕ

Литературная жизнь Братска тесно связана с героикой труда людей, приехавших по зову сердца на строительство самой крупной в мире Братской ГЭС и возводивших одновременно с ней среди живописной сибирской тайги молодой город. Горячая, кипучая энергия романтиков-строителей и новый приобретенный жизненный опыт ими воплощались в разные виды творчества, в том числе, и в литературное.

Первым литобъединением в городе были «Истоки» при газете «Красное Знамя», в которое входили в 60-х–70-х годах прошлого века такие известные в то время поэты и прозаики, как Геннадий Михасенко, Иннокентий Черемных, Юрий Черных, Виктор Смирнов, Александр Хрульков, Василий Скробот, Николай Снегов, Алевтина Яковлева, Анатолий Лисица, Владимир Корнилов, Женни Ковалёва, Василий Ороchon, Василий Костромин и другие, занимающиеся литературным творчеством.

К началу 80-х — концу 90-х годов ярко заявили о себе новые талантливые поэты и прозаики Братска. Здесь можно назвать такие имена, как Вера Распутина, Михаил Ковешников, Татьяна Безридная, Сергей Жариков, Владимир Монахов, Максим Орлов.

К началу 90-х годов прошлого века в г. Братске было уже четыре члена Союза писателей России — это Геннадий Михасенко, Иннокентий Черемных, Юрий Черных и Владимир Корнилов.

Что касается последних 20 лет, нового, XXI века, то литературный потенциал города заметно вырос. За это время творчество многих поэтов и прозаиков заметно выросло и окрепло, заявив о себе в полный голос далеко за пределами Братска. Недаром в эти годы были приняты в члены Союза писателей России Юрий Розовский, Максим Орлов, Василий Скробот, Николай Московских, Анатолий Лисица. Членом Союза писателей XXI века стал Иннокентий Медведев. В ряды Союза Российских писателей вступили Владимир Монахов, Василий Костромин, Татьяна Безридная, Виктор Сербский, Вадим Скворцов.

За предшествующие 2020 годы о литературном Братске узнали не только в Иркутске, Москве, Санкт-Петербурге, Ростове, Красноярске, Новосибирске, Нижнем Новгороде, Туле и мн. др. городах России, но и далеко за пределами нашей Сибири и родного Отечества. Участвуя в международных и всероссийских литературных фестивалях и конкурсах, обладателями дипломов лауреатов и ли-

тературных премий становились Владимир Монахов, Юрий Розовский, Иннокентий Медведев, Владимир Корнилов, Анатолий Лисица, Максим Орлов, Александра Фёдорова, Никита Ноянов, Анатолий Казаков, Николай Пернай, Галина Кравец, Павел Грызлов и др. Так, участвуя в 2010–2014 гг. в Международных поэтических фестивалях «Звезда полей» им. национального русского поэта Николая Рубцова, Иннокентий Медведев, Владимир Корнилов и Никита Ноянов дважды становились обладателями дипломов лауреатов.

Кипит и бурлит в жилах города Братска молодая, неуёмная сила русского художественного слова, воплощенного в удивительно самобытные, не похожие друг на друга художественные произведения — будь это поэзия или проза. За период с 2000 по 2020 годы дополнили литературные ряды Братска Нина Михалик, Александр Федькин, Татьяна Дякивская, Михаил Ермаченко, Зинаида Мирских, Нина Жмурова, Эмма Грипп, Людмила Надаховская и др. В жанре «драматургия» (очень редком в современной литературе) ярко заявила о себе Маргарита Исакова — студентка Всероссийского государственного института кинематографии. Как видим, не снижается интерес в Братске к литературному творчеству. Недаром у нас в каждом территориальном административном округе есть свое литературное объединение. В пос. Энергетик давно и плодотворно работает литературный клуб «У Сербского», в пос. Падун, при детской библиотеке им. писателя Геннадия Михасенко, существует литературное объединение «Откровение», в пос. Осиновка открылся литературный клуб «Братский самородок». Кроме того, при «Дворце детского и юношеского творчества им. Е.А. Евтушенко» пос. Энергетик успешно работает детский литературный клуб «Братские роднички», члены которого прославляют родной Братск не только на региональных и всероссийских фестивалях, но и на международных.

И все эти литературные силы стекаются в одно главное творческое русло города — в «Литературное братство», члены которого часто выступают на различных творческих площадках: в школьных библиотеках и ветеранских клубах, во Дворцах детского творчества и гимназиях, в лицеях и студенческих аудиториях.

Благодаря активной литературной деятельности Михаила Ермаченко наладилось у братчан тесное творческое сотрудничество с поэтами и прозаиками Красноярска, Тулуна, Зимы, Саянска, Усолья-Сибирского, Черемхово, Северо-Байкальска, Усть-Илимска, Усть-Кута и др. городов Иркутской области и Прибайкалья.

За неоднократные победы на Международных фестивалях «Славянские традиции» Владимира Корнилова и Иннокентия Медведева по итогам этих фестивалей приняли в Праге в члены Европейского Конгресса Литераторов.

Произведения братских поэтов и прозаиков за последние 20 лет выходили в различных всероссийских и международных журналах, альманахах, коллективных сборниках, антологиях и отдельных книгах — таких, как: «Новый Енисейский Литератор» (г. Красноярск), «Северомуйские Огни» (г. Северомуйск, Бурятия), «Тула Литературная» (г. Тула), «Российский писатель» (г. Москва), «Всероссийский сбор» и «Невский альманах» (г. Санкт-Петербург), «Рукопись» (г. Ростов-на-Дону), «Звезда» (г. Ставрополь), «Свой вариант» (Украина), «Метаморфозы» (г. Гомель, Беларусь), «Огни над Бией» (г. Бийск), «Сибирь» (г. Иркутск), «ЛитЭра» (г. Симферополь, Автономная Республика Крым), «Новый Ренессанс» и «Русский стиль» (Германия), «Наше поколение» (Молдова), «Простор» (Казахстан), «Антология поэзии» (США), «Русское литературное эхо» (Израиль), «Чувства без границ» и «Литературная Канада» (г. Торонто, Канада).

Однако литературная жизнь Братска не замыкается только на публикациях наших самобытных авторов и участии их в международных и всероссийских конкурсах и фестивалях, но и продолжает свою творческую деятельность в Литературных гостиных, которые вот уже на протяжении 25 лет при «Дворце детского и юношеского творчества им. Е.А. Евтушенко» проводит член СП России Владимир Корнилов, пропагандируя учащимся, педагогам школ, гимназий, вузов и просто любителям русского художественного слова наиболее актуальные произведения наших известных российских и сибирских писателей.

Помимо перечисленной деятельности, городское объединение «Литературное Братство» во главе с его руководителем Зинаидой Мирских проводит большую творческую работу по воспитанию таланта у начинающих братских литераторов, выявляя у одаренных ребят способности к литературному творчеству и устраивая им совместно со специалистами Центральной библиотечной системы Носачевской Ларисой Михайловной, Сорокаумовой Натальей Ивановной и др. работниками этой духовной сферы различные городские литературные конкурсы. Так, за время существования «Литературного братства» проводились следующие городские ежегодные конкурсы:

1. «Мир в твоих руках» — городской литературный конкурс молодых поэтов и писателей ко дню рождения братского писателя-фронтовика, Иннокентия Захаровича Черемных.

2. «Братская лира» — городской конкурс авторской песни на стихи братских поэтов.

3. «Родной мой Братск» — ежегодный городской конкурс чтецов ко дню города Братска.

4. Городская акция ко дню рождения великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина — «Здравствуй, добрый гений».

Кроме того, вышеуказанные специалисты Центральной библиотечной системы на протяжении многих лет проводят авторские вечера поэтов и прозаиков Братска, презентации их книг и альманахов.

Активно работают и специалисты библиотеки «Русской поэзии» им. Виктора Сербского, проводя среди школьников и студентов различные литературные конкурсы.

Впереди у наших талантливых авторов новые цели и задачи, новые вершины в творчестве и новые победы. Главное, чтобы каждый из нас понимал, что творчество не должно быть абстрактным, лишённым жизненных реалий и исторических традиций. Нравственная чистота и духовность произведений воспитывают в любом человеке, особенно в подрастающем поколении, чувство родства с малой родиной, с его культурой, а значит, и обеспечивают в дальнейшем неразрывную корневую связь с национальным самосознанием, с историческими узами наших великих сородичей.

Владимир КОРНИЛОВ,
член Союза писателей России

ЮРИЙ РОЗОВСКИЙ

Посвящается 75-летию со Дня Великой Победы

Три минус два

А мы могли бы жить, могли бы,
Когда б не тот последний бой,
В котором три стальные глыбы
Сползали вниз на нас с тобой!

Катились с горочки, покато,
Три «тигра», выстроившись в ряд.
А у меня одна граната,
А у тебя один заряд.

И если каждый попадёт,
Три минус два — один в остатке.
Он обязательно пройдёт,
вдавит в грунт — железный гад.

Не это страшно, за спиною
У нас с тобою медсанбат!
Так как же мы с тобой не встанем,
Вдвоём не встанем на троих?

РОЗОВСКИЙ Юрий Витальевич родился в 1963 году в пос. Чистоозёрное Новосибирской обл. В 1965 году, вместе с родителями, переехал в Братск, где окончил школу и поступил в институт. В 1985 году окончил Братский индустриальный институт по специальности инженер-электрик. Публиковать свои стихи начал в конце девяностых в местной периодике. Позже стал публиковать прозу и составлять сценарии к проведению городских мероприятий, а также сочинять сказки для Детского музыкального театра «Под зонтом». Основные направления творчества: поэзия, проза, сценарии к проведению городских мероприятий, пьесы-сказки для Детского музыкального театра «Под зонтом», литературное сотрудничество с другими театральными коллективами г. Братска («Трубадур», «Кубок Гиппократ»). По двум первым поэтическим сборникам: «Не опаздывайте жить» и «Совсем немного до рассвета» в 2005 году был принят в Союз писателей России. Затем были изданы ещё пять сборников стихов: «Медовый ветер», «Царь-бобиль и волшебные грибы», «С любовью», стихи для детей «Забавные истории», «Стихи на балконе». В 2011 году был включён в коллективные поэтические сборники иркутских поэтов «Бег времени» и «Славлю Россию, Иркутск и Байкал!». Стихи и прозу Юрий Розовский также печатал в различных журналах: «Сибирь» Иркутск, «Вертикаль» Нижний Новгород, «Синильга» альманах Новосибирск, «Золотая строфа» альманах Москва, «Истоки» Нижний Ингаш, «Северо-Муйские огни», Братские альманахи и коллективные поэтические сборники. Юрий Розовский является лауреатом Всероссийской православной литературной премии имени святого благоверного великого князя Александра Невского, в номинации поэзия «За верность русской поэтической школе» (2015), серебряный лауреат премии «Золотое перо Руси» (2012) и др.

Поползли мы, два солдата,
Навстречу смерти, на подъём.
Три танка и одна граната
С противотанковым ружьём.

В бензобак, прицельно, чётко,
А я гранату под другой.

И... пулемётная трещотка
Глаза закрыла нам с тобой.

Эх, арифметика — загадка!
Их было больше, что ж с того?
Три минус два и без остатка,
И не осталось ничего!

Графиня

Мороз застыл на балюстраде,
Метель по улицам мела.
В седом блокадном Ленинграде
Дворянка старая жила.

Осьмушку хлеба половиня,
В буржуйку бросив горсть трухи,
Полузамерзшая графиня
Листала Байрона стихи.

В окно стучались взрывов звуки,
Метались блики по стене.
Но ей не страшно. Что там, внуки
Уже погибли на войне,

Их смерть не пережили дети,
А ей вот бог отмерил дней.
Она одна на этом свете,
Лишь Байрон что-то шепчет ей.

Слова его — бальзам для слуха.
Без них — господь не приведи!

И томик маленький старуха
Рукою жмет к своей груди.

На шали, словно на корсаже,
Биеньем сердце ожило.

Сейчас она ему расскажет,
Как ей ужасно тяжело,

Как часто обращалась к небу:
«Возьми старуху, не томи»,
Как слезы катятся по хлебу,
Хлеб вкусен с солью, mon ami

Как будто ешь тоску и муку,
А здесь ее никто не ждет.
И Байрон, взяв худую руку,
С собой графиню уведет.

А утром, у буржуйки, сидя,
Надев из инея тулуп,
Держа стихи и строк не видя,
Блокаду встретит новый труп.

Память

Из детства мне помнится клеть дровяная,
Немецкий солдат в сапогах на пороге,
Винтовка, ремень. Только после узнал я,
На пряжке ремня говорилось о боге.

О Боге!?! Не знал я тогда это слово.
Откуда мне знать его было, салаге?
Оно на немецком мне встретилось снова,
Когда распахнулись ворота в концлагерь.

Ворота в концлагерь, не в райские кущи.
Скорее уж в ад, на земле был который.
И тот, кто в ворота был эти запущен,
Стеная и мучаясь, шёл в крематорий.

И вечностью голодом пытки казались,
И труд непосильный ломал нас на части.
Но «ангелы» с богом на пряжках сказали,
Что мы не достойны и этого счастья.

А кто недоволен, мол, будьте любезны,
Всегда здесь открыты для жаждущих печи.
Дымил крематорий, и пламя из бездны
Тела день за днём зажигало, как свечи.

И плакали камни, и камни рыдали,
И слёзы мешались их с каменной пылью.
Из труб крематориев души рядами
Вздыхались на небо, и плыли, и плыли.

Потом, за двойными рядами колючки,
Свободные души свободно бродили,
Они в обожжённые грудились тучки
И слёзы, совсем не солёные, лили.

Я выжил, но память как эхо из детства,
Что гулом печей заложило мне уши.
И видно, уже никуда мне не деться,
И видеться будут сгоревшие души.

Весна 45-го

Бывает снег сухой и мокрый,
Когда на улице весна.
Бывает снег живой и мёртвый,
Когда весной идёт война.

Когда в атаку голос грубый
Зовёт за бруствера черту,
Когда обветренные губы
Снежинки ловят на лету,

Когда живёшь минутой крайней,
И вдруг смолкает смерти вой,
И понимаешь, что не ранен!
И снег целуешь — снег живой.

А рядом враг навечно замер,
Лежит, совсем как человек.
Его открытыми глазами
На небо смотрит мёртвый снег.

Вот свой убит. На них обоих
Белеет снега пелена.
Над ними небо голубое,
Под ними ранняя весна.

Ручьи сочатся, наст ломают,
Течёт кровавая шуга.
И только шаг один до мая,
И до победы два шага.

Динь-дилинь

Предполуденный воздух роит комаров,
Терпкой горечью пахнет полынь.
И звенят колокольцы на шеях коров:
«Динь-дилинь, динь-дилинь, динь-дилинь»

Пёс косится на стадо и лает не зло.
Кнут сползает с опущенных плеч
Пастушонка — сегодня ему повезло
Деревенское стадо стеречь.

Очень хочется спать, только вот не с руки.
В голове мамин шёпот, как крик:
— Подымайся, сынок! На войне мужики,
Ты последний в деревне мужик.

Старый дед Тимофей занедужил вчерась.
Почтальонка зашла в его дом,
Марфа — дедова бабка, от крика зашлась.
Дед молчит, только ходит с трудом.

Да! У смертушки ныне богатый укос,
Всё проклятый фашист виноват.
Ты Полкашу возьми. Он хоть старый, но пёс,
Да и дело пастушее знат.

И бредёт пастушонок, в глазах огоньки.
Зной качает небесную синь.
— Ничего, возвращайтесь домой, мужики.
«Динь-дилинь, динь-дилинь, динь-дилинь».

ВЛАДИМИР КОРНИЛОВ

«Душа в согласии с Природой»

Случай в аэропорту

Ивану Александровичу Лобанову

Я не сразу обласкан был музами Литинститута:
Не сумев одолеть до экзаменов множество книг, —
Возвращался домой — оставались до рейса минуты —
А багаж принимал джинсоватый...

Не наш — не сибирский мужик.

«Ваша кладь, — говорит, — превышает намного «ручную».
Через кассу придётся оформить доплату, студент!»
— Слышишь, друг, — я ему, — я прожился в Москве подчистую,
Лишь пятак на метро сэкономил в последний момент.

КОРНИЛОВ Владимир Васильевич — православный русский поэт. Родился 10 января 1947 г. в селе Октябрьское Челябинской области. По рекомендациям Ростислава Филиппова и Владимира Скифа поступил в Литературный институт им. А.М. Горького, который успешно окончил в 1987 г. С 1994 г. и по настоящее время работает во Дворце детского и юношеского творчества г. Братска. Женат. Имеет двоих детей — дочь и сына, которые подарили им с женой троих ласковых внучат. Дважды лауреат Международных фестивалей «Звезда полей» им. Николая Рубцова; лауреат Международных фестивалей культуры и литературы «Славянские традиции» (Крым, 2010 и 2012) с вручением к ним почетных литературных премий и именных медалей им. Владимира Даля и им. Юрия Каплана; лауреат II Международного поэтического фестиваля «Звезда Рождества-2014» (Украина, г. Запорожье); лауреат международного конкурса «Лучшая книга года-2014» (Берлин); обладатель международной Гомеровской премии, а также премий им. Алексея Кольцова и Николая Некрасова на фестивалях «Зов Нимфея» (Крым, 2012–2015); обладатель «Золотого диплома» и медали за лучшую книгу избранных стихотворений «Исповедь» среди европейских издательств (г. Лейпциг, 2015); лауреат Всероссийской литературной премии «Левша-2018» им. Н.С. Лескова; лауреат Литературной премии «Лучший автор альманаха «Литературная Канада-2018» (г. Торонто); помимо этого, участвуя с книгой «Благовест» в Германском международном литературном конкурсе «Лучшая книга года-2019», — награжден Специальным дипломом «За изысканный поэтический стиль» (Берлин — Франкфурт; обладатель диплома победителя за 2 место в международном литературном конкурсе им С.Н. Сергеева-Ценского (2020); трижды награждён Почётными Грамотами СП России.

...Но приёмщик столкнул чемоданы тяжелые на пол,
И надежда последняя вздрогнула стрелкой весов.
Я в отчаянье был. Я от горечи чуть не заплакал:
До чего ж человек в бессердечье бывает весом!..
Мои щёки цвели то лиловым, то бледным румянцем.
Джинсоватый с ухмылкой всё время в мой адрес косил:
Жертва западных мод — он отменно учтив к иностранцам.
И ему наплевать, что о помощи я попросил...
Нет! В народе не зря говорят про такую приметку:
«Прохиндея видать за версту, если он прохиндей...»
Вдруг подходит ко мне человек, побродивший по свету,
Повидавший за жизнь бедолаг и фартовых людей...
«Что унылый, земляк? Вижу, вместе в Сибирь улетаем?
Иль с невестой московской серьёзный случился разлад?»
— Что ты, друг! Я женат!.. Звёзд чужих, извини, не хватаем!
Рад бы в рай погостить, да земные грехи не велят.
И к тому же багаж мой никто без доплаты не грузит.
А в порту, как назло, ни единой знакомой души!..
Вон дежурный-приёмщик, гляди, как глаза свои узит!..
А билет пропадёт — полечу на какие шиши?!
«Не горюй, сибиряк! Кто горел, тот в беде не бросает!»
Сгрёб багаж мой — и прямо к контрольным весам.
А оттуда навстречу метнулась ухмылка косая,
Заплескалась в глазах, растекаясь по рыжим усам.
«Слышишь, друг! Не томи! Оформляй-ка ты нас поскорее!
Буквоед ты, однако, каких не видал я, прости!
Парень книги везёт — мировую, сказать, эпопею.
Разве Пушкин с Толстым в наше время уже не в чести?!»
...Джинсоватый обвёл нас своим снисходительным взглядом,
Хмыкнул что-то в усы и забрал «злополучную» кладь...
А земляк мой случайный со мною стоял уже рядом —
Свою щедрую душу готовый любому отдать.
Как геологи все, был земляк мой немного сутулый,
Рябоватый лицом — для мужчин этот штрих не беда,
Голубые глаза, от ветров посмуглевшие скулы
И добавлю еще — в пол-лица у него борода.
...Я душою светлел, когда шли мы по взлётному полю.
Мой попутчик шутил о курьёзах, случавшихся с ним...
А вокруг всё цвело, ликовало и славило волю,
И сиял самолет, глядя в небо на солнечный нимб.

СЫНОК

Любимому Серёженьке

Немало, сынок, у нас было поездов¹
В Челябинск... Иркутск... Петербург... Бухарест —

---

¹Поездок — в детские годы сына мы много ездили и даже были в столице Румынии.

И в каждой остался заветный отрезок —
Длиною в мечту от насиженных мест.
...А сколько восторга в глазах твоих было,
Когда посещали мы те города?!
Казалось, и солнце там ярче светило,
И мир тебе дивным казался тогда.
...Ты вырос — и сам стал главою семейства, —
С любимой женой подарив нам внучка.
Но свято храним мы от каждого рейса
Ту память, что время не стёрло пока.

Владимиру Скифу

Одно касание с землею нас роднит:	А там, внизу, на пойменных лугах,
Горят на «взлёт» сигнальные огни.	Сохатый держит небо на рогах.
Сначала шум нам слышится в ушах —	
И высотой полнится душа...	...Пусть дальний рейс немного укачал, Но нас внизу Иркутск уже встречал.
Вот облака, как стаи лебедей,	По трапу сходим, словно захмелев,
Заворожили взоры у людей...	Поверив в сказку неба на земле.

* * *

Блехману Григорию Исааковичу

Что может быть дороже жизни —	И мир такой необъяснимый!
В гостях у жизни у самой,	И жизнь кипящая во всём!—
Когда с рожденья и до тризны	Где каждый миг неповторимый
Нам уготован путь земной?..	Мы с божьим промыслом несём.

В июне

Благостно по-летнему в Отчизне:
Вновь земля божественно мила —
Каждый листик радуется жизни,
Каждая былинка расцвела.

...Человек, уставший от ненастья,
Долгих зим и от житейских бурь, —
Душу распахнул свою для счастья,
На лице разглаживая хмурь...

Улыбнулся незнакомым встречным,
Светлым чувством наполняясь сам.
И, заботам покоряясь вечным,
Сверил день по солнечным часам.

Степь

Сколько красок в палитре степной?!
Как пьянит разнотравием воздух?! —
Потому я шагаю хмельной,
Раздвигая ковыльную воду.

Ничего от степи не таю —
Под ее голубеющей крышей...
В сердце звонкая песня звучит.
...А вверху, высоко надо мною,
Белым лебедем солнце степное,
Словно перья, роняет лучи.

...И от радости громко пою:
На семь вёрст здесь никто не услышит.

Родниковый мед

Юрию Дмитриевичу Макитруку

На даче Юрий Макитрук,
Как в горнице окно:
Он нас от жажды и от мук
Избавил здесь давно.

Колодец вырыл глубиной
До родниковых вод —
И каждый день нам в летний зной
Он воду раздаёт:

«Берите, пейте от души!
Для вас моя вода! —
На ней соленья хороши
И сладок чай всегда.

...Скажу вам больше, что окрест
Вкусней напитка нет:

По полведра в один присест
С похмелья пьёт поэт.

А он в напитках знает суть:
Ведь он поэт седой.
И он сказал, что пиво — муть,
Сравнив с моей водой.

Она певуча, как стихи,
Как первый вешний гром,
И, как серёжки у ольхи,
Сверкает серебром...

Водой насытившись, душа
От радости поет.
Берите, пейте из ковша
Мой родниковый Мед!»

В страду

Вновь на селе забыли люди роздых:
С июльским зноем подошла страда.
На диких травах настоялся воздух,
И сеном пахнет в родниках вода...

И лишь в окошках свет зари забрезжит,
Шумнёт пастух — и только был таков.
А кто заспит, собаки тем набрешут,
Что мужики ушли до петухов...

А в полдень бабы, позахлопнув ставни,
Несут обед да пиво для косцов
И ловят взглядом в буйном разнотравье
С отцами увязавшихся мальцов...

А мужики поглощены работой,
Но, жён своих узрев издалека,
Неторопливо, вроде с неохотой,
К ним подаются в тень березняка.

...И, отобедав там с домашним пивом,
Глядят на жён уже повеселей.
Иной косец щипнёт свою шутиливо,
А та ему: «Да ну вас, кобелей!»

И мужики, стряхнув с себя усталость,
Уйдут вершить зароды дотемна.
В деревне только немощная старость
От жарких дел в страду отстранена...

Погаснет день. Осядут в травах тени.
Дохнёт прохладой сумрак от реки.
Речные ивы, замочив колени,
Уронят в воду пыльные платки.

...И мужики, уж затемно шагая
Тропинкою меж зреющих овсов,
Несут устало дрёму Иван-чая
Да на руках уснувших сорванцов.

Леся

Задремало село в ночи.
День в заботах померк давно.
Даже в клубе гармонь молчит:
Нынче Фёдор устал, должно...

Тридцать вёрст до него езды.
Мнут копыта седой ковыль.
Следом луч от степной звезды
Серебрит голубую пыль...

Из седла не окинешь степь.
Хуторок тот и впрямь пропал.
Он всего-то на восемь стен
И полынью насквозь пропах.

Вот мигнул огонёк в степи,
Свет в окошках всю ночь не мерк.
Это Леся моя не спит —
Обещал: «Прискачу в четверг...»

День рожденья гармониста

Наш Степан гармонист загулял —
Золотой юбилей он справлял.
...Клуб закрыт, и закрыт сельсовет:
Все к Степану спешат на обед.
На столах разносолов не счесть.
Выпил чарку — и есть чем заесть...
Расплескалось веселье вокруг
От гармонии, зовущей на круг.
Даже бабки — Степана родня, —
Подбоченься, поют у плетня:
«Я молодою задорной была,
Самой первой плясуньей слыла.
Выйду в пляс — крикну — шире края!
Ох ты, хонька-махонька² моя!»
...Трое суток село ходуном —
Пьют и пляшут — согреты вином
Праздник душу Степана объял,
Широко он, по-русски гулял —
У гармонии осипли меха,
Женщин чуть не довёл до греха:
Каждой словно подлил кипяток, —
Не смолкает лихой топоток.
Пыль столбом — и как бубен земля.
А Степан выдаёт кренделя!..
...Дед Егорий, Степана хваля,
Пел на дудке, народ веселя.

²Хонька-махонька — диалектное выражение, под которое на Южном Урале часто исполняют плясовые песни.

Сам приплясывал музыке в такт, —
Видно, раньше плясать был мастак:
Глянь, как ходит под дедом скамья!
«Ох ты, хонька-махонька моя!»
Даже эхо, в округе звеня,
Поохрипло за эти три дня.
...Покидая веселия круг,
Все остынут не враз и не вдруг:
Есть у праздников мера своя.
«Ох ты, хонька-махонька моя!»

У камина

Люблю сумёрничать в ненастье,
Когда с грозой бушует дождь.
Тебе никто не скажет: «Здрасьте!»
И никого ты сам не ждёшь.

...Но в этом смысл есть великий —
С душой побыть накоротке...
Мерцают огненные блики
Гвоздиками на потолке...

Всё — суета и быстротечность,
И только мир самой души,
Познавшей яркий миг и вечность,
Очистит нас от зла и лжи...

Гудят камин и непогода —
И ты один меж гневных муз.
...Душа в согласии с Природой
С себя отряхивает груз.

ИННОКЕНТИЙ МЕДВЕДЕВ

Разговор с дедом

Да, конечно, деревня мне ближе
И ее золотые поля.
Я живу, и поэтому вижу,
Как зовет красотою земля.

Я пройду по деревне родимой,
Брошу куртку свою на плетень —
Вот она!.. всех дороже и зримей
В этот солнечный, ласковый день.

Здесь черемуха пахнет дурманом,
Взор слепит белоснежный наряд.
Здесь берёзки с загадочным станом
Привлекают прохожего взгляд.

Пусть завязла она на ухабах,
Пусть калитки висят на боку.
Как живётся в ней девкам и бабам,
Мне расскажет гармонь на лугу.

Пусть пропахла веками навозом,
Пусть здесь дрался мужик за межу.
Пусть давно распрощалась с колхозом —
Я деревню за то не сужу.

Только жаль, что поля без потребности...
У калитки мне жаль мужика, —
Просит нищий у нищего хлеба,
Вместо плуга — бутылка в руках.

Я от солнца рукою прикроюсь —
Что-то птичек в лесу не слышать...
И деревне я сердцем откроюсь —
Только сердцем поля не вспахать!

Прохожу мимо деда — горюет:
— Ты бы дал мне, сынок, закурить...
Сколько вас, городских, тут гостует...
Навсегда бы приехали жить...

МЕДВЕДЕВ Иннокентий — член Европейского Конгресса Литераторов (ЕКЛ) с 2014 г. Член Союза писателей 21 века с 2010 г. Лауреат многих международных литературных конкурсов. Награжден Почетным Дипломом Н. Некрасова (Крым, 2014). Награжден медалью А.П. Чехова «За высокие профессиональные достижения и творческую индивидуальность» (Москва, 2010), медалью «Лучшие люди в образовании» (Москва, 2016).

— Слушай, дед, Расскажи-ка на милость,
Что толкает Россию на край?
— Это, паря, похоже на сырость,
Видишь, сгнил у болота сарай...

Прохудилась над Русью-то крыша.
Да не вам, городским, залатать...
Сколько лет уже только и слышно,
Что Россию пора возродить...

— Слушай, дед, я же ваш — деревенский
Банщиковский, Петра средний сын.
Покажусь с виду, может быть, дерзкий,
Но скажу, я с деревни один,

Тот, кто наши поля воспеваает,
Тот, кто нашу деревню бодрит.
Но не каждый про это узнает...
Слушай, дед! — Только дед уже спит.

«Ну и ладно... ты спишь или умер?..—
Храп услышал, — так, видно, живой...»
Вот такие они, наши думы,
И от них хочешь — пой, хочешь — вой.

Да, конечно, деревня мне ближе
И ее золотые поля...
И поэтому часто я слышу,
Как зовет меня предков земля.

Деревня Баншиково

Есть дорога одна к Усть-Илиму —
Пахнет мятой, травой резедой.
Там своротка к деревне родимой,
К той, что скрылась давно под водой.

Наверху только волны гуляют,
А под ними нашла свой приют
Та деревня. О ней уж не знают.
Там в домах только рыбы живут.

На поляне в лапту там играли
И телят отгоняли на луг,
Что случится, тогда мы не знали,
Что затопят телегу и плуг.

Но кружитесь, кружитесь над морем,
Мои ласточки, чайки, стрижи...

Пусть слезами не выплакать горе,
Но хоть память дано освежить.

Как вы гнёзда заботливо вили
И растили под крышей птенцов.
Это, вижу, и вы не забыли,
Как и я своих дедов, отцов.

Вот и я здесь стою на дороге,
Той дороге, что в воду ведёт.
Волны моют мне босые ноги
И там будто меня что-то ждёт.

Веет холодом прошлое в душу.
Скорбь и боль, и тоска, и печаль.
Мир тебе. Твой покой не нарушу.
Малой родины сгнувшей жаль.

Мой рай — Сибирь

Рай на земле! Вот мой Рай!
И другого мне Рая не надо.
Этот дивный берёзовый край —
Мне от Бога святая награда.

Я не видел такой красоты,
Я не видел берёз в два обхвата.
На поляне ручей и цветы —
Здесь земля красотой богата.

Игры бабочек, лепет стрекоз,
Пенье птиц, радость этого лета,

Завитки у красавиц берёз —
Всё для жизни и сердца поэта.

Ты молчи, нам слова не нужны,
Лишь с природою в целое слейся!
В свою душу скорей загляни.
Пей вино, дорога, и смейся!

Ты любовь мне свою подари —
Для влюбленного сердца отрада.
Буду рядом с тобой до зари,
И другого мне Рая не надо!

МАКСИМ ОРЛОВ

Период дожития

На столике — и пластырь и, псалтырь.

М. Петровых

На столике — не Энгельс, а псалтырь,
в стакане — не портвейн, а минералка,
а в зеркале — не молодец, а хмырь,
не парус поднят — яхту держит чалка.

Всё верится, что совершу кульбит:
пойду под парусом, налью в стакан «Агдама»,
и «Анти-Дюринг» будет мной добит,
зеркал помолодеет амальгама.

Но прав сто раз Эфесский Гераклит,
что рёк про реку — суть общеизвестна.

Любой из нас в судьбу как будто влит,
всему есть время и всему есть место.

Судьба и время — корпус субмарин,
и никуда не деться из подлодки,
а в алых парусах, товарищ Грин,
необходимости нет в нашем околотке.

Куда ж нам плыть? Каков последний галс?
Задраены навечно переборки?
Намедни мне был послан свыше глас:
Препоны не снаружи, а в подкорке.

Палитра

Сожалеею, что вам фиолетово
Всё, о чем я так сладостно пел:
про причуды и беды поэтовы,
и взахлёб — о Мартынове Л.

Жаль, что вам серобуромалиново
то, над чем вечерами корпел.
Между нами непреодолимое
отчуждение душ, да и тел.

Вы и броская дама и гарная,
и так ластится ваш креп-жоржет...
До столба, полагаю, фонарного
мой четвёртый по счету сонет.

А когда произнёс поучительно:
Гумилёв — это не Могилёв,
Вы назвали меня существительным,
я озвучить его не готов.

ОРЛОВ Максим Томасович родился в 1956 году в Улан-Баторе. Является автором нескольких поэтических сборников. Вышел сборник литературно-публицистических статей о творчестве Леонида Мартынова и несколько критических статей. Подборки стихотворений публиковались в журналах «Юность» (Москва), «Сибирь», «Северо-Муйские огни», в антологии «Бег времени», в «Литературной газете» и др. Член Союза писателей России с 2010 г. Проживает в Братске с 1959 года.

Вы закончили фразою смачною —
этим штилем не пишут новелл...
И поплёлся я прочь старой клячею,
не один, а с Мартыновым Л.

Самому мне бывает сиренево
почти всё, что узрел и воспел...
Почитать что ли на ночь Кенжеева?
Или лучше — Мартынова Л.?

Закат

Небесный Лувр свои смарагды звёзд
пришпиливает к синим ламбрекенам,
а Гончих Псов свисающая гроздь
декором служит тёмным мизансценам.

Ещё не ночь, покуда льёт чугун
Ярило из своей суфлёрской будки,
а полумесяц, словно Гамаюн,
вещает, что грядут другие сутки.

Течёт с востока сизый мельхиор,
переполняя неба окоёмы.
Пронзил рапирой дальний метеор
Млечпуть бездонный, вечностью влекомый.

Самосуд

Душа и я... Мы ладили вначале,
без недомолвок жили и вранья.
Нас обходили многие печали
и не кружили стаи воронья.

После прямой нас ждали повороты
и перекрестков множилось число.
Души моей ослабили укороты,
меня с прямой на бровку понесло.

Душа послушной падчерицей стала,
а я грубил как отчим: «Не перечь!»
Она была под тяжкою опалой,
а я не слушал праведную речь.

Вот так и жил, скользя по жизни брэнной,
без сантиментов жизнь свою верша.
Но время шло, и вот настало время —
заголосила пленная душа.

Она кричала: «Человек, послушай,
живи, как знаешь, Бог простит тебя,
но неспроста людей терзают души,
людскую совесть вечно беребя.

Ты заблуждаешься, наивно полагая,
что без меня отмерить сможешь срок.
От йскуса тебя берегаю,
не выставляй бездумно за порог».

Я внял мольбам, мы снова, как вначале,
жить стали без лукавства и вранья.
Уже не обходили нас печали,
Немало стай кружило воронья.

Греха и святости, считай, наполовину,
но самосуд я над собой чиню:
за прегрешенья не виню судьбину
и обстоятельства — за всё себя виню.

ЗИНАИДА МИРСКИХ

Осень в городе

Безумно прекрасна она в сентябре
И в золото с шиком одета.
Прохладою веет слегка на заре
И вновь вдохновляет поэта.

Красавица-осень к нам в город спешит
Раскрасить все улицы, скверы.
Нарядные платья деревьям пошить,
Потом вдруг изменит манеры.

Дождинки на лицах пусть будут не в счёт,
Пройдёмся с тобой мы по саду.
И наш разговор тихой речкой течёт,
Звучит в унисон листопаду.

Пусть кто-то скажет, что осень грустна.
Что с нею идёт непогода.
Теория эта давно уж ясна —
Должна отдыхать и природа!

МИРСКИХ Зинаида Леонидовна. Родилась в 1960 г. в г. Братске. Председатель творческого объединения «Литературное братство» г. Братска. В 2015 г. издала поэтический сборник «Тепло истории моей». В 2020 г. издала поэтический сборник «Тайная нить к небесам» и книгу для детей «В гостях у бабули». Публиковалась в международном альманахе «Рукопись» № 23, № 24, № 29 (Ростов-на-Дону); «Поэзия Сибири» том № 1, № 2 (г. Красноярск); «Метаморфозы» (Беларусь), «Огни Ангары» (г. Усолье-Сибирское), антологии «Живое слово Братска» и многих других городских сборниках. Участник международных фестивалей «Славянские традиции» Крым (2015–2018 г.), «Интеллектуальный сезон» (2017 г.) Крым; фестивалей «Связь поколений» г. Иркутск (2017 г.), «Прибайкальские таланты» г. Иркутск (2017–2019 г.)

Встречая рассвет

Мощные кроны сосен	Играют блики на ветках,
Держат в ладонях рассвет.	Как в переливах огней.
Эта ранняя осень	
Шлёт благодатный привет.	...и вновь перемена
	Утренней ясной зари.
Висят облака в подсветках	Вырвалось солнце из плена,
То ярче, то чуть нежней.	Чтоб созидать и творить!

Возможно ль это?

Вы скажете: «Возможно ль это?
Чтоб в октябре весенняя капель?»
Решите так: «Всё выдумки поэта», —
Но за окном опять звучит свирель.

Вновь по карнизу цокают дождинки,
На небе голубом прозрачность облаков.
С ветвей деревьев каплют слезинки,
Им рано ждать зим ледяных оков.

Мне птичья трель напомнила мелодию
И ту любовь, что мне уж не вернуть.
Такую воробьи исполнили рапсодию,
Которая не даст всю ночь уснуть.

Весенний спор

День проснулся мрачным, серым.
В облаках улыбки нет.
По дорожкам чёрно-белым
Всё ж пробился первоцвет.

Так и есть: зима с весною
Вновь хотят затеять спор.
Новый день спешит дать снова
Всем достойнейший отпор.

Кое-где в замёрзших лужах
Ломкий и хрустящий лёд.
Но весна прогонит стужу!
Тёплых дней грядёт черёд!

НИНА МИХАЛИК

Пожелание

Алёне Рехтиной

Мама дочке подарила
Мир огромный и цветной:
Нежно солнышко светило,
Тень бежала стороной.

Пели до самозабвенья
Птицы радостно в саду!..
На Алёнкино рожденье
Ясным солнышком приду.

Подарю весны цветенье,
Счастье, радость, добрый смех

И моё благословенье
На удачу и успех.

Пожелать тебе здоровья
Буду рада от души!
Ты, Алёна, доброй новью
Маму радовать спеш!

Твой восторг, игру румянца
Пусть несёт моя строка,
И в лихом, задорном танце
Будь, как искорка, легка.

МИХАЛИК Нина Дмитриевна родилась на Орловщине, в селе Успенье. Окончив Пол-Успенскую среднюю школу, приехала в город Братск в 1967 году. Работала, училась, всегда любила стихи. Волею Судьбы рождались скромные (как она считает) строки. Печаталась в международных и российских журналах «Русское литературное эхо» (Израиль), МСПУ «Свой вариант» (Украина), «Литературная Губерния» (г. Самара), «Истоки» (г. Красноярск), «Северо-Муйские огни» (Бурятия, г. Северо-Муйск), в газетах «Педагогический вестник», «Университет», «Наш берег Правый»; в сборниках стихов «Душ соприкосновение», «Мы молодость души храним», «Есть такая планета — Сибирь», «Да здравствуют Музы!», «Братск — Пушкину», в поэтическом альманахе «Счастье быть собой». Стихотворения Нины Михалик были представлены также на сайте третьего международного фестиваля «Славянские традиции-2011».

А я, пойми, обречена любить

А я, пойми, обречена любить,
Чтобы вперёд идти, не спотыкаясь.
Мне надо очень благодарной быть,
Чтоб рук твоих тепло любить, не каюсь.

Мне надо быть на гребне, на волне,
А не в пучине тёмной и бездонной.
Я добрым людям радуюсь вдвойне
И непорочной кланяюсь Мадонне.

Я жажду сладость родника испить
И быть добрей, и, может быть, моложе.
И горести, и боль навек забыть,
И хоть немножко быть счастливой тоже.

* * *

Мне честь оказана вниманьем,	Доверьем, нежностью, печалью,
Несмелым взором, добротой.	Пожатьем добрых, сильных рук.
Без оскорбления состраданьем,	И плечи звёздною вуалью
Святой открытой простотой.	Мне укрываешь, милый друг.

Не покидай меня

Не покидай меня, когда цветут луга, Когда природа в первозданной силе. Не покидай, когда лежат снега И красотой своей пленяет иней.	Не покидай, когда весна зарёй румяной Залечит сердце от тяжёлых ран. Не покидай, когда счастливым взором Смотрю я в голубые небеса... Не покидай и не смотри с укором, И не сломай уключину весла.
Не покидай, когда у осени багряной Сорвёт наряды хмурый ураган.	

Молитва

Не приведи, Господь, мне потерять, Что я в своей душе лелею... Ведь жизнь уже не повернётся вспять, И не вернуть того, о чём жалею.	И подари одну лишь благодать — Любить всё то, чем я дышала. Не дай, Господь, душою мне устать От ожидания, чтоб по доброй воле, Кто всё забрал, раскаявшись, отдать, А мне не пожалеть о своей доле.
Не приведи, Господь, мне всё узнать, Что я навеки потеряла.	

Хлеб

Хлеб испеку тебе в угоду.
Я тесто с чувством заведу.
В него вложу и соль, и воду,
И дрожжи с сахаром введу.

Мой хлеб охватит жар в духовке...
С румяной корочкой бока
Помажу масляной пуховкой —
Пусть остывает он пока.

Мука бела, как снег в окошке.
И масла чудный аромат.
Я тесто размешу без крошки,
Чтоб ел ты хлеб, был вкусу рад.

Нарежу тёплый хлеб к обеду,
Тебя к застолью приглашу.
А ты садись, мой хлеб отведай,
Отведай, я тебя прошу.

Весна

Зазвенит весна капелью,
Очарует нас она.
И под звёздной колыбелью
Снова будет не до сна.

Снова будут звездочёты
Карту неба изучать,
А сердца в своих отчётах
Счастье станут излучать.

Тёплый ветер взбудоражит,
Отогреет спящий лес.
Он сугроб затронет каждый.
Пар поднимет до небес.

Этой чудною порою
Небу я хвалу пою.
Стану я нежнее втрое,
Отыскав звезду свою.

Сказка

Исполином тополь за окошком,
Лунный свет струится с высоты.
Там Медведица с большим лукошком
Собирает с облаков цветы.

Ты пойдика, докажи ей глупой:
Облака растают, словно дым.
Не играет белка золотой скорлупкой,
Старый дед не станет молодым.

Я люблюсь! Пусть продлится сказка —
Чудо не за тридевять земель,
И, укрыв свой лик под лунной маской,
Песню сердца дарит нежный Лель.

ВЯЧЕСЛАВ ПАРИЛОВ

22 июня

В тиши последней мирной ночи
Уснул советский городок,
Ещё не зная, что наточен
Давно у дьявола клинок.

Разрушит он не только стены
Домов, заводов и церквей,
Но и под звонкий плач сирены
Мечты и судьбы всех семей.

Пойдёт с эсэсовской нашивкой,
Всему живому смерть даря,
И на людей, как на наживку,
Откроют зев концлагеря.

Ну а пока мерцают звёзды,
И светит яркая луна,
Блестит роса, как будто слёзы,
Что принесёт с собой война!

Солдатки

По перепаханной полоске
Солдатки в рошу, словно в храм,
Идут к посаженным берёзкам,
К пропавшим без вести мужьям.

Они несут с собой портреты
И, нежно прислонив к стволу,
Годами молча ждут ответа
И воздают войне хулу.

За всё, за всё, что только можно,
За сонм разрушенных семей,
За опостылевшее ложе
И не родившихся детей.

Так посидят, в кармашек спрячут
Слезой пропитанный платок,
А вместе с ними роща плачет,
На землю свой роняя сок!

ПАРИЛОВ Вячеслав Валерьевич родился в п. Тангуй Братского района Иркутской области. Стихи начал писать в армии. Служил в г. Чите в танковых войсках. Печатался в журнале «Северо-Муйские огни», альманахах «Рукопись», г. Ростов, «Свой вариант», «Литературная гостиная», в областном сборнике поэтов «Вечный мир на земле...», в коллективных сборниках стихов «Живое слово Братска», «Военная лирика сибирских поэтов». Член творческого объединения «Литературное братство» г. Братска. Увлекается шахматами.

9 мая

Сегодня солнечный денёчек,
А значит — радостно вдвойне,
Я усажу поближе дочек
И расскажу им о войне.

Войне, в которой враг когда-то
Не знал простейшей из наук —
Нельзя советского солдата
Взять, как Европу, на испуг.

Я расскажу, что дед, их прадед,
Не грел печурку под собой,

А, как и все, Победы ради
Вступал с фашизмом в смертный бой.

Я им поведаю о Бресте
И про блокадную Неву,
И как стояли насмерть вместе
Бойцы при битве за Москву.

Ну а в конце повествования
Я попрошу их об одном:
Всегда оказывать внимание
Всем тем, кто мир принёс в наш дом!

«Бессмертный полк»

Рекою многолюдной
«Бессмертный полк» течёт,
Собой напомнить трудный,
Но доблестный поход,

В котором предки наши,
Пройдя сквозь мрак и мглу,
Смогли сломать бесстрашно
Фашистскую иглу.

Наш долг — не бросить это
В забвения сундук,

А чтоб несло портреты
Героев больше рук.

Чтоб ложью не марали
Почтенной седины,
И не переписали
Историю войны.

Рекою «Полк бессмертный»
Течёт — единства суть.
И никому, поверьте,
Не преградить ей путь!

Воспоминания ветерана

Дорогому деду, Парилкову Иннокентию Ивановичу.

Да, мы жили, как умели,
Воевали, как могли,
Много раз нам пули пели
Песни звонкие свои.

Где же ты, дружок картавый,
И в каких теперь краях?
Мы с ним, братцы, до Варшавы,
Вместе топали в боях.

Он угрюмый, я весёлый,
Но одно сближало нас —

Победить в войне тяжёлой
И приблизить этот час.

Как-то в пасмурный денёчек
Был контужен в Польше я,
И пошёл, увы, дружок
До Берлина без меня.

Что теперь с ним — я не знаю,
К сожаленью, ничего,
Но всем сердцем поздравляю
Я с Победою его!

Счастье

О, Боже мой! Каким я был беспечным,
И, не вникая в сущность бытия,
Порхала безмятежно жизнь моя,
Печали утоляя первой встречной.

Теперь же, понимаешь ты умом,
Что счастье это было бредом, мифом,
И лодочку мою несло на рифы,
Но вовремя утих ревущий шторм.

Казалось мне, я счастлив был, мой друг,
Безделью предаваясь в сладкой неге,
Уподобляясь ветру в своём беге,
Порвать не помышляя этот круг.

Пускай сейчас заботы и дела
Клюют меня в житейской круговерти,
Семья — вот это счастье, вы поверьте,
Все те, кому беспечность так мила!

Две феи

Минуя множество ступеней,
Я поднимусь на высоту,
Где постою порой весенней,
Прижавшись к тёплому щиту.

Как хорошо на солнце греться,
И знать, что вечером опять
Тебя с работы встретит детство,
И уведёт с собой играть.

Две феи, в платьишках из ситца,
С кудряшками на головах,
Начнут беспечно веселиться,
Качаясь на твоих руках.

Продлись, счастливое мгновение,
Вы — смысл всех моих трудов,
Нет слаще ваших представлений
Из танцев, песен и стихов.

Ну а когда светило хочет
Уже лучи гасить свои,
Я вам шепчу: «Спокойной ночи,
Дочурки милые мои!»

МИХАИЛ ЕРМАЧЕНКО

«Бессмертный полк»

Любовь, мечты, надежды, планы —
Перечеркнула вмиг война.
Четыре года неустанно
В боях к Победе шла страна.

И вот в Берлине, на Рейхстаге,
Взметнулся в небо алый флаг.
«Победа!» — вспыхнуло на стяге —
И светом озарило мрак.

...Очищен мир от злой напасти.
«Ура!» — неслось из края в край.

И люди плакали от счастья,
И их встречал салютом Май!..

Да! Нелегко далась Победа:
Коснулось горе всех семей.
Но вот идёт по белу свету
«Бессмертный полк» страны моей!..

Необозримые колонны
Слились в один «Бессмертный полк»,
Чтоб их, — погибших миллионы, —
Никто забыть уже не смог.

ЕРМАЧЕНКО Михаил Федорович родился 05.09.1964 г. в г. Черемхово Иркутской области. Детство прошло в г. Зиме, юность в г. Саянске и Иркутске. С 1987 г. проживает и работает в г. Братске. Писать стихи начал с 16 лет. Издал тринадцать художественных книг. Печатался в журнале «Золотой век», Иркутск, 2007 (2), в журнале А.Углицких «Журнал литературной критики и словесности», Москва, 2010, в юбилейном журнале «Братск творческий» 2015 г., 2018 г., в журнале «Поэзия Сибири» (том II) 2017 г., Красноярск, в журнале «Российская литература», 2017 г. (44), Москва, в журнале «Литературная столица» № 3 (32) 2018 г., Москва. Работает в ОГБУЗ «Братская детская городская больница» заведующим отделением анестезиологии и реанимации. Кандидат медицинских наук. Награжден: золотой медалью В. Неговского «За заслуги в реаниматологии», серебряной медалью А. Швейцера «Врач года Европы», медалью ААРИО «За заслуги в реаниматологии», медалью «За заслуги в медицине», медалью «Святого Владимира» от Православной Русской церкви, значком «Отличник здравоохранения». Депутат Думы г. Братска VI созыва. Женат, отец четверых детей.

Война

В двадцатом веке шла война — Ее назвали Мировая. Несла планете смерть она, Пощады ни к кому не зная!	Казалось, силы нет такой, Что прекратить войну сумеет. Но встал народ на смертный бой, Он верил, зверя одолеет.
Горели сёла, города, В пожарах небо полыхало. Не знала удержу беда, — А смерти жертв казалось мало...	...Не зря Всевышний подал знак, Как поломать хребет фашизму... Победно взмыл советский флаг Как дань людскому героизму.
Фашизм, как дикий лютый зверь, Всё на своем пути калечил. Не перечислить всех потерь И судеб смятых человечьих...	...Вновь песни пели всей страной, Цветами воинов встречая. И это было той весной, Точнее, в сорок пятом, в мае.

Вторая столица

Есть повод мне городом нашим гордиться,
Он в области нашей — вторая столица.
Заводы, дома, парки, улицы, скверы —
У Братска свой стиль и свои есть манеры.
Мой город встает рано утром, с рассветом,
Зимой он работает, трудится летом.
В нем каждый найдет дело, что по душе,
Металл лить, учить, свет давать всей стране!
Лечить, чистить город, бумагу варить,
Историю города вместе творить!
Для юных братчан здесь сады есть и школы,
А в новых квартирах живут новоселы.
Живет, развивается город родной,
И поступь тверда его по мостовой.
И пройденный шаг есть движенье вперед,
Ведь к лучшему завтра мой город идет.
Туда, где воздух прозрачен и чист,
Где кружит осенний желтеющий лист.
Где Братское море бьёт в берег волной,
И плещется омуль в волне за кормой.
Я верю, что Братск все проблемы решит,
Он выстоит, сдюжит, и он победит!
Не будет из Братска народ уезжать,
А будет мой город расти, процветать!
Мы будем всегда своим Братском гордиться,
Он в области нашей — вторая столица!

ТАТЬЯНА ДЯКИВСКАЯ

Хлеб детства

Хлеб детства...
Он таким казался вкусным!
Присыпан солью, маслом полит.
Ломоть, горбушка ль
С ароматным хрустом —
Он памятью с далёким прошлым слит.
Деликатесом
был среди всякой снеди.
Песком подслащен с ложечкой воды.
Был королём
застолья на обеде,
и не было вкусней его — еды.
Ржаной ломоть
снискал признание жизнью,
сопровождая путь людей земной.
Знать, оттого
кладут его на тризне,
когда нас провожают в мир иной.

ДЯКИВСКАЯ Татьяна Фёдоровна (Зернова) родилась в городе Иваново. В 1958 г. с родителями переехала в г. Братск. В 1964 г. начала трудовую деятельность в УСМСП электромонтёром-монтажницей. В 1973 г. окончила Ужгородское училище прикладного искусства — Закарпатье (ныне колледж искусств им. А. Эрдели). Стихи писала периодически. В 2002 г. вернулась в Братск. Автор 8 поэтических сборников и 2 сборников стихов для детей. Печаталась в альманахах поэзии «Откровение»; в местной периодической печати; в коллективных сборниках стихов поэтов г. Братска; в журнале «Сибирь» № 3, 2008 г. — г. Иркутск; в альманахе «Всё шире круг» — г. Иваново; журнале «Северо-Муйские огни» — г. Северо-Муйск. Является инициатором создания поэтического объединения «Откровение» при библиотеке семейного чтения им. Г.П. Михасенко, в Падуне, в г. Братске, а также его ведущей.

* * *

Бродит где-то моё лето —
Сарафан из ситца.
Васильково-синим цветом
Взгляд его лучится.

Пепельно-пшеничный волос...
И разносит эхо,
Словно колокольчик, голос
В переливах смеха.

...Лета бабьего соседство
Просит потесниться.

На крылечко с летом детства
Выбегу проститься.

Промелькнёт в наряде ретро
Бабочкой пугливой.

Пусть летит с залётным ветром
К берегам счастливым!

Солнце льётся сквозь ладони.
Помашу рукою.

...Ива свесилась в поклоне
Низко над рекою.

* * *

Не буди меня песней усталой
Устремлённых на юг птичьих стай.
Прошуршала листвою опалой
Жизнь — её втихомолку листай.

Не тревожь меня стылым безмолвьем,
Что дождями стоит за окном,

Горсть рябин положи к изголовью —
Опои грусти терпким вином.

Не смущай, златоликая осень,
Буйством красок и солнечным днём —
Не отыщешь всех сгинувших вёсен
Средь листвы, что пылает огнём.

Осень жизни моей

Осень жизни моей —
Золотая река
Отгоревшего спелого лета.
Осень жизни моей
Заметают снега,
Серебром укрывая рассветы.

Хоть рубином горя
И искрясь по утрам,
Украшают алмазные льдинки,
Обветшалый наряд
Больно треплут ветра
И секут ледяные дождинки.

Осень жизни моей,
Уходить не спеши
По разъезженной слякотной трассе.
Лёгкой грустью овей
Боль усталой души,
Светом солнечных искр изукрашив.

Одиночеством дней
Не трудись устрашить,
Мне плаксивей не стать и капризней.
Алый цвет снегирей —
Капли крови души
На заснеженной скатерти жизни.

ТАТЬЯНА ЧЕМЕЗОВА

Мы нашей памятью сильны!

Читаю книги о войне,
И в мой рассвет она стучится.
Земля родимая в огне.
Закат кровавый на границе...

Любимой бабушки рассказ —
Войны ожившие страницы.
Святая правда, без прикрас.
Скупые слёзы на ресницах...

Накинет праздничную шаль
На старый китель для парада.
Поправит на груди медаль
«За оборону Сталинграда».

И встретит май победный свой,
Друзей погибших вспоминая,
Про свой десятый батальон
Напев любимый повторяя...

Мы будем помнить о войне,
Передавая эстафету,
Чтоб не пришла беда извне,
Чтобы от войн спасти планету.

Пусть свечи памяти горят,
И Полк Бессмертный шаг чеканит.
Пусть люди мира встанут в ряд,
Плечом к плечу. Пусть в Лету канет

Вражда племён и детский плач,
Звериное лицо нацизма.
Пусть совесть обретёт палач,
Очистит душу от цинизма...

Не смолкнет эхо той войны,
Священной для всего народа.
Пока мы памятью сильны,
За нами Правда и Свобода!

ЧЕМЕЗОВА Татьяна Фёдоровна родилась в 1960 г. в г. Каменске-Уральском Свердловской обл. В 1978 г. окончила среднюю школу № 5 г. Усть-Кута и поступила в ИГПИ, по окончании которого в 1982 г. по распределению приехала в г. Братск. Учитель русского языка и литературы МБОУ «Гимназия № 1 им. А.А. Иноземцева». С 2014 г. — член творческого объединения «Литературное братство». Произведения автора опубликованы на литературных порталах «Стихи.ру», «Общелит.ру», в общероссийских поэтических сборниках «Здравствуй, Муза!» и «Наших строк многоцветье» (2010 г.), в библиотеке «Литературной газеты «ЛИК» Фонда поддержки литературного творчества и культуры «Кузбасс» (2010 г.), в журналах «Северо-Муйские огни» (№ 4, 2014 г.), «Сибирь» № 4 (2020), в Литературном альманахе «Огни Гавани» (№ 23, СПб, 2015 г.), в поэтических сборниках «Живое слово Братска», «Поэзия Сибири» (т. I, Красноярск, 2015 г.). Финалист Восьмого международного фестиваля литературы и культуры «Славянские традиции — 2016». В 2018 г. вышла первая книга стихов «В моём калейдоскопе».

Очарованный край

Очарованный край! Вековое раздолье! На мольбертах лесных Расплескался янтарь...	Из прозрачной травы Осень шьёт занавески, Вышивая узоры Из листочков резных.
Улетающих стай Сиротливая доля... Обронил жёлтый лист Отрывной календарь...	Терем свой расписной Устилает коврами. Будет солнце хранить Бус рябиновых нить.
Из опавшей листвы Золотых перелесков, Паутинок седых И туманов грибных,	В листопад золотой Бабье лето заманит, Чтоб теплом и любовью Этот мир озарить.

Опять невидимую кистью

Опять невидимую кистью Поклонник тайный на стекле Нарисовал узор из листьев И контур розы в хрустале.	Следы снежинок звездокрылых Петляют, уходя в рассвет. И трепет губ нетерпеливых Нежнее, чем зари привет...
Причудливые очертанья Как зовы губ, изломы рук... Как приглашенье на свиданье, Как искушенье, как испуг...	О вязь узорная пророчеств, Сулящих счастье и покой! Не исчезай в объятьях ночи. Мне тайны рун своих открой!

Стояла осень в солнце и туманах

(Школьное сочинение на заданную тему)

Мне не дано, как в избранных романах, Вам описать осенний маскарад... «Стояла осень в солнце и туманах», И ливнем наземь лился листопад.	Здесь изморозь украсит перламутром Осенних грёз таинственную нить. Здесь можно любоваться дивным утром, Из пригоршней морозный воздух пить...
Кружились листья стаями, как птицы, Игривый ветер платья рвал с берёз! И больно, что уже не повторится Той осени, что мне мила до слёз...	Нет! Ни в стихах, ни в избранных романах Не описать родной таёжный край!.. «Стояла осень в солнце и туманах», В прощальном крике журавлиных стай.

ОЛЕГ СЛОБОДЧИКОВ

Дар

РАССКАЗ

«Ненавижу!» — такими были первые чувства, которые он помнил после тьмы небытия. Ненавижу людей, тыкающих мордой в дерьмо, наглого кота, детей, таскающих за хвост, ненавижу игры, поводок и ошейник. Ему бы простили кучи и лужи на полу в обмен на щенячью шалость и привязчивость, но их не было. Чаще всего он молча сидел в углу, неприязненно наблюдая за людьми, на их попытки погладить, приласкать, поиграть показывал мелкие острые зубы, при наказаниях не визжал, но пытался укусить.

В доме решили, что он — сторожевик, еще щенком выселили на холодную улицу и посадили на тяжелую цепь. Но он не проявил себя и сторожем: никогда

СЛОБОДЧИКОВ Олег Васильевич, прозаик. Родился в 1950 г. в г. Первоуральске Свердловской обл. В детстве с родителями часто переезжал с места на место. Окончил филологический факультет Казахского Государственного университета в г. Алма-Ате. С 1981 г. работал редактором отдела прозы в республиканском издательстве Казахстана «Жазуши» («Писатель»), редактором отдела прозы журнала «Простор». В 1991 году переехал в Иркутск. В течение 12 лет работал редактором отдела прозы и публицистики в журнале «Сибирь», был (1998–1999) директором издательства «Иркутский писатель». В 1994 г. был принят в Союз писателей СССР. Печатался в журналах «Сибирь», «Москва», «Наш современник» и др. Автор книг: *Перекрёсток*: повести (Алма-Ата, 1987); *Чикинда*: повести (Алма-Ата, 1991); *Заморская Русь*: роман (Иркутск, 2000); *По прозвищу Пенда*: ист.-приключ. роман (Иркутск, 2009); *Похабовы*: Сиб. ист. роман (Иркутск, 2011); *Первопроходцы* (Москва, 2019). Трижды лауреат Губернаторской премии, в том числе в 2000 г. — за роман «Заморская Русь», в 2011 г. — за роман — «Похабовы». Лауреат премии журнала «Москва». Живет в пос. Шумиха Слюдянского района.

не лаял, озлобленно смотрел на людей желтыми волчьими глазами и грыз железную цепь, мечтая о свободе. В голове его витали смутные картины леса, которого он никогда не видел в этой жизни, и ощущение полета. Однажды к будке подошел человек с резким запахом. Длина цепи позволяла достать его. Был бесшумный рывок, зубы впились в плоть, на языке затеплился вкус крови.

Его били. Было больно, но он молчал, впервые ощущая успокоение от ненависти. Но это длилось недолго: едва стал забываться вкус крови, ненависть ко всему, что окружало, засадила с новой силой. Бывший его человек подошел к будке с миской. Из нее так пахло свежим вареным мясом, что пасть наполнилась слюной. Человек поставил еду на землю и опасно протянул руку, чтобы миролюбиво потрепать по загривку. Снова на языке был вкус крови и недолгий, но сладостный душевный покой.

На этот раз его не били: подвесив на цепи и ошейнике, опустили в ящик, закрыли и повезли. После резкого запаха бензина смрадно запахло псиной, после рокота машин послышался беспрестанный хрип и лай. С ошейником, но уже без цепи он очутился в клетке по соседству с двумя собаками, отполз в дальний угол и задремал, сквозь прикрытые веки наблюдая суету за решеткой.

Вечером со скрипом приоткрылась и захлопнулась дверь, в нее просунули еду, подванивавшую мясом. Собаки, рыча друг на друга, с жадностью стали есть. Он не пошевелился, оставаясь лежать. Человек за решеткой насмешливо наблюдал за ними. Круглоголовый, круглоглазый и усатый, он походил на толстого кота, баловня людей из воспоминаний о доме. Собаки насытились и отошли от корыта. Там еще оставалась еда, но новичок не притронулся к ней. Человек-кот покачал головой и с важностью проследовал к другим клеткам.

Среди ночи собаки доели остатки пищи, на другой день все повторилось. И снова человек-кот в широких штанах и фартуке с любопытством наблюдал за новеньким. К нему подошел другой, похожий на долговязую овчарку из соседней клетки, с глазами, в которых светилось упоение своей значимостью, спросил:

— Как наш красавчик?

— Похож на овчарку, но трусоват. Наверное, помесь с лайкой: самая никудышная из всех помесей.

— С виду так не подумаешь! — презрительно оттопырил губу человек-пес. — Ничего, кому-нибудь сплавим!

Поглядывая на новенького, поджарая вислоухая дворняга из клетки добродушно виляла хвостом. Другой, приземистый коренастый пес с мохнатой мордой и глазами, завешенными ворсом, глядел пристально, озлобленно. В очередной раз наевшись, он срыгнул воздух, поскреб задними лапами доски настила, прикрытого сеном, угрожающе зарычал. Новичок пулей выскочил из угла. Добраться до горла, куда метил, сразу не удалось: на зубах закрипел густой слой шерсти, но клыки все глубже зарывались в нее. Едва на языке затеплилась кровь, мохнатый завизжал, вислоухая дворняга поджала хвост и забилась в угол. Прибежали Кот с Псом, ловко зацепили крюком за ошейник, прижали голову к решетке. Его почти не били, но полузадушенного бросили в отдельную клетку, и он впервые был доволен тем, что лежит один и защищен от окружающих прочной сеткой. Сердце билось ровно и спокойно, отпускала обычная ненависть. Он даже блаженствовал, пока ощущал на языке вкус собачьей крови.

— Волк! — удивленно разглядывая его, решили Кот с Псом.

— Какой-то придурак восстанавливает вырождающихся лаек волчьей кровью,

держит вольер за городом, — обиженно пролепетал круглолицый Кот. Теперь он смотрел на новичка без насмешки, тоскливо и затравленно. — Полукровок и кварталонцев по договору обязан ликвидировать, но раздает щенков, а мы — расхлебывай отсеки его бизнеса.

— Похоже, этот урод задержится надолго.

Люди ушли. Он лежал за решеткой и прислушивался к звукам псарни, к отдавленному рокоту машин, урчанию большого города. Иногда до него доносился вой сирен, и он приглушенно, сдавленно откликался, издавая звуки, похожие на стон. Никто не мешал его видениям свободы, то и дело возникавшим перед закрытыми глазами: сумеречному лесу и полету среди деревьев, гостеприимно раскинувших зеленые ветви. В клетке было лучше, чем в доме и на цепи.

Прошло много дней. Однажды, в сопровождении все тех же Кота и Пса, к нему подошла женщина, восхищенно взглянула на узника светло-кариими глазами, безбоязненно просунула кончики пальцев за сетку. Кот с Псом опасливо отдернули ее руки. Женщина послушно опустила их, прижалась к сетке лбом, и ее глаза из светло-карих сделались зелеными.

— Какой красавец!

Что-то смутно знакомое почудилось ему в ее облике и запахе, так окативших волной любви и доброты, что он чуть не вильнул хвостом, опущенным, как у волка, но длинным, как у овчарки.

— Для охраны усадьбы подойдет! — глядя в сторону, вальяжно промурлыкал человек-Кот. — Но только как цепной!

— И сколько же он стоит? — не спуская с него менявших цвет глаз, спросила женщина.

— Берите даром!

— А как его зовут?

Мужчины переглянулись и дали ему имя — Дар.

Они опять ловко зацепили ошейник железным крюком, прижали голову к решетке, умело опутали намордником и пристегнули цепь. Конец ее женщина взяла в руку, полную, мягкую, в которую могли глубоко и сладостно вонзиться клыки, но такого желания не возникало. Удивляясь себе, Дар послушно пошел рядом, касаясь боком ее обнаженной ноги.

Она привезла его в загородный дом, возле которого росли несколько сосен и берез, напоминавшие видения леса, прицепила конец цепи к толстой проволоке, натянутой вдоль стены и, вопреки предупреждениям Кота и Пса, сняла намордник. Дар рассеянно класнул зубами возле ее руки, но не укусил, уставившись на доступную икру ноги. Желания впиться в нее зубами не было, пропала привычная ненависть. Она погладила его по широкому волчьему лбу. И он, тихонько смакуя запах ее кожи, шевельнул черными ноздрями. Ему была приятна ласка. Но едва женщина ушла в дом, он почувствовал себя настолько униженным, оскорбленным, что впервые громко залаял и стал рваться с цепи.

Рассеянность чувств прошла, ненависть вскипела с прежней силой, но не к ней, а к себе, к тому, что готов подчиниться. И вдруг, с полной ясностью он почувствовал внутри себя причину бед — дрожавшую от страха сучонку, отдающуюся его отцу, ее умиление перед силой и ужас — не сожрет ли, удовлетворив страсть. Глядя вниз, где в сумерках вечера в смрадной дымке выхлопных газов зажигал огни город, он завыл:

— Отец! Зачем ты сделал меня таким?

Женщина вынесла тазик с едой, и опять он не укусил ее, когда была рядом. Постояв в раздумье, придвинулся к еде, стал есть, поскуливая от унижения, с которым впервые мирился.

Издали и со всех сторон доносился лай, к ночи он усилился. От безделья цепные псы собачились и ругались, как в вольере. На этот раз, невидимые, они взбесили его. Он рванулся с цепи на самый неприятный голос и громко, с ненавистью залаял, желая тишины. Собаки отвечали ему тем же.

Среди ночи Дар вырвал голову из ошейника и, ошалев от счастья, бросился к лесу. Люди перестали его злить. Он равнодушно проскочил мимо пешеходов. Взрывая сильными лапами землю, дал большой полукруг, выбежал на тракт, едва увернулся от налетевшей на него машины и бросился в кустарник. Под лапами шелестела пропыленная трава. Проскочив узкую лесополосу, Дар выскочил к забору, побежал в другую сторону, но и там путь преграждали либо забор, либо асфальт. В одном месте он увидел кота, рванулся и догнал его в три мощных прыжка. Это был не тот жирный кот, которого все баловали в полузабытом доме. Тощий, с вислой невылинявшей шерстью, обмороженными ушами, он резко обернулся, подскочил на месте, впился когтями Дару в нос и в следующий миг, изогнутый дугой, возмущенно урчащий, оказался на дереве.

Проблуждав всю ночь, обессиленный, Дар с брезгливостью загрыз какую-то шавку, но есть ее не стал, и весь день пролежал в пыльном кустарнике, прядая ушами от рокота города. Свобода, блазнившаяся ему в клетке, оказалась совсем иной. В сумерках, опустив голову и хвост, он поплелся распутовывать свои следы, чтобы вернуться к ненавистной цепи. Дар простил бы себе свое унижение из-за голода, но не мог простить того, что возвращается к Ней не только ради еды: в этом гадком мире он не знал места лучше, чем Ее дом, не помнил человека или животного, возле которого ему было так хорошо, как рядом с Ней.

Он нашел знакомый двор, доел остатки еды в тазу, устало лег возле стены, цепи и ошейника. Она увидела вернувшегося пса из окна, вышла на крыльцо, безбоязненно подошла к нему, села рядом и стала уговаривать позволить надеть ошейник. В ее голосе были сострадание и жалость, которые уже не унижали Дара, познавшего подлинную свободу. Как пес, он позволил надеть на себя ошейник и погладить по лобастой голове. Ему была приятна мимолетная ласка женщины, но унижительны свои терпимость и приязнь к человеку. Через некоторое время с сердечной тоской он смирился с тем, что у него есть хозяйка, но больше прежнего возненавидел людей.

Она плакала, когда он кусал ее подруг и друзей, бывало, оттаскивала его за хвост. Дар кусал и ее, но не до крови. Гостям же иной раз приходилось так тяжело, что вызывали скорую помощь. Потом Она корила и уговаривала его, сидя против будки, а пес, успокоенный и умиротворенный, покорно глядел на Нее желтыми волчьими глазами, и пока в пасти ощущался вкус крови, в душе был покой, а в сердце приязнь к Ней. Потом он лежал под стеной, с высоты горы смотрел на урчащий город и тихонько подвывал доносившимся оттуда сиренам. Но едва пропадавал вкус крови в пасти, снова накатывала ненависть к людям и собакам.

Однажды, разъяренный своей цепной долей, он нетерпеливо ждал очередного гостя и услышал его легкие вкрадчивые шаги, потом почувствовал резкий запах свежего пота: человек не приехал на машине, но забрался на гору пешком. Дар спрятался, приготовившись к прыжку. Калитка открывалась долго и осторожно. Показался человек, мосластый, поджарый, чуть сутуловатый, с пристальными на-

стороженными глазами. Он показался Дару похожим на большого тощего кота с отмороженными ушами, того, который безнаказанно оцарапал его нос и увернулся от клыков. Дар уже не сомневался в легкой добыче, и сделал верный бросок.

Миг полета с цепью на шее показался ему долгим. На лету он успел увидеть серые глаза, блеснувшие так ярко, что слегка ослепили. В них не было ненависти, не было и страха, как у того потрепанного бездольем кота, в этих глазах была знакомая, затаенная боль, в которой Дар уловил что-то свое, глубоко выстраданное, и не сильно удивился, когда его клыки столкнулись с крепким каблуком.

Гость ловко отскочил за черту доступности, слегка оскалив зубы, схватил палку и снова оказался рядом. Ударил умело: больно, но не повредил ни ушей, ни глаз, даже не оцарапал морды, удивился, что пес не завизжал, а яростно схватил палку зубами и стал крошить ее конец. Они оба с любопытством разглядывали друг на друга. С лица человека не сходил оскал, как знак готовности постоять за себя. Дар опознал его всем своим нутром и впервые почувствовал в человеке силу, способную на равных противостоять ему без цепей, ошейников и намордников. Ненависти не ubyло, даже наоборот: все, что пес ненавидел в себе, с негодованием обернулось против гостя.

Обороняясь палкой и насмешливо поглядывая на клацающего зубами, рвущегося пса, пришелец безбоязненно обошел его в презрительной близости и, недоступный, расселся на крыльце. Хозяйки не было. Нежданный человек возле ее двери был для Дара нестерпим. Задыхаясь, он рвался, хрипел и лаял. А гость все с тем же любопытством смотрел ему в глаза, пытаясь узнать то, что никому знать нельзя.

— Урод! Урод! — негодовал пес, беснуясь. — Такой же урод как я, только в человеческой шкуре!

— Что, брат?! — блеснули серые глаза и в знакомом оскале обнажились зубы. — Не узнал старого волкодава?

— Урод! Урод! — рвался с цепи Дар, но гнездившаяся в нем сучонка боялась нечаянно сорваться и освободиться.

Хозяйка вернулась, как всегда уставшая, нагруженная пакетами. Она не удивилась гостю, сидевшему на крыльце, ни словом, ни взглядом не осудила Дара, что пропустил его, и пес стал успокаиваться.

— Откуда у тебя полуволчара? — кивнул на него гость. — Как угораздило посадить его на цепь?

— Почувствовала, если не уеду из города — сойду с ума. Продала квартиру, купила дом, — сказала Она, ласково поглядывая на успокаивавшегося Дара. — Переехала. Одной, без собаки страшно, щенок — не помощник. Съездила в «К-9», там мне его и дали, бесплатно.

Гость опять усмехнулся и попросил вдруг:

— Сними-ка с него шерстинку!

— Зачем?

— Хочу посмотреть.

Она подошла к настороженно рычавшему Дару, потрепала загривок. Он снял с ее пальцев ворсинку, приподнял, щурясь, посмотрел на свет.

— Собака! Полукровка или квартиронец. Беспонтовый пес, оттого и кусает твоих друзей. — Он помолчал и добавил вдруг: — А клыки у него настоящие, как у матерого волка.

Гость окинул тоскливым взглядом ее дом, несколько берез и сосен в просторном дворе.

— Да уж! — усмехнулся. — Одной здесь не выжить.

— Дому нужен хозяин! — согласилась Она и спросила вдруг, шаловливо поглядывая на гостя прищуренными глазами: — А почему ты выбрал именно меня? Моложе и красивей не нашел?

— Когда познакомились по телефону, ты сказала, что за любимым хоть на край света! И еще, что не хочешь жить в городе. А при первой встрече показалась мне похожей на волчицу! — вполне серьезно ответил Он и, заметив ее взметнувшиеся от удивления брови, пояснил: — В прошлом, грешен, вынужденно зарабатывал на жизнь охотой на волков. Как говорят у вас в городе — был киллером. Но я не только убивал, — стал вдруг оправдываться, глядя на Дара. — За хорошие деньги просили добыть живого. Нет на мне такого греха!

Она не поняла, зачем Он сказал это, гость догадался по ее лицу и добавил:

— После той работы идеал женщины и жены у меня сильно переменялся в сторону волчиц.

Они стали жить в ее доме. Уходили утром. Он возвращался раньше, уставший, потрепанный, провонявший городом, то есть табаком, перегоревшим бензином, дезодорантами, и в его глазах тлела знакомая Дару ненависть к вынужденному смирению. Время от времени пес кидался на него, а Он бесстрастно тыкал деревяшкой в пасть и любовался, как тот крошил ее крепкими клыками. Затем кормил Дара, оставаясь у края черты, за которую мешала прорваться цепь, подливал воду для питья. Дар показывал клыки, пугал, делал ложные выпады. Запах хозяйки перебивал прежний запах гостя, но был холодным, мертвящим, без живой доброты и любви. Эта помесь то раздражала Дара, то успокаивала, и его переставало томить желание познать вкус крови этого получеловека.

Потом они вместе ждали Ее, словно сговорившись о временном перемирии, сидели неподалеку друг от друга, глядели вниз, на город. Дар тихонько подвывал, а Он мычал и мотал головой. Она возвращалась тоже уставшей, но не такой ослабленной, как Он, садилась между ним и Даром, одной рукой ласкала сторожевика, другой гладила Его по спине.

— Зачем сутулишься? — спрашивала. — Со стороны, в одежде не подумаешь, что у тебя атлетическая фигура, мускулы, как у спортсмена.

— Зачем это знать кому-то кроме тебя? — Он обнял ее, и Дар одобрительно заурчал: псу было приятно, что Она смиряет не его одного. — Стараюсь следить за собой! — выпрямлялся Он. — Несколько лет охотился на пару с другом. Тот сутулился и открывал рот при ходьбе. Потом его убили. Не я!.. — Спыхватился, оправдываясь. — Только я почему-то стал сутулиться, открывать рот и вообще... Как перестану следить за собой, так становлюсь похожим на него.

Ты тоже, только на первый взгляд — волчица! — насмешливо взглянул на нее. — Глаза светло-карие, почти желтые, но добра и беззащитна, как божья коровка.

— Урод! Урод! — Через ее ноги бросился на Него Дар. Шкрябал перед его лицом лапами с растопыренными когтями, придушенно дышал в Его лицо разинутой пастью.

Он понимал кобеля, волчий оскал кривился, меняясь на грустную усмешку, снова кошачьей дугой сутулилась спина:

— Хотя, зачем тебе быть волчицей? Один защитник у тебя уже есть.

— А ты? — в упор спросила Она.

— У друга, которого убили, была мечта построить дом в лесу и жениться. Я смеялся над ним, а сейчас имею дом в тихой таежной деревеньке из пяти дворов, кое-какой заработок. Не хватает только жены. Поедем ко мне?

— Чем плохо у меня? — обиженно заморгала она длинными ресницами.

— Город урчит, воняет, — неприязненно пробурчал Он. — Соседи то ракеты пускают, то заводят дурацкую музыку — «бум-бум»! Высоковольтовка — тоже, — обернувшись, кивнул на линию электропередачи, и его спина изогнулась колесом.

— Она же далеко!

— У меня от нее будто щетки по телу.

— А как же Дар? — стала колебаться Она.

— Я его безболезненно ликвидирую!

— Как это безболезненно? — в ее голосе послышался резкий протест.

— Два контакта на триста восемьдесят — укусит и улетит на переподготовку. — Он без смущения взглянул в желтые волчьи глаза Дара и кивнул ему. — А что? Вернешься настоящим волком или собакой.

— Нет! Я на это не согласна! — в ее голосе дрогнули скрытые слезы. — Я к нему привыкла. Я его полюбила. Он принял меня.

— Тогда возьмем с собой, — неуверенно предложил Он. — Попробую его в тайге, вдруг на что сгодится. Медведей у нас много, на помойку приходят. Кабаны в моем огороде картошку роют.

Они забили досками окна дома и собрались переезжать. Однажды Она надела на Дара намордник, пристегнула к ошейнику цепь, а Он намотал ее конец на свою руку, при том из его заднего кармана торчала остро заточенная отвертка. Дар пырился, но не бросался на Него, не рвался с цепи, не буянил. Они ехали сначала в машине, потом в электричке, битком набитой народом. От множества людей и запахов пес растерялся, залез под сиденье. Кто-то попытался его погладить. Дар угрожающе зарычал, Он сжал его загривок и приставил к шее отвертку. Потом они ехали в другом поезде, там было просторней. Дар терпел, терпел и Он до внутренней дрожи и зубовного скрипа, которые Дар хорошо чувствовал, как собаки чувствуют состояние хозяина.

Неподалеку от них сидели два молодых человека с запахом табака и бензина, мирно пили зловонное пиво, разговаривали об охоте, стрельбе по зверю и птице, тихо шутили и посмеивались. Когда они сошли с поезда, Он, облегченно вздохнув, пробормотал вслед: «Палачи!»

— Охотники! — зашпорила Она. — Культурные ребята, не позволили себе ни одного матерного слова, не то, что эти, — неприязненным взглядом окинула шумных и пьяных пассажиров.

— А ты слышала, что они говорили?

— У них высокая зарплата, начальник — тиран, постоянно унижает, дома — жадные до денег жены. Единственная отрада — охота!

— Ничего ты не поняла! — Он вздохнул, слегка скалясь, его спина распрямилась, от напряжения мышц вздулась тугая шея, и в глазах блеснули знакомые Дару огоньки.

Наконец распахнулась железная дверь, Дар спрыгнул на землю, окинул взглядом окрестности. Это была та самая лесная падь, которая являлась ему в смутных видениях. Он узнал лес, небо над ним, запах чистой воды и принял все за свое, кровное. Где-то рядом лаяли собаки. К Дару, как к чужаку, подскочила дворняга с пышным хвостом, обнюхала, и с высокомерной важностью приставила к носу, закрытому намордником, свой зад: внимай, дескать, с кем имеешь дело. Дар зарычал, подмял ее и обнюхивал, вымещая терпение в пути. Удерживая за цепь, Он оттащил его от полузадушенного пса. По тому, как, услышав их, притихли другие собаки, Дар почувствовал страстное желание навести здесь порядок.

А друг хозяйки не ко времени куда-то заспешил. Он открыл для Нее дом, торопливо посадил Дара в козлий загон, привязал цепь к столбу, придумав для своей женщины какую-то причину, ушел к ночи с рюкзаком, бросив ее одну. Всю ночь Дар лаял от обиды и напускал страх на здешних псов, к утру свалил столб, изгородь из металлической сетки и запутался в них.

Она не могла сама освободить Дара, только утешала его, пыталась приласкать и накормить. Ее друг вернулся к полудню, успокоенный, подбровивший, с погасшими глазами и прямой спиной. Он безбоязненно выпутал Дара из сеток, проволоки, а тот даже не попытался его укусить. Обида за Нее прошла, пес чувствовал, что у ее друга на языке вкус крови. Досадливо осмотрев устроенный непорядок, Он даже не обругал Дара.

— Я знаю, ты был не на охоте! — тихо сказала Она. — Как будем жить? Ведь мы совсем не знаем друг друга?!

— Жить надо хорошо, для этого мы и встретились, для этого так долго искали друг друга, — устало отвечал Он, и глаза его были красны от бессонной ночи. — Ты будешь прибирать в доме, готовить еду, я — добывать продукты и дрова. Ведь я писал тебе, что до полного счастья мне не хватает только доброй, не скандальной жены. И в постели мы подошли друг другу. Что еще?

— Ты убил их?

— Нет! Наказал! Слегка пугнул! По таежным понятиям и народным правилам охоты нельзя так относиться к добыче.

— Почему ты не сказал им об этом в поезде? Струсил сделать это открыто, по закону?

— Струсил! — признался Он, губы его скривились, а прищуренные, успокоенные глаза снова стали разгораться. — Эти твари не раз портили мне жизнь. В том мире, — кивнул в сторону города, — все законы заточены под них. Начни действовать по ним — выставят и виноватым, и дураком. Тебе этого не понять, пока! Да и не нужно понимать. Ты — женщина!

— Мы с тобой решили создать семью, а я совсем не знаю тебя! — мягче сказала Она, но в ее голосе Дар почувствовал подступавшие слезы, в горле у него заклокотало, мышцы напряжились, готовясь к броску.

— Мы должны до конца понимать друг друга, — тверже потребовала Она. — Я писала тебе, и говорила: мне мало еды и постели, я хочу любви. Только ради нее готова жить где угодно и с кем угодно...

— Бывают палачи, которые просто исполняют свою работу, некоторые делают это хорошо, — присаживаясь, отвечал Он усталым голосом. — Те, о которых ты говоришь — другие! Они убивают сладострастно, не для еды, а для потехи, еще и смеются над жертвами. Ты же слышала. Грех не наказывать их. Тайга такого не прощает. Ха! Попискивали там — надо жить по законам, а не по понятиям! Надо, чтобы законы совпадали с понятиями. — Он вдруг жестко усмехнулся, показав зубы. — Знаешь, как ведут себя палачи, когда понимают, что скоро станут таким же мясом, как убитые ими? Впрочем, тебе этого не надо знать! Ты — не волчица! Хотя, глаза...

— Я чувствую в тебе слабость и страх, хотя умом понимаю, что ты сильный и надежный мужчина. Сейчас ты говорил и вдруг стал очень похож на Дара. Скажи, ты — сидел!

— Сидят на унитазах! — неприязненно обронил Он. — Я отбывал срок, и даже два. Хулиганка и побег — семь лет, из них пять на строгом режиме. Тот мир ненавидит меня с юности. Что? Не подхожу для большой любви? — Тряхнул головой,

встал, подхватив рюкзак, и поплелся к дому. Дар, настороженно молчавший, пока они разговаривали, растерянно залаял вслед.

Она погладила своего пса и пошла за Ним.

В доме было тепло и прибрано. Он содержал его в чистоте, но тот порядок был холодным, мужским. Теперь хватало взгляда, чтобы понять — здесь есть женщина. Пахло хлебом и борщом. Он огляделся, обнял ее:

— Вот этого мне и не хватало для полного счастья!

— Мне нужно съездить в город, подумать, во всем разобраться. Обещаю, в любом случае вернусь. Твой срок меня никак...

Он переоделся, умылся, неторопливо поел.

— Вольному воля, — сказал после затянувшегося молчания. — Хотя, жаль, конечно... Мне с тобой хорошо.

У меня за речкой огород, — заговорил о другом. — Кабаны на моей картошке жируют. Привяжу-ка я твоего Дара там, пусть сторожит. Все какая-то польза! Не везти же его обратно?!

— Если бы увезла, то с концом, — Она улыбнулась одними глазами, присела рядом, обняла, положив голову ему на плечо.

— Расскажи о себе, — попросила ласково.

— Жил в деревне, семья большая, бедная, а я уродился необычным ребенком, потом стал необычным парнем: хорошо учился, не пил, не курил, как сверстники, после школы поступил в техникум, сразу на третий курс, чтобы скорей зарабатывать. Родня гордилась, председатель прочил свою должность в будущем.

Но город за что-то возненавидел меня. На День СА и ВМФ я получил приписное свидетельство и первый раз в жизни, как все сверстники-однокурсники, выпил стакан водки. Стало так хорошо, что хотелось обнимать и целовать всех встречаемых. Зашел в общагу, дежурный препод что-то заметил, обхватил со спины руками, я ткнул макушкой и разбил ему губы. Поблизости оказался мент, вызвал «воронок», меня увезли, и оказалось, в это самое время была кампания против хулиганства. В общем, все как по заказу. Препод просил, из технаря дали хорошую характеристику, председатель просил — не помогло: до совершеннолетия продержали в крытке, потом справедливый суд дал три с половиной года общака, с учетом того, что выждал в тюрьме. Судьба! С половины срока по молодости и дури бежал. Оказался в лесу. Чуть не сдох от голода, но вышел на охотничью избушку с запасом продуктов и два месяца прожил, шляясь по тайге. Наверное, я бы и сам потом сдался, но пришел охотник, пообещал взять помощником на зимний промысел, а вместо этого сдал. Явились родимые, каким-то чудом не убили. После лазарета припаяли новый срок, и с прежними двумя годами отбывал я его уже в вашем городе, вспоминал о летних бегах и тайге, как о рае. Еще тогда решил, если освобожусь, буду жить в лесу. Иди он, этот ваш... Не сразу, не без проблем, но нашел здесь работу, купил дом... И ничего мне не надо, кроме тебя!

— Кроме женщины! — со вздохом поправила Она и добавила: — Я вернусь, ты не сомневайся.

Она вернулась, каждый день приходила к Дару, кормила и ласкала, а он уже не злился на свою привязанность к ней, жадно ловил звуки деревенской жизни, яростно откликался на них лаем и скрежетом цепи. Все чаще переходил речку Он, чтобы накормить. Они даже подружились. Дар стал забывать свою первую ненависть к нему. Теперь Он казался просто человеком с Ее запахом. Они подолгу, без неприязни, сидели рядом, слушали лес, шум горной речки.

Здесь Он был сильнее, чем в городе, пес перестал чувствовать в нем внутреннюю дрожь. Раздражало, что Он не любил Ее так, как Дар. Просто ему было хорошо с ней. Он любовался ее танцующей походкой, статью и внешней силой, слушал Ее песни, но не замечал того, что видел и любил сторожевик. Он искал волчицу, а Она была женщиной. Это Его непонимание не вызывало в Даре ненависти, но в его смутном сердце таилась обида, которую не на ком было выместить.

Наконец, случилось то, чего сторожевик поневоле ждал. Друг хозяйки перешел через речку в высоких сапогах с рюкзаком, отстегнул от ошейника цепь и взял Дара на поводок. Пес рванулся, к речке, к Ней и в деревню, чтобы навести порядок среди собак, которые теперь злились на него больше, чем люди. Но Он с силой потянул поводок в другую сторону. Они долго шли по тропе, наконец, Он отстегнул поводок и дал Дару полную волю.

Душа пса обомлела от смутно помнившихся запахов. Не издавая ни звука, пес ловил носом ветер, обнюхивал траву. На тропе лежали катыхи, Дар втянул в себя их запах, понял, что зверь огромен и силен, у него длинные клыки, почувствовал, что должен сделать что-то важное, но не знал что, и брызнул на кучу мочой. Охотник усмехнулся и с сожалением покачал головой. Потом была куча с запахом очень большого и сильного зверя с длинными когтями. Чувствуя, что надо сделать что-то важное, Дар наложил на нее свою кучу.

— Ну, ты воще! — пробормотал Он. — Похоже, тебе и до собаки, как до луны...

Они шли дальше. Свободный Дар, след в след, шел за человеком, вынюхивал землю и громко пыхтел. Вдруг в его ноздри ударил резкий запах, пес сел и уставился на чудище. Впереди, в полусотне шагов, медведица пыталась снять с дерева медвежонка. Человек увидел ее слишком близко и мгновенно оценил ситуацию: склон крут, повернуться спиной к зверю нельзя, спускаться к речке, оказаться под ним — обязательно бросится, вверх не пустит. Медведица рывкнула два раза и бросилась вниз, к воде, оставив на дереве медвежонка. Он резко развернулся. Посреди тропы сидел Дар и с любопытством разглядывал зверей. Друг хозяйки пнул его, освобождая путь, и обернулся. Медведица снова подскочила к дереву с медвежонком, и от него по тропе понеслась на человека и пса. Ее черные губы были задраны в оскале, желтые зубы обнажены.

Он сорвал с плеч рюкзак, вскрикнул два раза, как только что ревела медведица, размахивая над головой мешком, бросился на нее. Она не выдержала, соскочила с тропы вниз, а Он, еще раз поддав Дару пинком в бок, столкнул его с тропы и, часто оборачиваясь, пошел в обратную сторону.

— Урод! — на ходу ругал Дара. — Ты же меня подставил. Если бы не сопел, я бы услышал раньше и ушел в сторону. Придурок! Да любая шавка, учуяв медведя, так завертелась бы под ногами, что я бы все понял... Твое счастье, ружье далеко. Здесь бы и пристрелил под горячую руку.

Они поднялись на гору другим местом. Он отыскал ружье с сильным запахом машинного масла и прелой ткани, вставил патрон, но его ненависть остыла. Дар безмолвно стоял перед Ним, восторженно озираясь волчьими глазами, и не опасаясь выстрела. Он плюнул под ноги, закинул ружье за спину и быстро зашагал по лесу.

Дар шел за ним, стараясь не отставать. Время от времени они садились на траву. Пес, высунув язык, ложился, громко дышал и клацал зубами, отбиваясь от навязчивых мух. Охотник прислушивался к лесу:

— Ну, хоть тьякни! — насмешливо ругал пса. — Я, по вашим понятиям, слепо-безносо-глухой, и то слышу изюбра. Ты-то куда пялишься?

Они пришли к маленькой избушке, скрытой в чаще. Он затопил печь, Дар, высунув язык, лег у входа, опять клацал зубами на досаждавших мух и молчал. Он не издал ни звука и ночью, когда уловил знакомый запах медведя, услышал его шаги и клацанье когтей. Так долго грезившийся ему лесной мир удивлял, потрясал и не вызывал желания нарушать лаем приятные звуки.

Охотник поднялся рано утром, рассыпав по столу патроны, тщательно выбрал несколько штук, вывалил на пол остатки каши и запер Дара в избушке. Тот съел кашу, лег на нары, на Его одеяло, и снова принялся слушать лес, то и дело впадая в сладостную дрему. Где-то далеко раздался неприятный, чуждый этому миру, хлесткий звук выстрела. Дар насторожился, подняв голову. Звук не повторялся. После полудня послышались Его тяжелые шаги, донесся резкий запах пота и свежей крови.

Он открыл подпертую дверь, Дар выскочил из избушки, ткнулся носом в рюкзак, от которого пахло кровью.

— С тобой напрасно бы прошлялся, только распугиваешь дичь. Ох, и беспонтовый же ты, паря! — вздохнул с сожалением.

Потом варилось мясо. Крепкими зубами Дар с удовольствием грыз теплые кости с запахом Его слюны. Всю ночь мякоть убитого козла висела над печкой, задымливаясь и подсыхая. Утром охотник сложил ее в рюкзак и двинулся в обратную сторону. Дар пошел за ним.

Теперь Он шел медленно, перебрасывая ружье из руки в руку, часто останавливался и отдыхал. На одном из привалов достал плащ, бросил под дерево, затем кинул туда же свитер. Поднималось солнце. Над рюкзаком гудело облако из мух, мешок блестел от ползающих по нему тварей. Дар шел сам по себе, и когда Он долго лежал на стволе упавшей сосны, отмахиваясь веткой, пес стал отдаляться, вынюхивая в траве любопытные запахи.

Он отдыхал долго, а Дар уходил все дальше и дальше. Охотник поднялся, тихо окликнул его, но тот не отозвался.

— У тебя своя судьба! — пробормотал Он. — Вдруг примешь хотя бы волчью кончину! — Взвалил на себя рюкзак и поплелся к дому.

А Дар все отдалялся, принюхиваясь к едким таежным запахам зверей, двигался медленно и почти бесшумно, подолгу прислушиваясь к звукам. В его сознании сонными видениями возникали какие-то образы. Вдруг зашевелилась трава, затряслись кусты и ветви деревьев, раздался многоголосый пронзительный визг. Вокруг него вскочило, заголосило и приготовилось к бегству стадо свиней. Поднялось, но не убежало. Шум стих, большая мохнатая свинья грозно уставилась на пришельца, сеголетки и подсвинки, бросившиеся было в разные стороны, стали подтягиваться и окружать его.

Страха не было. Дар сел, удивленно разглядывая зверей. Свинья громко рыкнула и трусцой побежала по склону. За ней косяком понесся выводок. Пес слышал, как они обежали его кругом и снова залегли.

Дар пошел в обратную сторону. По пути придавил лапами выскочившую из травы мышь, раскусил ее, но есть не стал, хотя в животе подсасывало от голода. Охотника на прежнем месте не было. Дар лег там, где пахло мясом, и долго лежал, наслаждаясь звуками и запахами тайги. Все сильнее хотелось есть. Он поднялся и засеменял в обратную сторону, нашел плащ и свитер, лег возле них, ожидая, как всегда, своевременной кормежки.

Он пролежал возле одежды до полуночи, затем, вынюхивая след, вернулся к избушке. Здесь лежали погрызенные кости козла и его голова с вываренными мозгами. Сильными клыками Дар разгрыз ее, вылизал мозг.

Прошел день и другой, люди не приходили. Дар снова поймал мышь, с отвращением разжевал и проглотил. Он слышал, что поблизости ходят, не опасаясь друг друга, медведь и кабан-секач. Ни тот, ни другой не проявляли к Дару интереса и не приближались к зимовью. Мир, в который он стремился всю прежнюю жизнь, за разлуку с которым мстил, не принимал его. Изрядно оголодав, Дар поднялся и по выветрившемуся следу пошел к людям.

— Ваш волчара явился! — постучал в окно сосед.

Прошло четыре дня, как охотник вышел из тайги один, и уже надеялся, что Дар не вернется. Но пес, пошатываясь от голода, стоял в проулке и смиренно оглядывался по сторонам. Друг хозяйки подошел к нему с поводком, туго застегнул ошейник на крепкой волчьей шее, накормил во дворе, увел за реку и снова посадил на цепь сторожить огород от кабанов.

Едва вернулись силы, Дар залаял, забегал вдоль проволоки, с отчаяньем осознавая, что грезившийся ему Мир не принимает, а он, пес, один и свободный, не может в нем жить. Уж лучше бы ему не знать того, что узнал и увидел в тайге, лучше было до конца дней сидеть на цепи, чем на краю леса добровольно сдать мечту и свободу. Дар пуще прежнего возненавидел тявкающих собак, людей и даже Ее, добрую, ласковую, с приятным запахом рук. Но больше всех ненавидел самого себя с пугливой сучонкой, жившей и прятанной где-то внутри.

— Отец! Зачем ты сделал меня таким? — выл он на полную луну.

И она отвечала ему своим сытым сиянием, что невозможно Отцу не дарить жизнь, но если кому-то не достался прямой путь, у него есть возможность выбрать один из нескольких и сделать себя.

— Убить сучку! — рычал он, глядя на звезды.

Она, его хозяйка, как обычно, утром хотела накормить своего любимца, и несла ему в ведре кашу на мясном отваре все с теми же костями козла. Он увидел ее издали, еще из-за речки уловил запах еды. Улыбаясь, Она подходила к нему. Ее запах менялся, становясь все больше похожим на Его. Дар резко бросился на Нее, целясь сжатыми клыками в шею. Она едва успела прикрыться ведром и упала.

— Дарушка! Что с тобой? — спросила она. В ее глазах было удивление, но не было страха. Дара обдали волны прежней любви и доброты, но теперь они так озлобили его, что он рычал, хрипел, задыхаясь в тугом ошейнике, не доставая женщину ни клыками, ни когтями. В ее глазах так и не появилось страха, но они поняли, что прежнего доверия уже не будет, и полукровка сделал выбор.

Он стал подпускать к себе только Его. Они подолгу сидели рядом, слушали шум речки, глядели на ее плещущие воды. Дар тяжело дышал, высунув язык, и перебирал когтистыми лапами, иногда отрывисто взвизгивал, будто поторапливал.

— Я дал тебе волю, — бормотал Он, оправдываясь. — Сам понимаешь, теперь у меня нет выбора!

— Убей пса! — нетерпеливо повизгивал он. — Убей! Собаке собачья смерть! Ненавижу собак.

Урод! Он не смог сделать этого сразу, там, на горе, пока в душе была злость, а теперь попытался переложить освобождение волка на местного алкоголика: предложил ему за убийство бутылку водки.

— Привык к стервецу! — смущенно оправдывался. — Много волчьей крови пролил, хотя они ничего плохого мне не делали, а этого жалко...

— Надо опохмелиться, чтобы рука не дрожала, — хорохорился алкоголик.

— Знаю, — неприязненно злился Он. — Бутылку выжрешь для храбрости, утром припрешься просить другую...

Он налил водки в стакан, придвинул алкоголику. Тот благостно выпил, помолчал. Бросил на язык щепотку соли.

— Ружье дашь? — спросил, начиная торговаться.

— Из малопульки не попадешь. Измучаешь пса ранами. Да и нельзя мне свое ружье портить. Сколько стрелял в собак и ворон — прицел сбивается. Возьми дробовик у соседа, я дам патрон с картечью.

Алкоголик с горемычной тоской взглянул на начатую бутылку, попросил еще сотку, ушел с патроном в руке. Вскоре с речки донесся лай Дара, звук выстрела. Лай стал злей и яростней. Прибежал алкоголик, волоча обшарпанную одностволку.

— Ага! Чуть не загрыз, волчара! А если бы цепь или проволоку перестрелил — хана!

— Промазал, что ли?

— В голову целил! А он как прыгнет! Во! — Показал трясущиеся руки. — На-лей, для успокоения.

Охотник выругался, отдал соседу остатки водки, накормил Дара и осмотрел его. Ран не было. Картечь ушла по будке и березе. Опять они долго сидели рядом и разговаривали, будто ничего не произошло.

— Убей собаку! — повизгивал Дар. — Собаке — собачья смерть!

Он опять оправдывался, а утром пришел с ружьем и с рюкзаком, будто собрался в тайгу. Посидел рядом с Даром, крепко обнял его за шею:

— Прости, брат!

Отстегнул цепь, повел в лес, привязал к березе на короткой поводок, сказал еще раз: «Прости!» и щелкнул под ухо. Выстрела не получилось, в старом патроне сработал только капсюль, пуля застряла в стволе. Он выругался, выколотил ее шомполом. «Прости, старик, — бормотал. — Новых патронов нынче не достать, а у этих лет двадцать как вышел срок». Дар нетерпеливо перебирал лапами, ждал и стоял боком, глядя мимо него.

Второй выстрел сработал, но уже по звуку Он понял, что порох сгорел не весь. Струйка крови закапала по густой шерсти на траву. Дар замер, глаза его сделались отчужденными и красными, взгляд обратился внутрь. Кровь пошла, но пес, покачиваясь, все еще стоял на сильных лапах, будто к чему-то прислушивался. Чертыхнувшись, Он вставил первый из подвернувшихся под руку патронов, выстрелил в широкий крепкий лоб. Сразу не сделал этого потому, что сомневался — пробьет ли крепкую волчью кость. Выстрел случился хлестким. Дар вытянул хвост трубой, пустил по нему волну, степенно лег на живот, и грудь его опала в глубоком выдохе. Собака была убита.

— Волк! — пробормотал Он. Сам не зная, зачем и для чего, вынул нож и по самую рукоять воткнул в бок, против сердца.

Волк освободился. С восторженной щенячьей жутью душа его полетела среди деревьев, как прежде в видениях и снах. Сделав большой круг, вернулась к Нему. Он стер с ножа кровь пучком травы, накинул на плечи рюкзак, низко опустив голову и сутулясь, пошел той же тропой по берегу речки. Душа Дара заглядывала в его потускневшие глаза, носилась по пади, увеличивая круги полетов.

Он подолгу лежал в знакомых местах, почти не отмахиваясь от гнуса, подобрал плащ и свитер, вышел к избушке, затопил жестяную печурку. Тупо глядя в стену сруба, достал из рюкзака бутылку водки, купленную для алкоголика, налил в стакан, выпил, занюхал и зажевал хлебом.

— Ну, почему? — тупея спросил вслух, подразумевая легший на сердце камень. Уставился в темный угол за печкой, где ему представлялись глаза Дара. — Потому что такой же урод, каким был ты! — сам ответил, пристально вглядываясь в одну точку, чувствуя, что душа Дара где-то рядом. — Я много убивал, собак тоже. Почему именно из-за тебя так тошно? Ведь другого выхода не было.

— Ты стрелял в брата! — отвечала душа. И он догадывался, о чем она говорит.

На лес опустились сумерки, из-за горного хребта показался краешек полной луны, она тянула, всасывала в себя освободившуюся волчьей душой, но волк противился.

Непослушными руками Он выбрал патрон, показавшийся ему самым надежным. Клацнув затвором, вставил в патронник, упер приклад в земляной пол и налег лбом на срез ствола. Потянулся к курку и не достал его. Надо было разуваться. Он поднял голову и долго смотрел в темную дырку ствола. На его лбу краснел круг с белым отверстием внутри.

— Ты ушел достойно! — разочарованно цокнул языком. — Мне никак нельзя уйти хуже, а помочь будет некому, — пробормотал. — Спаси Бог, терпеть позор всю оставшуюся жизнь! — неприязненно взглянул на остатки водки. Допивать не стал, оттолкнул взведенное ружье в угол, лег на нары и расслабился. Он не любил водки, ему от нее всегда было мутно. Завертелся потолок избушки, набранный из жердей, Он всхрапнул, то проваливаясь в хмельную муть, то выплывая из нее, ощущая рядом с собой освобожденную душу, по доброте или слабости позволяя ей подселиться к своей. Дар щедро отдавал нюх и слух, которые ему больше не нужны, свою силу и статью. Но это были пустяки, больше всего ему не хотелось уносить в другую жизнь любовь к Ней.

— Забери, всю, без остатка! Я не вернусь собакой!

Луна поднималась все выше. Волчьей душе нельзя было опоздать и, сделав свое дело, она радостно полетела навстречу ей, круглой, полной, кроваво-багрового цвета. Небо было безоблачным, на нем высыпал блестящий крап звезд.

Он очнулся на рассвете, когда пробовали голоса первые пташки, услышал клацанье когтей медведя, унюхал его запах, хотя расстояние, с которого они доносились, было явно безопасным. Похмелья не было, были слабость и усталость, как после ночи без сна. Не было и навязчивых воспоминаний о вчерашнем убийстве. Было другое: Она пела, и от нее исходил свет такой силы, что душа загомила разлукой.

Он скинул одежду, вывалился в росе. Этого было мало, он поплескался в ручье и снова ощутил бодрость. С ним пришло желание видеть и обнимать Ее, вдыхать ее запах, глядеть в светло-карие глаза. Он растер тело свитером, вынес ружье, с одной вытянутой руки выстрелил. Патрон был полноценным, пуля запела, отрикошетив от камня, в который целился. Охотник напился чаю, рассмеялся и легко побежал в обратную сторону.

Она не ждала его. Удивилась раннему возвращению, взглянула с любовью и радостью.

— Ты всегда возвращаешься из леса каким-то другим! — сказала, смеясь и отвечая на его объятья. — Сегодня глаза у тебя синие-синие, а борода зеленая, как у лешего. Может быть, ты леший?

— Может быть, — смеясь, ответил он.

— Ты весел, значит, не убил Дара?

— Не убил! — кивнул он, жадно втягивая носом ее запах. — Я дал ему волю! Дар достойно ушел в лес и больше не вернется.

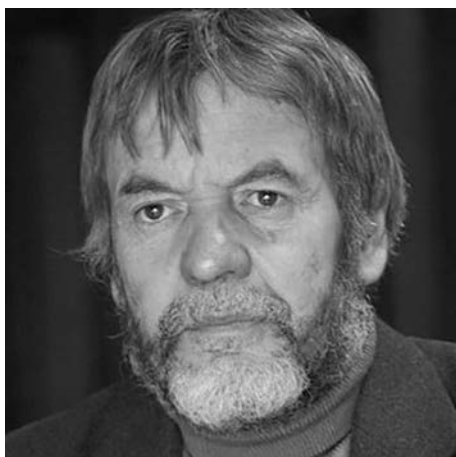
— Собаки всегда возвращаются. Ты говорил, что волки их не принимают.

— Дар не был собакой! Я ошибся! Это я был волколаком, но ты меня спасешь, не так ли?

Он думал, что все случится именно так, пока бежал к ней. Но дом был заперт, на столе лежала записка: «Прости, милый, но я искала любви, а не замужества, а ты — черная дыра, которую залатать одной только моей любовью невозможно. Позаботься о Даре».

— Ну, нет! — пробормотал Он, бросил рюкзак в угол и стал переодеваться в городскую одежду. — Как же я теперь без тебя?!

АНАТОЛИЙ БАЙБОРОДИН

Косопятая сказка

РАССКАЗ

В тот час приступиша [апостолы] ко Иисусу, глаголюще: кто более есть в Царствии Небесном; и призвав Иисус отроча, постави его посреди их и рече: аминь глаголю вам, аще не обратитесь и [не] будете яко дети, не внидете в Царство Небесное; иже бо смирится яко отроча, той есть болий во Царствии Небесном; и иже аще примет отроча таково во имя Мое, Мене приемлет...

Благая Весть от Матфея, 18:1-5

...О ту сердитую зиму прозябал я в старенькой избе, что таилась в узкой таёжной пади, на отшибе старого байкальского села Култук. Щербатую улочку, коя вилась вдоль студёного ручья, сжимали крутые хребты, где в добрые времена шумела кедровая тайга, а ныне шелестит листвой реденький березнячок и осинничек.

Поддужными бубенцами отзвенели Введенские морозы, ночами крались Рождественские, а уж с небес косилась на село Крещенская стужа; зимующие птицы

БАЙБОРОДИН Анатолий Григорьевич родился в забайкальском селе Сосново-Озёрск, где и окончил среднюю школу. По окончании Иркутского государственного университета (филологический факультет) работал журналистом в сельских и областных газетах Восточной Сибири, исполнительным редактором альманаха «Иркутский Кремль». Ныне главный редактор журнала «Сибирь». Автор книг: *Старый покос*. Повести. Иркутск, 1983; *Поздний сын*. Повесть. Москва, 1988; *Боже мой...* Роман. Иркутск, 1989; *Яко богиню землю нареки*. Очерки, Москва, 1991; *Боже мой...* Роман. (Предисловие: В.Распутин); *Москва. 1996. Диво*. Сибирские байки, сказки, рассказы. 2001; *Не родит сокола сова*. Роман, повесть. Москва. «Вече», 2011. *Озерное чудо*. Повести, рассказы. Москва. «Вече», 2013; *Косопят-борода до пят*. Сказка для детей (на русском и английском языках). Иркутск, 2013, *Небесная тропа*. Книга для семейного чтения. Иркутск, 2014. *Деревенский бунт*. Повести и рассказы. Москва. «Вече», 2017. *Сокровища Сибири*. Очерки и статьи. Москва. «Вече», 2018. Составитель книг: *Россия древняя и вечная*. Книга о русской народной культуре. Иркутск, 1992; *Русский месяцеслов*. Обычай, обряды, поверья, приметы русского народа. Иркутск, 1998, 2020; *Думы о русском с древнейших до нынешних времён*. Иркутск, 2020.

таились в густых сосновых кронах, в дуплецах, и лишь дятел, трудяга, уместившись на ветхом фонарном столбе, лихо молотил сосновые шишки, и снег возле столба усеялся рыжими хлопьями. Близился и Спиридон-солнорот, когда солнце повернёт на лето, а зима на мороз. Солнце со Спиридона нарядится в праздничный сарафан и кокошник, сядет в телегу и тронется в теплые земли. Зима с сего же дня ходит в медвежьей шкуре, стучится по крышам и будит баб ночью: «Бабы, топите печь!..» А коли Зима бродит по полю, то за ней вереницами метели; а коли по лесу, то сыплет из рукава иней; а коли по реке идет, то на три аршина воду куёт.

Бушевал пред ледоставом батюшка Байкал, и, словно в зачарованном царстве Мороза Иваныча, со скал и крутых яров свисали ледяные наплески, мерцали цветами радуги на ярком полуденном солнце, голубовато и призрачно светились в сумерках, рябиново рдели на алых зорях. А Морозко, малое чадо магушки Зимы, в лунные ночи колонковыми и беличьими кисточками малевал на стёклах синеватые листья и травы.

Я грел озябшие руки у чела русской печи, соловом глядя, как синеватые, зеленоватые, багровые крылья огня колышутся над жаркими углями, словно девы-плясуньи в цветастых сарафанах; и дрёма, сладкая истома одолевали меня. Но вдруг я спохватился, хлопнул в беспамятный лоб: «Господи Иисусе!.. да завтра же у Маши именины!..» Яро поскрёб лохматую бороду: чем одарить, чем подивить дочь?..

Однажды на Машины именины сочинил корявый стишок «Маша и гречневая каша»: *«Папа сказки писал, папа шибко устал и... на топчан упал. А дочь его Маша съела три чаши гречневой каши, папу на руки взяла, искупала в Байкале и каши дала... Папа ожил и стал орать: «Хочу романы писать!..» Дальше про маму, упавшую в грядки, про сестру Алену, упавшую в акварель, и завершие: «Лишь восемь лет девочке Маше, но какая сила в гречневой каше!»*

Стишком, простым, что три копейки, пытался я привадить Машу есть гречневую кашу, которую дочь на дух не переносила, а за что эдакая немилость к сытной гречке, ныне смутно помню. Кажется, в детском саду перекормили... Написал я стишок и, помнится, домовито прикинул: впарить бы в лавку, где торгуют крупами...реклама же... и, глядишь, ребятишкам на молочишко...

И опять у Маши день рождения, опять я чесал затылок, гадая, чем порадовать дочурку. Увы, отлучиться в Иркутск я мог лишь на другой день ближе к вечеру, и вряд ли успел бы купить подарок; но, может, и успел бы до закрытия книжной лавки, где покупал дочерям русские сказки, да вот беда-бединушка: купил бы накупил, да купило притупило, — в пустом кармане блоха на аркане.

Пригорюнился, призадумался, повалился на топчан, укрытый овчинным тулупом, задремал и... цветным чародейным сном привиделась лесная сказка...

Я пробудился на закате дня и решил сочинить Маше сказку, где запечатлеть старика, вроде таёжного лешака, а потом — деда Савраску, бабу Малахайку и Алёнушку с Машенькой. Потешная байка про косопятого старика давно и озорно ворошилась в моем дремучем воображении, слёзно просилась на бумагу, но руки не доходили, отвлекали сказы да простушки-повестушки, сочинённые не для малых, а для старых. Сказка не увяла в памяти, а, словно яблонька, укрылась листвой, зацвела белым цветом, налилась сочным яблочком лишь благодаря дню рождения Маши.

Себя не похвалишь, кто похвалит; смалу и по сивую бороду любил я русские сказки, паче сибирские, отчего и запев браво выплелся, словно лукошко из тальниковых прутьев, а в лукошке — ягода морошка:

«В добром царстве, русском государстве жили-были дед да баба у самого синего леса. Деда звали Савраска, бабу — Малахайка. Жили они, поживали и добра наживали. И нажили под старость лет двух чадушек — Олёнушку да Машеньку... Дивная вышла сказка: в тайгу наладился дед Савраска. Землянику собирать, кости древние размять. Глянул в окошко: у калитки лукошко. Может, ребятёшки подкинули кошку?.. Узнать охота, вот и выбежал дед за ворота. Дивится: что-то в лукошке том шевелится?.. Размотал дед пелёнки, а там — девчонки-дарёнки. Обрадел дед Савраска да бабке Малахайке сказал: дескать, Боженька детишков послал...»

С натуры ...чего мудрить... я и запечатлел характеры Алёнушки и Машеньки, дочерей своих:

«Олёнушка послушная росла, и звал её дед Умка. Деду с бабкой подсобляла: грядки поливала, травушку полола, рученьки колола. А после вечерошной молитвы браво засыпала. Только Машенька не спит. Ножками сучит. Олёнушку дразнит... Стал дед Савраска ворчать и ругаться: «Вот Оленушка-то умка, а ты пошто такая чумка?! Эй, Косопят, борода до пят, заברי-ка нашу Машу...»

Но Маша потом исправится, глядя на сестрицу Алёнушку, ибо мой сказ, молвленый в лад народным сказкам, завершится ласково.

На рассвете — густой снегопад, а после полудня запуржило, заметелило, собаку встоячь заносило снегом; и рождалась сказка под вой метели в трубе, когда столь отраднo печное тепло.

Вот и опустился с небес студёный декабрь, — воистину, студень, стужайло¹. С осени народилась уйма рябины, и волки выли за поскотиной, и дрова горели в русской печи с треском, польхая не белым, а красным полымем, и кошка, свернувшись клубком, денно и ночью дрыхла на печи, — всё к лютому морозу. А ясными ночами в небе ярко цвели звезды-души: блестящие — благочестивые, тусклые — грешные.

На столешнице, крытой обливявшим зелёным сукном, среди чернильных пятен уложил я стопу писчей бумаги, взял остро очиненный простой карандаш и стал сочинять сказку; писал мелким почерком, словно мышка-норушка вытянула цепочку следов по белу снегу.

Сочинил сказочку вчерне, и надо бы довести до ума, переписать набело, но поленился, решил отпечатать на машинке, а уж потом сшить в книжечку, раскрасив цветными карандашами. Глянул на печатную машинку, и вдруг явилась сказочная дума... Под гнётом — стопами дородных книг — покоилась свежая береста, которую я тут же расслоил и разрезал на тонкие листы. Заправляя берестяные листы в машинку, отпечатал «Косопята...»; на полях пробил гильзой дырочки, и заплёл листы берестяной тесьмой. Не угомонившись, тут же докрасна накалил в русской печи гвоздь, и, зажав плоскогубцами, пустил по берестяным полям травяные кружева.

Когда посинели сумеречные окошки и заголосили горластые байкальские пелухи, на письменном столе красовалась лесная сказка «Косопят-борода до пят», отпечатанная на берестяных листах. Припомнил я сказочную ночь, грустно улыбнулся: голь на выдумки хитра, — родилась самодельная книжка, не с пустыми руками явлюсь на Машины именины, а с лесным гостинцем.

Когда отведали пироги с грибами и румяные шаньги с брусницей и творогом, когда спели в хороводе: «Как на Машины именины испекли пирог из глины...», когда снова уселись за стол, я и вручил дочери берестяную книжку.

¹Студень, стужайло — так в старину называли месяц декабрь.

Справили именины, и опять я задумался, почёсывая бороду: «А почему «Косопят...» лишь Машу потешает?! пусть и другие чадушки повеселятся...» И решил я заново отпечатать сказку, но уже на листах писчей бумаги...

Скоро сказка сказывается, да не споро дело делается... Отпечатал, изрядно поправив, а затем почитал, вслушался в сказку и чую: там и сям пустил петуха, словно певчий, коему медведь ухо оттоптал, — топтыга же. Глянул на сказку, как на цветастую роспись, вижу: и бедно, и бледно. Стал опять править, и эдак четырёхжды набело переписал, едва уgomонился. Маша осерчало ворчала: мол, берестяная сказка была красивше... А Маша лет с восьми «Косопята...» знала наизусть, от зубов отскакивало; но не зубрила, сказка сама поселилась в душе, — на то она и сказка.

«Косопят...» узрел белый свет сперва в журнале «Сибирячок», потом в московском «Роман-журнале для детей». Прозвучал «Косопят...» на иркутском радио, где Косопята и деда Савраску играл артист Юрий Жигарьков, а Машу, Алену и бабу Малахайку — Маша. Вскоре театр поставил спектакль по мотивам сказки, и уж лет двадцать кажет ребятишкам.

И возмечтал я издать сказку цветной книжицей, посвятить книжицу Маше, поскольку Маше и подарил берестяного «Косопята...», Машу и вывел в образе сказочной Маши. Но-о... скоро сказка сказывается, не споро дело делается...

Сказочная судьба у «Косопята...» и косопятая: четверть века бился, колотился, чтобы издать сказку, но всё без прока. Уж и Маша заневестилась, а сказка так и не облачилась в книжный сарафан. Уж и художник Фёдор Ясников, лет десять игравший Косопята в театре, намалевал лубочные картинки, где шибко уж красиво вышел Косопят, словно Фёдор, глядя в зеркало, рисовал. Уж и посеяли мы акварели Фёдора, уж и художница Маргарита Марцинечко нарисовала другие картинки; уж и Марк Демидов умудрился поведать «Косопята...» по-британски; уж и готова была книжка к печати, но, увы... Ходил я с протянутой рукой, словно церковный христорадник, но и гроша не выходил.

«Косопят...» еще не обрел книжного облачения, а высоколобые ученые мужи, почитав на русском и английском, уже хлопали по плечу: bravo... Помню, сочинил хвалебный отзыв даже американский профессор Майкл Майлам²:

«Anatoly Baiborodin has written a wonderful children's story, *A Tale: Heel Twister — All-Beard-Mister*, that has the feel of a traditional Russian tale. The energy, vibrancy, and playfulness of the language turns the reading into a song. The rhymes are often quite unique, the neologisms witty without being pedantic, and the rhythm carries the tale with a deft lightness. M. Martsinechko's delightful illustrations also invoke the mood and style of the Russian fairy tale. And M. Demidov's translation renders a very creative Russian text into a very creative English... Dr. Michael C. Milam, *American Studies Chair, senior professor Irkutsk State Linguistic University*»³.

Каюсь, прости Господи: гляну, бывало, ночным завистливым оком: в книжных лавках — цветасто наряженные книги писателей-приятелей, сочиненные для ма-

---

²Майкл Майлам писал о сказке в 2007 году, когда служил профессором Иркутского государственного лингвистического университета и дружил с переводчиком и преподавателем английского языка Марком Демидовым.

³«Анатолий Байборodin написал чудесную русскую сказку для детей «Косопят-Борода до пят», в которой ощущается дух традиционного русского сказа. Энергия, мелодичность и живость языка превращает чтение в речитатив. Сами рифмы зачастую совершенно уникальны, неологизмы остроумны и лишены назидательности, а ритм ведет повествование сказки с изящной легкостью. Восхитительные иллюстрации Маргариты Марцинечко также порождают настроение и стиль русской сказки. Перевод же Марка Демидова воплощает высокохудожественный русский текст в высокохудожественное английское повествование... Д-р Майкл Майлам, зав. кафедрой американистики, профессор Иркутского Государственного Лингвистического Университета».

лых чад; а рядом — аршинные книжищи в картонных переплетах, на блестящей бумаге, какие о ту пору издать, что пуд золота накопать. А я тоненькую книжицу, перед помянутыми книгами стоящую гроши, четверть века не мог издать. С шапкой по миру бродил и медного гроша не выбродил. Кланялся, гнул спину, — не переломится, с души не убудет, — да так, не солоно хлебавши, и махнул рукой на «Косопята...». Брались иные доброхоты, впадая в детство, но быстро матерели и остывали к детской сказке.

Четверть века томился «Косопят...» в ящике стола, словно в сумеречном чулане, где пауки денно и ночью плетут паутину, где шебаршит хлебной коркой мышка-норушка. И когда я махнул рукой на «Косопята...», случилось чудо, словно в сказке.

Помню: Входа-Иерусалимский храм, за высокими окнами синее вешнее небо и желтовато светятся древние лиственницы, а захожане, вроде меня раба Божиего, заросшего грехами ...Боже милостив буди мне грешному... а с ними и оглашенные, и верные прихожане молятся Богу.

«Не впервой я в сем храме на молебнах и богослужениях, — писал я в очерке о двухвековой судьбе кладбищенского храма, — но вновь и вновь радостно дивлюсь: под родительской опекой уйма ребятишек, словно в сад-ясли угодил или выбрел на майскую поляну, где солнышками желтеют цветы-одуванчики, колышались, словно кружатся в хороводе; и вспомнилось реченое Царем Небесным о детях: «Аминь глаголю вам, аще не обратитесь и не будете яко дети, не внидете в Царство Небесное: иже бо смиритесь яко отроча сие, той есть болий во Царствии Небесном; и иже примет отроча таково во имя мое, Мене примет; и иже аще соблазнит единого малых сих, верующих в Мя, лучше есть ему, да повесится жернов осельский на вые его, и потонет в пучине морстей»⁴.

Увы, отвлекаясь от богомолья, невольно поглядывал на счастливые семейные пары, обещанные чадами; зрел с душевной отрадой и светлой печалью — не сподобился семейно молиться в храме; зрел с надеждой — будут молиться за нас, грешных, и моления их, смалу боголюбивых, омытые слезной жалью, узрит Господь. Наслышан: четверо — ребята старосты Алексея Дорошенко; видел: светло улыбались богомольцы, глядя, как смело и умело причащалась его малая дочь, коя и под стол бы пешком вошла. А их, отроче младо, к причастию выстроилась вереница, у иных — лики иконные, напоминающие отрока Варфоломея, будущего преподобного Сергия Радонежского, дивно запечатленного живописцем Нестеровым. Ох, сохранились бы их лики от рождения в мир сей до рождения в мир иной, не обратились бы в изморщиненные страстями, святочные хари.

Глядя на тех, что от горшка два вершка, забавно осеняющих себя крестным знаменем, подумал... Иисус Христос въезжал в Иерусалим на жеребяте, и среди устилающих Его путь одеяниями и пальмовыми ветвями собрались толпы еврейских ребятишек, бескорыстно и восторженно вопиющих Христу: «Благословен грядый во имя Господне!.. осанна в вышних!..» Се вопили и отцы их, матери, старшие братья и сестры, хотя, спаленные страстями земными, ликовали не ради спасения души, не ради обретения Царствия Небесного, но лишь с ожиданием от Иисуса Христа земных благ и земного величия родному иудейскому народу. И, в отличие от детей, спустя четыре дня евреи уже кричали иное, страшное: «Да будет распят... Кровь Его на нас и на детях наших...»⁵.

⁴Евангелие от Матфея, 18:3–6

⁵Евангелие от Матфея 27:23, 25).

После заутрени прихожане пили чай с постными пирожками — дар благодетельного кушца; и за чаем разговорился я с Алексеем Дорошенко, что служил в храме старостой и алтарником, а в миру был купцом первой гильдии, говоря на древнерусский лад. После третьей чашки я осмелел, поведал Алексею о горемычной судьбе «Косопята...» и робко показал сказку в цветной распечатке. Повертел Алексей доморощенную, кустарную книжечку, полистал и говорит:

— Эх, отпечатать бы сказку на бересте... Ладно, хотя бы уж раскрасить обложку под бересту... А что, брат Анатолий, давай издадим сказку...

Я обомлел от радости, а благодетель размечтался:

— ...тиражом эдак ...в пять тысяч...

Я ошалело схватился за голову:

— Пять ты-ы-ысяч?!

И привиделся мне писатель-пустослов: гостил наемни и, озирая полки с книгами, укорил: «Пушкин, Лермонтов, Гоголь... А я-то где?..» Я не смог покаяться, что его бедными и бледными стихами, отодрав золочёную корку, растапливал русскую печь на лесной заимке. «Украли...» — соврал я, прости, Господи. «Украли?!» — глаза горемычного сочинителя восторженно округлились, круглое лицо засияло; он даже смущённо захихикал, прикрывая рот ладошкой. Мне хотелось по-деревенски досадливо осадить приятеля: мол, чего ты лыбишься, как сайка на прилавке?! но я кивнул со вздохом: «Украли... Поклонницы, поди...». «А я тебе вторую книгу принесу...» «Опять украдут...» — я пробовал откреститься, но приятель успокоил: «И пусть воруют... — он опять счастливо хихикнул, ладошкой сдерживая смех. — А я другую книгу принесу... У меня же весь тираж на кухне. Жена ругается...» «И много?..» «Ажно тысяча...»

Вспомнил я писателя горюна, узрел пачки книг посреди кухни, и ужаснулся, когда Алексей замахнулся на дикий тираж.

— Куда такую уйму?!

— В детские приюты отвезём, — успокоил Алексей. — А потом Рождество Христово близко, вот ребятишкам и подарим...

Так и вышло: во Входе-Иерусалимском приходе издали цветную книжку «Косопят-борода до пят»; в Рождественский сочельник, что накануне Рождества Христова, уложили сказку в праздничные пакеты вместе с печатными пряниками и после божественной литургии малым чадам и вручили.

И пошёл «Косопят...» бродить по белу свету, и я следом. Помню, завернул в заснеженный детский сад; читал сказку говорливым детишкам, коих усмиряла детсадовская няня:

— Косопят придё-от, а кто шалит, того... заберё-от и в лес унесё-от!..

Прочитал, утёр пот со лба, интересуюсь:

— Вопросы есть?..

Вижу, отроче младо трясёт ручонкой. Думаю, любознательный — грядущий книгоцёй, а может, писатель, и дал слово малышу.

— А можно Вашу бороду потрогать?

— Бороду?! — оторопел я, но, поразмыслив, согласился: чем бы дитя не тешилось, лишь бы не плакало.

Согласился на свою шею, вернее, на свою бороду, ибо взметнулся лес ручонком, — все вдруг возжелали потрогать мою бороду. Эдакая честь моей сивой бороде и не снилась... Видимо, в детских головушках слился я со сказочным Косопятом, у коего борода седа до пят...

Не поспел я и глазом моргнуть, налетели озорные чада, мурашами забегали по мне, задергали бороду, зашиньгали, словно шерсть из кудели, примотанной к прялке. Оробел я, стал переживать: эдак и бороды можно лишиться...

Чудится, я родился в шелковой рубашке и с бородой до пупа, ибо, сколь ни шурю глаз, не могу усмотреть далекие лета, когда бросил скоблить рыло до сивовы и дал волю бороде. Помню, летом гостил в прибайкальском селе, бродил в сосновом бору, что за околицей, и помню, возвращаясь с корзиной рыжиков, вывернул из проулка в улицу и столкнулся с мамашей, что вела за ручонку малого. Парнишонка выпучил глаза и кажет на меня чумазым пальчиком: «Деда...», а деде лишь перевалило за тридцать, но борода до пупа. Знакомец, увидав меня с бородой, неприязненно усмехнулся: «Интересно, у нас писатель в люди выбьется, сразу бороду растит...», а у меня о ту пору вышла книга повестей. Восьмидесятилетняя мать моей приятельницы, свидевшись со мной сивобородым, укорила дочь: помоложе-то не могла найти?! завела себе кавалера старше меня; а я тогда лишь полвека прожил. И мать моя, за семьдесят лет наглядевшись на гладко выбритых советских мужиков и стариков, ворчала: мол, сбрей ты, парень, бороду; успеешь, находишься стариком... А забородател я лет в тридцать не за идею, от лени-матушки, что поперёд меня родилась, а позже возрос и до *бородатой идеи*⁶.

Когда озорники, жаждущие потеревить мою горемычную бороду, свились в клубок возле бороды, воспитательница тут же властно разметала кучу-малу, утихомирила вертлявых и горластых, и чадушки следом за няней гуськом пошлепали в столовую, пахнущую манной кашей и компотом. Когда и меня угощали, вспомнил я со вздохом ...Господи, полвека миновало... вспомнил, что сестрица Аленушка, старшая дочь моя, года два служила няней в детсаду, в той группе, где сестра Маша ума набиралась, и по благу Маше давала побольше каши. Вот Маша крепкая и выросла.

Помянулось и свое деревенское малолетство... Мать, Царствие Небесное, в детсад меня не пихала ...то ли платить нечем, то ли вороватый рос и разорил бы несчастный детсад... а посему я, обдирая лохмотья с обгорелого носа, поддергивая семейные трусы ...штанов по лету не полагалось... с лютой завистью зарился в заборные щели на детсадовских сверстников, что качались на качелях и кружились на цветастых каруселях: «Чё им не качаться? — налопались манной каши, напились компота... — и, слыша тоскливое урчание в голодном брюхе, грозился грязным кулачком. — Погоди, дождетесь, ночью заберусь и переломаю все ваши качели, карусели...»

Затем помянул я компотом и сестру Валю, Царствие Небесное ей, воспитательницу того же детского сада, где я, отроком целивший в художники, заглядывая в сказочные книжки, малевал акварельными красками сестрицу Аленушку и братца Иванушку, Ивана-царевича, взнуздавшего серого волка и в обнимку с царевной скачущего выше леса дремучего, а потом — Кокованю и девчущку Даренку из бажовского сказа «Серебряное копытце»; и за эти акварели сестра приносила из кухни чашу манной каши и полведра компота.

---

⁶В Русское Средневековье православного без бороды батюшка не благословлял, а помрет — прямая дорога в ад. «Бог создал человека бородатым: только коты и псы не имеют ее» — говорил патриарх Адриан. Русские полагали: мол, бритые бороды и усов ведет к содомии, ибо лицо мужика становилось круглым и гладким — бабым... «Митрополит Даниил в двенадцатом поучении сурово осуждает женоподобных парней и мужиков: «...женам позавидев, мужское свое лице на женское претворяеши...» Пострижение бороды, усов в допетровскую эпоху считалось тяжким грехом, уподоблялось мужеложеству и прелюбодейству, наказываясь отлучением от церкви. Человек создан по подобию Божию и, следовательно, грешно по-своему исказить божественный облик. Противники Петровского брадобрейства утверждали: «...людей, кто бороды бреет, не велено в земле погребать», а следует «яко же пса кинуть в ров», а посему многие, проклиная брадобрея Петра, испорченного европами, сохраняли свои насильно отрезанные бороды и завещали положить после их смерти в гроб, чтобы предьявить на том свете.

Пока я поминал свои детские деревенские годы, ребятишки, похлебав киселя, гомонящей стаей полетели на заснеженный двор; и я, отведав манной каши, побрел следом. «Ну, — думаю, — умеете бороду драть, умеете и свою подставлять...» Подумал я эдак, и карапуз, что возжелал потрогать мою бороду, вдруг вообразился бородатым, со старческими круглыми очёчками, жалобно висящими на переносице...

В голубоватом заснеженном саду запрягли меня в лёгонькие санки, и я катал детишек, а в отместку *за бороду* взбрыкивал с лошажьим ржанием, круто поворачивал, сваливая в снег весёлых седоков. Увы, вышло, не отомстил, а ублажил: вынырнув из снежных суметов, огольцы с радостными воплями снова лезли в санки. Ух, и упарился же я, и воскликнул: «Эй, Косопят, борода седа до пят!.. угомони-ко малых ребят!..» Притихли чадушки, задумались, а я откланялся: «Храни вас Боже, отроче младо!..»

Глядя на ребятишек, что мурашами роились в пышных сугробах, вспомнил: давненько ...в обед — сто лет... семья моя обитала в Нижнеангарске, — меня и жену, вчерашних студентов, с годовалой Аленой бросили на Северный Байкал воспевать Байкало-Амурскую магистраль. И воспевали в духе бродячих, костровых песен:

*Где-то багульник на сопках цветет,
Кедры вонзаются в небо...*

*Возле палатки закружится дым,
Вспыхнет костер над рекою...*

И помню ...кажется, на святой седмице, когда батюшко-Байкал залег в ледяную берлогу и стихла рождественская стужа... помню, вез я Аленушку из детских яслей, рысью ...с горы же... мчал на санках по накатанной тропе, что тускло посвечивала в дремотном свете изветшавшей луны. В шубейке до пят, увязанная пуховой шалью, дочь, откинувшись на спинку, полеживала барыней, косилась на избяные окошки, откуда лучился теплый и ласковый свет. Из репродуктора, висящего над почтой, гремела на весь поселок задорная бамовская песнь:

*Рельсы упрямо режут тайгу,
Дерзко и прямо, в зной и пургу,
Веселей, ребята, выпало нам,
Строить путь железный, а короче, БАМ...*

Что греха таить, будучи навеселе, торопясь в дружеское застолье, не вем, сколь и пробежал я с хребта к Байкалу; и вдруг... вдруг учуял: с пустыми санями, паря, бегу; оглянулся: мамочки родны, Алену по дороге потерял. Перепугавшись, рванул обратно в хребет, треть версты отмахал, да подле яслей и нашел потерю: укутанная в шубу, словно в тунгусскую малицу⁷, сверху повязанная козьей шалью, тихо-мирно полеживала дочь на обочине тропы, задумчиво глядела на мигающие звездочки. Помнится, с горьким вздохом подумал: поэт либо живописец растет, и словно в ясную байкальскую воду глядел...

Давненько родился на белый свет «Косопят-борода до пят» — рождение сказки заросло бурым и сизым мхом да брусничником, словно таежная валежина, — и по ветхой памяти забыл я, где в судьбе сказки был, где небылица про синегривую кобылицу, и ежели чего сбрежал, простите, — лепоты ради украшал.

Лето, осень 2014 года, осень 2017 года

⁷Малица (ненецк. мальця) — мужская одежда ненцев и части хантов и коми (оленьеводов), длинная без разреза рубаха с капюшоном из оленьих шкур мехом внутрь.

Сквозжали истории

ИВАН МОЛЧАНОВ-СИБИРСКИЙ,

Главный редактор журнала «Будущая Сибирь» (1937 г.)

У истоков ИЛХО

Память сохранила облик первых номеров иркутской газеты «Власть труда», которая начала издаваться 12 января 1918 года по новому стилю. Нельзя позабыть и тех, кто был в числе её организаторов. Одним из первых редакторов стал Пантелеймон Фёдорович Парняков. Вместе с Фёдором Лыткиным и Георгием Ржановым это были пламенные агитаторы и борцы за утверждение советской власти в Иркутске.

Газета за 1923 год.

Особую страстность и принципиальность в работу газеты вносил Пантелеймон Парняков. Вот в полном вооружении он готовится пойти с отрядом на подавление белогвардейского восстания. Дописав последние строки воззвания — листовки, отдаёт её двенадцатилетнему брату со словами:

— Снеси поскорее в типографию. Меня ждут товарищи на баррикадах.

Парняков погиб после страшных пыток в колчаковском застенке. Но память о нём не умерла. Позднее, в июне 1922 года, при редакции организовался первый газетный кружок имени Пантелеймона Фёдоровича Парнякова. Помню, с каким волнением мы, молодые газетчики, вглядывались в черты большевика-редактора и слушали рассказы о его жизни, прервавшейся так рано.

Газета за 1930 год.

Кружок привлёк до 50 участников. Сразу же взялись за учёбу. Редакционный коллектив, возглавляемый Георгием Александровичем Ржановым, уделял много внимания воспитанию и обучению молодёжи. Мы с особенным трепетом смотрели на узкие бумаги, от которых пахло типографской краской и чем-то необыкновенным, неизведанно новым. Большую радость вызывало появление в печати своих крохотных, в несколько строк, заметок.

Кружок занимался не только изучением техники газетного дела, но и организацией литературных диспутов. В те времена до Иркутска дошла поэма Александра Блока «Двенадцать», и мы все с упоением твердили её чеканные строки.

Через некоторое время, присмотревшись друг к другу, обнаружили, что многие глубоко интересуются литературой. Вскоре я познакомился с юношей, голова которого была увенчана пышной шевелюрой, и узнал, что он, как и я, пишет стихи. Это был Иосиф Уткин. Ещё до этого он разговаривался с Михаилом Скуратовым. Вскоре состоялось первое собрание кружка молодых поэтов. Это название звучало гордо и возбуждало неистовую жажду учиться, работать, знать, творить.

Потребность в создании литературной организации вызвала к жизни ИЛХО (Иркутское литературно-художественное общество). Появилась платформа, определилось политическое и поэтическое кредо. Родился первый сборник стихов «Май», начал выходить журнал «Красные зори». ИЛХО собиралось еженедельно. Кроме того, мы все ежедневно общались, читали друг другу новые произведения и жестоко их критиковали. Много волнений вызвал первый литературный вечер, организованный в партийном клубе.

ИЛХО (Иркутское литературно-художественное общество).

Всё это активно поддерживала редакция газеты.

С тех пор прошло много лет, но навсегда в памяти остались эти дни, овеянные ароматом становления новой жизни. Из скромных участников нашего газетного кружка вышли писатели, известные всей стране: Иосиф Уткин, Джек Алтаузен, Валерий Друзин. На страницах нашей газеты начинал свою журналистскую деятельность лауреат Сталинской премии Павел Нилин.

Не один десяток журналистов воспитала газета... Мне самому она очень много помогла и помогает. В 1922 году я был корреспондентом, а через несколько лет пришёл в редакцию как руководитель отдела «Труд и рабочая жизнь». Связь с газетой не прекращалась и в последующие годы.

ВЛАДИМИР РЯПОЛОВ

Варнаки, бродяги

ОБРАЗ КАТОРЖНИКА ГЛАЗАМИ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

В XIX и в начале XX века слово «варнак» в Сибири было общеупотребительным. Им, как правило, обозначали человека, отбывающего срок, или бежавшего с сахалинской или забайкальской каторги. Так в известном «Толковом словаре» Владимира Даля оно обозначалось, как «каторжный»¹. Существует специальное сибирское слово «варнак». «Варнак» — значит бродяга, беглый каторжанин; хуже наименования нет. Невольно этот термин вошел и в русскую литературу. Иногда он звучал простодушно, как беззлобное ругательство в отношении лица, провинившегося в чем-либо. Его неоднократно использовал Д.Н. Мамин-Сибиряк в романе «Золото», например:

«— Ах вы, варнаки! — ругался объездной, усаживаясь в седле. — Плачет об вас острог-то, клейменные... Право клейменные!.. Ужо вот я скажу в конторе, как вы дудки-то крепите»². Или в качестве укорения себя в душевных муках, как у одного из героев романа «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского: «Одно решите мне, одно! — сказал он мне (точно от меня теперь все и зависело), — жена, дети! Жена умрет, может быть, с горя, а дети хоть и не лишатся дворянства и имения, — но дети варнака, и навек. А память-то, память какую в сердцах их по себе оставлю!»³.

Со временем слово перебралось и в современную литературу. В.С. Пикуль одну из последних глав своего известного романа «Слово и дело», посвященную адмиралу Ф.И. Соймонову, назвал «Сибирский варнак», где в частности написал: «14 марта 1757 года бывший сибирский варнак был назначен губернатором Сибири...»⁴.

Но чаще всего под ним виделось что-то дикое, злое, несущее с собой смерть и насилие. Иные писатели своим творчеством как бы подтверждали этот тезис. Так, Н.А. Некрасов в поэме «Русские женщины», говоря словами губернатора о Нерчинской каторге в Забайкалье, написал:

*«Там люди редки без клейма, и те душой черствы;
На воле рыскают кругом там только варнаки;
Ужасен там тюремный дом, глубоко рудники....
Пять тысяч каторжников там, озлоблены судьбой,
Заводят драки по ночам, убийства и разбой...»⁵.*

Другие его опровергали, видя в беглом каторжанине лицо загнанное, жестокость которого проявлялась только в условиях безысходности, борьбы за собственную жизнь, но не как свойство личности.

¹Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах, Т. 1. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. 408 столбец.

²Мамин-Сибиряк Д.Н. Золото: роман, рассказы, повесть. Минск: Издательство «Беларусь», 1983. С. 13.

³Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. М.: Эксмо, 2015. С. 375.

⁴Пикуль В.С. Слово и дело. Роман-хроника времен Анны Иоанновны. Книга вторая. М.: Современник, 1991. С. 607.

⁵Некрасов Н.А. Русские женщины / Н.А. Некрасов. Стихотворения и поэмы. М.: «Советская Россия», 1984. С. 144.

Наиболее интересные воспоминания о каторге оставил Антон Павлович Чехов, совершивший в 1890 году путешествие через Сибирь на Сахалин. Сталкивался с варнаками и Николай Аполлонович Байков, служивший в 1910-е годы офицером охраны на Китайско-Восточной железной дороге в Маньчжурии, где во время многодневных путешествий, в качестве промысловика, по глухим таежным местам невольно сталкивался с беглым людом, и составил о нем свое собственное мнение. Интересен рассказ Владимира Галактионовича Короленко «Соколинец», посвященный судьбе беглого сахалинского каторжанина Василия. Служил проповедником и духовником на Нерчинской каторге в Забайкалье, представлявшей собой совокупность тюрем и заводов, с 1900 года архимандрит Спиридон (Кисляков; 1875–1930), оставивший нам в наследство свои дневники, выходящие отдельными книгами. Да и многие писатели России, такие как Ф.М. Достоевский, Н.А. Некрасов, В.П. Астафьев, П.И. Мельников-Печерский, Д.Н. Мамин-Сибиряк, В.А. Гиляровский и др. не миновали в своем творчестве образа каторжанина, его облика, мыслей и поведения.

Если говорить о составе каторжан, то Н.А. Байков писал, что обычно контингент каторжан комплектовался из крестьян и рабочих центральных губерний России. Значительный процент представляли жители Кавказа, отбывавшие каторгу за убийство по адату кровной мести. В большинстве своем эти «несчастные», как их называли в России, не были уголовниками в прямом смысле этого слова, а являлись жертвами темперамента, суеверий, нравственной неустойчивости, а иногда и юридических ошибок. Были среди них и преступные типы, но они рано или поздно погибали из-за своих преступных наклонностей. Как бы подтверждая истинность слов Байкова, В.Г. Короленко писал: «Сибирь приучает видеть и в убийце человека»⁶. Архимандрит Спиридон (Кисляков), как священник, начиная свои проповеди перед каторжанами, отбывавшими срок на Нерчинской каторге, обращался к ним: «Достолюбезные узники» или «Возлюбленные мои». Он же, как бы определяя типичный состав преступлений, совершенных узниками, в своих дневниках описал памятные ему встречи, озаглавив их: «Семинарист-убийца», «Инженер-святоотатец», «Одессит-разбойник», «Красавец-клептоман», «Священник-казнокрад», «Юный террорист» и др. Это говорит о том, что практически за любое преступление можно было оказаться на каторге, кроме того в Акатуйской тюрьме Забайкалья были сосредоточены так называемые «политические», т.е. социалисты и марксисты⁷.

Не все отбывали наказание, как говорят, «от звонка до звонка», случались и побеги с каторги, которые были, в общем-то, делом обычным. Иные каторжане умудрялись бежать по нескольку раз за свой срок. Иногда, нагулявшись по тайге, надышавшись воздухом свободы, они возвращались назад. Так, А.П. Чехов, посетив Сахалин, рассказывал, что там были распространены побеги не на материк, а внутрь острова, причинявшие хлопот не меньше, чем побеги на материк⁸. В.А. Гиляровский в рассказе «Беглый» писал: «И манит тайга человека бывалого, неудержимо манит из душной тюрьмы на вольный простор. Рискует старый бродяга попасть под плети, под меткую пулю часового, а все-таки рвется хоть денек послушать кукушку в тайге, поплакать с ней, как и он, бездомной, и умереть,

⁶Короленко В.Г. *Соколинец / В.Г. Короленко Повести и рассказы в двух томах. Т.1. М.: Издательство «Художественная литература», 1966. С. 166.*

⁷Спиридон (Кисляков), архимандрит. *Нерчинская каторга. Земной ад глазами проповедника. М.: Эксмо, 2019. С. 5, 19, 142.*

⁸Чехов А.П. *Из Сибири. Остров Сахалин. М.: Правда, 1985. С. 345.*

отошав с голоду, или опять вернуться в тюрьму, обновленным таежной волей, до следующей весны, до следующих надежд на побег»⁹. Обычно бежали с каторги те, кто не мог примириться с ее режимом, убивающим человеческое достоинство, те, у кого не умерло врожденное стремление вырваться на волю, заставлявшее иногда действовать вопреки здравому смыслу. Сам побег совершался, как правило, ранней весной. Много беглых погибало, а выживали и могли существовать более или менее продолжительное время лишь выдающиеся по своим физическим и духовным качествам элементы. Такие условия жизни среди дремучих лесов, нелегальное положение и всевозможные опасности выработали особый тип людей, отличающихся специфическими качествами, как духовными, так и физическими. Самый маленький процент бежавших, по мнению Н.А. Байкова, принадлежал интеллигенции, не способной по своим физическим качествам осуществить побег в суровых условиях Сибири. Но не все бывало так романтично, Антон Павлович Чехов рассказывал, что «случалось, что каторжные целыми партиями убегали для того только, чтобы «погулять» по острову, и гулянья сопровождались убийствами и всякими мерзостями, наводившими панику и озлоблявшими население до крайности»¹⁰. А иногда страх перед беглым был очень велик, особенно, когда бежал из кандалной тюрьмы какой-нибудь известный бродяга. Молва разлеталась не только по Сахалину, но и по противоположному берегу материка. Когда бежал заключенный Блоха, то слух об этом навел страх на жителей города Николаева, и исправник вынужден был запросить по телеграфу: правда ли, что бежал Блоха? Как говорил Чехов, Блоха был знаменит своими побегам и тем, что перерезал множество гиляцких семейств¹¹. Бывали побег и ради мести, и ради любви, и даже ради аферы. Так, по рассказам писателя, каторжане сговаривались с конвоиром или гиляком, что убегут, и последний их поймают, при этом за каждого пойманного получит по три рубля из казны. В условленном месте в тайге или на морском берегу ватага встречалась со своим конвоиром, и смешно было видеть, как тщедушный гиляк, вооруженный палкой, приводил сразу 6-7 плечистых, внушительного вида бродяг. Деньги потом, конечно, делились¹².

Бежали и с Нерчинской каторги Забайкалья. Так писатель Д.Н. Мамин-Сибиряк свой роман «Хлеб» начинал так:

«— А ты откедова взялся-то, дедко?

— А Божий я ....

— Божий, обшит кожей?.. Знаем мы вашего брата, таких-то Божьих... Говори уж прямо: бродяга?

— Случалось... От сумы да от тюрьмы не отказывайся, миленький. Из-под Нерчинска убёг, с рудников.

— Так-то вот ладнее будет... Каторжный, значит?

— Как есть каторжный: ни днем, ни ночью покоя не знаю.

— Ну, мы тебя упокоим... К начальству предоставим, а там на выsidку определяют пока што.

<...>

— Бродягу поймали? — коротко спросил он.

— Ну-ка, ты, умник, подойди сюда! — приказал писарь.

⁹Гиляровский В.А. Беглый / В.А. Гиляровский. Трущобные люди: Рассказы, очерки, мемуары. М.: Эксмо, 2007. С. 369-370.

¹⁰Чехов А.П. Из Сибири. Остров Сахалин. С. 350.

¹¹Чехов А.П. Из Сибири. Остров Сахалин. С. 357.

¹²Чехов А.П. Из Сибири. Остров Сахалин. С. 351.

Старик подошел к дрогам и пристально посмотрел на сидевшую звать своими моргавшими глазками.

— Умник, а порядка не знаешь! — крикнул писарь, сшибая кнутовищем с головы старика шляпу. — С кем ты разговариваешь-то, варнак?»¹³.

Самым сложным был побег с острова Сахалин, или «Соколиного острова», как его называли каторжане. Обычно подготовка к побегу не была делом секретным, и помощь желающим вырваться на волю оказывалась всей артелью арестантов, которые собирали сухари, провизию, и, как писал Короленко: «У кого были лишние халаты (*служившие платой гилякам за перевозку через Татарский пролив на лодках*), все поступало в пользу беглецов. У всякого арестанта живуче какое-то инстинктивное сочувствие смелой попытке вырваться из глухих стен на вольную волю»¹⁴. Прежде всего, надо было перебраться через Татарский пролив, отделяющий остров от материка, для этого использовалось все от утлой лодчонки, плота, до бревен, связанных попарно. Большинство гибло в волнах Охотского и Японского морей, куда их сносило течением. При этом даже добраться до пролива было не так просто. А.П. Чехов писал, что еще одним главным препятствием была сахалинская тайга с мошкой, медведями, болотами, непроходимыми зарослями бамбука и валежника, по которым крепкий человек мог делать не более 5 верст в сутки, а истощенный каторжанин, обходя различные посты, не более трех верст. Преодолевая все это, надо было добраться до самого узкого места между островом и материком, мысами Погоби и Лазарева, ширина которого была около шести верст. И вот, вырвавшись из каторги, «проходит в бегах неделя-другая, редко месяц, и он, изнуренный голодом, поносами и лихорадкой, искусанный мошкой, с избитыми, опухшими ногами, мокрый, грязный, оборванный, погибает где-нибудь в тайге, или же через силу плетется назад и просит Бога, как величайшего счастья, встречи с солдатом или гиляком, который доставил бы его в тюрьму»¹⁵. Те же, кому удавалось переплыть пролив, и добраться до материка около устья Амура, собирались в артели по 4-6 человек и шли на запад по известным «варнацким тропам» к Байкалу. У Амура меньше было опасности погибнуть от голода и мороза. Там было много гиляцких деревушек, города Николаев, Софийск, Мариинск, казачьи станицы, где на зиму можно было наняться в работники, и где даже чиновники давали беглым приют и кусок хлеба¹⁶. Во время своего продвижения на запад беглые крали и не проходили мимо всего того, что им могло пригодиться в пути. Байкал также представлял для них серьезное препятствие, которое также надо было пересечь на плоту или челноке местного туземца-рыболова. Герой рассказа «Соколинец» Буран говорил: «Вдвоем али втроем нечего и идти, — дорога трудная. Наберется человек десять — и ладно»¹⁷. Байков рассказывал, что «Перебраться через Байкал считалось вторым крупным шагом после Татарского пролива. Мало кто решался обойти Байкал с юга или севера, т.к. там их ждала почти верная смерть от пули кордонного стражника или туземного охотника. Последний охотился на беглого, как на зверя, чтобы попользоваться лохмотьями его одежды и обуви, или запасами хлеба, полученного от сердобольных жителей попутных деревень, снабжавших «несчастненьких» одеждой и кое-каким продовольствием. Охота на беглых здесь называлась «охотою на горбачей», т.к. варнаки несли свои

¹³Мамин-Сибиряк Д.Н. Хлеб. М.: Правда, 1983. С. 19, 21.

¹⁴Короленко В.Г. Соколинец. С. 183.

¹⁵Чехов А.П. Из Сибири. Остров Сахалин. 346.

¹⁶Чехов А.П. Из Сибири. Остров Сахалин. С. 354.

¹⁷Короленко В.Г. Соколинец. С. 178.

пожитки в мешках за спиной»¹⁸. Иногда беглым удавалось раздобыть себе ружья у бродячих инородцев, но это доставалось всегда ценой человеческих жизней. Оружие давало возможность варнаку существовать охотой на крупного зверя и не бояться встречи с вооруженным туземцем. Безоружный туземец опасности для беглого не представлял. По этому поводу Короленко о жителях Сахалина гиляках писал: «Да и где же гиляку с русским человеком силой равняться? Русский человек — хлебной, а он рыбу одну жрет. С рыбы-то много ли он силы наест? Куда им!»¹⁹.

В конечном результате, после скитаний по тайге, беглому иногда удавалось достичь родины, о которой он мечтал и молил: «Пошли, Боже, нужду, болезни, слепоту, немоту и срам от людей, но только приведи помереть дома»²⁰. Он попадал к себе домой, виделся с родными, но существовавшее положение делало его жизнь невыносимой. Ответственности могли подвергнуться родственники за укрывательство беглого, и ему ничего не оставалось, как снова бежать куда глаза глядят, или сдаваться полиции. Такие добровольцы обыкновенно ссылались опять в Сибирь на поселение и жили там до нового побега. Были и такие, которые предпочитали вести бродяжническую жизнь в тайге, превращаясь в закоренелых варнаков-таежников. В.А. Гиляровский в очерке «Каторга», посвященном известному московскому трактиру на Хитровом рынке, писал, что беглые москвичи, увидев родину, становились, как правило, обитателями хитровских трущоб, где такие же обитатели смотрели на беглого, как на героя «варнака Сибирского, генерала Забугрянского»²¹. Еще одной причиной побегов была пожизненность наказания. Закон сопрягал каторжные работы с поселением в Сибири навсегда. Приговоренный к каторге удалялся из нормальной человеческой среды без надежды когда-либо вернуться назад. Каторжные так и говорили про себя: «Мертвые с погоста не возвращаются»²².

С началом строительства КВЖД, беглые могли идти не только по руслу Амура, но и по северной части Маньчжурии, придерживаясь 10-20 километров линии железной дороги. Время от времени они выходили к поселкам и постам охранной стражи, где всегда получали хлеб, а иногда и одежду. Русское население относилось к ним благодушно и помогало по мере возможности, в отличие от местного китайского, настроенного враждебно, вследствие того, что беглые не всегда вели себя корректно по отношению к ним. Владимир Даль в своем Словаре писал, что существовало такое понятие: «Положить варнакам краюху, т.е. уходя на летние работы, пермяки клали на окно хлеб для сибирских бродяг»²³.

Возраст беглых был самым разнообразным, преобладал средний, от 39 до 45 лет. Старики выше 50 лет, ветераны каторги, были жожаками этих своеобразных артелей и хранителями оригинального обычного права. Слишком молодой элемент в этих артелях отсутствовал, т.к. хрупкий, не окрепший физически юношеский организм не выдерживал тяжелых условий таежной жизни и погибал чрезвычайно быстро.

Н.А. Байкову, во время промысла, самому приходилось встречаться с варнаками в маньчжурской тайге. Эти встречи он описывал так: «При встрече с беглыми в тайге мне приходилось проводить с ними более или менее продолжительное

¹⁸Байков Н.А. В дёбрях Маньчжурии. Очерки и рассказы из быта обитателей тайги. Харбин: Типо-Хромо-Литография и Издательство «Офсет-Пресс» Р.М. Бурсун. — 1934. — С. 59.

¹⁹Короленко В.Г. С. 188-189.

²⁰Чехов А.П. Из Сибири. Остров Сахалин. С. 347.

²¹Гиляровский В.А. Каторга / В.А. Гиляровский. Трущобные люди: Рассказы, очерки, мемуары. М.: Эксмо, 2007. С. 82.

²²Чехов А.П. Из Сибири. Остров Сахалин. С. 348.

²³Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. 408 столбце.

время, причем отношения между нами всегда были прекрасные, и они никогда не позволяли себе ничего предосудительного. Держали они себя с большим достоинством, были предупредительны и вежливы. Это нельзя объяснить боязнью перед людьми хорошо вооруженными, но своеобразной этикой и традициями.

Особенно памяты для меня были темные таежные ночи у костра, когда группа лесных бродяг, сибирских варнаков, во главе с каким-нибудь седовласым старцем, ветераном сахалинской каторги, затягивала свои печальные, заунывные песни. <...> Каждую песнь начинал «запевало», обладавший сильным, красивым тенором; он исполнял первую фразу песни, которую подхватывал весь хор, состоявший преимущественно из басов, в конце каждой строфы тенора повторяли последнюю фразу, в виде припева. <...> В настоящее время песни эти забываются, и народная память утрачивает их первоначальную чистоту. Слышать их можно только в самых глухих уголках Сибири, от старых каторжан, уцелевших в водовороте житейского моря»²⁴.

Вторя Байкову, Короленко в своем рассказе также писал, что варнаки были очень отзывчивы и благодарны на ту малую помощь, которую они получали от вольных людей, случайно встречавшихся в тайге, и при этом радовались как дети. У них был свой кодекс арестантской чести, которым они очень дорожили. Некоторые бежали с острова по нескольку раз, знали все тайные тропы, заимки, как правило, возглавляли ватаги беглых, и после смерти о них говорили: «Хороший бродяга был, честных правил, хотя и незадачливый»²⁵.

Одну из песен «Тайга-матушка», как наиболее излюбленную и распространенную, Николай Аполлонович Байков записал и передал читателям:

Тайга-матушка

Ой ты, гой еси, тайга-матушка! / Тайга-матушка неисходная!
Ты прими своих обездоленных / Деток с острова Соколиного.
Накорми — одень, приголубь — согрей! / Горе-горькое ты возьми себе!
В теремах твоих, темных урманах, / Всякий зверь живет, птаха вольная,
Птаха вольная, непужоная.
В закромах твоих много золота, / Много золота самородного!
Кряжи горные в небеса глядят! / В небеса глядят, в тучи прячутся
Великаны их белоснежные.
По весне летят гуси-лебеди / На сторонушку, на студеную,
К берегам моря синего / Моря синего, Ледовитого!
Чу! Кричит гуран зорькой ясною! / Зорькой ясною и росистою.
По горам идет эхо звонкое / Эхо звонкое, серебристое.
Вдаль бежит оно, заливаётся, / В каждой падушке откликается...
Догорел костер в ночь темную, / В ночь темную, непроглядную...
Прошумел в тайге ветер с полудня, / И запел косач песню вешнюю,
Песню вешнюю и призывную.
В небесах слышать, — журавли летят, / Журавли летят вереницею...
В темной падушке, по тропе лесной / Варнаки идут, озираются,
На родную Русь пробираются.

²⁴Байков Н.А. В дѣбрях Маньчжурии. С. 61.

²⁵Короленко В.Г. С. 195.

Ой ты, гой еси, море синее, / Море синее, Байкал-озеро!
 Байкал-озеро, отец-батюшка! / Пощади своих обездоленных
 Деток с острова Соколиного! / И снеси их челн на крутой спине
 На ту сторону, на заветную...
 В бурю черную, в непогодушку / Плачет жалобно чайка белая,
 Чайка белая, сизокрылая.
 Знать в недобрый час собиралися / В путь дороженьку горемычные!
 Их убогий челн опрокинулся / И на гребнях волн уж качается.
 А Байкал седой дышит злобою, / И смеется, знай, заливается.
 Не шуми ты, мать-тайга старая, / Тайга старая, неисходная!
 Ты не плачь, сестра, — чайка белая, / Чайка белая, сизокрылая!
 По весне опять тропкой битую / Варнаки пойдут вереницею
 На сторону на родимую, / На родимую, на далекую²⁶.

Последнее о чем бы хотелось сказать, это то, что ссыльные на Сахалине могли вступать в браки. Так, на момент пребывания там А.П. Чехова в 1900 году законных семей было 860 и свободных, т.е. невенчаных 782. Женщины все были замужем²⁷. И как результат таких браков, Сахалинская каторга стала местом рождения таких известных в России людей, например, как Дмитрий Семенович Гирев (1889–1932) — русский полярный исследователь, участник экспедиции Роберта Скотта на Южный полюс, или Василий Сергеевич Ощепков (1892–1937) — первый русский обладатель черного пояса по дзюдо, профессиональный разведчик-нелегал в Японии и, самое главное, родоначальник борьбы «Самбо».

1. Байков Н.А. В дебрях Маньчжурии. Очерки и рассказы из быта обитателей тайги. Харбин: Типо-Хромо-Литография и Издательство «Офсет-Пресс» Р.М. Бурсун. — 1934. — 225 с.
2. Гиляровский В.А. Беглый / В.А. Гиляровский. Трущобные люди: Рассказы, очерки, мемуары. М.: Эксмо, 2007. С. 368-373.
3. Гиляровский В.А. Каторга / В.А. Гиляровский. Трущобные люди: Рассказы, очерки, мемуары. М.: Эксмо, 2007. С. 81-87.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах, Т. 1. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994.
5. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. М.: Эксмо, 2015. — 928 с.
6. Короленко В.Г. Соколинец / В.Г. Короленко Повести и рассказы в двух томах. Т.1. М.: Издательство «Художественная литература», 1966. С. 162-208.
7. Мамин-Сибиряк Д.Н. Золото: роман, рассказы, повесть. Минск: Издательство «Беларусь», 1983. — 432 с.
8. Мамин-Сибиряк Д.Н. Хлеб. М.: Правда, 1983. — 448 с.
9. Некрасов Н.А. Русские женщины / Н.А. Некрасов Стихотворения и поэмы. М.: «Советская Россия», 1984. С. 129-188.
10. Пикуль В.С. Слово и дело. Роман-хроника времен Анны Иоанновны. Книга вторая. М.: Современник, 1991. — 624 с.
11. Спиридон (Кисляков), архимандрит. Нерчинская каторга. Земной ад глазами проповедника. М.: Эксмо, 2019. — 368 с.
12. Чехов А.П. Из Сибири. Остров Сахалин. М.: Правда, 1985. — 455 с.
13. Юсупов Ф.Ф. Конец Распутина. — М.: Эксмо, 2013. — 224 с.

²⁶Байков Н.А. В дебрях Маньчжурии. С. 62-63.

²⁷Чехов А.П. Из Сибири. Остров Сахалин. С. 268.

НИКОЛАЙ НИКИТИН

Что стоит за спорами о Поклонном кресте в честь Ермака?

Уже несколько месяцев на просторах Интернета кипят нешуточные страсти вокруг личности атамана Ермака. Толчком к ним послужило намерение предпринимателя, известного мецената и книгоиздателя, председателя Президиума общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска» Аркадия Григорьевича Елфимова воплотить в жизнь свой давний замысел: установить в парке «Ермаково поле», созданном им на месте пустыря, большой Поклонный крест, посвящённый Ермаку и его дружине¹.

Крест уже изготовлен (из гранита) на народные пожертвования московским скульптором Сергеем Мильченко и освящён настоятелем Тюменского казачьего храма о. Владимиром. Установку этого знака планировалось приурочить к середине августа (дате гибели Ермака), оставалось лишь получить «добро» от местной администрации, но она для решения вопроса неожиданно «взяла паузу». Оказалось, что планы А.Г. Елфимова встретили возражения со стороны представителей «сибирско-татарской общественности», которые в письмах, направляемых в соответствующие «инстанции», обвинили инициаторов намеченного мероприятия в «принижении иных национальностей» и «разжигании межнациональной розни». Эти «протестные заявления», в свою очередь, вызвали в адрес их «подписантов» контробвинения (в попытках «развалить Россию», «подорвать российскую государственность» и т.д.), и в итоге ситуация, сложившаяся вокруг Поклонного креста, стала наводить сторонних наблюдателей на мысль, что и до Сибири, похоже,

---

НИКИТИН Николай Иванович родился в 1946 году в Подмоскowie. Окончил истфак МГУ и аспирантуру Института истории СССР АН СССР. Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН. Автор 9 книг и более 250 других печатных работ. Сфера интересов — социально-политическая и военная история России XVI—XVIII вв., история ментальностей, историческая география, археография, историческое краеведение, историческая публицистика. Лауреат премий журналов «Молодая гвардия» (1990 г.), «Москва» (1991 г.), газеты «Литературная Россия» (2017 г.)

¹URL: <http://serg0711972.livejournal.com/31899764.html>; ura.news/news/1052441121; rus-strategia.ru/news/2020-07-28-10205; pravda.ru/society/1513397-ermak/ и др.

докатилась «модная нынче война с памятниками»². Обе стороны в разгоревшейся полемике обращаются прежде всего к «фактам истории», и поскольку я уже много лет профессионально занимаюсь сюжетами, касающимися именно «покорения Сибири», то считаю необходимым высказать и свои соображения о предмете возникшего спора и его особенностях. Важнейшая же из них состоит в том, что при изложении и характеристике событий, связанных с походом Ермака, неверные мнения высказывают как сторонники, так и противники Поклонного креста, однако если у первых ошибки не носят принципиального характера и обусловлены главным образом скудостью и сложностью источников, с разных позиций освещающих «Сибирское взятие», то вторые демонстрируют либо полное незнание, либо абсолютное непонимание, либо крайне тенденциозную трактовку относящихся к нему фактов.

В обобщённом виде главные доводы татарских активистов таковы. Поклонный крест ставить нельзя, потому, что Ермак — «неоднозначный исторический персонаж» и «криминальная личность», «разбойник», «кровопийца», «завоеватель». Он «пришёл с войной» в Сибирь и «истребил мирное население Сибирского ханства». «Не татары пришли с войной на русских, — подчёркивается в одном из заявлений, — а Ермак пришёл с войной». И, значит, памятники «надо ставить тем, кто героически защищал свое Отечество, а не тем, кто напал на чужое государство». И вообще недопустимо постоянно напоминать татарам, что их «завоевали»...

Из этих пассажей прежде всего видно, что их авторы начисто игнорируют (либо просто не знают) предысторию похода Ермака в Сибирь, имеют весьма смутные представления о событиях, происходивших на территории бывшего Сибирского ханства как накануне, так и после её включения в состав России, а при их оценке грубо нарушают главное, чем должен руководствоваться любой исследователь прошлого, — принципы историзма, суть которых выразил ещё Н.М. Карамзин: «Мы должны судить о героях истории по обычаям и нравам их времени».

У каждой эпохи своя мораль, своя этика, нередко сильно отличающаяся от позднейших представлений о том, что «хорошо» или «плохо», что допустимо или неприемлемо во взаимоотношениях между людьми, народами и государствами. В частности, в XVI–XVII веках сам по себе вооружённый захват «чужих» земель вовсе не считался чем-то предосудительным. Наоборот, им даже гордились, воспринимая как выражение воли «высших сил», и приобретение каких-то территорий путём их завоевания («за саблю», как говорили на Руси), если не встречало возражений со стороны других претендентов на них, то рассматривалось всеми как законное право победителя. Именно так, кстати, отреагировали на извещение Москвы о завоевании Сибирского ханства европейские державы. А германский император Рудольф в грамоте, отправленной в 1600 г. русскому царю, даже поздравил его с этой победой³.

Но даже если мы откажемся от принципов историзма и будем подходить к обстоятельствам «Сибирского взятия» с позиций современной морали и этики, то и в таком случае аргументация противников Поклонного креста выглядит совершенно несостоятельной. Напомню им, что ещё в 1555 году прибывшие в Москву послы правителя «Сибирского юрта» Едигера передали Ивану Грозному просьбу их государя о покровительстве. После долгих переговоров этот вопрос был для

²«Огонёк». 2020. № 28, с. 6.

³«Российская история». 2015. №. 3, с. 54.

них решён положительно, и в 1557 году к титулу русского царя прибавился ещё один — «всея Сибирския земли повелитель» (после чего, по представлениям той эпохи, территория Сибирского ханства уже могла на законных основаниях считаться присоединённой к Московскому государству, но мы абстрагируемся и от этой формальности). Однако в 1563 году при поддержке Бухары и ногайцев «Сибирский юрт» захватили братья Ахмад-Гирей и Кучум, при этом правившие им вассалы Москвы Едигер и его брат Бекбулат были убиты, а внешнеполитический курс их государства резко поменялся, особенно после того, как Кучум стал единоличным правителем своего ханства (в 1569 году). Первое время он ещё сохранял вассальные отношения с Москвой, но, узнав о её сожжении при очередном крымском набеге (в 1571 году), разорвал их и активизировал антирусскую политику.

Стремясь распространить своё влияние на народы не только Уральского, но и Поволжского регионов, сибирский хан в 1572 году стал подстрекать к антирусскому бунту марийцев, а в 1573 году бросил открытый вызов Москве: по его приказу был убит вместе со своей татарской свитой направлявшийся к казахскому хану Хакк-Назару царский посол Третьяк Чебуков. На уральские владения Московского государства начались регулярные вооружённые нападения со стороны Сибирского ханства, его вассалов и союзников. С 1572 по 1582 год было совершено не менее пяти опустошительных рейдов по русской территории, которые возглавляли то мансийские князья (Бегбелей, Кихек), то родичи самого Кучума (племянник Маметкул, сын Алей). Они «предавали огню и мечу» русские поселения по Чусовой, Сылве, Косье, Каме. От этих набегов в первую очередь страдали владения купцов и солепромышленников Строгановых, жаловавшихся царю, что «сибирцы» у них «лошадей, коровы отганивают и людей побивают, и промыслы у них в слободах отняли, и соли варити не дадут». Но кучумляне разоряли и другие земли русского Приуралья, осаждали даже Чердынь — главный город Пермского края, а Соликамск захватили и сожгли, вырезав почти всех жителей⁴.

Ну и как должна была реагировать на такие «эксцессы» русская сторона? Строгановы отреагировали вполне адекватно: пригласили для защиты своих владений волжских казаков во главе с Ермаком, ну а тот, понимая, что «лучшая оборона — наступление», предпринял поход в Сибирь. Всё это — к вышеупомянутым рассуждениям о том, кто на кого «пришёл с войной» и кто первым «напал на чужое государство»...

* * *

Не соответствуют фактам и оценка татарскими активистами атамана Ермака как «криминальной личности».

Во-первых, пока не найдено ни одного документально обоснованного подтверждения версии о его занятиях грабежами и разбоями (с чем согласился даже немецкий историк Дитмар Дальман — при всём его, мягко говоря, «критическом отношении» к «покорителю Сибири»⁵). Между вольным казаком и разбойником XVI века, действительно, порой трудно провести чёткую грань, но только не в случае с Ермаком. Есть, правда, сведения, что он незадолго до похода в Сибирь отогнал у ногайцев табун лошадей, но угон скота у соседей — обычное дело для обитателей степи, своеобразный «спорт»; у него и своё название есть — «баран-

⁴См.: Скрынников Р.Г. *Сибирская экспедиция Ермака*. 2-е изд. Новосибирск, 1986., с. 193–198.

⁵Дальман Д. *Сибирь. С XVI в. и до настоящего времени*. М., 2015, с. 95.

та» (или «барымта»). Вместе с тем, давно известно заслуживающее доверия сообщение о службе Ермака в царской армии на фронтах Ливонской войны.

Во-вторых, его поведение на территории Сибирского ханства совершенно не соответствует расхожим понятиям о «злодее-кровопийце», коим стремятся представить Ермака противники установки Поклонного креста. Конечно, XVI век — время суровое, и боевые действия велись казаками в соответствии с нравами и обычаями этого времени, но смею уверить, что русские при этом в жестокости вовсе не превосходили татар. Ну а сам Ермак проявил себя в ходе сибирской кампании и как выдающийся военачальник, и как человек с государственным мышлением, не раз демонстрировавший незаурядный дипломатический талант, благородство и гуманное отношение к побеждённым. Он быстро нашёл себе союзников не только среди недовольного Кучумом ханты-мансийского населения, но и среди татар, освободил от уплаты ясака впавшее в нищету племя туралинцев, принял «с честью» пленённого «царевича» Маметкула, несмотря на то, что тот погубил немало русских людей по обе стороны Уральских гор. Да и сама смерть Ермака связана с приведшим его в ловушку порывом освободить бухарских купцов, якобы задержанных Кучумом на Вагае. Заслуживает внимания и тот факт, что в XVII веке сами же татары фактически обожествовали Ермака: по их преданиям, от его тайной могилы исходил только им видимый свет, и земля с неё имела целебные свойства. А в споры татар из-за обладания снятым с тела Ермака панцирем вынуждена была вмешаться царская администрация⁶. Нынешние представления сибирских татар о Ермаке — это уже продукт новейшего времени...

Так же глубоко неправы «обличители» Ермака, когда пишут, что он «покорял татар». Не сибирских татар он покорял, а Сибирское ханство. В ипостаси такого же «покорителя» за два десятка лет до того выступал и Кучум. Ведь он, в отличие от казнённых им представителей местной династии (Едигера и Бекбулата), татарин не был. Кучум был «чингисидом» (одним из потомков Чингис-хана) и воцарился на сибирском престоле благодаря иностранной поддержке, придя в Сибирь из Бухары. Так что и Ермак, и Кучум — оба «завоеватели», оба для сибирских татар чужаки, но разница между этими «покорителями» принципиальна. Ермак «напал» на Сибирское ханство, чтобы пресечь набеги на русские земли с его территории, подчинив её Московскому государству. Кучума же никакие набеги «сибирцев» на Бухару не беспокоили (ввиду их отсутствия), и он захватил «Сибирский юрт» лишь для того, чтобы сделать его своим владением и всемерно расширять, в том числе в западном направлении. А методы правления Кучума своим «юртом» наглядно демонстрируют картинки из Ремезовской летописи, относящиеся к «статьям» 26 и 28. На них изображена расправа «сибирского царя» над «абызами» и «волхвами», предсказавшими ему военное поражение. Особенно впечатляют изображения голых людей, привязанных за ноги или за руки к хвостам мчащихся по лугу лошадей...

Констатируя, что «Кучумово царство» не было государством татар, представим теперь перспективы их дальнейшего пребывания в его составе в случае сохранения им независимости. При самом благоприятном раскладе их ждала бы участь жителей слабого подobia хорошо известных нам Хивинского или Кокандского ханств, которые, наживаясь на работоторговле и контроле за торговыми путями, даже в конце XIX века, накануне утраты независимости, являли собой редкий заповедник экономической, социальной, культурной и политической отсталости.

⁶См.: «Исторические известия». 1916. № 3–4, с. 3–28.

А Россия к тому времени стала одной из мировых держав, достигла грандиозных успехов в развитии экономики и культуры как в центре страны, так и на её окраинах. Даже ярый ненавистник России Фридрих Энгельс был вынужден признать, что она играет *прогрессивную, цивилизаторскую* роль по отношению к Востоку, особо выделив бассейны *Чёрного и Каспийского морей, башикир и татар*⁷.

* * *

Некоторые представители «татарской общественности» упорно настаивают на том, что жизнь сибирских татар в России была крайне тяжёлой и едва не привела к полному вымиранию этого народа⁸. Но это уже полный абсурд. На демографическую ситуацию Сибири, конечно, влияли разные факторы, в том числе крайне неблагоприятные — войны, эпидемии, неурожаи и падежи скота, «испромышление» охотничьих угодий; не прекращались и ассимиляционно-миграционные процессы. Тем не менее, численность сибирских татар при всех колебаниях неуклонно росла, и если на рубеже XVI и XVII веков она составляла примерно 15–20 тысяч человек, то в 1897 году — почти 57 тысяч, в 1939 году — около 80 тысяч, а по переписи 2010 года — 190 тысяч (всего же татар в Западной Сибири — с теми, кто переселился туда из европейской части страны, — более полумиллиона).

В конце XVI и XVII веке судьба «сбитого с куреня» Кучума не слишком печалила его бывших подданных — они, видимо, хорошо помнили, каким образом он воцарился на сибирском престоле, и после постройки за Уралом первых русских городов стали охотно пополнять их гарнизоны, присягая на верность русскому «белому царю». При некоторых из них (тобольском, тюменском, томском, тарском, красноярском) появилась особая категория ратных людей — «юртовские служилые татары». Они сохраняли мусульманскую веру и родовые земельные владения, размеры которых позволяли обеспечить безбедное существование не только своим хозяевам и их семьям, но и их многочисленным родственникам и «захребетникам». При этом рубежи государства Российского служилые татары защищали порой более ревностно, чем русские казаки и стрельцы⁹. Показательно, что в сибирской столице — Tobольске — служилыми татарами «ведал» соратник Ермака Черкас Александров, и в 1598 году они участвовали в походе, закончившемся окончательным разгромом Кучума. А во время «Смуты» начала XVII века татары находились в числе сибирских служилых, влившихся во Второе ополчение (Минина и Пожарского): их привёл в Ярославль «царевич» Араслан¹⁰. Конечно, далеко не все татары «Кучумова царства» готовы были сразу же сменить сюзерена и присягнуть русскому царю, но даже те из них, кто ушёл в степи с сыновьями и внуками сибирского хана, совершая оттуда набеги на российские владения, в конце концов, поняли бесперспективность и ненужность борьбы с Россией и стали переходить в её подданство.

Сибирские татары, не занятые военной службой, в массе своей тоже отнюдь не бедствовали, и в обеспечении землёй, как правило, находились в более выгодном положении, чем русские поселенцы, вынужденные вплоть до 1930-х годов арендовать у татарских соседей покосы и пастбища, или пользоваться этими угодьями

⁷Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 27, с. 241.

⁸«Родина». 1990. № 5, с. 75.

⁹См.: Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 4. М., 1959, с. 65.

¹⁰«История СССР». 1988. № 3, с. 99.

по какому-нибудь «полюбовному договору»¹¹. О широком распространении такой практики я впервые узнал ещё в 1968 году, когда в этнографической экспедиции расспрашивал о «прежней жизни» стариков из деревень на берегах Тобола. А историк А.Л. Вычугжанин недавно нашёл в газете «Тифлисский листок» от 10 октября 1917 года любопытную заметку следующего содержания: «Среди татар Тобольской губернии в последнее время появилось крайне опасное течение под флагом “Давай царя”. Движение растёт, захватывая все больше и больше татарских селений. Татары Тобольской губ. в большинстве являются крупными земельными собственниками, за которыми земельные угодья закреплены жалованными царскими грамотами. Татары боятся, что новый строй отнимет у них земли...» (И ведь как в воду глядели: «социалистические преобразования сельского хозяйства» уравнивали занятых в нём татар с русскими, пусть и не совсем: татарским колхозникам, в отличие от русских, разрешалось иметь в личной собственности лошадей, и это стало одной из причин того, что на «мусульманскую» деревню коллективизация не оказала столь же пагубного влияния, как на деревню «русскую»).

* * *

Помнится, в 1968 году меня приятно удивил добрососедский характер отношений в Сибири между русскими и татарами; особенно впечатляли их рассказы о том, как они ездили друг к другу в гости — «чай пить». Сам же я встречей с сибирскими татарами был просто очарован — они оказались людьми на редкость приветливыми, радушными, доброжелательными, красивыми (особенно девушки) и совершенно свободными от комплексов по поводу событий, произошедших на их земле 400 лет назад (хотя и знали о них). Правда, общался я тогда исключительно с «сельскими тружениками», а вот от моего более позднего знакомства с представителями «национальной интеллигенции» впечатления оказались совсем другими. В июле 1991 года я участвовал в работе «Круглого стола», посвящённого обсуждению сценария фильма «Ермак» (режиссёров В.А. Краснопольского и В.И. Ускова). Позиция присутствовавших на этом мероприятии членов Ассоциации татар Тюменской области «Сыбыр» была крайне жёсткой и непродуктивной. Воспроизведя практически тот же набор «доводов», который ныне используют противники установки Поклонного креста, они требовали, чтобы Ермак был показан в фильме как однозначно отрицательный персонаж, вызывая у русских лишь чувство глубокой вины перед татарами за содеянное четыре столетия назад. Иные мнения, несмотря на всю их обоснованность, татарская сторона просто не воспринимала, и разгоревшаяся на «Круглом столе» дискуссия (в которой между делом зашла речь и о желании сибирских татар иметь в России «свою республику») оставила крайне неприятный осадок...

Складывается впечатление, что среди татарской интеллигенции сложилась весьма деятельная группа, которая одержима идеей во что бы то ни стало рассорить свой народ с русскими, и готова использовать для этого любой повод — будь то фильм, памятник или «национальные обиды» многовековой давности. Правда, у большинства сибирских татар усилия такого рода «активистов» отклика пока не находят, показателем чего, в частности, является частота татарских свадеб, проводимых на территории созданного А.Г. Елфимовым парка «Ермаково поле». Но эту «недоработку» в воспитании молодёжи противники установки Поклонного кре-

¹¹См.: *Описание Тобольского наместничества. Новосибирск, 1982, с. 71–72, 260.*

ста наверняка попытаются исправить, и одним из их следующих шагов, возможно, станут требования если и не снести парк со столь «неудобным» названием, то по крайней мере переименовать его...

В ситуации с Поклонным крестом у меня вызывает недоумение и позиция некоторых коллег. Так, доктор исторических наук Д.М. Исхаков назвал инициаторов установки памятника «шовинистами». В чём же, интересно, уважаемый Дамир Мавляевеич усмотрел у них проявления шовинизма? Суть этой идеологии чётко определена толковыми словарями, и исходя из этих определений, позволительно спросить, где в высказываниях А.Г. Елфимова и его сторонников есть хоть какие-то признаки «враждебного отношения к другим нациям» или «проявления национальной исключительности и ненависти к другим народам»? Ведь даже намёков на подобное там не найти.

Неприятно удивила меня и З.А. Тычинских. Прежде всего тем, что, являясь автором добротного исследования о служилых татарах Сибири и, стало быть, прекрасно зная об их ревностном служении России, выступила против увековечивания памяти других её защитников — казаков Ермака. Ещё большее недоумение вызывает упрёк Тычинских Елфимову за стремление «возвести фигуру Ермака на самый-самый высокий пьедестал» и «создать вокруг него такой ореол сказочности, былинности». Неужели кандидат исторических наук Зайтуна Аптрашитовна Тычинских не знает, что такой «ореол» Ермаку давным-давно создан, и вовсе не Аркадием Григорьевичем Елфимовым, а русским народом. Ведь «покоритель Сибири» — один из самых любимых героев русского эпоса. Достаточно сказать, что большинство дошедших до нас исторических песен о событиях XVI века посвящено именно Ермаку¹². Изучению этого феномена посвящено немало работ историков и филологов, он даже является предметом диссертационных исследований¹³.

Известно множество народных песен, легенд, сказаний, где Ермак действительно выглядит сказочным, былинным богатырём. И причины того элементарны и не имеют никакого отношения к какому бы то ни было шовинизму (в чём нередко обвиняется русский народ): поход Ермака стал одним из завершающих эпизодов тяжелейшей, изнурительной борьбы Руси с наследием ордынского ига. После его свержения в 1480 году образовавшиеся на развалинах Золотой Орды «царства» (в числе которых был и «Сибирский юрт») ещё долго терзали Русь опустошительными набегами, сжигая сёла и города, уводя в рабство или убивая самым жестоким образом множество мирных жителей. О сожжении крымскими татарами Москвы в 1571 году уже упоминалось выше. В целом же о масштабах урона, наносимого стране «осколками» Золотой Орды, можно судить хотя бы по таким данным: в Казанском ханстве накануне его завоевания Иваном Грозным находилось не менее 100 тысяч русских пленников, а сколько их к тому времени было продано в рабство на рынках Крыма, Средней Азии и Северной Африки — вообще не поддаётся исчислению. В Крым с территории Московского государства лишь за первую половину XVII века было угнано не менее 150–200 тысяч человек. Это огромные потери для страны, численность населения которой на период с середины XVI по середину XVII века составляла 6,5–7 миллионов человек.

Впечатляют и дошедшие до нас воспоминания современников. Вот что, напри-

¹²Исторические песни XIII–XVI веков. М.–Л., 1960, с. 504–554.

¹³См., например: Шубарина Л.В. Ермак и сибирский поход казаков в историческом сознании русского народа. Автореферат дис. ...канд. ист. наук. Челябинск, 1998.

мер, писал автор знаменитой «Казанской истории»: «И было тогда беды... от казанцев и черемисов больше, чем при Батые. Батый единожды Русскую землю прошел, как молнии стрела. Казанцы же не так губили Русь, никогда из земли русской не выходили: когда с царем своим, когда с воеводами воевали Русь и посекали, как сады, русских людей». А вот слова князя Андрея Курбского, не понаслышке знавшего проблемы с обороной южных и восточных рубежей Московского государства: «Безчисленными пленеными варварскими, ово от царя перекопскаго, ово от татар ногайских, сиречь заволских, а наипаче и горши всех от царя казанского... уже было все пусто за осмьнадесять миль до Московского места...»

Для защиты мирного населения от таких набегов правительство шло на беспрецедентные по масштабам и дороговизне меры: от польской границы до предгорий Урала была построена непрерывная цепь укреплений, состоящая из крепостей, валов, частоколов, надолб, засек. Вдоль этой «черты» (представлявшей собой по сути древо-земляной аналог Великой Китайской стены, прикрывавшей Поднебесную от вторжений из степи) были размещены внушительные военные силы, была до совершенства отлажена разведывательно-сторожевая служба, однако полностью пресечь вражеские вторжения эти меры так и не смогли. Покончить с исходящей от «осколков» Золотой Орды опасностью удавалось только после их включения в состав России. Поэтому нетрудно представить, какой отклик должна была получить в стране весть о том, что уже не «грозный царь», а какой-то казачий атаман разгромил ещё одно «татарское царство»!

На большей части российской территории реальная сторона событий, связанных с именем Ермака, вскоре забылась, но память о нём как великом ратоборце, народном заступнике и герое навеки осталась, воплощаясь даже в былинные образы — вплоть до превращения знаменитого атамана в соратника самого Ильи Муромца. Ни один из пошедших по проложенному Ермаком пути первопроходцев не был удостоен подобной чести и славы. Как заметил один из лучших знатоков русского фольклора Л.Н. Пушкарёв, «сам факт превращения казачьего атамана в русского богатыря следует рассматривать как феномен народного сознания, как оценку подвига исторического деятеля народом...»¹⁴

* * *

В обращениях «татарской общественности» в «инстанции» по поводу «восхваления Ермака» обычно красной нитью проходит мысль о необходимости уважительного отношения к национальным чувствам любого народа. Мысль, безусловно, верная. Вот только одна незадача: «подписантами» почему-то не учитывается то немаловажное обстоятельство, что их выпады против Ермака, основанные на незнании исторических фактов или их тенденциозной трактовке, тоже ведь могут оскорблять чьи-то национальные чувства. Тем более что речь в данном случае идёт об очернении не просто любимого героя народных преданий, а знаковой фигуры нашей истории, запечатлённой, кстати, в ряду её выдающихся деятелей на памятнике «Тысячелетие России».

С фигурой атамана Ермака связаны события глобальной для целого континента значимости. Они по достоинству оцениваются историками и уже давно своим высоким драматизмом привлекают внимание людей творческого склада, и в первую очередь — писателей. Перечень посвящённых Ермаку литературных произ-

---

¹⁴Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Вып. 1. Новосибирск, 1981, с. 19.

ведений составил бы целую книгу, однако суть всех содержащихся в них высказываний о «покорителе Сибири» сводится к признанию того, что именно благодаря ему наша страна существует в своих нынешних пределах... «Словно брешь пробил Ермак в стене, сдерживавшей напор колоссальных, пробудившихся в народе сил», — писал Игорь Забелин. Николай Коняев называл Ермака человеком, «продвинувшим Русь в сибирские просторы». Широко разошлись и слова Валентина Распутина, заметившего, что именно благодаря Ермаку и его дружине Русь обрела Сибирь и «стала Россией». Неужели очернители образа Ермака, пытающиеся воспрепятствовать установке посвящённого ему Поклонного креста, не понимают, что своими действиями они оскорбляют память этих достойнейших людей?

Ситуация вокруг Поклонного креста не оставила равнодушным и нашего знаменитого путешественника Фёдора Конюхова. В своём письме главе Администрации Тобольска М.В. Афанасьеву он напоминает: «Ермак со товарищи положили начало присоединению Сибири к России, что на века стало залогом её могущества». А самую решительную позицию по этому вопросу занимают, конечно, казаки. В поддержку проекта А.Г. Елфимова уже поступили письма и обращения от 84 казачьих организаций России и зарубежья, воспринявших «наезды» на Ермака как вызов для всего казачества и проверку его сплочённости. «Сможем ли мы... отказаться от своих героев в угоду никчёмным личностям?.. Перепишем ли мы свою историю и историю России в угоду тем, кто повышает уровень межнациональной напряжённости в нашей стране?» — обращается к казакам А.В. Бредихин — кандидат исторических наук и советник атамана одного из казачьих союзов. И заключает: «Гранитному кресту в память об атамане Ермаке — быть!»

Как видим, обострение межнациональных отношений у нас уже происходит, но только вызвано оно не намерением установить Поклонный крест Ермаку, а теми выступлениями против него, которые организовали некоторые представители «татарской общественности», и если местная власть «прогнётся» под их давлением, то это только осложнит сложившуюся ситуацию...

* * *

В обсуждении «ермаковской» темы выявился ещё один нюанс: противники установки Поклонного креста любят подчёркивать, что они представляют *коренной* народ региона, и следовательно их голос в сложившейся ситуации должен иметь особую значимость и наибольший вес. Что ж, сибирские татары, действительно, являются коренными обитателями Северной Азии, однако на основной территории своего нынешнего расселения их предки обосновались только в XIV–XV веках, т.е. всего за столетие до прихода русских. Выходит, что пять веков проживания на одном месте дают на него какие-то особые права, а четыре — нет? Несерьёзно это...

Около 90% населения Сибири и 80% всей России составляют русские, и публичное проявление неуважения к «государствообразующему этносу» страны может иметь для неё самые пагубные последствия. Пренебрежение национальными интересами и чувствами русского народа у нас, конечно, имеет давние традиции. Проявляется оно и в открытом глумлении над отечественной историей. Пик его, как известно, пришёлся на 1920-е и середину 1930-х годов, время господства в нашей историографии «школы» М.Н. Покровского. Её сторонники, выдёргивая из общей канвы событий лишь «выгодные» им моменты (а то и вовсе не утруждая

себя поисками доказательств), в своих разоблачениях «царизма» более всего поливали грязью как раз полководцев, защищавших и расширявших границы государства Российского. Тогда же большевистские вожди называли русский народ «нацией обломовых», «великой только тем, как велик держиморда». Демьян Бедный высмеивал русских былинных богатырей. Комсомольский поэт Джек Алтаузен призывал расплавить памятник Минину и Пожарскому («Подумаешь, они спасли Расею! А может, лучше было б не спасать?»). И лишь когда «запахло жареным» ввиду приближения войны, власти опомнились и пошли на серьёзную корректировку идеологического курса. А 7 ноября 1941 года с трибуны мавзолея прозвучал призыв вдохновляться «мужественными образами наших великих предков», среди которых были упомянуты и Минин с Пожарским, и Дмитрий Донской, и Александр Невский, и Александр Суворов с Михаилом Кутузовым — те военачальники, в деяниях которых ещё совсем недавно историки-марксисты не усматривали ничего достойного подражания и уважения.

Тогда обошлось: за страну отчаянно сражались даже те представители «нации обломовых», у которых не было причин любить её власть: «пламенные интернационалисты» не успели вытравить чувство патриотизма из русского народа. Сейчас ситуация сложнее. На границах у нас опять «тучи ходят хмурые», однако «покровщина», вернувшись к нам в «лихие девяностые» (пусть и без теорий «торгового капитала» и «классовой борьбы»), всюду процветает, не встречая никакого противодействия со стороны властей и принимая порой весьма изощрённые, но по-прежнему оскорбительные для русского народа формы. Такие, например, как борьба с памятниками его героям...

Проблемы национальной безопасности в наше время осложняются многими факторами, но особенно — тем, что противостояние держав всё чаще выливается не в реальные боестолкновения, а в раскалывающие общество информационные и гибридные войны. Надо ли доказывать, насколько в таких условиях важно для властей страны понимание настроений и чувств её «государствообразующего этноса»?

СВЕТЛАНА ЗУБАКОВА

«Сибирь»

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

У журнала «Сибирь» долгая и богатая на события история. Его основал в далеком 1930 году классик русской литературы Максим Горький, который и дал имя новому изданию — «Будущая Сибирь». В дальнейшем, за 90 лет своей жизни журнал не раз менял свое название: «Новая Сибирь» (1936–1957), «Ангара» (1958–1970), с 1971 года он стал называться «Сибирь».

Первый номер «Будущей Сибири» вышел в 1931 году под руководством главного редактора М.М. Басова, который работал в журнале в 1931–1936 гг. Михаил Басов — журналист, руководитель книжного дела, работник просвещения и культуры, был соратником М. Горького. В 1933–1936 гг. являлся председателем оргкомитета, а затем председателем правления Восточно-Сибирского краевого отделения Союза советских писателей. В 1932–1936 гг. работал заведующим Восточно-Сибирского крайОНО. Судьба его сложилась трагично, он был репрессирован (более года находился в тюрьме под следствием), затем расстрелян. Впоследствии реабилитирован.

Позже в разные годы главными редакторами журнала были такие писатели, как:

И.И. Молчанов-Сибирский — 1937 г.

В. Мольво — 1938 г.

1939–1957 гг. в журналах указан лишь состав редколлегии.

Ф.Н. Таурин — 1958–1963 гг.

М.Д. Сергеев — 1964–1967 гг.

Ю.С. Самсонов — 1967–1969 гг.

А.М. Шастин — 1969–1970 гг.

Г.Ф. Николаев — 1971–1974 гг.

Б.Ф. Лапин — 1974–1979 гг.

А.С. Гурулёв — 1980–1983 гг.

Р.В. Филиппов — 1984–1986 гг.

В.В. Козлов — 1986–2012 гг.

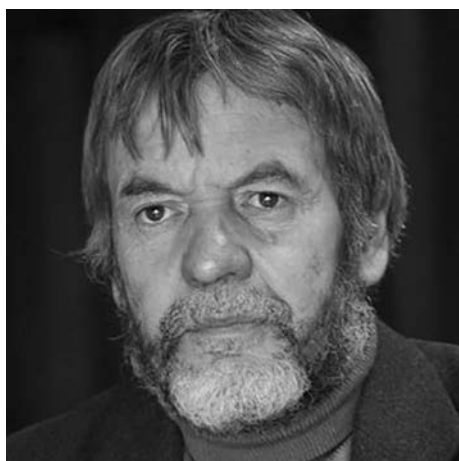

А.К. Лантев — 2012–2016 гг.

А.С. Донских — 2016–2017 гг.

А.Г. Байборodin — с апреля 2017 г.

Всего журнал возглавляли 16 известных нам главных редакторов.

В «Сибири» в разное время печатались такие признанные мастера русской словесности как Максим Горький, который опубликовал очерк «Мальчики и девочки», «Рассказы о героях», «Беседы с молодыми», Виктор Астафьев, Василий Белов, Александр Вампилов, Владимир Крупин, Геннадий Машкин, Евгений Носов, Валентин Распутин, Константин Седых, Василий Шукшин, Глеб Пакулов и другие.

Наиболее знаковые публикации в журнале: роман «Строговы» Георгия Маркова (1938–1941), «Даурия» Константина Седых (1939), «Потомок Чингисхана» Ивана Новокшенова (1965), «Гарусный платок» Алексея Зверева (1975), «Деньги для Марии» (1967) и «Дочь Ивана, мать Ивана» (2003) Валентина Распутина, «Старший сын» (под названием «Предместье») (1968), «Двадцать минут с ангелом» (пьеса из «Провинциальных анекдотов»), «Утиная охота» (1970) и «Прошлым летом в Чулимске» (1972) Александра Вампилова, роман «Гарь» Глеба Пакулова (2001–2005) и другие выдающиеся произведения российской литературы.

Сейчас «Сибирь» значительно расширила круг своих авторов. Редационный портфель переполнен произведениями, присланными из других регионов России, есть и пришедшие из-за рубежа — Франции, Канады, Израиля и др. Но, тем не менее, предпочтение всегда отдается своим, сибирским талантам.

Сегодня журнал стал объемнее по размерам, изменился его внешний вид, расширилась тематика публикаций. Он продолжает воспитывать в читателях высокое чувство любви к родному народу, к России, публикуя талантливые произведения в новых рубриках: «Хрестоматия», «Скрижали истории», «Очерк и публицистика», «Радоница», «Вернисаж», «Книжная лавка». Есть на его страницах и место улыбке — вот уже который год в рубрике «Сумочка к ребру» размещаются литературные пародии от Степана Правдорубского и Владимира Скифа.

Кроме литературы, журнал представляет широкому кругу читателей творчество сибирских художников. За последние три года в «Сибири», в рубрике «Вернисаж» были опубликованы репродукции картин 20 известных иркутских живописцев, шедевры русского изобразительного искусства из фондов Иркутского художественного музея.

Есть у «Сибири» и свои награды. Журнал является лауреатом Премии губернатора Иркутской области (2006), дипломантом Всероссийской литературной Премии «Белуха» им. Г.Д. Гребенщикова (2009), лауреатом премии имени Александра Невского как лучшее журнальное издание России (2016). Основная цель этой премии, говорилось в пресс-релизе, — «напомнить об исключительной значимости литературы и ее особой миссии в обществе, об особой роли русской литературы в воспитании и формировании личности, в ее способности развить в человеке творческие задатки и в необходимости приобщения к ней как можно большего числа людей. Особенностью этой литературной премии является поощрение писателей, внесших существенный вклад в утверждение духовных и нравственных ценностей в жизни современного человека, семьи и общества, создавших высокохудожественные произведения в духе патриотизма и любви к своему отечеству».

Кроме того, в 1998 г. редакцией «Сибири» была учреждена собственная литературная премия, которая носит имя талантливого прозаика Алексея Зверева. Ее лауреатами стали А. Горбунов, В. Распутин, А. Семёнов, Н. Тендитник, А. Гурулёв и многие другие писатели и поэты.

Прошло 90 лет, большая жизнь... Журнал пережил вместе со всей страной все потрясения XX века, прошел через эпохи, войны и революции, и сейчас живет в веке XXI, продолжая нести факел духовности, культуру русского слова, и работает на благо великой русской литературы!

Очерк и публицистика

ГАЛИНА АФАНАСЬЕВА-МЕДВЕДЕВА

ДОКТОР ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

Стихия русского народного языка

Слово на вручении Государственной премии Российской Федерации

История России — история крестьянства

«Выскажу убеждение своё прямо: словесная речь человека — это дар Божий, откровение: доколе человек живёт в простоте душевной, доколе у него ум за разум не зашёл, она проста, пряма и СИЛЬНА; по мере раздора сердца и думки, когда человек заумничается, речь эта принимает более искусственную постройку, в общежитии пошлеет, а в научном круге получает особое, условное значение».

Владимир Даль

Предваряя слово Афанасьевой-Медведевой о русском народном языке, поздравляю Галину Витальевну с высокой наградой — Государственная премия

АФАНАСЬЕВА-МЕДВЕДЕВА Галина Витальевна — фольклорист, этнограф, доктор филологических наук, доцент кафедры литературы Иркутского государственного университета, руководитель научно-исследовательской лаборатории по изучению традиционной культуры Восточной Сибири, директор Иркутского регионального центра русского языка, фольклора и этнографии, член Союза писателей России — родилась в городе Братске. Окончила филологический факультет Иркутского государственного педагогического института. В 1987 окончила целевую аспирантуру по специальности фольклористика. В 1997 защитила кандидатскую диссертацию. Автор книг и множества статей, очерков, посвящённых народной культуре Сибири. Главным в своём творчестве Г.В. Афанасьева-Медведева считает работу с народным словом, что отразилось в очерках о народных мастерах слова: Г.А. Шеметовой (очерк «Золотое доньшко»), Ф.И. Лоншакове («Берегом Шилки»), Н.С. Томшиной («Ах, ти, мнеченьки») и других. Наиболее полно работа с народным русским словом воплотилась в подготовленном ею «Словаре говоров русских старожилов Байкальской Сибири» в 25 томах. Труды по увековечению русского народного слова удостоились премии святителя Иннокентия (2008), премии губернатора Иркутской области (2008) и ныне — Государственной премии Российской Федерации за вклад в сохранение, изучение и развитие традиционной вербальной культуры русских старожилов Байкальской Сибири.

Российской Федерации, которую вручил Президент России Владимир Владимирович Путин, с поклонным словом. В российском гуманитарном мире — среди историков, филологов, этнографов, фольклористов и писателей — да и в читающем народе по поводу премии мнение единодушное: «Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири» в 25 томах не просто заслуживает Государственной премии, но по великому тридцатилетнему напряженному труду даже и превосходит награду.

Чтобы посвятить всю научную, творческую и даже житейскую судьбу служению русскому крестьянскому слову, нужно было восхититься мудростью и красой устной народной поэзии, воплощенной в поговорке, пословице, фразе, песне, сказке, былине, быличке, бывальщине; а восхитившись, нужно было Галине Витальевне корневое русское слово полюбить. Видимо, любовь к народному слову зародилась в стенах Иркутского педагогического института, который славился талантливыми диалектологами и фольклористами, среди которых были ее наставники.

Коль 50 томов словаря — живописная, поэтичная крестьянская речь, хотелось бы земно поклониться русскому крестьянству. В очерках о крестьянстве я писал и ныне повторю: *История России — история крестьянства*, ибо на утренней заре прошлого столетия крестьяне в патриархальном Русском Царстве составляли абсолютное большинство населения. Лишь на безумном закате прошлого века, когда глобальная технократическая цивилизация почти погребла природный мир и слитый с ним крестьянский, сельских жителей изрядно убавилось; но даже бывшие крестьяне, что перешли в другие сословия, и порой даже те, что родились оторванные от земли, в сокровенной глубине души и по сей день не утратили крестьянского духа и томительной, отрадной тяги к матери-сырой земле. Исконно русские крестьяне, не ведавшие азы, буки и веди, но обладавшие вселенским знанием, что передавалось из колена в колено, изуточно постигавшие Святое Писание, смиренные, негорделивые, покаянные, были христоролюбивее и царелюбивее, чем иные российские сословия.

Западники, иноземные и доморожденные, настойчиво и назойливо толковали миру о рабской сущности, лености, темноте и забитости русского крестьянина. Что греха таить, водились в русском народе, и даже в крестьянском сословии, и дикие, и вечно пьяные, и ленивые... в семье не без урода... хотя падшие, как отщепенцы, не были людьми типичными в народе, но вот беда, оборзевшие обозреватели русских нравов из западных сочинителей и здешних обличителей испокон веку обвыклись выдавать частное за типичное и малевать русских лишь черным цветом. Грешно говорить о темноте и дикости и русского крестьянина, что создал сверхгениальную и необозримую обрядовую, песенную и речевую культуру, превосходящую крестьянские культуры европейских народов. И полагаю, 50-томный «Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири» тому верное доказательство...

Галина Витальевна сорок лет без малого провела в экспедициях, обследовала более тысячи сибирских сел и деревень, общалась с тысячами крестьян, от которых и записывала рассказы, вошедшие в «Словарь...». Навек остались впечатления о крестьянах советских, крестьянах нынешних и о крестьянах в ретроспективе веков.

Русские крестьяне, мистически исходя «от креста» и «Христа», выражали земные и небесные мысли не мертвецки условным, научным языком, но образным и притчевым, а образы, как Иисус Христос в поучениях и заповедях, брали из

крестьянской и природной жизни. И русская литература порождала талантливые произведения, когда сочинения насыщались крестьянским пословично-поговорочным, образным, мудрым крестьянским словом.

Владимир Даль, которого Александр Пушкин благословил и вдохновил на создание сборника «Пословиц русского народа» (да и «Толкового словаря живого великорусского языка»), вспоминал: «...А как Пушкин ценил народную речь нашу, с каким жаром и усладой он к ней прислушивался, как одно только кипучее нетерпение заставляло его в то же время прерывать созерцания свои шумным взрывом одобрений и острых замечаний и сравнений».

В статье, посвящённой памяти Владимира Даля, Петр Бартенева писал: «Сближение с Жуковским, а через него с Пушкиным, утвердило Даля в мысли собрать словарь живого народного русского языка. В особенности Пушкин деятельно ободрял его, перечитывал вместе с ним его собрание и пополнял своими сообщениями». Во время одной из последних встреч с Владимиром Далем Александр Пушкин воскликнул с восторгом и горечью: *«Сказка сказкой, а язык наш сам по себе; и ему-то нигде нельзя дать этого русского раздолья, как в сказке. А как это сделать?.. Надо бы сделать, чтоб выучиться говорить по-русски и не в сказке... Да нет, трудно, нельзя еще! А что за роскошь, что за смысл, какой толк в каждой поговорке нашей! Что за золото! А не даётся в руки, нет»*. Пушкин не скромничал, исповедально и поклонно опустив голову перед величием двухтысячелетней крестьянской поэзии, хотя и гений-то пушкинский в том, что он, дворянин, выросший на английских и французских романах, сумел ...поклон крестьянке Арине Родионовне... пробиться к народно-православному духу и крестьянскому слову, и благодаря сему вознестя над поэтами «золотого века» как русский народный поэт.

В двадцатом веке в русскую литературу, дотоль дворянскую, пришли писатели из крестьянского сословия, избранные произведения которых не уступали и произведениям великих предшественников. Эти писатели, во второй половине прошлого века прозываемые «деревенщиками», лишь прикоснулись к величавой и безбрежной стихии русского народного языка и уже создали талантливые произведения. Среди сих писателей и Валентин Распутин...

Если Александр Пушкин благословил Владимира Даля на создание двух словарей, то Валентин Распутин, думаю, постоянно поддерживал Галину Витальевну в ее тридцатилетнем труде над «Словарем...». И, как благодарственный поклон Валентину Григорьевичу, исследование Галины Витальевны: «Народное слово в рассказах и повестях Валентина Распутина: Словарь», изданное в двух томах. Исследование для меня было неожиданным: я полагал, что в прозе Валентина Распутина авторская речь книжно-академична, и лишь в речи героев писатель позволял диалектную лексику и диалектную фразеологию, в отличие от Николая Лескова, Алексея Ремизова, Бориса Шергина, Владимира Личутина, которые в избранных сочинениях и авторскую речь насыщали диалектизмами.

«Словарь говоров русских старожил Байкальской Сибири» в 25 томах, над которым Галина Афанасьева-Медведева трудится более тридцати лет, в русской фольклористике не сопоставим даже с книгами талантливых народоведов позапрошлого века — Снегирев, Забылин, Якушкин, Максимов, братья Киреевские, Барсов, но, возможно, сопоставим с «Толковым словарем живого великорусского языка» в четырех томах, составленным Владимиром Далем, с его книгой «Пословицы русского народа». Даже назвать работу Галины Афанасьевой-Медведевой над «Словарем...» подвигом было бы снисходительно — подвиг предполагает

нечто мощное, отважное, но скоротечное, а перед нами тридцатилетний вдохновенный, тяжкий и азартный труд, подобный крестьянскому, который можно смело повеличить вневременным явлением русской культуры, а, перво-наперво, русской словесности.

Хотя труд и поименован словарем, но создан не ради диалектных слов и фразеологизмов, — диалектизмы вплетены в устные деревенские сказы, полные детски яснодушной крестьянской любви к Вышнему и ближнему, полные земной и небесной мудрости, облеченной во вселенски образную стихию крестьянской речи. И меркнет духом и словом письменная проза, даже и классическая, перед этими на беглый взгляд непрехотливыми сказами, где сама душа народная, народом же излитая. Перед читателями не просто словарь говоров Русской Сибири, перед читателями — обойденная историками Российской Империи, истинная, правдивая, не искаженная в угоду той или иной правящей идеологии история России, история русского народа, по характеру крестьянского.

* * *

...Москва. Кремль. 24 июня 2020 год. Звучит кремлевский голос: «За вклад в сохранение, изучение и развитие традиционной вербальной культуры русских старожилов Байкальской Сибири Государственная премия Российской Федерации присуждена директору Иркутского регионального центра русского языка, фольклора и этнографии Галине Витальевне Медведевой».

Далее — слово Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина: «Этнография стала ядром научных исследований лауреата Государственной премии в области литературы и искусства Галины Витальевны Медведевой. Четыре десятка лет посвятила она изучению, развитию культуры старожилов Байкальской Сибири, потомков русских первопроходцев, которые сберегли уникальное языковое, фольклорное наследие. В основу её работ легли результаты полутора сотен экспедиций, знакомство с укладом жизни, обычаями более 1200 селений. И поразительно, как Галине Витальевне удаётся сочетать такую активную полевую работу с плодотворной педагогической и писательской деятельностью. Говорю в том числе о 20-томном словаре говоров жителей прибайкальских территорий, о словаре "Народное слово в рассказах и повестях Валентина Распутина"».

Анатолий Байбородин

«Дорогой Владимир Владимирович, большое Вам спасибо за высокую оценку моего труда, и хочется выразить слова благодарности в адрес носителей традиционной культуры, наших рассказчиков — без них наш словарь «Говоров русских старожилов Байкальской Сибири» не состоялся бы. А это тысячи и тысячи простых людей, а это потомки тех самых пашенных крестьян, которые когда-то быстро и навсегда решили для себя вопрос: быть ли Сибири японской, китайской, английской или русской. За весь период собирательной деятельности — а это срок лет — мы исследовали народный словарь, исследовали более тысячи пятисот селений и деревень, которые расположены в Иркутской области, Красноярском

крае, в Забайкалье, в Республике Бурятия, Саха-Якутии. Ясно, что многие деревни уже исчезли с лица земли, однако ушедшие селения — это не задворки русской цивилизации, именно они помогли сохранить вековые традиции, без которых не может существовать народ. Они спасли от забвения уникальный говор русского языка, обычаи, обряды, верования и воспоминания о традиционном укладе жизни сибирской деревни. Как видно из записанных нами рассказов, русская деревня еще недавно представляла уникальное образование со своей удивительной способностью к саморегуляции и самосохранению. Вспомним распространённый по всей Сибири обычай так называемой мирской помочи, представлявший собой совместный добровольный труд крестьян. Каждый крестьянин в трудную минуту мог рассчитывать на помощь односельчан: будь то жатва, сенокос, постройка дома, заготовка дров и другое. Такая самоорганизация совместного труда, как помочь, в которую в течение всей жизни был включен русский человек с его духовно-объединяющей энергией, являлась внутренним экономическим ресурсом сибирской деревни. [Взаимопомощь], и делала ее относительно независимой и крепко стоящей на ногах. Этот русский обычай обладал и мощной нравственной силой: у помочан отсутствовали эгоистические материальные интересы, они работали добровольно. Возможно, отсюда и современное волонтерство с его главной идеей выживать сообща, помогая друг другу. Не может не поразить сознание и другое явление этого ряда — так называемая традиция крестьянской благотворительности. Речь идет о содержании одиноких стариков [и старух], бездомных, обездоленных, на средства самих жителей деревни. В этой традиции нашло отражение одно из лучших свойств национального характера русского человека, его долг и совесть. (...) Содержание всей деревней беспомощных [являлось] выдающимся нравственным законом. Нравственные качества сибиряков ярко проявляются и в народных рассказах об обычае выставлять булку хлеба и крынку молока на специально сделанную полочку под названием «бродяжка». Это делалось для того, чтобы бродяга беглый (...), да и просто прохожий, могли поддержать свои силы и продолжить путь. Сегодня кажется поразительным, что в то время люди могли бескорыстно заботиться о тех, кто даже им незнаком. А к примеру слово «чужовка» — это небольшое срубное помещение, в которое заключали провинившегося, то есть, отчуждали. При том вина могла заключаться в том, что просто украл — а в Сибири говорят иначе: высмотрел, к примеру, рыбу из ловушки — либо употребил бранное слово. В записанных нами устных рассказах, (...) иллюстрирующих их семантику, (...) кроме обозначенных тем, это и рассказы о войне, гражданской и Великой Отечественной, рассказы о репрессиях, о раскулачивании и многие другие. Все они свидетельствуют о том, что в основе системы морали сибиряка (...) — нравственные правила человеческой жизни (...): отзывчивость, сердечность, милосердие, миролюбие, отражающее установку на понимание и принятие другого, чужого, и в этом угадывается понятие толерантность. Как видим, многие понятия уходящей культуры можно экстраполировать на современность. К сожалению, время моего выступления ограничено, и мне не удастся изложить всё то, что хранят в себе 50 томов «Словаря говоров русских старожилов Байкальской Сибири». Ведь невозможно даже за несколько часов объяснить все тонкости языка, которые нам удалось сохранить — языка, на котором когда-то говорила вся Сибирь. Сегодня мы готовим к изданию 22-й том, впереди еще 28. Всё это пока издается в одной Иркутской области, и, к сожалению, в остальных регионах, выше названных, где также проходили полевые изыскания, до сих пор не издано ни од-

ного тома словаря, несмотря на обращения граждан с просьбой выслать хоть одну книгу на село с рассказами их бабушек и дедушек. Эта просьба представляется особо актуальной именно сегодня, когда, к счастью, в обществе усиливается интерес к малой родине, к традиционным духовным ценностям. И в этом вопросе нам бы, конечно, хотелось, Владимир Владимирович, видеть в этом Вашу поддержку. И последнее, мне бы хотелось подарить Вам книгу, над которой мне довелось трудиться более 20 лет, — книгу под названием «Медведь в русской традиционной культуре Восточной Сибири», основанную исключительно на живых рассказах охотников, которые проживают от Енисея до Камчатки, от Ледовитого океана до границы с Монголией и Китаем на юге».

Конституционная реформа Путина

Больно наблюдать, как разделилось общество из-за поправок в Конституцию. Больно потому, что разделение идёт по живому, сливая воедино антиподов и ссоря единомышленников. Почему это происходит — почему, например, коммунисты и радикальные антикоммунисты оказались по одну сторону баррикад, а государственники по преимуществу по другую? Для того чтобы разобраться, надо, по-моему, для начала присмотреться к тем, кто составляет фронт.

Первый и самый агрессивный её отряд, естественно, — идейные русофобы, живущие на западные гранты и лютоющие на тех, кто хочет исправить ельцинскую конституцию, которая выполнила, хотя и не до конца, великую, по их мнению, триединую миссию. Она, во-первых, освятила уничтожение Российской державы, которую скреплял Союз ССР, превратившийся, по словам И. Валлерстайна, уже на одном их первых же витков становления социализма в отдельно взятой стране из могильщика России в реконструктора Российской Империи. Во-вторых, не менее важное завоевание этой конституции, открывающее дорогу для прочих возможных завоеваний — тот факт, что она увековечила самоубийственное разделение русского государствообразующего народа. Да, она разбила нас на великороссов, коих русофобы заставили забыть своё имя, малороссов, которые в порыве шовинизма сами отреклись от своего имени и братства, и белорусов, сохранивших ещё собственное имя наряду с рускостью: один литературный язык — один народ и одна культура, независимо от политики. Понятно, что записанный в текст поправок тезис о роли государствообразующего народа не вернёт порушенного единства... И, наконец, в-третьих, конституция позволила грабить без оглядки общенародную собственность, сняв все барьеры и освободив первоначальников даже от прогрессивного налога на наследство, что, как говорил Макиавелли, и превращает первоначальников в олигархов, которых, как они нас уверяют, в России уже нет...

РАСТОРГУЕВ Валерий Николаевич (род. 1949, Калинин) — советский и российский философ и политолог. Доктор философских наук, профессор. Заведующий кафедрой теоретической политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, заместитель главного редактора журнала «Трибуна русской мысли», руководитель образовательной программы «Экологическая политика», директор Центра политической аксиологии Государственной академии славянской культуры, член трёх диссертационных советов. Почётный работник высшего образования РФ, лауреат Премии Правительства РФ в области науки и техники (2006). Заместитель председателя Научного совета по изучению и охране культурного и природного наследия при Президиуме РАН. Является экспертом по следующим направлениям: политическая аналитика, политическое планирование в области экологической, социальной, научной и культурной деятельности. Один из авторов «Большой Российской энциклопедии».

Второй отряд — люди, в основном интеллектуального труда и относящие себя к интеллигенции, многим из которых тошно стоять в одном ряду с врагами, но которым еще тошно осознавать, что их тупо обманывают. По их мнению, власти превратили доброе и важное дело — попытку исправить антинародную конституцию, лишившую Россию суверенитета, в политическое шоу, где под сурдинку решаются и другие задачи, гарантирующие несменяемость власти. И речь не только и не столько о лидере, а о спайке олигархов и чиновников. Многие из «оскорблённых» недовольны, и надо сказать, совершенно справедливо, что с ними не посоветовались и не подпустили ни к обсуждению, ни к аналитике, молниеносно начав и завершив сложнейшую работу в узком кругу людей. Некоторые из «допущенных к телу конституции» не от большого ума публично признавались, что впервые прочитали её текст... Конечно, власть в этой ситуации не проявила должного уважения к профессионалам — спорить даже не стоит.

Разумеется, контра не исчерпывается этими двумя отрядами. Были в её составе и обиженные по жизни, и принципиально не согласные с отдельными поправками, и подпавшие под гипноз Эллы Панфиловой, ставшей едва ли не главным демотиватором и внушавшей почти ежедневно, наряду с западными пропагандистами, что принятие поправок вообще не зависит от результатов голосования, а это не вполне, кстати, соответствует реальности. Определённую часть составили жители регионов, которые не нашли среди поправок тех, что решали бы их проблемы, хотя они заявляли о своих требованиях, и множество граждан, чей жизненный опыт подсказывает, что любые реформы оборачиваются злом.

Особый отряд — коммунисты, а точнее члены КПРФ, которым было приказано голосовать против. Учитывая, что голосование тайное, мы так и не узнаем, как поступили члены партии. Но одно совершенно очевидно: их поставили, а точнее, подставили в сложное положение: чего стоит сама мысль о том, что необходимо встать в один ряд со злейшими идейными врагами? Впрочем, чего ни бывает в межпартийной борьбе, каких только противоестественных союзов ни возникает на пустом месте. Не буду даже заниматься аналитикой, но заранее ясно, что позиция на заведомое поражение не принесёт партии больших политических дивидендов и не укрепит ряды.

Кто же решительно встал ЗА, невзирая на опасность подхватить заразу по-серьёзной идеологической? Отвечаю — большинство, и далеко не худшее. Здесь тоже следует выделить несколько групп с разной мотивацией. И первая их них — те, кто поддерживает Путина, помня, что именно он остановил страну на самом краю пропасти, когда её потрошили и добивали внутренние убежденные враги России, считавшие, что для её блага было бы покончить самоубийством. Кроме того, для многих важно, что это едва ли не единственный воцерковлённый человек среди видных персон, а это более важный, и жаль, что закреплённый в Конституции гарант социального мира, чем внесённая поправка о Боге, Который наблюдает за нашими сварами...

Среди тех, то ЗА, подавляющее большинство — трезвые люди, понимающие, чего стоит власть над людьми, и как она портит тех, кому довелось даже слегка соприкоснуться с ней рукавами, не говоря уже о профессиональных политиках, видящих смысл жизни в «праве повелевать». Именно эти сторонники поправок давно и мучительно ищут, хотя бы на дальнем горизонте, кого-нибудь из потенциальных лидеров, которым можно было бы вверить государство в годину испытаний, не имеющих аналогов в истории, и угроз, внешних и внутренних, каких

еще никогда не было со времён Адама. Ищут... и не находят. Безусловно, такое положение дел самым худшим образом характеризует всю нашу политическую систему, которой удалось за долгие годы отрицательного отбора очиститься от добротных «старых кадров», прошедших все ступени трудовой карьеры и подтвердивших своё умение добиваться успеха, но не сумевших приспособиться к эпохе демонтажа и тотальной коррупции.

Система не позволила и подготовить смену: вместо перспективных и ярких, умных и самостоятельных людей, она поднимает наверх тех, кто способен выплыть, а значит — способен на всё. Социальные лифты давно перепрофилированы на перевоз с этажа на этаж власти грузов особого назначения — денег и синекур, а вместе с этим грузом именно эти проржавевшие лифты наполняют все этажи власти и самую верхотуру людьми особого сорта — «своими». Этим «своим» не надо специально объяснять, что «все руководящие должности в нашей стране продаются», как говаривал Дмитрий Медведев на посту президента под аплодисменты «руководящих лиц». Кого из них предпочесть? Выбора нет — только Путин.

Может быть, лучше обратиться к оппозиции? Но именно здесь всё ещё ясней: думаю, не ошибусь, что именно оппозиция — едва ли не главная виновница триумфа Путина на голосовании вместе с совершенно неадекватной западной пропагандой, демонизировавшей нашего лидера. Едва ли не половина тех, кто даже не задумываясь, первыми пришли на участки, — это те, кто не может даже в самом страшном сне представить, чтобы власть полностью перешла в руки каких-нибудь Гозманов и иже с ними, которые с Россией сразу же сотворят вновь то, что осталось в памяти поколений как государственный суицид. Да, тот роковой выстрел не был смертельным, но последствия всем известны. Это, прежде всего, полный паралич некогда мощной экономики, которая держалась на плановом хозяйстве, и которую до сих пор невозможно восстановить, да и некому восстанавливать. Это и изъятие самых ценных и жизненно важных органов из живого организма — принудительное донорство, когда из страны вывозили всё самое ценное — от стратегических ресурсов до уникальных специалистов и талантливой молодёжи по всему спектру самых востребованных специальностей. Это и военная мощь, почти утраченная еще недавно. Вспомним про разваленную и деморализованную армию, когда офицеры боялись показываться в форме вне казармы. Да, престиж и мощь армии с невероятным трудом удалось восстановить, в чём, кстати, несомненная личная заслуга Путина. Допусти его противников к власти, а этой нечисти нет числа, — и попрощайся с Отечеством...

Ничего не говорю о тех, кто вообще отказался от голосования, поскольку среди них были представители всех «колонн» и «фракций» — и уверенные в предрешиённом результате, и неуверенные в собственной правоте, что свойственно критически мыслящим людям, и столь же нормальные аполитичные граждане, которые просто не хотят свихнуться.

Как видим, голосование разбередило рану — может быть, это и к лучшему. Но горечь остаётся: сам не знаю, к примеру, как поступить с теми своими френдами, которые требуют удалиться из друзей каждого, кто не с ними, — одни фронду, а другие «запутинцев». Город Глупов отдыхает!

И в заключение приведу, не морализируя особо, цитату из обращения к подсудимым декабристам реакционера и государственника Александра Христофоровича Бенкендорфа: *«Вы утверждаете, что поднялись за свободу и Конституцию?»*

Похвально. Прошу тех из вас, кто дал эту самую свободу крепостным — да не выгнал их на улицу, чтобы те помирали, как бездомные собаки, с голоду под забором, а отпустил с землёй, подъёмными и посильной помощью — поднять руку. Если таковые имеются, дело в их отношении будет прекращено, так как они действительно поступают согласно собственной совести. Я жду. Нет никого? Как странно... Я-то своих крепостных отпустил в Лифляндии в 1816-м, а в Тамбовской губернии в 1818-м. Все вышли с землёй, с начальными средствами. Я заплатил за каждого из них податей за пять лет вперёд в государственную казну. И я не считаю себя либералом или освободителем! Мне так выгоднее. Эти люди на себя лучше работают. Я зарабатываю на помоле, распилке леса и прочем для моих же бывших крестьян. Я уже все мои расходы покрыл и получил на всём этом прибыль. И я не выхожу на площадь с безумными заявлениями или протестами против Государя или, тем более, против Империи!.. Так как вы ничем не можете доказать, что дело сие — политическое, судить мы вас будем как бунтовщиков и предателей Отечества, навроде Емельки Пугачёва. А теперь — всех по камерам! В одном этапе с уголовными пойдёте, сволочи!».

75-летие поэта Владимира Скифа

ЕВГЕНИЙ АРТЮХОВ

«...И вынул комету из грядки»

Вообще-то с давних-давних лет я знал, что он никакой не Скиф, а Смирнов, Который Изменил Фамилию. Действительно, уж коль человеку подвластно писать стихи, да к тому же наособицу, то что ему стоит поменять полученное при рождении достаточно расхожее имя. А Скиф — это по-литературному: и красиво, и броско, и запоминается легко. Да и житейской правде псевдоним не противоречит: ведь недаром Александр Александрович Блок утверждал:

*Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы
С раскосыми и жадными очами!*

Словом, в одночасье Владимир Смирнов стал Владимиром Скифом. Ну а жадный до жизни взгляд был ему присущ, видимо, всегда. В чём нетрудно убедиться, почитав его «молодые» стихи:

*Этот узкий перрон. Этот город пустой.
На столбах закоптелых — вороны.
Я у жизни учился. Я был холостой,
Как в ружье — холостые патроны.*

*Моя юность катила крутым колесом,
Рассиялись в полгорода стпцы.
Мимо женщины шли, а в саду городском,
Словно девушки — пели синицы.*

*Я кружился с Наташей, о Вере скучал,
В небе месяц качался подковой...*

*Я свиданья в саду городском назначал
То Ратаевой, то Петряковой.*

*А потом неожиданно встретил любовь...
Словно лебеди — вскрикнули реки.
И единое тело, единую кровь
Поезда разлучили навеки.*

*Мой перрон до сих пор голосит о былом,
Твой перрон замолчал у вокзала.
Только звякает ворон железным крылом,
Как в кремень ударяет кресало.*

К тому же с юности был он и великий фантазёр:

*... Спускаются звёзды на нитках лучей
До кухни, до луковой грядки,
Звенят у соседей,
как связки ключей,
Что в сенях лежат в беспорядке.*

*Одна мне ресницы огнём обожгла.
Другая была ледяная...
Но только не верит никто из села,
Что двор мой — для звёзд проходная.*

*Я сам разуверился: «Сказки! Старо!»
Сложил перед школой тетрадки...
А вечером лук потянул за перо —
И вынул комету из грядки.*

А вот ещё замечательное, но уже с трагическим наполнением стихотворение «Сторож»:

*В нём живут пустые коридоры,
Тьма ночная, чуткая, как рысь.
В нём живут смоленские просторы,
Те, что в детстве Родиной звались.*

*Но война запылала мглисто —
Догорели избы в темноте,
И невесту плотника фашисты
На её повесили фате.*

*Сторож долго и неслышно ходит
В беспросветной серой полумгле.
То в сторожке боль свою находит,
То в разбитом немцами селе...*

*...Покупаю два сырка на сдачу
К чёрному убойному вину
И сижу со сторожем, и плачу,
Проклиная давнюю войну.*

*А село он строил честь по чести
В довоенном памятном году.
В городе отыскивал невесте
Дорогую длинную фату...*

*Как в землянке, полыхает плошка,
Валит снег над городом густой,
И обвита бедная сторожка
Скрученную белую фатой.*

Три года назад мы с ним близко сошлись на Пушкинском празднике поэзии в Михайловском. Володя рассказал, что Скиф теперь не псевдоним, а самая настоящая его фамилия, указанная в паспорте. Что живёт он в Иркутске и на Байкале, где у него есть дом. Он читал новые стихи, в которых слышался его, в общем-то, уже солидный возраст. А я припоминал те — полувековой давности, заставившие меня когда-то раз и навсегда полюбить этого замечательного сибирского поэта.

Его «Незнакомку»:

*Тебя узнал я.
В этом доме
Ты проживала в третьем томе
Записок Блока и стихов
Среди туманов и духов.*

*Ты неожиданно явилась,
Ты ожила и удивилась,
Что я с тобою не знаком,
Хотя любил тебя тайком.*

*Ты протянула мне перчатки,
Сказала тихо:
— Всё в порядке.*

*Я покидаю третий том,
Не покидая этот дом.*

*И я подумал: как жестоко —
Уйти из осени, из Блока!
Знакомой для знакомых стать
И прежней тайной не блистать.*

*Меня ты словно пролистала.
Сказала горько:*

— Я устала

*От нелюбви, от немоты...
Хочу слоняться у плиты,*

*Варить! Любить! Смеяться громко!
И улыбнулась незнакомка.
— Но кто ты? — изумился я.
— О Господи! Жена твоя!*

И особенно «В гостях у пса»:

*В гостях у пса
В просторной будке
Сидим и пьём вино вдвоём.
В гостях у пса сухую булку
Сидим и медленно жуём.*

Он говорит мне:

— Надоело

*Ночами лаять на луну,
На столб мочиться то и дело
И цепью цапать тишину.*

Он говорит:

— Упали уши.

*Теперь я стар и одинок.
А кобелям другим на ужин
Бросают лакомый кусок.*

*Теперь не лается, не спится
И суки стали обижать.
Теперь я пью.
Охота спиться,
Пропить ошейник
И сбежать.*

ВИКТОР ПЕТРОВ

Письма о главном

Адресованы Лидии Сычёвой, автору книги «Мы всё ещё русские»

1

День добрый, Лидия Андреевна!

Вашу новую книгу мы привезли в Тамбовскую область, в нашу Погореловку. Место ей для начала определили на старинном буфете, украшенном поверху гербарием нынешнего засушливого деревенского лета, где некогда цветущие ветви и травы в пузатых горшках и стройных кувшинах соседствуют с завязями и плодами черёмухи, калины, барбариса и прочими приметам природных переуплощений. Есть даже яблоко на засохшей ветке. Вот уже девять лет на Пасху мы убираем этот гребень-гербарий, а к следующей Пасхе он, почти такой же, вновь готов к исчезновению. Книга удачно вписалась в этот интерьер. И я приступил к созерцанию обложки «Мы всё ещё русские. Наш ответ на вызовы времени». Мне по нраву ваш критический экспрессионизм со времён книги «Эх, славяне!..», хотя ближе душе художественные миниатюры из сборника «Уже и больные замуж походили». Надеюсь, что ваша новая книга расчищает путь для грядущего романа. Так сказать, от политики — к поэтике, круговорот слова в духовной природе.

Как старый охотник до момента выстрела, то бишь чтения, я долго наблюдаю за добычей. Название завораживающее, особенно определённо неопределённое словосочетание «всё ещё» в соседстве с «русские» и «Мы». Так точно назвать публицистическую книгу — это уже искусство. Теперь мне не избежать её внимательного прочтения. Всё же поиграю ещё с названием. Если оставить сокращённое: «Мы — русские», то интрига исчезает. Если вместо точки поставить знак вопроса, то выпирает «ответ на вызовы», и энергоёмкость фразы явно падает. Попробуем знак восклицания. Опять не то, мешает «всё ещё». Не сработает и «Мы же русские». Кто бы сомневался! Приходится признать, что вы, Лидия Андреевна, дали единственно верное название, по сути дела формулу всей книги.

«Русские» — прилагательное от корневого существительного «русь», которое прошло исторический путь более чем в тысячелетие. Сейчас лишь поэт, имея право на архаизмы, может сказать: «Мы — Русь, аз — русич, я великоросс». Существительное давно кануло в лету, осталось прилагательное. Как-то обидно для великого народа (сравните: немец, француз, белорус и т.д.). В том-то и дело, что изначально, по версии многих учёных, этим словом обозначался не отдельный этнос, а определённая категория людей, естественно сложившаяся (VIII–X века) на севере, в районе хорошо обустроенных и защищённых земель Старой Ладоги, а затем — Великого Новгорода. В этих краях, начальном ядре России, словом «русь» называли гребцов на речных судах-лодьях.

Возможно и другое толкование, уж очень это слово родное, славянское, так и видишь русые головы, так и чувствуешь полноводные русла рек. Реки пронизывают всю Великую русскую равнину, связывая земли и моря. Люди русь являлись не только гребцами, но и воинами (дружиной) своего князя, и послами, и купцами («гости»), а в дальнейшем — элитой государства Русь. Совершенно не важ-

ным было в те «давно минувшие года», скандинавы они или славяне, весь или коми, главное, чтобы это были крепкие, сообразительные парни и мужи, верные соратники своего господина. Лишь они с полным на то правом могли сказать: «Мы — русь». Те же, кто им подчинился или принял как защитников и гостей, соответственно — «русские».

Примечательно, что в русских былинах вместо древнего сочетания «какого ты рода-племени» приходит устойчивая фраза — «какого ты отца-матери». Много народов и племён обитало в бассейнах наших рек, а вот русь была одна, была принята как родная, сама приняла восточнославянский говор и стала естественной соединяющей силой и центром притяжения огромной державы, взявшей её имя. Так начался особый русский путь в мировой истории и культуре. Да, это «седое» прошлое, но на нас остаётся его вековая печать, мы — наследники, мы — всё ещё русские. Конечно, мы не Русь, ныне совсем другие «гребцы» на вёслах корабля, плывущего по реке Истории в будущее, мы её дальний потомок — Россия. Вера, язык и тысячелетняя история выковали нашу неповторимую физиономию, особое духовное волнение, единый народ.

Вложен ли вами, Лидия, этот глубинный смысл в понятие «русские»? Ответ положительный. В любом случае, не о некоем обижаемом всеми этносе идёт речь в вашей книге. Это иностранцы давно привыкли всех выходцев из СССР и Российской Федерации обобщённо называть русскими (которые всегда виноваты в том, что они русские). И ведь иезуитское чутьё их не обманывает, прилагательное «русский» не этнического, но именно державного свойства.

До свидания.

2

Лидия Андреевна, здравствуйте!

В прошлом письме я опять увлёкся корневыми темами, выйдя на поле нашей тысячелетней культуры. Но как бить критическим максимализмом по макушке и ветвям, если не чувствовать питающих их корней? Я очень рад, что ваша книга нашла себе место в нашем доме. Буду её читать внимательно. Мы всё вспоминаем нашу московскую встречу. Где же её и назначать, как не перед входом в ЦДЛ!

Мы пришли чуть раньше: писатели в отпусках, запустение. Поэтесса Нина Стручкова (*супруга автора — Прим. ред.*) увидела первой ваше стремительное приближение «на разрыв воздуха». Почерк шага схож с почерком слога. И я направил встречным потоком своё бородатое русско-мордовское добродушие. Мы обнялись и, минуя тяжёлые двери, направились в ближайшую кулинарию, где в уголке на троих обменялись книгами.

Вы оказали нам честь, придя на эту встречу. Стихотворцев ныне не балуют вниманием по причине то ли их многочисленности, то ли многоречивости. Вы начали разговор — и сразу накрыли современность, впрочем, как и нас самих. С ныне текущим временем у нас отношения взаимно сложные.

Чтение книги расцениваю как продолжение беседы. Встреча мимолётна, а книга постоянна. Раскрываю, листаю, пробую на вкус: классическая структура, заманчивые острые заглавия. Книга свёрстана так, что после слов заглавия «Будущее России» — чистый лист, бумажная полоса без единой буквы. Как философично! И действительно, прошлое знаем смутно, а будущее — бескрайнее снежное

поле, но под покровом белизны слышится голос озимых России: «Буду ещё я!» И я начал читать.

Прощаюсь, а по мере чтения буду делиться впечатлениями и размышлениями.

3

Приветствую!

Ну, скажу, Лидия, стиль у вас ножевой. Резать, так уж резать! Со времён вашей книги «Эх, славяне!..», ничего лучшего не читал, и ныне меня режет прямо-таки до костей. О России нельзя написать проездом, и вы вправе сослаться на фразу Гоголя — «Нужно проездиться по России». Чувство страдающей Родины у него было также обострено до предела.

Следовать этой традиции сложно. Помнится, расставаясь с нами, вы сказали: «В России надо жить (пауза — В.П.) долго». Согласен как с первой частью высказывания, так и со второй. Не «проездиться», а жить и желательно долго... помучиться. (Вспомнился ответ красноармейца Сухова из фильма «Белое солнце пустыни» на вопрос: «Тебя сразу зарезать, или желаешь помучиться?» — «Желательно, конечно, помучиться».) Сам Гоголь «Мёртвые души» сочинял в Италии. Да, надо уметь в России жить, а для этого найти точку опоры и не сойти с ума. Мы свою опору обрели в Погореловке.

От первой части книги — «Колония духа» — перехватывает дух. Точно отобранные факты и непримиримые выводы. Мне больно, но я читаю. Останавливает внимание образ «котла народов» с наглухо привинченной крышкой, подогреваемый извне и кипящий изнутри. У Российской империи крышку сбросило, у Советского Союза — снесло. Возможно, придёт время, сорвёт крышку и с американского котла, и с котла Евросоюза. У вас проступает некая пропедевтика «теории котлов».

Но не всё так просто. Русь изначально была котлом народов — и не взрывалась, в империи представители всех народов и вероисповеданий являлись подданными Его Императорского Величества, а советский народ (многоэтническая общность людей) для меня, пусть уже историческая, но реальность. И что изменилось в Российской Федерации, или даже в отдельных её регионах, например Дагестане, где народ обитает в народе по принципу матрёшки? Естественное соседство народов под державной властью и обороной — явление взаимодобное. Поглядите, как быстро этносы, отколовшиеся от СССР, залезли под крышку ЕС и нашли себе нового хозяина. Малым народам без империи никак нельзя. Их тянет туда как магнитом, хотя магнит мог бы быть поприятительней.

Может быть, дело не в котлах, а в истопниках? Плавильный котёл народов в США совершенно иной природы, он образовывался в век Просвещения, ускоренного технического прогресса, и не естественно, исторически, как в России, но скорее искусственно, насильственно (кольт, винчестер, пассионарии и преступники Старой Европы, резервации для индейцев, рабы, пуэрториканцы и пр.). И крышку не сносит! Не последнюю роль в крепости крышки играет американско-английский язык и притягательный бизнес, хотя вряд ли бедный «латинос» со мной согласится.

Распад СССР, мне кажется, не был неизбежностью. Думается, при действительно имперской природосообразной политике (взаимопомощь, а не игра в одни ворота) страна могла бы не только сохраниться, но и притянуть под свою защиту

другие родственные по духу народы. За XX век мы подвергли нашу страну двойному отрицанию, пора переходить к синтезу. Моноэтнические государства тяготеют к крупным империям, суверенность их ограничена, если вообще возможна. По крайней мере, на обозримом историческом поле времени.

Не буду вдаваться в идеологические инфернальные выверты, завершу письмо восхитительной цитатой из вашей книги: «не кидаться на спасение всего человечества, оставим эту сверхзадачу Соединённым Штатам. Интересно, снесёт ли крышку с их «плавильного котла», и если да, то когда именно» (с. 13). Замечу, что вы не ставите вопросительного знака в конце предложения. Ясно — снесёт.

До свидания.

4

И снова здравствуйте!

Лидия Андреевна, ваш стиль говорит о быстроте мысли. Мне, русскому эрзя, не угнаться за вами. Не поспеваю, приходится перечитывать, искать продолжение в других местах книги, находящихся порой на расстоянии прыжка. Вот пример: «Была ли дружба народов в советское время? Соцреализм — это расцвет небывалой жизнерадостности, романтизма, устремления ввысь» (с.14). Одно не вытекает из другого, но странным образом перекликается. Писатели и поэты не только утверждали дружбу, но искренне дружили. А какие классные переводчики появились! Великое тому множество подтверждений. И как просторно было лакскому или латышскому поэту на просторах жадно читающего Союза!

Хорошо, что знаменитый фонтан «Дружба народов» (на ВДНХ) восстановили, но в советские времена фонтанировали сами народы. Постепенно дружба между соседями в коммунальной державе по закону развития (зарождение, цветение, угасание и гниение) истощилась и преобразилась. Чрезмерно щедрому, но беднеющему центру благодарности не последовало. Как идеалист, замечу, что жить совместно можно было «жизнерадостно-романтично» и далее, если бы любить и взаимно уважать, помогать друг другу.

Очень надеюсь, дорогая Лидия Андреевна, что вы простите мне, считающему, что современность — это поле хотя бы одного тысячелетия, что ничего не получилось сказать об Украине, ни в стихах, ни в этих письмах, отталкиваясь от вашей книги. Есть острая боль, но нет у меня пока ясной картины этой трагедии, нет вариантов выхода из неё.

История продолжается, и ничего ещё не потеряно. Всё дело в людях, в том большинстве народа (населения), из которого выходят наши домоуправы. Вы говорите, что надо было найти, причём срочно, выход из «мировоззренческого тупика» (с. 15). Быстро не получится, придётся помучиться. Да и кому это было надо, когда замаячили отдельные квартиры и богатенькие заокеанские домоуправы? Так что с выводом — «крушение было неизбежным» (с. 15) — я почти уже согласился. Что махать романтическими руками после драки!

А вот о грядущем пути позаботиться стоит. Ведь если справедлив ваш вывод, то и о нынешней России можно заранее слёзы проливать. И тут, Лидия Андреевна, вы прекрасно итожите: «История человечества есть не история борьбы классов, а добра и зла» (с.15). Осталось отыскать добрых правителей для доброго народа. В СССР не нашлось, интересно, откуда они в России возьмутся? От добра не ищут

добра, и от него не бегут. Чувствую, что ответ где-то на следующих страницах книги, что вновь меня побуждает к чтению.

Надо подумать. До следующей встречи!

5

Лидия Андреевна, доброе утро!

Вот так начинаются наши погореловские дни. Нина уже возмущается, что каждый божий день с раннего утра я начинаю разговором о вашей книге, всё ищу в ней ответы на давно наболевшее.

Мне известна религия добра, а вот идеологии добра не припоминаю. Те, что мне известны, диалектически выворачиваются на реальное зло. Конкретного ответа в отвлечённых, пропахших наукой терминах не отыскать. Ясно одно, и тут вы правы на все сто, что без Добра мы становимся «колонией духа». Именно «духа», а не «Духа». (Вспомним горбачёвский «пир духа».) Ваш сабельный вывод — «надо меняться, и побыстреей» — не утешает. Тут на память приходят и слова русской народной песни «Ямщик, не гони лошадей...», и слова из библейской Песни песней: «девушки Иерусалима, не будите, не побуждайте любви, пока сама не проснётся».

Есть такая притча: садовник страстно желал, чтобы саженец поскорее стал деревцем, он охватил его за ствол и поднял до уровня своего роста. Корни оказались в воздухе — и растение засохло. Всему, разумеется, своё время, но приближать его приход всё же в наших силах, вернее, в нашей заботе. Кто против того, чтобы меняться? Но что и на что менять? Я бы отредактировал ваш глагол на «изменяться» или «преображаться». Если бы мы пожелали изменяться (каждый из себя!), то избежали бы распада СССР. Идея преобразования естественно вырастает из нашей тысячелетней истории, стоит только вспомнить её ключевые моменты. Искусственно их не сконструировать, как всё живое, как, например, поэзию и религию.

Рост с необходимостью должен быть природосообразен. Для меня природа наша коренится в родном языке, художественном языке прозы и поэзии. И если бы не языковая ваша высота, то стал бы я читать эту книгу? Изменяя языку предков, мы изменяем и народу, его настоящему и будущему. Вы это прекрасно знаете, наслушавшись вывертов современной космополитической «элиты» и перлов «золотой молодёжи». Ваше чувство языка восхищает и Нину и меня. Мы ведь чувствуем не абстрактно, а всеми собой. За идеей не видно людей, тут нужен живой образ.

Когда мы беседовали этим летом, я был обрадован вашим стремлением вернуться к художественному слову прозы. Ныне набирает силу безликая «колониальная» речь. Отсюда и «презрение к идеальному», и «срезанность верхушки» духовной вертикали, и искусственные конструкции писателей, о чём так убедительно вы говорите в книге. Всё, что не развлекает — с корабля современности. Вот бы научиться противостоять этому призыву.

Говори, и я скажу — кто ты!

Что-то я впал в менторский тон. Пока!

6

Здравствуйте, Лида!

Книгу вашу читаю медленно, но неустанно. Она не отвлекает меня от множе-

ства полезных дел. Но и не помогает. Нам привезли машину колотых берёзовых дров стоимостью в одну пенсию, самосвал сбросил их на ещё зелёную траву и уехал. Как похожа эта груда на весенний последний сугроб! Принялись за свою работу, и сугроб на глазах растаял, перебравшись с нашей помощью в дровяной сарай.

Иду к вашей книге, словно в духовный тренажёрный зал. Не все предлагаемые нагрузки мне по силам. Я всё ещё в первой части. Речь у вас идёт о власти. Восемнадцатый век её восхвалял (оды Ломоносова, Державина, Петрова), девятнадцатый ругал почём зря (критический реализм Радищева, Писарева, Салтыкова-Щедрина), двадцатый проклинал или подлаживался. Вот бы собрать эти оси в единую телегу в нынешнем веке, но мы скатываемся к позапрошлому. Будто власть сыпется с неба как инопланетяне, а не рекрутируется из народа и не является её наиболее пронырливой и расторопной частью. И как не согласиться, что «власть — это наше дитя» (с. 27).

Но если это так, то не пора ли родителям и школе браться за её воспитание и образование? Говорят, что лучше всего воспитывать своим примером. И сколько сборников примеров и упражнений предлагается критиками наших дней, не счесть! А воз и ныне здесь. Даже у писателей преклонение перед собственностью превышает благоговение перед словом. И то правда, слово не поит и не кормит. Похоже, «детям» вовсе не нужны родители от народа, а если и нужны, то не более чем кормилицы, организаторы их быта и отдыха. Кормило не кормит, но правит. Власть — наши дети, которые нам не подвластны.

На меня произвело сильное впечатление ваше наблюдение о советской и современной литературе, как о древе со срезанной духовной верхушкой, которое невольно разрослось веером множества ветвей. Нечем стало тянуться к небу. Вначале «ветви» ещё стремились ввысь, думая, что они макушки. Ныне как-то обвисли, склонились долу, а вокруг поднялась поросль, которой не цвести, не плодоносить, да и ствола у них нет. Живописно, но ужас и отчаяние охватывает от такого образа. За собою я оставляю право верить, что просто ещё не успел узнать имени гения русского Слова. Порой, слушая наших правителей, замечаешь, что у них есть хорошие консультанты и редакторы-слависты. Порой же дивишься бедности и мусорности индивидуального языка, чему в вашей книге есть отличные примеры. К сожалению, противоположных, равных по воздействию на людей, примеров явно недостаточно. И всё же они есть.

Я бы с радостью прочёл исследование «История русской элиты. Взлёты и падения», но таковой не знаю. Несомненно, вы, Лидия Андреевна, высказали ряд ценнейших мыслей по этому вопросу, особенно на нынешнем этапе бытования элиты: «Ой, вовсе не золото выплыло наверх!» (с. 36). Так можно начать былинку об «элитариях». Причины неудач в отборе и сохранении лучших из лучших (греч. аристос, рус. аристократия) вами многократно названы и доказаны, и главная — «игра на понижение». Она стала нашей национальной забавой.

Вспомним, когда княжеская элита развалила Русь на отдельные земли, потребовалось московское боярство, чтобы собрать державу; когда оно окрепло и бросило вызов правителю, тотчас был создан социальный лифт для мелкопоместных дворян. Опричнина освежила кровь элиты, но игра продолжилась, и Пётр вводит «Табель о рангах» для обновления глупеющей элиты смекалистыми людьми из народа, даруя по выслуге дворянство.

Прошла пара-тройка веков, и дворянская аристократия довела процветающую империю до гибели, наступила недолгая эра советской элиты, открывшей безло-

шадным гражданам путь на самый верх. Что было дальше — подробно раскрыто вами, включая современные лифты на этот самый верх. Но «игра на понижение» продолжается. Причём, игра эта оказалась заразительной. Опускаясь по чиновничьей вертикали, она охватила чуть ли не все общественные и профессиональные союзы. Однако пессимизм неуместен, и фраза «неужели новая смута и распад нашей родины неизбежны, и мы ничего не сможем сделать?!» (с. 37) пусть останется риторической и призывной. Диагноз поставлен правильный, и врачи, как показывает история, найдутся.

Дела зовут.

Пока прощаюсь.

7

Приветствую!

Сегодня начал читать с фразы: «Резко пишу! Но ведь всё это — правда!» (с.37). Задумался о «правде» и понял, что не журналистская, не чиновничья, не критическая, но лишь художественная правда меня притягивает, лишь ей готов верить, лишь правда поэзии находит внутри меня соответствие, своё подобие, и отзывается голосом истины. Да, пишете вы правдиво, но если на карте местности обозначить только свалки мусора, то она не поможет найти виноградники. Впрочем, и задача у вас другая — очищение от мерзости. Из моего советского детства помнится мне речёвка: «Критикуешь — предлагай!» Хороший совет. Лишь настоящий художник добирается до полноты и цельности истинной картины мира. И что он может предложить? Роман, поэму, образ своей и всеобщей жизни.

К сожалению, «игра на понижение» проникла и в среду литераторов, писателей и поэтов. А ведь некогда была в России аристократия духа, «властители дум», наливное яблочко элиты Слова. Эхо её слышалось и в СССР, когда правители платили за строчку «инженерам душ» вполне достаточно, чтобы они безбедно предавались творчеству, правда, требуя взамен не отклоняться от газеты «Правда». Поскольку это для художника противоестественно, то затея провалилась, но поросль писателей успела разрастись. Теперь господствует не то что бы презрение, но отстранённость от идеального, бросовое отношение к его носителям, настоящим писателям, поэтам и философам, а «колониальный» язык приветствуется. Аристократия духа обнищала, дети элиты учат английский язык, так и не освоив в полноте русский, становятся доморощенными иностранцами.

Наши либералы считают себя аристократами, вынесенными за скобки народа. Ещё в позапрошлом веке Тютчев сказал о них так, как и о сегодняшних лучше не скажешь:

Чем либеральней, тем они пошлее!
Ц и в и л и з а ц и я — для них фетиш,
Но недоступна им её идея.
Как перед ней ни гнитесь, господа,
Вам не снискать признанья от Европы:
В её глазах вы будете всегда
Не с л у г и просвещения, а х о л о п ы!

Я понимаю, что чувство опасности нарастает в вашем сердце. Властительный окрик «Писателей не трогать!» — знамение времени. Власть перестала тянуть

писателей за язык, вытягивая его, чтобы «накось» усечь, как никониане усекали его вождам старообрядцев, а то и с корнем вырвать.

Казалось бы, оставленная на свободе Муза должна расцвести, но, по вашему афористичному выражению: «У бедняков есть своя духовная радость — анархия» (с. 37). Тут уместно вспомнить изречение Михаила Бакунина: «Страсть к разрушению — тоже творческая страсть». Самозванцы и наследники, богатые и бедные, творцы и эпигоны, начальники и подчинённые, бунтари и покорные, «честные труженики» и разбойники — всё это входит в единое понятие «народ». Картина разрушения ужасает: «Будущее уже украдено» (с. 46), «для кого освобождаем землю?» (с. 51). Но чувство слова, простора и порядка у русского человека врождённые, проверенные тысячелетней историей, иначе Россия, перепоясанная Уралом, не приросла бы Диким Полем и Сибирью, не создала бы великий фольклор и классическую литературу. Жизнь «дивно хороша» (с. 47), и прекрасен исполненный вами гимн (с. 58) идеалистам наших дней! Вот на этой позитивной ноте и завершу своё письмо.

До скорой встречи.

8

День добрый, Лидия Андреевна!

Читаю вторую часть вашей книги — «Противостояние». Привык к резкостям и крайностям вашего изложения, и уже не обращаю внимания на мелочи, поражаясь фактам поголовного «воровства», видимому сращению политического и поэтического: «Вместо искусства — политизированный дизайн» (с. 91). Здорово сказано о нездоровье! Ловко воруют «бедные» художники от слова «худо».

— Что делаете, шурики?

— Пилим бюджет!

И ведь особо не заметно, чтобы в людях ощущался духовный голод. Перепроизводство высокохудожественных произведений за серебряный и советский периоды? Измельчание человека? Политика властей и пиар властителей моды? Опошление вкуса?.. Ряд вопросов уходит в дурную бесконечность. Но факт остаётся фактом.

Такой поток негативной информации хлынул со страниц, что мне надолго его хватит для размышлений. Сочувствую, Лидия Андреевна, что вам пришлось окунуться в эту клоаку, это мы устранились и обходим её по светлой стороне. Поскребём по сусекам, наберём мучицы, да, глядишь, и румяный колобок испечём, хотя у читателя и свои пирожки не едятся. И — спасибо вам. Будь я министерством просвещения, рекомендовал бы вашу книгу для внеклассного чтения всем подросткам страны, «обдумывающим житьё» (В. Маяковский), хотя бы по предмету ОБЖ. Но власть, вскидывающая по-детски и хлопающая глазками, на это явно не пойдёт. А вот на спектакль с душком «Душа подушки» выдаст детишкам бесплатные билеты, и в Ленком поведут на срамную драму «Борис Годунов» (К. Богомолов), хотя в ней «нет ни поэзии, ни мысли, ни летящего русского слова, ни русской трагедии, ни интонации, ни-че-го!» (с. 120). И уж точно нет и тени Пушкина.

Тут вправе усомниться в творческом характере страсти к разрушению. Впрочем, задействована в данных случаях лишь страсть к деньгам и выпендрёжу. Индивидуальная интонация, личностная неповторимость, сопряжённые с народно-

стью, вытеснены голым индивидуализмом, желанием делать так, как не делали или стыдились совершать наши великие предки. Современная литература напоминает овощехранилище советских времён. Лучшее — элите, а простому потребителю довольно и так. Только там гнильё всё-таки выкидывали на свалку.

Как, оказывается, за двести лет изменилось наше просвещение, особенно доступность людям лучших книг от Новикова до Новикова: «движение талантливых книг к читателю разрушено» (с. 145). Добавлю, что и определить ныне, талантлива книга или нет — некому. С большим удовольствием прочёл ваш гимн творчеству. Меня восхищает образный строй вашей речи (с. 147-148). Завтра начну день с того, что перечитаю этот отрывок.

Стало рано темнеть, мы почти все работы в огороде и саду завершили: землю перекопали, вырубали и распилили на дрова устаревшие деревья, прибрались, посадили чеснок и лук под снег, сидим дома под «телевизионное облучало» (с.154) и топим печи. Кстати, о телевидении. Да, мерзость проникла туда и наполнила собой эфирное пространство. Попса не стесняется всерьёз называть себя «звёздами». Приходит на шоу и до неприличия обнажается, рассказывая, кто с кем спали, от кого родили, как принимали наркотики, у кого какие любовники и любовницы. И это становится обычным делом, они — «герои» передач — уже на самом деле, без стыда и совести, чувствуют себя героями. Причём подаётся это на основных каналах — те же персоны, и всё то же самое.

Справедливости ради замечу, что среди сотен новых каналов (у нас «Триколор») можно всё-таки найти что-то полезное и интересное — об истории, путешествиях, природе и обычаях разных стран и народов, о живописи и музыке. Есть отличные художественные фильмы, старые, когда в них ещё не было пошлости современной жизни. Кто ищет — найдёт.

Скоро в город.

До встречи.

9

Бог в помощь, Лидия Андреевна!

Сегодня хочу говорить о русской поэзии, своеобразно отражённой в вашей книге. Мир, где «всё назначено и поделено» (с. 154), где человек занят «разрушением своей души» (с. 162), этот мир, который был критически развёрнут на предыдущих страницах, может быть, не лучшее место для обитания энергичных созерцательных натур. И всё же поэта можно назвать главным действующим лицом, лирическим героем вашей книги, противостоящим духовному разрушению страны.

Вы утверждаете, что существующая у нас Роспечать «делает всё возможное, чтобы отбить у людей интерес к чтению» (с. 165). Неужели эта организация настолько деятельна и враждебно нацелена на культуру? Я вообще не знал о её существовании. Если бы производство настоящих книг приносило доход, то они бы, как с конвейера, пошли во все уголки страны. Спрос на традиционно серьёзные книги (не одноразовые!) снизился чуть ли не до нуля. Тут не последнюю роль играют и сами писатели, подключившиеся к «игре на понижение» (мелкотемье и ширпотреб), хотя ранее этого не наблюдалось, и творцы слова устремлялись «всё выше и выше», как пелось в известной песне.

Раньше писатели несли крест — теперь несут чушь. Или, возможно, они поднялись так высоко, что простому человеку их не видно и не слышно. Шучу.

Лидия, нет сомнения, что вы не просто чувствуете и любите русскую поэзию, но и понимаете её место в жизни человека и общества. Тому подтверждение, и не одно, нахожу в вашей книге: «Поэзия — настоящая — это прямое и безусловное обращение к душе человека. Поэзия, как и молитва, не может быть «бизнесом», и она невозможна в «цифровом» исчислении. Поэзия остаётся последним прибежищем последних героев, словом утешения для бедных, униженных и гонимых. Поэзия будет воскрешать Бога, дарить красоту, питать силы души. Будущее художественного слова есть будущее самого человека — потеряв его, он потеряет себя» (с. 182). Тут я усматриваю некоторое преувеличение, но в целом это правда, и ваша и моя, и множества других, воспринимающих поэзию как всечеловеческую ценность. Ваши бы слова да в уста правительства, но, боюсь, попадут они прямо в искусственные челюсти.

Книга ваша прошита стихотворными строками. Вначале вы даже не ставите имени под стихами (читатель должен знать?), орнаментируя ими свои самые светлые мысли. Лишь на 47-й странице, в сноске, а затем на 294-й, интрига разрешена и названо имя автора — поэт Валентин Сорокин, ныне действующий и живущий.

Это чудо, когда человек находит своего поэта. Раскрывает книгу, как двери, и входит в сердечный его мир, преображённый вдохновением, очищенный силой дарования от налипчивой видимой реальности, без какого-либо «критического реализма», — и перед ним открывается идеальная страна, сад, дом, любовь.

Все упомянутые вами высокие имена, все цитаты — из этого идеального мира, и они не случайны, поскольку сама душа произвела художественный отбор: «Стержень русской культуры — слово, а вершина — поэзия» (с. 290). Вот об этих поэтах и писателях хочется читать и читать. Я согласен с вами, что они — герои времени, в том числе и времени нашего «страшного мира» (А. Блок), они и есть истинная Русь-элита, гребцы, правда не на лёгких лодьях, а на тяжёлой галере, прикованные государевыми цепями к вёслам.

Я дочитал последнюю главу — «Крест русской судьбы». Разве это не подтверждение, что мы всё ещё русские!? Несмотря ни на что!

Спаси вас Бог!

До встречи в Москве.

Об авторе: Виктор Михайлович Петров — поэт, историк, литературовед. Родился в Томске, окончил историко-филологический факультет Томского государственного университета. Участник многих археологических экспедиций, кандидат педагогических наук. Член Союза писателей России, автор поэтических книг «Колчан сибирских стрел», «Заян», «Речения Яхрома, чулымского шамана», «За пределами суток», «Параллельные миры», «Крепостной дворянин», а также ряда книг о Древней Руси и русских религиозных мыслителях. Лауреат премии «Имперская культура» за книгу очерков по истории древнерусской словесности «Колодец поэзии. Опыт погружения». Живет и работает в Погореловке и в Москве.

ВАЛЕНТИНА СЕМЕНОВА

Дух Победы, цена Победы

От военной прозы 1950–1980 гг. — к нашим дням

Великая Отечественная война определила целое направление в литературе советского периода. Это, естественно, находило отражение в критике, отзывавшейся на всё наиболее заметное, что появлялось сначала в толстых литературных журналах, а потом в книгах столичных и региональных издательств.

Имя Надежды Степановны Тендитник (1922–2003) известно российским литературоведам с 1970-х годов. Её исследования творчества выдающихся земляков и бывших её студентов Александра Вампилова и Валентина Распутина занимают достойное место в литературе о них. Писала она и на другие темы. Будучи преподавателем филфака Иркутского госуниверситета, разрабатывая курс современной литературы, профессор Тендитник сделала основательный обзор главных направлений отечественной прозы 1950–1980 годов в очерке под названием «Школа истории»¹. В нём есть страницы, посвящённые лучшим произведениям о войне.

К этим страницам стоит обратиться и сегодня, потому что, во-первых, они сохранили качество анализа, и, во-вторых, отразили ту линию осмысления военной прозы, что возобладала в критике к концу советского периода.

Характерная черта Тендитник, представительницы реалистического направления, — следовать за создателем произведения, сопоставляя его взгляд на события войны с жизнью и расставляя временные акценты. Тем более что это была и её жизнь: тяготы войны она переживала в тыловом голодном Иркутске, отдававшем все силы для фронта.

* * *

Если обозначить путь литературы о войне коротко, это был путь от замалчивания трагических страниц первых месяцев 1941 года к погружению в правду о всенародном подвиге, достигнутом ценой огромных жертв.

Стоит напомнить, что такой курс был задан Л.Н. Толстым в романе «Война и мир» — убежденностью, что «писать войну как естественное состояние общества, как историю подвигов и побед — преступно, аморально». Толстого не приводило в восторг восхваление побед Петра I и Суворова, как и признание Ломоносова в «Разговоре с Анакреоном», где он «отвергает лирику сердца, чтобы «издать геройский шум»». Н.С. Тендитник пишет, что «роман «Война и мир» был революцией в искусстве отражения эпохальных событий и остался на высоте и в наши дни», вместе с другими произведениями Толстого о войне, как «пример нравственного отношения к предмету» (с. 38–39).

Однако «геройский шум» прошлых веков оказался востребован в начале Великой Отечественной, чтобы поднять дух армии и народа. И тогда обратились к образам великих полководцев Дмитрия Донского и Александра Невского, Суворова и Кутузова. Показательно, что военный труд А.В. Суворова «Наука побеждать» пригодился и в новую лихую годину — спустя полтора века после его создания!

¹Тендитник Н.С. Школа истории // Тендитник Н.С. Энергия писательского сердца. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1988. — 352 с. С. 3–173. Там, где упоминают этот очерк, указаны только страницы.

У Суворова можно было взять многое не только в боевых делах, но и в бережном отношении к солдату, его воспитании, организации его быта².

Героическая победная нота, свойственная XVIII–XIX векам, в XX веке уступила место другой — главным героем литературы о войне, вполне по Л.Н. Толстому, стала правда.

Тендитник высоко оценила трилогию К. Симонова «Живые и мёртвые», после которой, по её словам, «стало труднее (или невозможно) писать неправду...», согласилась с позицией журнала «Новый мир», взявшего в 60-е под защиту К. Симонова, Г. Бакланова, Ю. Бондарева, В. Богомолова, В. Быкова, К. Воробьёва (критик Л. Лазарев) и не поддержала упреков журнала «Октябрь» «в чрезмерном внимании писателей к «окопной» правде и «забвении» «правды великой войны»» (критик И. Кузьмичёв) (с. 30–31).

Наблюдая дальнейшее развитие военного направления в литературе, Тендитник прослеживает, как от масштабного изображения событий шло обращение к «малому плацдарму» войны, «с явным и обострённым вниманием к судьбе человеческой». Рассматривая повести В. Быкова («Атака с ходу» (1968), «Круглянский мост» (1969), «Его батальон», «Сотников» (1970), видит в них «соединение углублённого самоанализа героя с картинами высоких и значительных обобщений» (с. 45, 47).

Повесть В. Астафьева «Пастух и пастушка», написанную в 1967–1971 годах, выделяет как «новый эпос, поражающий смелостью кисти и глубоко национальным колоритом», «пример нового типа художественного освоения действительности», как «совершенное по строгости и гармоничности формы произведение», в котором писатель «показал, как легко убить на войне самое хрупкое — душу человека» и т. д. (с. 49–51).

Достижением военной прозы 70-х годов критик считает тягу к документализму в романах В. Семина «Нагрудный знак ОСТ» (1976), «Плотина», повести А. Адамовича «Каратели», «Блокадной книге» Д. Гранина и А. Адамовича. Опыт работы в этом жанре В. Богомолова — роман «Момент истины» («В августе сорок четвёртого», 1973) называет уникальным (с. 54, 61).

Роман «Плотина» привлёк автора «Школы истории» описанием состояния бывших русских пленных, задержанных в Германии: «Это и победа, и отсутствие этого чувства у бывших пленных... когда рухнул фашистский ордунаг и ему на смену явился новый порядок, внесённый в зону американскими войсками...». И вот деталь, имеющая отношение к нашим дням: «Анатомия механизмы предательства, самозащиты человека, В. Семин пророчески воспроизводит облик будущего, в котором янки видят себя хозяевами мира» (с. 57).

Не прошла Тендитник и мимо темы предательства в «Карателях» А. Адамовича. «Разве не загадка, — пишет она, — поведение карателей из России, Белоруссии, Украины? На путь предательства они встали в годы, когда никто уже не сомневался: Германия побеждена. Большинство отступников находилось в возрасте 19–25 лет. У них всё было в будущем. Но оказывается, голос здравого смысла легко заглушается духовным капитулянтством, оказывается слабее сиюминутной выгоды и эгоистического расчёта» (с. 59).

Эту загадку нам предстояло разгадывать много лет. К теме предательства мы ещё вернёмся, а пока следует напомнить о нравственных задачах, которые решала военная проза: неприятие бюрократизма, казённости, карьеризма на фронте, при-

²См. об этом : А. В. Суворов // Русские мемуары. М. : Правда, 1988. С. 19–72.

шедших из мирной жизни; морального разложения в армии, где не было угрозы прямой гибели (например в повести известного сибирского прозаика Д. Сергеева «Позади фронта», 1976) — всё это укладывалось в понятие «цены победы» как основного, передающего сущность войны.

Не оставлен без внимания и такой момент: литература о войне вбирала в себя круг тем, прямого отношения к войне не имеющих, но вызревших в общественном сознании. «Литература о войне... вплотную приблизилась к всестороннему охвату идей современных», — писала Тендитник (с. 64). И это было именно так. «Мысль народная», унаследованная от Льва Толстого, органично вписывалась в военную прозу, она звучала в голосах героев из народа, созданных писателями, также вышедшими из народа. И неудивительно, что неостывшая история раскулачивания заговорила о себе в таких, например, повестях, как «Знак беды» В. Быкова и «Раны» А. Зверева. Как и то, что военная проза легко сливалась с деревенской.

Так расширялись границы военной прозы, происходило насыщение её мотивами исторической памяти, философскими раздумьями о судьбах людских и войнах, несущих гибель и страдание. Совершалось преобразование литературы военной в литературу антивоенную.

Этим русская литература отличалась от литератур других стран. Как известно, там главной темой была судьба потерянного поколения, когда человек, привыкший разрушать и убивать, не вписывался в мирную жизнь и терпел личную катастрофу. Для нас подобное могло случиться с людьми, побывавшими в «горячих точках». Если говорить о послевоенных лишениях, то они достались тем, кто побывал в плену или получил в битве тяжёлое увечье. Для фронтовиков же, имевших достаточно сил, открылся новый фронт по восстановлению страны, их востребованность была колоссальной.

Великая литература о великой войне исследовала тему на высоком духовном уровне. И это было важно не только для нашей страны, но и для всего мира. Можно сказать и по-другому: как страна выстрадала победу, так литература выстрадала военную тему, пройдя свой тернистый путь художественного осмысления исторических событий и человеческих судеб.

Усталость военных и послевоенных лет не могла не сказаться на энергии нации. Несмотря на трудовые подвиги в возведении производственных гигантов, строительстве новых городов в Сибири, произошло постепенное выветривание победного духа в стране, одолевшей сильного и жестокого врага.

* * *

Появление повести «Живи и помни» В. Распутина (1975) сразу же вызвало споры. Одни считали, что дезертир не может стоять в центре истории из военных лет, другие на встречах с автором задавали вопрос: так ли уж виноват Андрей Гуськов? Если бы после госпиталя ему дали отпуск, на который он имел право, и если бы дом не оказался рядом, он бы не совершил побега.

Валентин Григорьевич всегда вполне однозначно отвечал, что Гуськов — не жертва, червоточина имелась в нём самом, и что в военное время нельзя отделять себя от народа. В письме Алексею Звереву по поводу его рассказа о пылкой любви, преодолевшей всё, в том числе и дезертирство, Распутин упрекает автора за симпатию к герою и героине. «Я не могу принять рассказ по его позиции, —

пишет он. — Любовь, которая преодолевает, лучше сказать, бежит от фронта, от войны, наверное, всё-таки преступная любовь, какой бы горячей она ни была»³.

Можно привести и ещё одно любопытное свидетельство — о диспуте в Ангарске в 1976 году, где в литературном клубе «Свеча» обсуждалась повесть «Живи и помни». Об этом рассказывает в своей книге «Кубик Рубика» организатор клуба Инна Фруг, врач и литератор. «Хотя диспут был интересным, долгим, горячим — ни к чему не привёл. В том смысле, что автор, сжав губы, устремив куда-то вдаль свои чёрные жгучие глаза, стоял на своём: Андрей плохой, очень плохой, и не зря чуть ли не превращается в животное...»⁴.

В этом диспуте подробно описан спор одной из читательниц с автором, его трактовкой образа дезертира Гуськова. Чего мы не наблюдаем сегодня. Сегодня спор идёт между критиками в толковании текста, зачастую без учёта не просто мнения писателя и его мировоззрения, но и, что самое главное, без учёта характера героя, логики его развития, заложенной писателем изначально. Вместо несогласия с автором возникает несогласие якобы в прочтении текста, что уводит спор совсем в другую плоскость. Всякий имеет право не согласиться с автором в изображении героя или события. Надо только сказать об этом прямо и не забывать, что всякий имеет право также и согласиться с автором! А не пытаться через «более правильное прочтение» переиначивать смысл произведения.

Вообще стало трудно опровергать какие-то очевидные вещи после того, как в литературоведении появилось особое понятие текста, который рассматривается как нечто самодовлеющее и может толковаться в отрыве от авторского «я» с его мыслями и чувствами. По сути, открылась возможность ловить писателя на слове. И такое произошло однажды с Распутиным, когда на съезде депутатов СССР он произнёс фразу, из середины которой нашлись охотники вырвать слова: «...а может быть, России выйти из состава Союза?..» Эти слова ему дорого стоили. Даже четверть века спустя продолжает звучать в адрес писателя упрёк в призыве к развалу Союза. Никто из упрекавших почему-то не приводит ни предшествующего «... я размышляю: а может быть...», ни вывода из размышлений: «А лучше всего вместе бы нам поправлять положение. Для этого сейчас, кажется, есть все возможности». В искажении смысла высказывания легко убедиться, если заглянуть в стенограмму выступления писателя 1 июня 1989 года в Интернете.

Примерно то же произошло с повестью «Живи и помни», когда в перестроечное время появились статьи в защиту Андрея Гуськова, с обвинением тоталитарного советского режима, беспощадного к человеку. Поскольку они продолжают появляться, придётся ещё раз ненадолго вернуться к этой повести⁵.

Оправдание Гуськова нельзя признать правомерным даже и по логике самодовлеющего текста. Приводить подробные доказательства не входит в задачу этой статьи, да они и не нужны, сошлюсь лишь на один эпизод.

...Начало войны. Пароход увозит призывников из родных мест. Проплывая мимо Атамановки, мужики начинают кричать, чтобы их услышали на берегу, и в ответ им тоже закричали, замахали платками. При виде этой сумятицы «он (Андрей) почему-то готов был уже не войну, а деревню обвинить в том, что он вы-

³Цит. по: Тендитник Н. Ответственность таланта // Тендитник Н.С. Мастера. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1981. С. 79. (Из архива А.В. Зверева.)

⁴Фруг И.Л. Кубик Рубика : Иркутск, 2005. С. 98—104.

⁵См. об этом : Фокин П.Е. Наследник по прямой. Достоевский и Распутин // Валентин Распутин. Правда памяти : материалы Всерос. конф., посвящ. 80-летию со дня рождения В.Г. Распутина. Иркутск, 2018. С. 139—151.

нужден её покидать». В нём вызревает обещание, о котором помнил все годы. И «со взывавшим недобрым упрямством он вслух пообещал: «Врёте: выживу. Рано хороните... Уж с вами-то ни черта не делается — увидите»⁶. Это «выживу» и толкнуло его к дезертирству.

Распутин, разумеется, не рисовал характер односторонне. Не заведомый предатель, Гуськов «воевал как все», «поперёд других не лез, но и за чужие спины тоже не прятался», то перебарывал страх, то поддавался страху — особенно когда «ясно начал проглядывать конец войны» и хотелось уцелеть. Просто той меры самоотдачи, которая была отпущена ему, оказалось мало, потребовалась очень высокая — сверх меры. И он не выдержал последнего испытания, не дотерпел, не додюжил. И стал бедой для родных, и не догадался, что поставил Настёну в безвыходное положение. Потому что для неё было важнее не «выжить», а «стыдно жить». И это главный конфликт «Живи и помни», и он лежит в сфере духовной. Переводить его в социально-политическую, которая есть вторичная, зависимая от духа сфера, означает ограничивать масштаб повести, не учитывать её главного смысла.

В сущности, здесь могло и не быть трагедии. Если бы Андрей Гуськов не сломался после совершения побега, а был последователен в своём выборе. Ты хотел выжить — выживай, прячься и дальше, уходи туда, где тебя не знают, меняй имя, выбирай момент, когда объявиться, или не объявиться никогда, и т. д. Побереги Настёну, старых больных родителей. Настёна не выдаст, даже скроет твоё отцовство.

Исчезнуть — был бы, по крайней мере, мужской поступок, и он вызвал бы больше сочувствия к оступившемуся, но заплатившему сполна за свою минутную слабость человеку. Гуськов такого выхода не рассматривал⁷.

Разумеется, в этом случае была бы преуменьшена глубина огромного бедствия страны не только в связи с войной, но и в связи с качественными потерями, понесёнными мужской половиной народа в почти непрерывных катастрофах всей первой половины XX века. Потому у Распутина — героини, а не герои: его знаменитые старухи (все вдовы!), а также Настёна, Галя Позднякова, Тамара Ивановна, — мужья которых сравнения с жёнами не выдерживают.

Второй пример снижения победного духа — это широко известное мнение всенародно любимого писателя В.П. Астафьева о том, что Ленинград надо было сдать врагу, чтобы сохранить жизнь блокадников.

Мы дожили до того, что уже можно ставить вопрос: а не надо ли было сдаться на милость Гитлеру в самом начале его нападения? Интересно, как бы разделились голоса? И где бы мы были при первом варианте? Не исключено, что до сих пор бы воевали за освобождение от колониального рабства. Да и негоже нам, ныне живущим, говорить, что погибшие погибли напрасно. Они ведь и за нас погибли...

Так же странно выглядит название последнего романа Астафьева «Прокляты и убиты» (1994), которое родилось из фразы, приведённой в тексте: «Все, кто сеет на земле смуту, войны и братоубийство, Богом прокляты и убиты». К кому относится проклятие, если речь идёт о войне оборонительной, развязанной иноземными захватчиками? Догадок было высказано немало. Из самого же текста ясно: цена Победы назначена писателем самая высокая. В неё включено всё: помимо ошибок

⁶Распутин В. *Живи и помни* : Повесть, рассказы. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1978. С. 18–19.

⁷Подобный этому поворот в сюжете видел В. Астафьев в письме В. Распутину: «Твоей Настёне с ребёнком, да вместе с мужем затеряться было в любом леспромхозе — тьфу! раз плюнуть». Но это была бы уже повесть не про Настёну, которая, по словам автора, не послушалась его и нарушила его замысел, когда покончить с собой предстояло Гуськову, а не ей. Астафьев В.П., Распутин В.Г. *Просто письма... М., 2018. С. 2.*

командования и бесчеловечного отношения к солдату — все потрясения начала XX века: революция 1917 года, Гражданская война, раскулачивание, отпадение от православной веры. Они извратили душу человека, сделали её греховной. За что и настигла расплата — посланная свыше новая жестокая война. Список грехов почему-то не был продолжен в другую, дореволюционную сторону, где были и войны, и Смутное время, и церковный раскол — тоже насада для души...

Критики отмечали большую долю натурализма в картинах этого романа. Действительно, тяжёлого так много, что невозможно представить, как люди, пройдя такое, могли, были способны радоваться победе! А ведь радовались! Именно эта радость, этот дух Победы и дал народу силы залечивать раны, восстанавливать разрушенное.

Касаюсь «Проклятых и убитых» не в осуждение писателя-воина, защищавшего страну на поле боя и принявшего на себя все её тяготы. Ему возразил в письме его друг, тоже писатель-воин, Е.И. Носов⁸. Но мы-то сегодня уже осознаём, что война была многоликой, и много правд в ней слилось в одну: правда солдатская и правда командующих фронтами, правда лейтенантская и правда военных корреспондентов. И были разные взгляды у очевидцев сражений и тех, кто изо дня в день шёл под пулями.

Примеры приведены лишь как показатели вытеснения победного духа духом сомнений, колебаний — так называемой рефлексией.

* * *

Надо заметить, мы как-то трудно осмысливаем реальность, долго вырабатываем стратегию страны в мирное время. Зато поиск правды в прошлом, нравственные оценки правления вождей и царей стали в некотором роде навязчивой национальной идеей. Мы спорим о Сталине, Николае II, Петре I, Иване Грозном, реформаторе Столыпине, якобы извлекая опыт. Но результатов не видно. Вместо того чтобы с уважением отнестись к истории, учесть провалы, но и не забывать о победах. Нельзя опираться на бесконечное перебирание горестных страниц — это не даёт духовной силы для свершений.

При всём при том мировая политика развивается по своей логике. Давно уже ясно: государство можно разрушить без применения оружия — перестроить сознание населения методом информационных диверсий извне, если им нет противостояния изнутри. И вот новое вероломство, такое же неожиданное, как внезапное нападение в 1941 году, как отказ Европы и США принять новую Россию в 1990-е годы, — массированный пересмотр истории Второй мировой войны и сведение на нет заслуг СССР в победе над фашизмом. Наш опыт переживания, осмысления войны как противоестественного явления отброшен прочь западными политическими элитами, поскольку не совпадает с их интересами. Включая даже страны-союзницы, выступившие в войне на стороне СССР.

Мы потеряли победный дух, потеряли свой миф о могучей державе, о граде Китеже, Беловодье, Святой Руси, миф о социализме и коммунизме как единственном выборе человечества.

Каждый народ пишет свой миф. И это не сказка, а сокровенное представление народа о себе, утверждение своей значимости среди других народов. На наших глазах создаёт новый миф Украина — о том, что древние укрывали в историю

---

⁸См. об этом: Астафьев В.П. Собр. соч. : В 15 т. Т. 15 : Письма 1990–1997 гг. Красноярск, 1997–1998. С. 148.

человечества небывалый вклад. Можно смеяться, но в этом нация черпает силы, чтобы преодолевать трудности на своём пути. И победный дух будет востребован до тех пор, пока существуют границы между странами. А они в ближайшее время вряд ли будут отменены.

Чем ответил народ России на попытку отнять у него Великую Победу?

Ответил Бессмертным полком. Он зародился в заснеженной сибирской глубинке, в городе Томске в 2012 году. Поклон Томску!

Россия подняла над собой лики предков, победителей и жертв вместе, как щит, как последний заслон от вновь грянувшей напасти. Хотелось бы надеяться, что это стихийное и мощное движение не выродится в формальность или, чего доброго, в шоу, уж лучше пусть уйдёт в те глубины народного духа, из каких и пришло.

* * *

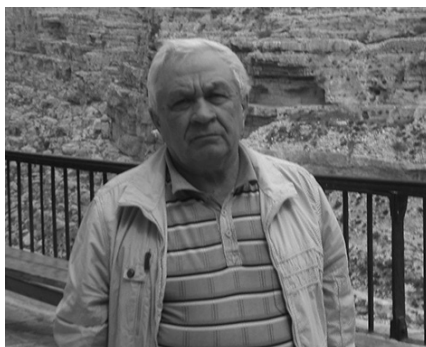
XXI век принёс постсоветской России новые тревоги. Конкуренция между странами не ослабевает, несмотря на перемены в общественно-государственных устройствах. В таких условиях необходим духовный подъём народа, опора на лучшее, что можно извлечь из прошлого.

Русская литература сказала своё слово о Великой Отечественной войне. Книги выдающихся писателей второй половины XX века стали классикой, потому что в них сохраняется духовно-исторический опыт народа, выдержавшего небывалые испытания.

Но и суворовскую «Науку побеждать» забывать не следует.

Надо только прибавить к науке побеждать на поле боя науку побеждать на поле мирного труда. Выработать её сообща и воплощать в жизнь. И тогда литература будущего непременно запечатлеет путь восхождения на новый холм Славы необыкновенной и удивительной страны России! Пафос уместен.

ВАЛЕРИЙ СКРИПКО

Журнал «Сибирь» — хранитель народного духа

Журнал «Сибирь» был основан девяносто лет назад. Первый номер вышел в 1931 году и назывался «Будущая Сибирь» (1931–1935), затем не менее пафосно — «Новая Сибирь» (1936–1957), «Ангара» (1958–1970) и только потом — «Сибирь». Через многие годы стало ясно, что Сибирь-матушка не «новая» и не «будущая», а вечная, как она задумана Богом. Понять и полюбить её может только много проживший сибиряк, который в наши дни стал самым ярким героем рассказов и повестей, опубликованных в этом иркутском журнале.

В истории литературной Сибири были символические моменты, о которых стоит рассказать читателям новых поколений. В 1957 году на строительстве Братской ГЭС бурильщиком работал будущий **писатель Леонид Бородин**, который много лет жизни отдал политической борьбе. У него немало произведений в прозе, которые широко известны в нашей стране. Но писатель не стал «певцом» великих сибирских строек. Лишь в 2019 году журнал «Сибирь» опубликовал его рассказ о советской девчонке, свято верящей в социализм и его безграничные возможности. Леонид Бородин, выйдя на волю, уехал в столицу, где позже возглавил журнал «Москва».

В Приангарье остался другой Бородин — будущий писатель из Забайкалья, у которого, в отличие от Бородина столичного, фамилия начиналась с приставки «**Бай**», что в переводе с тюркского означает *богатый*. В этом было нечто

СКРИПКО Валерий Иванович, 1948 года рождения. Окончил юридический факультет Иркутского университета. Много лет работал юристом по гражданским делам. Участник сборника «Стихи по кругу» 1990 г., Восточно-Сибирское книжное издательство. Постоянный автор журнала «Сибирь», г. Иркутск, с 1986 года (опубликованы десятки работ по разделам поэзия, публицистика и литературоведение). Постоянный автор московского журнала «Природа и человек. XXI-й век» (с 2000 года). Неоднократно печатался в московских журналах «Наш современник», «Москва», в красноярском журнале «День и ночь», в «Литературной газете» и газете «День литературы», в газете «Российский писатель», в журнале «Берега» (Калининград). Лауреат литературной премии «Русский позитив» в разделе «Критика» за 2013 год. (Учредители: Российский фонд мира и журнал «Москва».) Лауреат литературной премии 2018 года в разделе критики и литературоведения газеты «День литературы». Живёт в городе Минусинске Красноярского края.

промыслительное — ему были открыты дороги, селения Восточной Сибири для изучения народного языка и сибирских обычаев, обрядов, поверий. Для него были родными и близкими коренные жители Забайкалья — русские и бурятские сибиряки, и староверы, сохранившие трехвековую народную этику и эстетику. Поэтому фамилия писателя закономерно звучала как «Богатый Бородин», или сокращённо **Байборodin!**

В 2017 году Анатолий Григорьевич Байборodin стал главным редактором журнала «Сибирь». С первых номеров под новым редакторством на страницах «Сибири» появились разделы «Слово», «Хрестоматия», «Скрижали истории», «Радоница», «Вернисаж», «Сумочка к ребру», со множеством глубоких и интересных материалов.

В разделе «Слово» — великие сыны России: святитель Иннокентий, апостол Сибири и Аляски, героический генерал-губернатор Николай Муравьев-Амурский, без единого выстрела присоединивший Дальний Восток к России. Подлинным откровением стала публикация двух знаменитых речей И.В. Сталина по поводу окончания Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Это событие — на века, и слово о нём — тоже на века!

Широк и разнообразен круг славных имён наших классиков **в разделе «Хрестоматия»**, где содержание выстроено так искусно, что начинаешь видеть по-новому творчество выдающихся русских писателей. В 2019 году сей раздел открыли письма **Н.В. Гоголя** из знаменитой «Переписки с друзьями». Материал называется «**Обращаться со словом нужно честно**», что звучит как клятва и закон творчества для всех литераторов. В своей «Переписке» Н.В. Гоголь продолжил дело, начатое историком Н.М. Карамзиным — попытался возродить в народном сознании основы патриотического мировоззрения, которое опирается на Православие и народную этику. Правда, усилий одного великого писателя и одного великого историка оказалось мало, чтобы на необъятных просторах России «повернуть мозги» наших «западников» в сторону родного «Русского Мира»!

«**Слово о Пушкине**» **С. Уварова** в разделе «Хрестоматия» так и назвали: «**Здесь русский дух**». Лучшие образцы прозы здесь — описания путешествий по нашим южным губерниям в конце девятнадцатого века писателя **Николая Лескова**. Из номера в номер в «Хрестоматии» публикуются истинные образцы русской поэзии и прозы: стихи А. Пушкина и Д. Давыдова, рассказы **Л. Леонова, М. Шолохова, В. Астафьева, Ю. Бондарева, Б. Шергина, В. Шукшина**.

* * *

Чтобы народу возродиться, ему нужна беспощадная правда о самом себе! — сказал в одной из лекций наш современник, мудрый учёный Андрей Фурсов. Для большинства представителей российского среднего класса, чаще всего, важнее всего ИХ потребности и желания: остальным гражданам они оказывают самые разные платные развлекательные услуги во всех жанрах литературы и искусства; а также — медицинские, педагогические, и великое множество иных. К этому молодёжь начинает привыкать... И не только та, которая принадлежит к среднему классу.

Соблазн велик. Хочется читать то, что «тешит» ненасытную гордыню. *Поэтому читают в основном акуниных и улицких, быковых и донцовых. Об этом с горечью писала в отклике на мой обзор одного из номеров журнала «Сибирь» пре-*

подаватель литературы Н.В. Гайворонская. Она убеждена, что «в результате процесса расчеловечивания из нашей молодёжи вырастает огромное количество уродов, а в лучшем случае пустышек».

Но я допускаю: некая самая лучшая часть души у многих молодых наших сограждан наверняка скучает от того, что нет от людей искреннего одобрения в дни успехов и удач, нет искреннего сострадания во время бедствий. Эта «социальная» подпитка нужна всякому человеку, нужна и нам, представителям «Русского мира», как воздух и вода. Серьезные социологи предрекали возврат человечества к религиозности, а посему и в России неизбежен возврат к православной духовности.

Коллективная душа народа еще должна очнуться от потребительского угара, о чем с верой и надеждой пишут авторы журнала «Сибирь». Почти каждая повесть или рассказ в журнале — попытка героев преодолеть зло человеческой природы, испорченной первородным грехом. Русский человек наиболее полно раскрывается как личность лишь тогда, когда воспринимает любую деятельность в российском обществе как СЛУЖЕНИЕ ЛЮДЯМ.

Иными словами, здесь важнее всего духовная составляющая: Богом подаренное желание делать добро ближнему и обществу, и быть от этого счастливым. Философская основа данного целеполагания отрицает эгоцентризм в принципе. Этого решающего свойства характеров людей восточно-славянского типа очень часто не понимали наши идейные противники, воспитанные в традициях иудаизма или протестантско-католической этики. В литературном творчестве мы использовали одни и те же понятия и образы, но каждая сторона вкладывала в них свой смысл!

Всем «западникам», «демократам», русофобам, желающим переделать нашу жизнь «под себя», хочется сегодня сказать: не лезьте своим злым, беспощадным умом туда, где правит великое чувство духовного содружества, не пытайтесь с кругозором эгоцентриста-лавочника критиковать огромные исторические духовные процессы в российской жизни. Ваш убогий рационализм только всё испортит!

Во всех обильно обеспеченных финансами редакциях и телестудиях потомки «просвещённых критиков» исходят желчью по символам и национальным идеалам великой России.

Ход нынешних идеологических сражений за культурное будущее России часто освещается в «Сибирь». Особенно горячо его обсуждает писатель **Лидия Сычёва** в своей статье под названием «**Гей, культура**» (№ 4, 2020 г.) Автор приводит мнение одного театрального продюсера: «*Культура должна выполнять функцию поставщика смыслов, идей, проектов, сценариев, планов, апробаций. Чтобы вопрос разрешения однополых браков обсуждался в парламенте (как это происходит в Европе), его нужно поднять на территории фильмов, спектаклей и книг*».

Театральный продюсер и другие сторонники неограниченной «свободы самовыражения» в искусстве словно забывают или сознательно замалчивают истину, которую им убедительно доказывали еще преподаватели в университетах: философия является основой культуры, её стержнем, её вектором в одном из двух направлений — либо к одержимому бесовскими страстями эгоизму, либо к соборности и к Богу! Третьего вектора в мире не существует!

* * *

Созданию настоящей народной литературы как культурной среды для сибиряков и всех российских читателей служат многие повести и рассказы, опубликован-

ные в разделе «Проза» журнала «Сибирь». За последние три года в нём были представлены талантливые литераторы самых разных возрастов и поколений, что позволило создать яркую панораму жизни страны.

Век двадцатый представлен в журнале произведениями писателей, широко известных в России: **Валентин Распутин**, **Владимир Личутин**, **Владимир Крупин**. В журнале всегда есть место и для ярких работ талантливых сибирских прозаиков: **Алексей Зверев**, который запомнился рассказом «Как по синему морю», **Глеб Пакулов** — рассказ «Гунн». **Олег Слободчиков** — главы из романа «Первопроходцы».

Внимание читателей привлекут рассказ из повествования «Белый голубь на колокольне» **Михаила Щукина**, рассказы **Лидии Сычёвой** «Твой день» и «Шиповник», рассказы **Елены Чубенко** под общим названием «На море-окияне».

Прозаикам сейчас трудно. Великое множество наших сограждан, испорченных всеобщим прагматизмом окружающей действительности, в себя, в свою душу вглядываться не хотят, и писателям мешают это делать, в том смысле, что искренность, открытость не приветствуется. Духовная атмосфера такая образовалась в обществе. Проявляются элементы социального расизма. *Часто просыпается в сознании наших обеспеченных «среднячков» та тульская дамочка из высшего света, которая на реплику Льва Толстого о том, что у рабочих нет хлеба, посоветовала: ну, пусть тогда едят пряники... (из Дневника писателя).*

У прозаика сегодня есть, по сути, только одна из двух главных творческих целей: либо развлекать читателя-эгоцентриста «занятыми» историями, либо заставить думающего человека еще глубже задуматься: как изменить себя, своё отношение к жизни, чтобы обрести покой и благодать Божию. Вторую цель ясно поставил перед собой **Михаил Попов** (*Сибирь № 1, 2019 г.*) в повести «**Красно Солнышко**», где изображён воин князя Владимира, крестившего Русь. Поступил воин в княжеское войско обычным наёмником-язычником, а потом крестился и стал настоящим другом князя. Спасал его, как родного брата, невзирая на смертельную опасность. В этот момент Князь не узнал прежнего язычника, и был поражён его невиданной прежде чуткостью. Писатель Михаил Попов в коротком повествовании показал нам новое качество личности, новое духовное наполнение. Это принципиально иной взгляд на существо человека, на смысл его существования.

Одним из лучших произведений о любви в разделе «Проза» можно признать рассказ **Юрия Баранова** «Казанова». Автор удивляет искренним сочувствием незавидному герою, которому досталось жить «около» красавицы-жены, и сопровождать её по жизни. Тему страдающего от своей заурядности героя прозаики с давних времён обычно не любят, её даже боятся, особенно в наше время. А как же иначе? Читателя должен вдохновлять удачливый и сильный! В рыночные времена тем более неуместен безрассудный романтизм чувственных переживаний. В интимные отношения между мужчиной и женщиной, особенно среди особой обеспеченного среднего класса, постепенно возвращается языческая грубая простота. Писатель Юрий Баранов не хочет примитивной простоты. Он присмотрелся к неудачнику, пожалел его. Своими рассказами писатель убеждает: в наше сознание надо проникать сердцем, чтобы узнать, как и чем его лечить! А вылечить можно только любовью к человеку.

В рассказе «**Последний полёт**» **Юрий Баранов** нашёл удачный приём показа жёсткого идейного столкновения между православным человеком и радикальным

ислаμισмом. Лишь недавно в России начали осторожно проговаривать эти жизненно важные темы. А решать их всё равно придётся.

У сильных личностей натура всё время в поисках, борьбе и становлении. У слабых — в вечной инфантильности. Наглядный пример — Пашка из рассказа «Пашкина душа». («Сибирь, № 2, 2018 г.») Автор рассказа **Владимир Шавёлкин** по профессии журналист. Наверняка он встречал много подобных своему герою людей по всей Сибири: каждый из них по-своему хорош, и по-своему плох. И у каждого, как говорится в рассказе, «своя философия». Воспринимаешь такого героя как «своего в доску» приятеля, но, грешным делом, думаешь: ну ведь несуразный он, слабый!

А ведь по Сибири трудится день и ночь столько других справных, хозяйственных мужиков, которые и дело знают, и выпивают умеренно и редко, без приключений. У настоящего сибиряка, как в зимовье у доброго охотника, в душе есть всё необходимое для выживания: негибкая воля, совесть, сострадание, порядочность. В жизни мы встречаем их, но в литературе до сих пор действует какое-то наваждение: если герой — оригинальная личность, то обязательно слабый, если деловой, то обязательно чем-то читателя расстроит. Так и хочется призвать: дорогие писатели, есть требование времени — счастливые финалы! Мы не возродим нашу любимую Россию на одной критике и одном недовольстве своим положением.

Долой уныние! Будем дерзкими оптимистами, как нефтяники, герои рассказа **Александра Смышляева «Кони»**. «Закваска» у них, по всем приметам, еще от добрых советских бабушек и дедушек и православных предков. Рискуя жизнью, карьерой, техникой, вертолётчики спасают заблудших коней. Растревоживший нефтяников немой зов животных о спасении по своей сути — явление Божеское. Если еще есть в нас чуткий орган восприятия чужой беды, мы не безнадёжны.

Чаще всего герой произведения становится положительным человеком после того, как «наведёт порядок» в своей голове и в душе. Лучшим духовным организатором в данном деле для многих из нас является христианская вера. Убедительно об этом пишет **Людмила Листова** в коротких рассказах, опубликованных в «Сибири» три года назад. Автор поставил цель показать на реальных событиях, как герой пересматривает взгляды на жизнь, как он начинает укрощать в самом себе агрессию гордости, эгоизма и всех других «тёмных страстей!» Часто это ещё первые проявления нового мышления и чувствования.

Всё есть в русском человеке как потенциал, как возможность. И надо помочь ей раскрыться, реализоваться. В одном из рассказов **Людмилы Листовой** озарение к героине приходит, например, при посещении московского Покровского монастыря, где покоятся мощи всеми нами любимой Матроны Московской. Вот как это описано: *«встаю на колени, и, наконец, меня затопляет горячее и отрадное чувство родства, благодарности и любви к ещё вчера неведомой мне родной душе»*.

А вот ещё один герой. Во время молитвы затеплилась в нём жалость, «очнулось» от долгого сна сострадание: *«взгляд его упал на собранное с вечера ведро вишни»*.

— *Не пойду пока на базар. Хватит нам со старухой. Снесу в интернат, пусть ребятки-сиротки полакомятся»*.

Так по крупице, по «зёрнышку» ищут русские писатели христианские мысли и поступки. Пример подаёт сам главный редактор **Анатолий Бабородин в повести «Песня журавлиная моя»**. Из всех представленных в разделе «Проза» произведений за последние три года — эта повесть выглядит самой гармонично вы-

строенной и яркой по художественному исполнению. Героиня повести, замужняя библиотекарша, влюбляется в молодого учителя, и пытается уехать вслед за ним из родной деревни, но потом всё же... возвращается и создает с местным парнем, трудягой, плотником замечательную счастливую, православную семью. Повесть А. Байбородина «Песня журавлиная моя» о жителях деревни, вроде бы о самых земных. Деревня как деревня, народ как народ. Но не ограничился автор лишь описанием, а рискнул «построить другой мир» по примеру Достоевского, а точнее — показать возникновение православной семьи не по названию, а по духу, показать, как входит церковь в жизнь главной героини, словно лучезарный праздник. У воцерковленного человека жизнь становится краше радостными событиями, гармоничнее и осмысленнее.

С точки зрения обычного приспособленца, обывателя, поведение любого верующего, чаще всего, совершенно неразумно, ибо противоречит «здравому смыслу» и понятию о материальной выгоде. На деле оказывается, что, поступая по-христиански, выполняя заповеди Нового Завета, верующий получает в итоге всё, что приносит ему ощущение полного счастья! Это другая модель жизни. Она имеет другие философские основания и другие стимулы для движения вперёд. Царство Небесное внутри нас! И счастье внутри нас. Найдёшь гармонию в душе, всё извне к ней приложится! В том числе и многодетная семья. Таков финал повести «Песня журавлиная моя».

Недавно в «мировой паутине» посмотрел отрывок из многосерийного фильма «Достоевский», где наш православный гений, Фёдор Михайлович, бросил *упрёк представителям российской интеллигенции, которая много говорила, но никогда не участвовала в прямых и текущих делах России.*

Вывод один: надо начинать участвовать, как наш сибирский писатель **Михаил Тарковский**. Он словно внял совету великого писателя Достоевского и решил уехать на постоянное жительство в Сибирь, чтобы «вглядеться» в свой народ со всей пытливостью художника, богато одарённого природой, и попытаться прямо участвовать в повседневных делах таёжного посёлка на берегу Енисея в качестве охотника-промысловика. Когда читаешь его повести, создаётся стойкое впечатление, что писатель на новом месте обнаружил другую вселенную, которая оказалась значительно, интереснее прежней. Это вселенная тружеников!

* * *

Открывая раздел «**Поэзия**» в журнале «Сибирь», читатель всегда вправе требовать от «живописцев» поэтического слова такой же красоты, какой отличается сама натура — природа Сибири! Но сибирский читатель, чаще всего, так сильно Сибирь любит, что ни стихом, ни песней насытиться не может! Здесь сколь лирики не дай, всё мало, всё неполно для великого края.

С годами расцвел на наших глазах поэт, лирик **Владимир Скиф**. Всё вокруг сопутствовало тому, чтобы он стал мастером: дивно поэтичная атмосфера Иркутска, соперничество и творческий азарт среди многочисленных друзей и коллег по литературному ремеслу, светлый пушкинский оптимизм его доброй души в сочетании с сильным характером.

Часто в современной периодике даются подборки стихов с аннотацией, где сообщается, что один автор издал 17 сборников, а другой 20... Но где миры, запечатлённые в тысячах рассыпанных по сборникам стихотворных строк?! Где поэти-

ческие планеты? В этом плане, лучшим примером «особости» и неповторимости творческой личности являлся один из постоянных авторов «Сибири» **Анатолий Горбунов**, поэт есенинского склада, то есть открытый, прямой и крестьянский по натуре. Образность его стихов естественна, и слог музыкален, как в песне! Все эти «лады» и присказки, все эмоциональные повороты услышаны в окружающем сельском народном быте и преобразованы в поэтические строки. Вот фрагмент стихотворения «Зеленая отчизна», посвященного Анатолию Байбородину:

*Ослепший дом. На брёвнах накопъ солнца.
За полем обомшелые кресты.
Как дикий конь, в лугах туман пасётся,
Седая грива льётся на цветы.*

*Напрасно ждёт весёлое остожье
На косовицу ратников своих —
Уставшие, они по воле Божьей
Рассеялись в пустотах голубых.*

Искреннюю, душевную статью в журнале «Сибирь» (№ 5, 2017 г.) посвятил Анатолию Горбунову его друг и тёзка, писатель Анатолий Байбородин. Там есть такие слова: «*Коли поэт не сумел или не смел выйти из народа, добывая в тайге хлеб насущный, то стихи и проза писателя, краснопевца, красная, были похожи на живые беседы у таёжного костра и закатной реки, в заиндевелой зимовьюшке и рыбацьем балагане, у счерневшей и вызеленившей избы и сельской поскотины, в сенокосных лугах и осенних брусничниках.*»

Поэт покинул этот мир в 2016 году, оставив нам в стихах предостережение, чтобы мы, сограждане, обеспокоились возможными страшными последствиями социального расслоения в России.

*Кто зашёлся от криков победных,
Кто зловец притих до поры...
Не помят богатых и бедных
Никакие цари и пиры.*

Трудно объяснить, в чём заключается «сибирскость» поэта **Михаила Трофимова**. Это особый взгляд на краски, звуки, шумы нашей природы, это умение собирать лирические истории, ставшие сюжетами стихов и поэм. Всю эту «стихию» (как пишется в предисловии) Михаил Ефимович «умел организовать в больших поэтических формах». Подборка его стихов в журнале «Сибирь» — это запечатлённый в слове сибирский дух. Нам сегодня не хватает таких поэтов, для которых писать так же естественно, как дышать и петь!

У нас сейчас слишком «рассуждающая» поэзия! Увлечение ею опасно именно тем, что достижения рискованно переоцениваются стихотворцем, уведат его, восхищённого самим собой и своими находками, в мир общих рассуждений. А читателю нужна художественность в её полной форме со всеми признаками живой действительности. По аналогии с театром, зритель не прочь послушать иногда монологи одного актёра, но большинству интереснее всего лицезреть спектакль во всей его красе, со всеми атрибутами драматического действия, с декорациями, с кипящим самоваром на столе.

В журнале представлены талантливые стихи иркутян, и кроме выше помянутых поэтов можно вспомнить **Владимира Гусенкова, Анатолия Змиевского, Александра Никифорова, Александра Кобелева, Михаила Рябикова**. Но «Сибирь» украсили и стихи гостей из разных городов России, среди них и почившие — **Варлам Шаламов, Георгий Кольцов, Михаил Анищенко, Светлана Кузнецова**, и здравствующие — **Владимир Костров, Валерий Хатюшин, Василий Казанцев, Владимир Шемшученко, Александр Щербаков, Сергей Чепров, Нина Ягодинцева, Анатолий Аврутин, Борис Бурмистров** и другие.

Так и хочется от имени старшего поколения сказать в назидание: дорогой мой поэт-современник! Ты хочешь, чтобы с тобой читатель поплакал или посмеялся? Потряси его глубиной лирического образа! Не бойся быть шумным и громким. Вместо издания десятка сборников, собери в кулак всю свою лирическую силу и вонзи в сердце читателя сегодняшнего и будущего одну-единственную строчку, но навсегда, как стрелу небесного ангела, посланного с Парнаса.

* * *

Раздел «Скрижали истории» журнала «Сибирь» даёт правильное толкование исторических событий и верное объяснение деятельности исторических лиц, увы, порой лукаво искаженных в литературе.

В 2017 году новый раздел открыл материал **Татьяны Константиновой** о Святителе Иннокентии (Вениаминове), который духовно окормлял нашу Восточную Сибирь. Тем самым, словно сам святитель благословил журнал на создание нового направления в деятельности издания. В последующих номерах журнал познакомил читателей с другими знаковыми фигурами в истории сибирского края. Самыми яркими материалами здесь были: статья **Юрия Похабова** о своем предке Якове Похабове — основателе города Иркутска, а точнее Иркутского острога, запомнились: интересный рассказ **Людмилы Третьяковой** о великом наследии графа Н.Н. Муравьева-Амурского, статья **Натальи Гавриловой** «Купеческий род Сибиряковых»

Хотим чего-то добиться в будущем, надо правильно оценить и усвоить своё прошлое и настоящее. В этом смысле, значение материалов журнала «Сибирь» трудно переоценить! Как иногда говорят менеджеры издательского дела: у «Сибири» — особый творческий проект! Полный антипод коммерческой, чисто развлекательной литературе.

Недавно на одном из сайтов известный писатель посетовал, что у нас, в России, до сих пор нет государственной идеологии, которая бы предложила большинству российского общества образ будущего. Да, к сожалению, это так. Но у нас есть **народная идеология** в книгах писателей, в умах и сердцах героев произведений, опубликованных в патриотических изданиях, среди которых журнал «Сибирь» является образцом. А народная идеология — суть русское народно-православное мировосприятие и мировыражение.

Добавляет новые «штрихи к портрету» губернатора Н.Н. Муравьева-Амурского и статья **Артёма Ермакова о продаже Аляски Соединённым Штатам Америки**. (№ 6, 2019 г.) Историк Ермаков обладает чутьём на публичную ложь о России в корыстных целях. Автор приводит воспоминания российских историков о Н.Н. Муравьёве-Амурском. Ознакомившись с ними, можно сделать вывод: в мировой идеологической борьбе есть чёткий «водораздел», все люди, по сути, делятся на тех, кто любит Россию, и кто видит в ней только метафизическую угрозу для всего мещанского западного образа жизни.

* * *

Проповедь народной идеологии — **новый журнальный раздел «Лад»**. Название это очень краткое по форме и очень ёмкое по смыслу: впору предположить, что писателю, как и любому нашему соотечественнику, для подлинного счастья нужен «лад» с обществом, с державой, с самим собой. Обрести, таким образом, гармонию с миром поможет очерк **А.Г. Байбородина «Русский обычай»**.

Уже не один год в патриотических журналах и сайтах публицисты и писатели, не забывшие своей «почвы», пробуют обсудить тему о языческом и христианском в народной этике. В лучшем случае, у них получается что-то вроде конспектов лекций для студентов гуманитарных вузов. Тексты насыщены научными терминами. В них часто много полезных филологических знаний, но мало философских обобщений. Специалистам это интересно, но читатели подобные произведения скоро забудут, как часто забывают студенты многие важные аспекты изучаемого предмета, как только сдадут зачёты или экзамены по данной научной дисциплине.

Чтобы православное начало победило языческое в самих основах мировоззрения, оно должно войти в сознание нашего соотечественника в виде особо почитаемых духовных ценностей. А осознать их, как самые главные жизненно важные ценности, нам всем поможет только первичное знание из первичных источников, коими являются древние тексты летописей, списки икон, фольклор, этнография и народное художественное творчество.

В очерке «Русский обычай», рассказывая об утверждении Христианства на Руси, автор писательским воображением воссоздаёт живые картины беспощадных сражений за христианскую веру, ведёт нас путём апостола Андрея Первозванного по просторам Древней Руси. Вместо кратких пустых справок о том времени в интернете, читателю предлагается цельный образ судьбоносных событий, которые онтологически касаются каждого из нас, представителей «Русского мира».

Постоянно «считывая» чуткой душой зашифрованную в образах и символах древнюю информацию о самих себе, мы можем вновь обрести себя. Это глубоко осознал автор очерка. В составленном им **«Русском месяцеслове»** впервые в фольклорно-этнографической, календарной литературе двадцатого столетия церковный и народный календарь были слиты воедино, как и происходило в реальной жизни русского крестьянина. Автор очерка «Русский обычай» отмечает: *«С древнейших лет крестьянин обладал вселенским знанием: ведал природу земную от матери-сырой земли и до божьей коровки, ползущей по стеблю осоки; Из сего благоговейного вселенского знания русский крестьянин породил столь календарных примет, пословиц, поговорок, сколь звезд на Млечном Пути, придав речениям глубинный иносказательный смысл и словесно столь благолепно облачив речения, что взревновали даже Богом одаренные книжные поэты»*.

Для нас, потомков, этот «глубинный иносказательный смысл» — бесценное послание нашему славному восточнославянскому племени о секретах русской коллективной души. Нам нужно научиться его расшифровывать.

* * *

Впечатляет публикациями **раздел «Критика»** журнала «Сибирь». В нём, впервые на моей памяти, словно в назидание для новых поколений, представлен **Н.М. Карамзин**, как великий историк, в котором волей Божественного промысла пробудилось русское национальное самосознание. *«Пусть греки, римляне пленя-*

ют воображение... — писал Карамзин, — но имя русское имеет для нас особенную прелесть: сердце мое... сильнее бьется за Пожарского, нежели за Фемистокла или Сципиона. Всемирная история великими воспоминаниями украшает мир для ума, а российская украшает отечество, где живем и чувствуем...»

Дал Господь такую благодать: среди беспросветной «немецчины» в науке и придворной светской жизни вдруг началось «пробуждение» русскости у некоторых интеллектуалов-русских дворян. Любовь к родному отечеству вышла из сердца и «перенастроила» разум, очистила его от прежних увлечений и беспочвенных фантазий. Подсознание, генная память о коллективном, бессознательном «взбунтовались» именно в Карамзине.

В 2017 году раздел **«Критика»** наиболее полно представил читателям творчество и личность Александра Вампилова. Статьи **Надежды Тендитник** и **Веры Харченко**, посвящённые 80-летию иркутского драматурга Александра Вампилова, полны той свежестью восприятия таланта сибирского самородка, который даётся только его землякам, дышавшим с Вампиловым одним воздухом Приангарья, так же, вместе с ним, глубоко страдавшим от превратностей и сложностей нашей жизни. Журнал «Сибирь» не чурается и острейшей полемики, и в этом смысле образцом являются статья выдающегося русского литературного критика **Юрия Павлова** «О чувстве родины, русофобии, антисемитизме в книге Прилепина «Есенин: обещающая встречу впереди». (№ 4-2020 г.), статьи *шукшинского* кинооператора **Анатолия Заболоцкого** «Памяти Василия Белова. О деревенщиках, совести, семитомнике и юбилеях». (№ 1-2018), «Кому в угоду перелопачивают Шукшина? О книге А. Варламова «Шукшин» (№ 3-2018), очерк **Михаила Тарковского** «Три урока. Русская жизнь и русская литература».

* * *

Раздел «Вернисаж» — подлинное украшение «Сибири». В традициях многих российских толстых журналов представлять художников. Но «Сибирь» традиционно относится к ним с особым почтением: почти в каждом номере рассказ не только о самом сибирском художнике и его работах, но и цветные репродукции их живописных произведений. Статьи рассказывают о дружбе художников с писателями-земляками, ярко показывают окружающий их сложный и прекрасный творческий мир, который никак не назовёшь «богемой».

Читателям запомнятся лучшие публикации раздела: рассказ писателя Анатолия Байбородина о друге художнике **Владимире Кузьмине**; небольшая, но ёмкая по содержанию статья Григория Лазарева о художнике **Карле Шулунове**; очерк актёра и художника Фёдора Ясникова о творчестве выдающегося русского живописца **Аркадия Вычугжанина**. В юбилейный для всей России год **Анна Потапова** рассказала о живописи сибирских художников о Великой Отечественной войне.

* * *

«Образ будущего» нельзя создать из ничего, просто по заказу какого-нибудь богатого спонсора. Образ может быть выведен только из опыта огромной духовной работы всех предыдущих поколений думающих и чувствующих людей российского общества. Этот опыт широко представлен в разделе под названием **«Очерк и публицистика»**.

В опубликованной беседе с Олегом Слободчиковым вдова писателя Пакулова **Тамара Георгиевна Бусаргина** поднимает судьбоносные вопросы нашей духовной жизни. Она спрашивает: *«Что за эти тридцать лет сделало наше государство, чтобы воспитать культурного читателя, зрителя? Мы потеряли не одно поколение читателей, понимающих толк в художественной литературе, поэзии, живописи. А потому надо учиться самостоятельно, отыскивать в куче культуроподобного хлама то, что имеет отношение к искусству».*

Но прежде чем ставить перед собой творческие задачи, деятелям культуры надо определиться: **какую** культуру в России и для **кого** мы создаём? Если буржуазную, на основе эгоцентризма, как философской основы, то здесь наше государство упрекнуть не в чем. Все тридцать лет оно весьма успешно работает в этом направлении. СМИ и учебные программы настойчиво внедряют в общественное сознание культурные стандарты всемирного общества потребления. Большие средства государственной поддержки идут на постановку безнравственных театральных поделок, антихудожественных выставок живописи.

Если мы хотим вернуться к традиционной культуре, то об этом руководителям государства надо заявить прямо и в понятных категориях и тезисах. Надо всегда помнить, что традиционно мыслящего человека «Русского мира», по своему менталитету общинного, открытого, не жадного, трудно переделать в существо, идеально подходящее для рыночного потребительского общества, то есть ценителя материальных благ и эгоиста. При нашем природном максимализме мы доведём эти «рыночные европейские качества» до абсурда и превратимся в некое потребительское стадо, не способное на создание духовных ценностей.

Журнал «Сибирь» постоянно обращается к крестьянской теме в России. Образно говоря, крестьянский мир — основа русской коллективной души. Одна из лучших в разделе **«Очерк и Публицистика»** — статья **Алексея Шорохова** *«Новокрестьянские поэты: исповедничество в слове (о причинах избирательной ненависти к русской деревне и её певцам)».*

Несмотря на скромный объём, статья Шорохова убедительно показывает нынешнему читателю истоки ненависти представителей большевистской власти не только к крестьянским поэтам, но и к самому многочисленному социальному слою в Российской империи, то есть к крестьянству, как к социальному слою в целом. Эта ненависть носит сугубо мировоззренческий характер.

* * *

Приход А.Г. Байбородина к руководству журналом был отмечен и появлением нового раздела под названием **«Радоница»**, то есть **родительский день**. Этим была особенно подчеркнута связь поколений. В новом разделе особо хочется отметить очерк **Татьяны Сазоновой** **«Солнце видела я в отражение росы»** памяти народной артистки России Людмилы Стрижовой. Форма живой беседы актёров с журналистом очень подошла к теме: передать светлый образ недавно ушедшей от нас актрисы, воспринявшей православный дух на генетическом уровне. Рассказ о таких людях в журнале поражает своей сердечностью, от которой мы все уже успели отвыкнуть. Людмила Стрижова не играла роли, а жила внутри своей страны, как духовного понятия, воплощаясь в образы её жителей.

Нам, сибирякам, европейской рациональности Бог не дал. Почитайте любой рассказ или повесть в сегодняшнем журнале «Сибирь», где обязательно показан скрытый или явный романтик. Бывает герой и умный, и сильный, а всё с причудливой. В журнале можно прочитать множество произведений, написанных от сердца, с проповедью любви.

Особенно рельефно разность творческих целей в наши дни высвечивается на литературном фоне публикаций либеральных журналов и книг. Там авторов больше волнует цель быть «модными» по западноевропейским канонам. Три года назад в журнале «Знамя» прозаик Анатолий Королёв охарактеризовал современную прозу как «новые тексты», основные черты которых: *«ирония, вплоть до издёвки, отказ от линейного повествования в пользу перестановки, уход от традиций, отказ от диалога с идеалом и гуманизмом, скепсис по отношению к ходу истории...»* (конечно, речь идёт о прозе либеральных журналов и книг).

Вот чего нам всем стоит бояться, добрые читатели, — очерстветь окончательно без «диалога с идеалом и гуманизмом». «Новые тексты» создают чаще всего жители мегаполисов, где человек вырастает, не питаясь соками матушки-земли. Но тут встаёт поистине гамлетовский вопрос: есть ли потребность в использовании всех богатств нашего исторического прошлого у тех многочисленных российских потомков, которые вынуждены подчиняться требованиям технологического уклада двадцать первого века, жёстким правилам выживания во всемирном обществе потребления?

Реальная жизнь России решительно перемещается в большие города, которые «перемальвают» все наши особенности и всеми средствами пытаются превратить представителя «Русского мира» в средневропейского обывателя с ограниченным кругозором, в основе которого лежит этика протестантизма и философия гедонизма, далёкая от Православия.

Но вопреки мегаполисным принципам эгоистического потребления, русские верят в свой особый *национальный архетип*, в мировоззренческой основе которого любовь к Вышнему и ближнему, к родной земле.

Мы все устали от зла! Авторы журнала «Сибирь» это чувствуют: чтобы спастись от национальной катастрофы, нам надо вернуться к своей православной духовной основе! Эта потребность коллективной души народа чувствуется во всём строе наших будней. Может, нам всем повезёт, и доброта авторов «Сибири» «отогреет» наши сердца, которые ожесточились от звериных нравов российского «рыночного» существования и ужасов либерального постмодернизма в литературе и искусстве.

Приложение:

- 1) «Русские философы, конец XIX, середина XX века. Москва, Издательство «Книжная палата», 1996 год, стр. 283.
- 2) Православная энциклопедия, том 16, стр. 544.
- 3) Исая Берлин. История свободы. Россия. Издательство НЛЮ, 2014, № 4. стр. 443.
- 4) «Новый быт в современной России» (коллективная монография), С.-Петербург, 2009 г. стр. 192.

сентябрь 2020 г.

Радоница

125 лет со дня рождения поэта С.А. Есенина

АНАТОЛИЙ ЗМИЕВСКИЙ

Сергей Есенин

ПОЭМА

1

Смысл понятия «невозможно»
одинаково страшен и стар.
Серёжа, милый Серёжа,
о, как рано ты насмерть устал...

Череду просветлений и споров
одинокó прошёл поэт.
Среди осени — радуги всполох
в тридцать коротких лет.

ЗМИЕВСКИЙ Анатолий Борисович родился 17 марта 1959 года в Иркутске. После окончания средней школы № 7 служил в рядах Советской Армии (Воздушно-десантные войска, Ферганская дивизия). Учился в ИГУ, работал монтировщиком сцены, плотником-бетонщиком, грузчиком, экспедитором, кочегаром, сторожем. В 1991 году стал лауреатом 12-й областной конференции «Молодость. Творчество. Современность». Стихи печатались в коллективных сборниках и книгах, изданных в Иркутске и Москве. Иркутский композитор Ольга Горбовская написала на стихи Змиевского вокальный цикл «Драгоценные слёзы». Автор книг: *Среди божественного хлама* (1996), *Лагерная Русь* (1998), *Звезда Вифлеема* (2001), *Я пришёл из осени* (2005), *Любовные письма* (2010), *В полушаге от звезды* (2012). Член Союза писателей России. Живёт в Иркутске.

Напоровшись душою на грабли
зла и лжи, он не смог устоять:
кровь зари знает каждой каплей,
что его ни за что не поднять.

Подломились колени у яблонь,
смятых тяжестью жуткого дня.
Сыплют снегом небесные хляби
на понурые жерди плетня.

Расцветая в свой срок за оградой,
все цветы отцветают в свой срок,
и не сделает больно саду
увядающий раньше цветок.

У людей бывает иначе:
по тому, кто до срока уйдёт,
хоть один человек, да заплачет,
хоть один вместе с ним, да умрёт.

Босиком прибежавшая утром,
недолюбленная певцом,
в золотые, но мёртвые кудри
Русь заплаканным вжалась лицом.

Обречённо любимая родина —
первый шаг и последний шаг, —
ты прости, страна-недотрога,
если что-то было не так.

Закончил Сергей Есенин
головокружительный бал.
Гроб на белых цепях полотенец
в колодце могилы пропал.

2

В углу — иконы. Выскобленный стол.
Во дворе кусточек маленький
прячется за маменьку,
тянет за подол...
В огороде цветик аленький
стесняется или боится
на грядке чёрную птицу,
греется кот на завалинке,
льётся солнце на вымытый пол.

Всем светло в детстве!
Голубеет распахнуто лён,

маленький мальчик и тоненький клён
растут вместе.
Вечно звездой удивлён,
вечер прилёт на крылечко,
топится в доме печка,
месяц кем-то скривлён,
слышатся ругань и песни...
В углу — иконы. Выскобленный стол.

3

Слава Богу! Кони луну не выпили!
Не дотянулись едва-едва...
Пахнут руки мятой и липами,
травой — родина, и родиною — трава.

Изумлённому детскому взору
открылись тайны небес!
Ветер влюблённым вором
берёзе под платье залез.

Вечером тёплые избы
темень в углах сторожат.
Девки смехом и визгом
пугают на озере жаб.

Смотрит долго на звёзды
подросток в лазурных краях,
гадая светло и просто:
«Какая из них — моя?»

Преуспел в деревенских науках.
Там, где ягоды волчьей яд,
подглядел, как тощая сука
лизала мокрых щенят.

Увидел, как красное сено
мечет в стога заря
и поджигает стены
белого монастыря.

Ливень лужами чавкал,
вспоров облакам животы.
Шептала нежная бабка
про колдунов и святых.

Тучу проткнул над хатами
месяц — коровий рог!
И распустились маками
бутоны зелёных строк!

И голова закружилась,
и разбежались глаза!
С синих ладоней звезда скатилась
лампадой под образа.

4

В исполненье мечты о дыме
сбили цепи с зари лучи,
и набухшее солнца вымя
пламя выплеснуло в ночи!

Сок смородины — вот чернила,
стебель ландышевый — перо!
На рязанских горит кобылах
красностиший его тавро!

В кольца свились пшеничные пряди,
взгляд синей голубых цветов.
Златошвейкам на зависть наряды
есть в котомках босых пастухов.

Раздают они девушкам русым
в сарафанах любовной тоски
звёздных сказок искристые бусы,
лунных песен в жар-птицах платки.

Что для матери смех и забава,
то для сына — сбывание снов:
бредит он самой звонкою славой,
книгой лучших в России стихов.

Впереди и Москва, и Питер,
зыбких замков стеклянный песок;
белой ночи там держит скипетр
недоступный, загадочный Блок.

Светлый мальчик скоро уедет...
Оттого и заплакал дождь,
что совсем недолго на свете
погостит этот славный гость.

Тополей смолистые кроны
встрепенулись вдогонку чуть-чуть,
а промокшие злые вороны
вслед за ним отправились в путь...

5

Поток похвал медов на вкус,
вокруг кричат: — Он гений!

Златая Русь, пастушья грусть —
вот суть стихотворений!

Какой прелестнейший цветок
на фоне роз салона!
Как свеж полынный ветерок
малинового звона
неподражаемых стихов
с румянцем нежным Леля!
Звенят хрусталинками слов
вишнёвые метели...

Вокруг галдят: — Он херувим!
Небесных рощ пичуга! —
не видя смертного над ним
верёвочного круга.

6

Молнией красной небо расколото!
Красное знамя — знамя Христа!
Очи ликуют! — зависла над городом
новорождённая чудо-звезда!

И крутобёдрая дева Свобода,
перешагнув облетевшее платье,
вышла на свет и сразила народы
режущей глаз красотой и статью!

Солнцеподобная дивная дева
переступала проспекты и реки!
Как косяки серебристые в невод,
в руки к ней толпами шли человеки!

В братьев помазаны люди отныне!
Не баррикада булыжною грудой
вскормит страну голубени и сини —
облако вскормит зефирною грудью!

Молнией красной небо расколото!
Красное знамя — знамя Христа!
Над опьяневшим, беспомощным городом
ярко пульсирует чудо-звезда.

.....
Поздно в скрипевших обновкою кожаной
узнаны были посланники дьявола...
Царской семье, второпях уничтоженной,
Бог не помог, допустив небывалое.

Воронам, сыплющимся с крон,
кресты кладут поклоны.
Изрублен русский эскадрон
русским эскадроном.

Взметнулись кони на дыбы,
швыряя ярость наземь.
Туч незабитые гробы
сочатся трупной грязью.

Справляет сытный праздник смерть
с улыбкою острожной.
Кромсая плоть, взрывая твердь,
джин сабель проклял ножны.

С безумным визгом сшибся стон,
как ненависть с любовью.
Рекой кровавый самогон
течёт в постели вдовьи.

Расправы всюду и везде,
родня по разным станам.
Враждой обглоданных костей
не меньше, чем бурьяна.

Свинцом разорванные рты
не молят о спасенье.
На мечь залёгшие в кусты
меняют Воскресенье.

Все большаки запрудил тиф
обозами с оброком.
И над всем этим — словно миф —
стихи и бледность Блока.

Уступок здесь не может быть,
никто не уступает!
Но кто-то ж должен победить,
и кто-то побеждает.

В портах кишаших грозный мат
беспомощен до боли...
Как дождь, обильный звездопад
прошёл над полем.

Над дымом спятившей страны,
над чёрным шквалом
качнулось яблоко луны —
но не упало.

8

Перепуганный свет осыпается с лиц,
реквизирован мир по чекистской инструкции,
и гиенами двух сумасшедших столиц
верховодит шакал революции.

Умолкают один за другим голоса
кучевых облаков зачарованных подданных;
на железный кулак, как девичья коса,
деревенское счастье намотано.

Холодны, как мертвецкой протрупленный лёд,
холм московский, скала петроградская...
Этот холод тебя непременно убьёт,
сделав так, чтобы смерть была адскою.

И пригожей славянкой в ордынском плену
по себе плачет сердце заранее;
не утопишь в любом океане луну,
а в вине не утопишь отчаянье...

Русский поезд в коммуну несётся в чаду,
кожей чует поэт, тьмой за шею прихваченный,
что ему из вагона на полном ходу
очень скоро шагнуть предназначено.

9

Опилась по Европам шнапса
и пошла воплощать сплеча
постулаты косматого Маркса
клика лысого Ильича.

Совнаркома лютого члены,
под сверканье пенсне и гогот
перерезав России вены,
нахлебаться никак не могут.

Изнутри им оплавил темя
нелюдской жестокости сепсис.
В полсвечи рассветляет темень
искорёженный месяц.

Под прикрытьем высокой цели
разоряются с хищным пылом
залы славы, смиренья кельи
чёрной силою с красным рылом.

Ожирели с падали мухи,
загорают трупы на пляже.

Одичавшие кобели и суки
душу чувствуют только меж ляжек.

Поджигатели, ныне зодчие,
кровь свалив на белую гвардию,
на манер матёрых налётчиков
строят лагерную демократию.

На иконах серебряных вытекли
Богородицы очи раскосые...
Русь! Не проще ль, чем всё это вытерпеть,
задавиться своими же косами?!

И как быть теперь человеку
не из кремниевых людей?
Камень к груди да в реку?
Или наган к бороде?

Прозорливое сердце поэта
чем доверчивей и нежней,
тем беззащитней; в стране Советов
он, будучи пьяным, был всех трезвей.

10

Есть тьма поярче блеска звёзд,
есть дни чернее ночи,
и смех — хоть сразу на погост,
и высь — как яма волчья...

— От увлечения вином, —
хихикала богема, —
Есенин тронулся умом
и бьёт в своих поэмах

поклоны то Руси Святой,
то злобным комиссарам;
в нём, бедном, смешан поп с Балдой
и ладан с перегаром.

Хоть и умеет он пленить
лирически и тонко,
плебейских черт не соскоблить
с крестьянского ребёнка.

Другие крыли ярлыком
от имени рабочих:
— Он революцию с быком
случить нахально хочет!

Шуршал заспинный шепоток:
— Одет не на копейку.
Знать, угодить неплохо смог
буржуйкам и еврейкам...

С горчицей пополам халва
налипла на подошвы.
Так шла и ширилась молва
о будущем его и прошлом.

Он, точно рыба на песке,
порвать пытался сети,
на всё тончавшем волоске
вися на этом свете.

Там — ель-шутиха в мишуре,
тут — липу напрочь рубят...
А в декабре, а в декабре
могил копать не любят.

11

Много пьяных в Москве в воскресенье
в проспектованных кабаках.
Говорят, что блудницам Есенин
разъясняет там толк в стихах.

Что в друзьях с ним бандиты и воры,
и на краденое он пьёт,
что подойдет он под забором,
если только ещё живёт.

Расползаются змеями сплетни,
кружат слухи стайей ворон:
он развратник и хлыщ последний,
бросил много детей и жён.

Окрещён дикарём и альфонсом,
с добавлением: сей дикарь
не поэзии русской солнце,
а у входа в трактир фонарь.

Тем, кто мнит, что они без изъяна,
ненавистен души его сад.
Плюйте! Вам ведь ни трезвым, ни пьяным
не суметь, как он, написать!

Вместе с ворохом дел уголовных
слава катится по Москве

о талантливой баснословно
золотой его голове.

Кто смеялся, кто чуть ли не плакал,
видя в нём неприкрытый раздор,
а он жил, словно завтра — плаха
и врубившийся в плаху топор!

Трон сплетя для соломенной Музы
из ромашек и васильков,
превращал он житейский мусор
в самоцветы дивных стихов.

И шутил как-то горько и тяжело
под надорванный всхлип струны:
«Неприлична душа нараспашку,
как расстёгнутые штаны...»

Бьют под рёбра постылые гости,
на груди топчась в сапогах,
и графинов скрещённые кости
вырастают на лбах в рога.

Он всё знал, он всё ведал и видел,
и себя представлял в гробу...
Не Рязань променял на Питер —
на стихи разменял судьбу.

Надорвавшийся песней, как жизнью,
соловей сам себя отпевал:
почерневшие лопались вишни,
пел поэт, ну, а жизнь — доживал.
Безголосым ждать всё интересней:
чем подавится — жизнью иль песней?

Видно, верно насчёт богокнижий
прощельга один заключил:
— Возлюбил как-то ближнего ближний,
а потом взял его да убил.

Нету сил ни кричать, ни драться...
«Добровольца пустите в ад!
Я искусен по части скандальцев
и люблю виноградный яд!

И к тому же стишки сочиняю.
Сам себе господин и раб,
захотите, так тисну про баб,
что чертей друг на друга потянет!

Пусть скорей надо мною молитву
прочитает, кровавый втрое
за счёт пары зеркал на стене,
брадобрей с окровавленной бритвой...»

Невдомёк ни отцу, ни маме,
что его так ломает и душит.
Напишет: «Споткнулся о камень», —
разобьётся на скользких душах.

Он придумал себе Россию —
там был свет. А вокруг был мрак.
Не хватало суков на осинах
после каждой из многих драк.

12

Поникли розы, что не видели от века
свирепее, чем красная, звезды;
сгибаются под взглядом дровосека
садовники и ёжатся сады.

Бесёнок, околавивший груши,
с броневичка про Русский Мир сказал:
— Как Карфаген, он должен быть разрушен!
И он разрушен прямо на глазах.

Ромашки, почерневшие от горя,
впечатались в изгаженный простор.
Как страшен Хам, чумной от алкоголя,
поднявший на Отечество топор!

Об эту пору кончилось святое,
повесился на рее гордый стяг.
Теперь в диковинку участие простое,
обыденны удары просто так.

Чужой мольбы не слышат ныне уши,
Бог — маузер, а Библия — декрет,
и кумачом спелёнатые души
как истину воспринимают бред.

На «счастье», взор смутившее на блюде,
просившим счастья выписан мандат,
и западней захлопнутые люди
за рай покорно принимают ад.

Поводыри всесильем щеголяют,
в тайгу сгоня живность с площадей.

«Рабы — не мы» всем, что в них есть, виляют
пред кучкою безжалостных вождей.

Поникли розы, что не видели от века
свирее, чем красная, звезды;
посечены секирой дровосека
садовники, их дети и сады.

Как серп срезает золотистый колос,
Есенин срезан лезвием петли...
Из дальних лет проник мне в сердце голос,
дошедший глухо — как из-под земли.

13

«Строгий ряд кладбищенских оград,
и не я ль под той могильной кочкою?
Может быть, грядущий мой собрат
доброю меня помянет строчкою...

Серым мясом взрытых площадей
чавкала повсюду рысь советская,
и писал я сказку для людей —
про седую душу, хоть и детскую.

Я слабел, а мой талант крепчал.
Русь — моя единственная Персия!
Муза потакала мне, шепча:
— Ах, какой же ты, Серёжка, бестия!

Где мой стол был, где была кровать,
важно ли, когда она мне смолоду
позволяла с облаков срывать
спелых звёзд лирическое золото.

Но не зря мне снился чёрный сад
и последний стих с кровавой точкою...
Может быть, неведомый собрат
доброю меня помянет строчкою.

14

Я с Музой шёл, и, словно валуны,
вздымались мостовые под ногами,
и бледный свет пригашенной луны,
не отставая, следовал за нами.

Я поверял Христу мои мечты —
сугубо вздор, никчёмный и неважный,
и вздрогнул, с недоступной высоты
услышав отзыв — гулкий и протяжный.

Из тьмы, сменяясь, лики проступали,
но уловить не мог я смысла слов
в невнятном бормотанье голосов,
исполненных провидческой печали...

Мгновенно и без всяких объяснений
ушли Святые. В венах плавал зной.
О чём шла речь? О случае со всеми?
Или о том, что будет лишь со мной?

15

На земляничник наступил восход
и ярким соком брызнул в щёки неба.
Столпившийся у райских врат народ
не умолял — грозил, стрелял и требовал!

Летел табун наивности людской
на ложный свет по гибельной дороге,
и в этой скачке жеребёнок мой
переломал об лёд чугунный ноги.

Приснившегося Иоанну дня
подробности страшной предстали в яви:
Россию захлестнувшая резня
приравнивалась к благостной забаве.

Сгибало в три погибели меня,
изранен был я звёздами стальными,
в которых жизни меньше, чем у пня
листвы. Из-под корней густой полыни,

мир не расстроив и не сокруша,
на холод плач пожаловался детский...
Всё тем же, тем же маяется душа,
чем изводился Фёдор Достоевский.

16

Небо в ожерельях звёздных бус
прозвенело над голодною коровой.
Почему, хоть новой стала Русь,
бьют ещё сильнее в живом живое?

Сколько ещё нужно извести
ради их же сытости и счастья?!
Над землёю задница висит,
со светилом схожая отчасти.

Горький весельчак и шалопай,
у пивной мочусь я в морду веку.

На хрена нам всенародный рай,
если в нём нет места человеку?

17

Вино и женщины... В который раз
мне леденит оскоминою зубы.
Сквозь алый дым нетрезво щуря глаз,
заря целует каждого из нас,
так что ж теперь, заре отрезать губы?

Вино и женщины как омут для мужчин,
когда с судьбой им впору разодраться.
Любимых женщин не теряют без причин,
а с нелюбимыми, которым лжёшь в ночи,
нет никакой причины оставаться.

(— Изадора, налей.
— Налю,
если любишь меня!
— Люблю...)

18

Омерзительные улыбки
приглашают в пасть смрадного рва.
С ресторанной содраны скрипки
зазывающие слова.

Неужели даются жизни,
чтоб столкнуться с трупом лоб в лоб?
Кто он, кто он, мой ненавистник,
человек, похожий на гроб?

Мрачный призрак всё знает, всё может.
Проникая и в окна, и в дверь,
ухмыляется наглая рожа
и визжит: — Да здравствует Чернь!

Любит он, нарядившись по моде,
ангелочков пускать в расход...
Он моими ногами ходит,
потому что во мне живёт!

Оттого и решил я спиться,
оттого подохнуть решил,
что, не будучи проходимцем,
проходимцем я в мире жил.

Мрачный призрак — кошмар планеты.
Люди стали бы братством богов,

но на каждом чёрная мета
превращает их во врагов.

.....
Я часто, часто вспоминаю детство
и родное своё село...
Вон он, сука, опять за углом!
Пыль и прах вся моя известность! —
что я против него с пером?

Что я против него с душою?
Он плевком её перешибёт.
Во вселенский впаиванный лёд
забулдыга, ну что я стою?

Ты — тьма! Ты чернее, чем чёрная кошка.
Если б тебя я поверг в борьбе,
в морозную ночь оловянною ложкой
я б вырыл могилу тебе!

.....
Но всё ж просится тихо в сердце,
но всё ж светится каплей воды:
все мы, все мы — единоверцы,
и все лелеем наши сады.

Весеннего солнца крошево
вызывает цветы из тьмы.
Всё равно будет больше хорошего,
если будем хорошими мы.

19

По сердцу как будто водят напильником...
Я одного полоумно хочу:
окропили чтоб синие ливни
живою водой самородок чувств.

Перегнувшись в окно, обняться бы с месяцем,
окунуть в его прохладу лоб,
и не помнить про всю околесицу,
как не помнит лета сугроб.

В час отлёта поздние копны
не заманят назад журавлей.
В душных кельях московских комнат
стал характер ранимее и злей.

Был когда-то я хрупкий Лель,
лил зарю из лиловой свирели,

пронимая людей и зверя...
Но теперь я забросил свирель!

Боль ты, боль моя нестерпимая...
Но отрада мне тоже дана:
пьёт моё молоко рябиновое
обескровленная страна.

Значит... я ей всё-таки нужен?
Стелют зори мне розовый пух.
Ах, какой я, какой неуклюжий!
Ведь любовь — это то, что не вслух.

Я отвечу, отвечу ей тем же,
к бескорыстным прижмусь друзьям.
Ни к чему бриллианты и жемчуг
златокудрым клёнам-князьям.

20

Я про всё написать сумею,
но мне родину дайте писать:
не хочу я под трель канареек,
как под дудку чужую, плясать.

Пусть твердят, что я приторно нежен,
что в стихах на жалость беру,
и что чувства бельём несвежим
в них полощутся на ветру.

Что я пьянство своё не прячу,
что слащаво мусолю тоску,
что Пегас мой — сельская кляча,
обнавозившаяся на скаку.

Одноклеточным клеточным птицам
слёз моих никогда не понять:
птицеловов клыкастые лица
им милей, чем родимая мать.

Дар поэта — как родинок пятна:
дразнит счастьем, но счастья не даст.
Что вам надо? Иль вам неприятно,
что я так не похож на вас?

Я уеду. Сбегу без погони.
На подходе к родному селу
мне Россия на губы уронит
снегом пахнущий поцелуй.

Русь ты, Русь! Мой нательный крестик!
Кос твоих не забыл хулиган.
Я вплету в эти косы песни
бирюзовее розовых стран!

Я вплету в эти косы нежность,
нестерпимую, словно боль...
Смерть, сама по себе, — неизбежность,
но ещё неизбежней — любовь.

И, спокойно вступая в осень,
листопаду, как все, покорясь,
не хочу я скулить о погосте,
надоевшим уныньем давясь.

Есть улада душе успокоенной,
свет свечи не погас у груди:
выздоровливающая родина
потихоньку стала ходить.

Я в надушенных был заграницах,
видел много чудесного там,
но за все мировые столицы
и московский сортир не отдам.

Мне б худое приокское поле,
острый нож мне роскошный Бродвей,
где за доллары барышень голых
теребят за соски грудей.

Жизнь — не рай на старинных фресках,
что по взгляду тоскуют под пеплом.
Наблуждавшись, к родным перелескам
я прижался робко, но крепко.

21

Малину с кустов захода
объел вечера синий медведь.
Говорят, нынче входит в моду
про электричество петь.

Я знаю: сила электростанций —
это мощь и достаток страны.
Но всё же не надо кидаться
камнями в фонарь луны.

Прославляема сталь — и верно.
Позарез нам нужна сталь.

Только чем же белые церкви
омрачают светлую даль?

Скоро, скоро к родимому берегу,
улыбаясь, причалит весна.
Перегонит Россия Америку,
взяв себе в паруса небеса.

Оживут и птицы, и звери —
этим воздухом да не дышать!
Расцветёт наш разрушенный север,
отражаясь в глазах малыша.

Точно лекарь, белой одеждой
куст черёмуховый разодет;
я такой же чистой надеждой
загорелся под тридцать лет.

Стану жить я совсем по-другому,
по-другому стихи слагать.
Наконец-то устроюсь с домом
и не буду Бога ругать.

Иль, влекомый русалочьим зовом,
поселюсь в голубой глуши,
где никто ни рукой, ни словом
не нарушит покой души...»

22

Покачнулись огни в «Англетере»...
Что случилось с тобою, мальчик?!
Кто загнал тебя в эти двери,
чтобы в морг увезти на кляче?

Словно плюнули здесь и растёрли,
словно девушку с воза да в ров.
Русь с ножом в лебедином горле,
отпасла ты своих коров.

Он уже никогда не откликнется,
не пожалится вербе в подол.
Бьётся Смольного в прошлом отличница
головую об траурный стол...

Заклеймённая на собраниях,
о, душа! на беду ты права!
Для распятия Музы заранее
заготовлены гвозди-слова:

«Пахнет сучкой блудливой есенинщина,
пропастиной кулацких собак!»
О, душа ты, избитая женщина,
погубил тебя кожаный мрак.

Мастер допил последнее в кружке,
и, пред тем как взойти на костёр,
из стихов, поразительно русских,
выткал чудный персидский ковёр.

В тот декабрь у проёма оконного
он, наверно, сумел различить
в настоящем и будущем ч ё р н о г о
много больше, чем мог пережить...

Или аспидов стая проворная
влезла в номер сама — задушить?!

23

Перевёрнута навеки кружка,
громыхнул казённый табурет...
«Ты жива ещё, моя старушка?
А меня, родная, больше нет».

Смысла нет с судьбою препираться
и жалеть о пепле и золе;
чтоб о жизнь и смерть не замараться,
надо не родиться на земле.

Как нелеп на липах и рябинах
траур, но приходится, Рязань,
тихо вспомнить обо всех любимых,
тихо охнуть и закрыть глаза.

В грудь хозяину с растерянным упрёком
ткнулся мордой ошарашенный Пегас.
Смерть пришла как будто ненароком,
хоть и годы длился смертный час.

Загодя всё зная про развязку,
вон уже враги несут венки...
Папка со стихами нараспашку
стала фоном для качающихся ног.

Час двенадцатый, он всё-таки пробил,
и на цифре «тридцать» стрелки скрючились...
Кто-то молвил: — Сам себя сгубил.
Кто-то всхлипнул и шепнул: — Отмучился...

Вот и всё. За розовым туманом
изрыгает сажу чёрный дым.
Русь, хранимая беспомощно и рьяно,
сторожем оставлена своим.

Онемели щебетуны сёстры,
головы склонил кабацкий сброд,
и топились в прорубях и вёдрах
звёзды в двадцать пятый год.

Канул в синь красавец златоглавый,
вписанный в поэтов жития,
где при Блоке — блоковская слава,
ну, а при Есенине — своя.

Не прося живущих огорчаться,
ввысь ушли закопанные вниз.
Никому не брошена перчатка.
Ни в кого. Лишь в собственную жизнь.

24

Умер ангел. Взялись коркой
кудри, пышные, как сад.
Больше Музе втихомолку
их на палец не вязать.

С подзаборной бранью прогнан
Бог из красного угла,
и повисла в русских окнах
убивающая мгла.

Сердце пусто не бывает,
снова заняты сердца,
но теперь в них проживают
ненавистники Творца.

В той стране, где был прилюдно
на куски порублен крест,
каждый подданный — иуда,
каждый царь — сановный бес.

От мадонн здесь отказались
в пользу самок под рукой,
но красоткам до красавиц
бесконечно далеко.

За случившееся с нами
нам самим держать ответ.

Есть в стране и гимн, и знамя,
только родины в ней нет.

И слезу платочком синим
Бог тайком утёр в раю,
потеряв в лице России
дочь любимую свою.

25

После похорон горьких Есенина
что ни год — то кисель да блины...
Сколько, сколько песен зарезано —
перерезано горло страны!

Тёр довольненький мумия-Ленин
в мавзолее ладошки, когда
четвертованы были деревни
и расстреляны города.

Над шелками награбленных скатертей
нелюдь празднует дела венец:
За змеиную мудрость пастырей!
За тупую покорность овец!

Привалило России «везение» —
спать с Антихристом в красных штанах.
После смерти Сергея Есенина
просидели мы век на блинах.

Эпилог

Подмигнув васильковым глазом
сдобной деве с медовой косой,
ты взошёл на макушку Парнаса
среднерусскою всей полосой!

И просыпал поэмы с черёмух
на античный седой кипарис!
Пусть взорвут азиатскую дрёму
азиатские страстность и риск!

С орхидейной красой и отравой
пусть рябины смешается кровь,
пусть овеет всемирная слава
безымянных собак и коров!

Раздобыл ты особенных красок
для сердечных своих теремов;
высока ты, вершина Парнаса,
но не выше российских холмов!

Хоть, как в дебрях, ты в юбках и блузах
запутал, многих женщин любя,
за стихи твои, каторжник Музы,
Сам Господь расцелует тебя!

Плачет ветер в берёзовой кроне.
Ты пришёл и ушёл налегке —
словно в сумерках солнечный промельк
пробежал по овражной ольхе.

До свиданья, мой друг, до свиданья!
«До свиданья» не значит «Прощай».
Предвещает листвы опаданье
не пургу, а заоблачный май.

1989 г.

ЕВГЕНИЯ МОЛЧАНОВА

Иван Молчанов — мальчишка из Глазковского предместья

(ПРОГУЛКИ ПО СТАРОМУ ИРКУТСКУ: ПРОЕКТ АЛЕКСЕЯ ПЕТРОВА.
БЕСЕДА ОБ И.И. МОЛЧАНОВЕ-СИБИРСКОМ)

Мы будем говорить о писателе, поэте Иване Ивановиче Молчанове-Сибирском, который является ещё и моим папой. Всю сознательную жизнь он прожил в доме по улице Кругобайкальской (ныне Терешковой), в котором правая половина — наша. Мы жили тут до 1950 года, а потом папе дали квартиру в самом центре города. Один этаж выделили творческим работникам. В доме № 1, по улице Богдана Хмельницкого, получили квартиры поэты Юрий Левитанский, Иннокентий Луговской, писатель Константин Седых, автор «Даурии», директор ТЮЗа Николай Тимофеевич Лысенко и наша семья.

Детство папы прошло в предместье Глазково. Родился он во Владивостоке в 1903 году. Его отец находился там на службе, он был военным моряком, баталером канонерской лодки «Кореец». Вскоре после папиного рождения, в 1904 году началась русско-японская война. Японские эскадры обстреливали город, и мой дедушка Иван Николаевич решил перевезти жену и маленького сына в Иркутск. У папы в повести «Мальчишка из предместья» написано, как к его отцу приходили друзья. Многих из Иркутска призывали на тихоокеанский флот. Папины друзья вспоминали, как маленького Ваню из рук в руки передавали в вагон. Попасть на поезд было очень трудно, тогда многие уезжали с Дальнего Востока. Сначала с великим трудом протолкнули в вагон маму, Анну Ивановну, а потом уже и Ваню.

Детство было у него, как у всех ребят. Зимой катались с горы, на Кругобайкальской улице была сплошная ледяная гора, потому что внизу у вокзала была водокачка, носили воду на коромыслах, проливали её, конечно же, дорога превращалась в голимый лёд. Хорошая горка. И вот они с самого верха катались до вокзала на обычных санках и рулевиках (это сани побольше размером, с рулем и тормозами). К головному вагону цеплялись простые санки до десяти штук, и все катились вниз, иногда встречались препятствия. Папа пишет, как шла там маленькая девочка, почти в самом низу, а навстречу поднимался извозчик. Девочка его не увидела, и они решили упасть прямо на колонку. Оттуда выскочил водопроводчик и дал им хоро-

ший нагоняй, к нему присоединился и городской. Поэтому они решили сменить свой маршрут и стали кататься с Кайской горы уже в другую сторону.

Летом была рыбалка. Рыбачили на Кае. Было столько щук, что можно было поймать их без всяких удочек, руками. Ловили щук, приносили их домой, и матери во дворе на костре варили вкуснейшую уху.

А в роще они играли в «сыщики-разбойники», выжигалу, лапту. Играли, когда девочки появлялись, в фанты и испорченный телефон. Но это, конечно, было не очень интересно, вот почему им нравилось играть в мальчишеские игры, в войнушку.

У отца есть стихи, где он описывает Порт-Артур и военные времена:

*Мы так любили в детстве слушать
Рассказ отца про Порт-Артур!
Пред нами возникала суша,
Форты, глазницы амбразур.
Для нас бессмертною былиной
Вставали дни тревог и гроз —
Сражение на Перепелиной
И Электрический утес.*

*Мы в бескозырках из бумаги,
С любимой песнею «Варяг»,
Сражались яростно в овраге
В пылу мальчишеских атак.
Казалось нам, плескались волны,
А не крапива и бурьян,
И подавал команду: «Полный!»
Десятилетний капитан.*

Ещё они любили ходить к соседу — старичку Степану Александровичу Ячменёву, у которого была одна рука. Вторую руку он повредил во время неудачной охоты, и осталась культя. И он с этой одной рукой делал чудеса: и огородничал, и плотничал, и рыбачил.

Как-то они пришли и увидели, что у него во дворе стоит лодка на колесах. Они очень удивились. Это была велолодка. Старик взял старый ненужный велосипед, приделал колеса к лодке. Ребятишки помогли ему донести её до Ангары. Потом он придумал ещё одно устройство — в лодке пристроил велосипедные педали, а их приспособил к винту. Когда он начинал крутить педали, крутился винт, и лодка двигалась. Таким образом, он добирался до любого места, которое ему нравилось, бросал якорь и рыбачил. И, конечно, мальчишкам нравилось находиться рядом с таким человеком. Они пытались ему помогать, за что он давал всем постругать своим рубанком. У папы есть рассказ под названием «Волшебная рука», об этом удивительном мастере.

На открытке, которую вы держите в руках, фотография нашей семьи. На заднем плане стоит книжный шкаф. С.А. Ячменев сделал нам два застеклённых книжных шкафа (причём одной рукой!). Как он это делал, все удивлялись. Шкафы были сделаны из чего придется, ведь материалов не было — там внизу, например, если открыть дверцу, на фанерке написано: «индийский чай». Шкафы долгое время стояли у нас в доме.

Когда в 2015 г. открылось новое здание научной библиотеки имени И.И. Молчанова-Сибирского (её ещё называют многие «Молчановка»), там задумали сделать музейную комнату. Мы, конечно, не стали жадничать, отдали эти шкафы, пианино «Красный Октябрь», которое папа из Ленинграда привёз. (У нас все дети и внуки окончили музыкальную школу и училище.) Подарили папин письменный стол, два прекрасных портрета, написанных художником Алексеем Петровичем Жибиновым. Это

портрет папы, он сидит за письменным столом, работает, и портрет моих старших сестёр — Нины и Светланы. Ну, и много книг, конечно, с автографами, документы, фотографии. Сейчас эта музейная комната работает, желающие могут сходить и посмотреть.

Когда Ваня подросток, он пошёл учиться в гимназию, после окончания работал помощником слесаря в железнодорожном депо. Там он чинил паровозы и был доволен этой работой.

В начале 20-х годов юный Ваня начал писать стихи, а с 1923 г. его первые поэтические опыты стали появляться в периодической печати. Тогда было создано ИЛХО (Иркутское литературное художественное объединение), куда входили художники и поэты Михаил Скуратов, Иосиф Уткин, Джек Алтаузен, Валерий Друзин, папа, позднее к ним присоединились Елена Жилкина, Василий Непомнящий.

В 1932 г. папа издал свою первую книгу «Покорённый Согдиондон».

В 1933 г. к нему пришли ученики из 6-й школы ФЗД. Они организовали литературный кружок, но им нужен был руководитель, потому что одним было трудно. И они обратились к папе, и он, конечно, согласился. Он был человек удивительной доброты, всегда любил детей, а потому с удовольствием стал заниматься с ребятами. Кружок назывался «База курносых».

Их было около тридцати пионеров в возрасте от 10 до 15 лет. Дети были разных национальностей (буряты, евреи, русские, украинцы, грузины), но дружба у них была прекрасная. И они начали писать обо всём — о своей школьной жизни, отдыхе в пионерском лагере, поездке в Кузбасс. Каждую неделю ребята собирались, читали и обсуждали написанное, а папа краснел, когда видел ошибки, которые они делали. Потом он помогал им редактировать книгу.

Иллюстрации к книге делала одна из «курносых» — Ара Манжелес (которая впоследствии поступила в Ленинградскую Академию художеств и стала скульптором. Кто в «Молчановке» бывал, там на первом этаже стоит бюст папы — это её работа).

Когда работа над книгой была завершена, её отдали в печать, и в 1934 г. она вышла под названием «База курносых. Пионеры о себе».

За эту работу детей премировали поездкой в Москву. Поехали 15 человек, двое вожатых и Иван Иванович Молчанов-Сибирский, который был делегатом 1 Всесоюзного съезда писателей.

Перед отъездом ребята отправили книжку Максиму Горькому. Ехали и ждали, когда же они получат отзыв от него. Как-то, на одной из станций, вожатая Галя Кожевина вышла купить газету. Она вернулась очень возбужденной, потому что в газете «Правда» был портрет Горького и статья «Девочки и мальчишки». Это была статья об авторах «Базы курносых».

Потом все приехали в Москву, ходили по музеям и экскурсиям, и их пригласили приветствовать первый съезд советских писателей. Долго решали, кто будет говорить, выбрали Аллу Каншину, она была самой маленькой, но очень смыслённой девочкой. (Я с ней встречалась в Москве, в 2003 году, когда в иркутском землячестве «Байкал» праздновали папино столетие. Ей было 80 лет. Удивительный ум, прекрасная память).

Ребят посадили где-то в конце зала, и, когда М. Горький это увидел, то сказал: «Это что за безобразия?! Ну-ка, в первый ряд», и все «курносые» расселись в первом ряду. Алла вышла на трибуну и начала свое выступление так: «Ребята!», потому что привыкла разговаривать с ребятами. Все рассмеялись, кто-то захлопал, но она поборола смущение и продолжила своё выступление. После этого они зашли

за кулисы и хотели поговорить с М. Горьким, но там было очень много людей, и он пригласил их к себе на следующий день.

Кроме М. Горького, на этой встрече были еще С.Я. Маршак, Л.А. Кассиль и ещё один детский писатель М. Ильин (псевдоним младшего брата С. Маршака — Ильи), он был менее известным. Были накрыты столы прекрасные, как раз М. Горькому прислали с юга фрукты, стояли громадные вазы с виноградом, грушами, яблоками, бутерброды с ветчиной, колбасой. Они сначала, конечно, стеснялись, но затем с удовольствием поели и поговорили.

И тут Горький спросил: «А где у вас Ара Манжелес?»

И кто-то сказал: «Да вон она сидит, с грушей расправляется».

А он её звал: «Рыжая». У нее были такие красивые вьющиеся рыжие волосы. Он сказал: «Тебе надо обязательно учиться, из тебя получится толк, ты будешь настоящим художником».

Встреча была интересной, дети отправились домой, полные впечатлений, и мало того, он пригласил их к себе на дачу. Ребята приехали к нему, был жаркий день, купались в реке. И потом М. Горький сказал: «Развешивайте свои маечки и трусики здесь». Когда они вошли во двор, то были поражены громадным количеством роз и разных цветов: «У нас так много роз не растёт».

Он сказал: «Хотите розы? Сейчас я позову Соловья».

Оказалось, что Соловей — это фамилия садовника, который выращивал эти розы. И в конце встречи каждый получил по букету роз. А ещё Горький предложил почитать свои стихи, что-то рекомендовал, что-то советовал. Ребята просили рассказать М. Горького о своем детстве. На прощание он подписал всем свою книжку. У нас дома такая книжка хранится, папе он написал «Дяде Ване Молчанову-Сибирскому, хорошее дело делаете, дядя». Ну, действительно, хорошее дело.

«Курносые» дружили всю жизнь. Мало того, когда вернулись в Иркутск, то написали книгу «В гостях у Горького». Забегая вперед, скажу, когда праздновали 50-летие книжки, это был 1984 год, в Иркутск приехали многие «курносые» — из Москвы, Нижнего Тагила, из разных городов. Кто по каким-то обстоятельствам не смог приехать, прислали поздравительные телеграммы. Из всех «курносых» только один — Володя Персиков — погиб на фронте, куда ушел добровольцем, а все остальные, слава Богу, были живы.

И они решили написать ещё одну книжку: «База курносых продолжается», чтобы каждый рассказал о своей жизни, кем он стал, чем занимался. Помог издать эту книгу Александр Иович Гайдай, он составитель и автор предисловия. Получилась трилогия: «База курносых», «В гостях у Горького» и «База курносых продолжается».

У папы всегда были очень хорошие отношения с ребятами. Был такой случай: папа был в командировке в Москве перед началом войны. Весна 1941 г. Ему позвонила Алла Каншина и пригласила на свадьбу. Он сказал, что не сможет, потому что командировка заканчивается, но решил пригласить всех к себе в гостиницу. В Москве тогда были Аня Хороших, Соня Животовская, Галя Кожевина, пришла Алла со своим женихом Володей. И ещё на эту встречу пришёл писатель Георгий Марков, бывший тоже в Москве в командировке.

И папа устроил (как вспоминала Алла) — пир на весь мир. Он был ей как отец, потому что своего отца она лишилась рано, а дядя Ваня был всегда рядом. Иногда они звали его Ивточка, потому что он всегда расписывался «Ив» и точка.

В 1943 г. Алла Каншина вернулась в Иркутск — муж на войне, у неё на руках — маленький сынишка, в Москве трудно жить, и она приехала к маме.

Накануне Нового года папа с мамой (папа был на побывке в Иркутске) пришли к ним домой, принесли какую-то еду, нарядили вместе ёлку, Аллина мама испекла пирог с капустой, и они прекрасно отпраздновали Новый год. Такие отношения у «курносых» были всю жизнь, потому что они были близкими людьми. Даже когда папы не стало, они всегда бывали у нас дома.

Немного про военные годы. С первых дней войны папа служил на Восточном фронте, был корреспондентом. Вернулся он поздно, в 1946 г. Папа не был ранен, но перенес два инфаркта, и война, конечно, плохо сказалась на его здоровье. Едва оправившись после болезни, он снова возвращался из госпиталя в строй. Климат Монголии был губителен для его сердца. Я хочу прочитать вам стихотворение, повествующее об его походах:

<i>О чём ты думаешь, солдат, Взойдя на гребень перевала? Кругом, куда ни кинешь взгляд, Лишь только пропасти да скалы.</i>	<i>Шагаем день за днём подряд, И зной палит нас неустанно. Куда же ты глядишь, солдат, С заоблачных высот Хингана?</i>
--	--

<i>Кругом маньчжурская земля, Хребты её непроходимы... Как далеко сейчас поля И рощи Родины любимой.</i>	<i>— Мне даль таёжная видна, Волна песчаный берег лижет. Там Родина лежит. Она, Чем дальше я, тем сердцу ближе.</i>
--	---

Это стихотворение 1945 года, и ещё одно:

<i>Поднимались на такие кручи, Где никто ещё не проходил. Под ногами проплывали тучи, Друг от бездны друга отводил.</i>	<i>Кухня батальонная в тумане, Тянет провод по скале связист. Русская гармошка на Хингане, Русский на лафете гармонист.</i>
<i>Пот струится. Подниматься тяжело. И орёл пониже нас парит. Спутница солдатская — баклажка — Больше суток без воды гремит.</i>	<i>То она поёт и веселится, То грустит о чём-то в тишине... Русская гармошка за границей, На маньчжурской дальней стороне.</i>

Жара и тяжелые военные переходы подтачивали его здоровье. Но, несмотря на это, он в составе редакции всегда был рядом с бойцами. Он рассказывал, как пешком, в любую погоду, проходил несколько километров, чтобы добраться до воинской части, чтобы своевременно написать очерк и сдать его в свежий номер газеты.

Забота о семье, детях не оставляла его. Он писал письма к маме, своей родной и любимой Витеньке. У мамы полное имя Виктория, но он называл ее Витенька. Он настойчиво просил писать ему о каждом достижении его малышей, каждом новом слове, об успехах в учебе. Его интересовали и бытовые условия жизни: посадка или уборка картошки, получение продуктовых карточек. Особенно папу волновало состояние маминого здоровья, ведь рождение и воспитание детей в военное время — испытание не из лёгких. Переносить разлуку было тяжело, и в 1944 г. мама с тремя детьми получила разрешение на поездку в Чойбалсан, чтобы хоть какое-то время побыть рядом. После прощания ридились строки:

<i>Минуты бешено летят. Пора и нам поторопиться. Перед разлукой невпопад, Не то, что надо говорится.</i>	<i>На ум приходят пустяки, Порой нелеп и жалок лепет, Но помогает дрожь руки, Передавая сердца трепет.</i>
--	--

Очень трогательные стихи, конечно. В семейном архиве сохранилось много писем. Это заслуга мамы, она собирала их, систематизировала, раскладывала по конвертам. Она вообще помогала ему во всем, и печатать помогала, и первым слушателем его стихов была.

Вот письмо из Читы, адресованное сыну Максиму, которому всего три года: «Макулёк, милый мой сыночек, письмо твоё получил и очень обрадовался. Надеюсь, что скоро смогу исполнить своё обещание. Кораблик твой всё гостит у меня, и я часто с ним разговариваю о тебе. Ему надоело лежать в чемодане и хочется скорее играть с тобой. Он все такой же маленький, как и был. Я слышал, что Дед Мороз уже нашел в лесу ёлку, которую скоро вам принесет, а будет она такая пушистая и большая. Мама писала, что ты помогал ей, когда болела баба Аня. Так и надо, молодчинка, моя сынка. Я целую тебя, а ты поцелуй за меня маму, Светочку, Ниночку и бабу Аню. Твой папа»

В этом письме он в первый раз упоминает о кораблике. Наверное, уже в этом возрасте мой старший брат испытывал непреодолимую тягу к морю. Видимо, это объясняется тем, что наш дедушка был военным моряком. Прошли годы, и заветная мечта Максима сбылась: он стал капитаном дальнего плавания, бродил по многим морям и океанам, повидал Новую Зеландию, Америку, Германию, работал капитаном-наставником, передавал свой опыт молодым морякам и, к сожалению, в марте 2019 г. скончался. Так что из всех шестерых детей осталась я одна.

У мамы была дочь от первого брака Нина, она была врачом, 1934 года рождения. В 1939 году появилась Светлана, в 1941 — Максим. Потом был Виктор, подающий надежды математик, учился в МГУ. В 1946 г. родился Владимир, а в 1948 г. — я.

Еще одно письмо маме от 28 декабря 1944 г.: «Здравствуй, дорогая Витенька! Наконец-то я дождался письма. Особенно понравились подробности насчет маленького сыночка. Нужно сделать так, чтобы он не испытывал недостатка в молоке. Видимо, это зависит от того, как питается мать. Если это так, то ты должна сделать всё возможное, чтобы ни в чем не испытывать недостатка. Прошу превратить в молоко сапоги мои кожаные и костюм чёрный. Когда вернусь домой, могу обойтись шинелью и своим обычным обмундированием. Мне важнее всего, чтобы сын рос здоровым и не хилым. Чтобы кормление не отражалось на здоровье, и молока у тебя хватало с избытком. Письмо прочел залпом два раза и в течение дня ещё четыре. Мне очень понравилось описание купания малыша. Представляю, что зрелище было весьма знаменательным и чудесным. Когда-то я смогу любоваться вместе с вами. Расцелуй мою чудесную и ласковую Светлану. Сегодня снова много ходил, писать уже не могу, устал. Сегодня почему-то сильно промерз. Столько километров пришлось идти против сильного и острого ветра. Пришел в баню погреться, там оказалось много народа. Зашел в столовую, и вот сижу над письмом тебе, моя родная любимая Витенька. Сегодня устал настолько, что даже поругать тебя за долгое молчание нет возможности.

Как чувствуют себя ребятишки после болезни? О сынке маленьком пиши тоже всё: когда он начнёт улыбаться, когда начнёт узнавать вас. Хочется, очень хочется поскорее увидеть и расцеловать вас. Посылаю стихи деткам:

Малышам моим

*Елочку кудрявую украшайте, детки,
Лампочки, игрушки вешайте на ветки,*

*Наряжайте елочку, ребятишки, сами,
Помогайте бабушке, помогайте маме.
Пусть под елкой сядут Дед Мороз и мишка,
Пусть на все посмотрит маленький братишка.
Он еще ни разу не бывал на елке,
У которой острые, колкие иголки,
Он еще не видел разные игрушки,
Покажите мальчику пестрые хлопушки.
Пусть поярче вспыхнут и сияют лампочки.
Расскажите мальчику о любимом папочке.*

Ну и Светлане стихи:

*Вот война окончится, отбушуют грозы,
На глазах у доченьки высушу все слезы.
Ласковая ласточка, улыбнись, засмейся,
Песенка о доченьке, в поднебесье взвейся.*

И Максиму:

<i>Сынка, сына мой родной.</i>	<i>Только жалко, что игрушечный.</i>
<i>Пароходик твой со мной:</i>	<i>Хоть на нем нельзя улпуть,</i>
<i>Многоотрубный, многопушечный,</i>	<i>Не дает он мне грустить.</i>

И самому младшему малышу:

*Говорят, что ты горластый
И обжористый при том...
Не встречались мы,
Что ж — здравствуй!
Познакомимся потом.
Ты ручонки тянешь к маме,
Смотришь долго на свечу
Скоро я тебя усами,
Мой сынок, пощекочу.
Я уж знаю, ты хороший,
Всей душой к тебе лечу
И в огромные ладоши
Сына скоро подхватчу.*

И ещё одно стихотворение, говорящее о невероятной любви папочки к своим детям:

<i>Прежде чем поставить точку</i>	<i>За такие пожеланья</i>
<i>(уж пора — полночный час).</i>	<i>Ты готова разнести.</i>
<i>Сына два... Ещё бы дочку...</i>	<i>Обнимаю. До свиданья!</i>
<i>Чтобы две и в самый раз.</i>	<i>Не брани меня, прости.</i>

Трижды папа.

Целую снова, спокойной ночи, мои хорошие. Сейчас уже малыши сладко посапывают, щечки покраснелись... Вот они заулыбались... Может быть, это меня во сне увидели?»

Среди старых писем обнаружили маленький такой листочек пожелтевший. И там такой документ: «Объявление. 1 августа 1949 года в 7 часов вечера в помещении Молчановского детского сада состоится совещание членов Молчановского коллектива. Явка всем обязательна. Повестка: 1) Поведение В. Молчанова и М. Молчанова. 2) Поведение всех членов коллектива. 3) Встреча папы». Думаю, что это было написано Светланой.

А это письмо написано, когда папа был в Москве: «30 января 1953 года, Москва, гостиница «Москва». Дорогой сын Максимка! Очень меня обрадовало твоё письмо своим хорошим отношением к учёбе. Так и надо, сын, горжусь твоими успехами. Старайся ещё лучше учиться. Так ты уже сейчас выполняешь свой патриотический долг. Приветов ещё никому не передавал, потому что очень много совещаний и никуда не ходил.

В Москве очень тепло: часто падает снег и сразу же тает, а к вечеру замерзает. Вечером друг за другом ходят машины, счищающие снег, а за ними идут транспортеры, которые автоматическими руками загребают снег и подают его в машины. Я тоже очень соскучился, так хочется вернуться домой и обнять вас всех. Поцелуй за меня мамочку, братиков и сестрёнок. Твой папа».

4 февраля, через четыре дня, он написал письмо Володе: «Дорогой мой сын Володя! Очень рад был с тобой говорить по телефону. Казалось, что ты, мама, все братья и сёстры находятся где-то рядом. Но посмотрел в окно, увидел очертания кремлёвских башен, и снова оказался я в Москве. Желание у меня одно, поскорее возвратиться домой. В Москве сегодня очень холодно. Ходили с Георгием Мокеевичем на спектакль «Конёк-Горбунок». Очень мне понравились Иванушка и Конек-Горбунок. Они были хорошими друзьями, поднимались в небо, опускались на дно морское. Кругом нас сидели маленькие москвичи и москвички, и я очень жалел, что вас всех нет среди них. Целую тебя, поцелуй за меня маму, Нину, Свету, Максима».

На следующий день после Володи он написал мне: «Здравствуй, моя самая малюсенькая доченька Женечка. Очень хорошо было разговаривать с тобой по телефону. Ты, наверное, сидела на коленях у мамы, а, может быть, на качалке. Через 10 дней мы встретимся. Как вы там поживаете без меня? Ходишь ли ты гулять, моя малютка? За это время, наверное, совсем подросла и стала совсем большой девочкой. Я рад, что вы хорошо играете с Володей и помогаете маме. Сейчас пойду покупать в магазине новые книжки для вас. Крепко целую тебя, моя дочурка. Обними и поцелуй за меня маму, и всех мальчишек, и всех старших сестёр. А Василию Котовичу скажи, чтобы он не прыгал по столам и не мешал ребятам готовить уроки».

Мы, конечно, с радостью эти письма получали. У каждого на конверте всё подписано было: Владимиру Ивановичу, Евгении Ивановне... Это было такое удовольствие. Сейчас-то мы забыли, что такое письма. Наш век, конечно, чем-то хорош, когда и интернет, и смс, но живое письмо из конверта достать, прочитать... Мы до сих пор читаем.

Ещё одно письмо. Папа не читал морали, а всё переводил в шутку. Вот, например, письмо моим братьям: «Здравствуйте, младшие мальчишки, дорогие мои сынишки-драчунишки, Витя и Володя! Нет-нет, да и донесется до меня какое-нибудь пыхтение из комнаты или из ванной, где вы решаете свои вопросы, не поддающиеся урегулированию мирным способом. Надеюсь, что энергию, переполняющую ваши организмы, можно использовать по другому назначению. Например, драться на шахматной доске, или состязаться в том, кто больше и лучше поможет маме. Есть много других способов, более эффективных, чем молотить друг друга кулаками. Так-то, мои мальчишки-драчунишки. Целую, папа».

1 мая 2019 г. папе исполняется 115 лет. Умер он 1 апреля 1958 г., и когда передали по радио, многие люди не поверили в это. Хоронили его из здания Академии наук на улице Ленина, сейчас там расположен Иркутский областной художественный музей имени В.П. Сукачева. Пришёл весь город. Пешком с улицы Ленина, через мост, любимое предместье его принесли на Глазковское кладбище.

Он умер в 54 года, не дожив до 55 лет всего месяц.

Вернисаж

150 лет Иркутскому
художественному музею

ЕЛЕНА ЗУБРИЙ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ДИРЕКТОРА ПО МЕТОДИЧЕСКОЙ РАБОТЕ
ИРКУТСКОГО ОБЛАСТНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ

Прибайкальское сокровище искусства¹

В ряду важнейших аргументов определения Иркутска как административной, духовной и культурной столицы Восточной Сибири на протяжении полутора прошедших столетий и начала нынешнего одно из важных мест занимает то обстоятельство, что в этом городе на Ангаре существует крупный в Восточной Сибири

ЗУБРИЙ Елена Станиславовна родилась 28 октября 1949 года в городе Порт-Артур Китайской Народной Республики. Окончила школу №9 в Иркутске и поступила в Иркутский государственный университет, который окончила с отличием в 1972 году по специальности «История». С 1972 по 1983 годы работала в Иркутском областном краеведческом музее в качестве экскурсовода, научного сотрудника, заведующего отделом. В 1983 году переведена на должность директора Иркутского областного художественного музея им. В.П. Сукачева. За период работы Елены Станиславовны Зубриной в качестве директора (1983—2015) значительно расширилось культурное пространство музея, изменилась его структура, созданы новые подразделения. Велась реконструкция и техническая модернизация головного здания музея, «Усадьбы В.П. Сукачева» и «Усадьбы Гиндина». Создана концепция развития музея до 2020 года. Результатом активной позиции в комплектовании фондов, архива и библиотеки музея стало их пополнение тысячами уникальных предметов, изданий, документов. Только художественных произведений в собрании музея увеличилось с 13 тыс. до 24 тыс. предметов. Созданы условия для углубленной и обширной исследовательской деятельности коллектива. Директор музея уделяла значительное внимание выставочной деятельности музея — ежегодно проводится до 60 выставок. Елена Станиславовна является заслуженным работником культуры Российской Федерации.

---

¹В статье использованы материалы Б.С. Шостаковича (1945-2015). Болеслав Сергеевич Шостакович — доктор исторических наук, профессор кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета (ФГБОУ ВПО «ИГУ»), крупный историк-славист, специалист в области полонистики, истории стран Центральной Европы, истории Сибири и Международных отношений. Талантливый ученый, известный общественный деятель с 45-летней научно-педагогической деятельностью. В списке его трудов свыше 260 научных публикаций, в т. ч. монографии, учебное пособие, сотни статей на русском и польском языках.

областной художественный музей, осуществляющий масштабную коллекционную, экспозиционную, реставрационную, культурно-просветительную и научно-исследовательскую деятельность. Если прибегнуть к аналогиям, то Иркутский художественный музей стал характерным и неотъемлемым символом Иркутска, подобным Третьяковке в Москве, Эрмитажу и Русскому музею в Санкт-Петербурге и Радищевскому музею в Саратове.

Первоосновой для формирования в Иркутске музея изобразительных искусств послужила коллекция картин Владимира Платоновича Сукачёва (1848–1920) — известного общественного деятеля, городского головы, состоятельного и просвещенного мецената, покровителя многих культурно-просветительных и научных начинаний. Очевидно, что многолетнее пристрастие В.П. Сукачёва к коллекционированию живописи в сочетании с его же некоторыми меценатско-филантропическими проектами относительно предназначения формируемого им художественного собрания не только для удовлетворения личных, семейных духовных запросов, но и для таковых же общественных, а с этой целью — передачи в бу-

Картинная галерея.

дущем своей коллекции в дар родному городу Иркутску. Эти замыслы он обсуждал и обдумывал с близкими ему по духу сибиряками, иркутскими друзьями. Об этом в той или иной форме неизменно свидетельствуют существующие публикации, посвященные как непосредственно В.П. Сукачёву, так и его детищу — картинной галерее в Иркутске как прообразу современного Иркутского областного художественного музея.

Для размещения картинной галереи он строит комплекс зданий собственной усадьбы, располагавшейся в окраинной по тому времени части города, где в большом особняке под картины было отведено двенадцать комнат. Иркутская картинная галерея, собранная усилиями патриота-иркутянина В.П. Сукачёва, оказалась уникальной и отличалась продуманной целостностью подбора живописных произведений, входящих в ее состав. Основу «сукачёвской коллекции» составили оригинальные полотна русских живописцев второй половины XIX в. Среди авторов этих художественных произведений такие знаменитые художники, как И.Е. Репин, И.К. Айвазовский, Б.П. Виллевалде, Л.Ф. Лагорио, К.Е. Маковский, В.М. Максимов, Г.Г. Мясоедов, М.К. Клодт, П.П. Верещагин, М.А. Кудрявцев, А.П. Боголюбов и др. Мечтой мецената было построить отдельное помещение для картинной галереи.

Первое приобретение относится к 1870 году. Картины, купленные Сукачёвым в российской столице и затем отправленные почти за 6 тысяч верст по Сибирскому тракту, в столицу Восточной Сибири, уже в середине 1870-х годов экспонировались в Иркутске на художественных выставках.

История формирования в Иркутске В.П. Сукачёвым своей картинной галереи может быть сопоставлена, пожалуй, лишь с единственным подобным примером — основанием в 1885 г. художником А.П. Боголюбовым, внуком А.Н. Радищева, известного музея изобразительных искусств в Саратове.

При отсутствии в данный период в международной и отечественной практике надлежащим образом разработанной теории чётко сформированных органи-

В.П. Сукачёв.

зационной методики и принципиальных задач функционирования художественных музеев неудивительно, что В.П. Сукачёв, находясь в отдаленном от центра России регионе без должного развития средств связи, обсуждает вопросы организации музея со своим окружением. В ходе обсуждения имеет место распространенное в рассматриваемый период «смещение жанров» в музейном деле. Уже в начале 1880-х гг. данная проблема является предметом подробного обсуждения В.П. Сукачёва с его коллегой по работе в Восточно-Сибирском отделе Русского географического общества (ВСОРГО), выдающимся сибирским общественным деятелем и учёным Г.Н. Потаниным. Последний, находясь в специальной экспедиции по дороге из Европы в Китай, Тибет и Монголию, писал Сукачёву о своем осмотре

в английском городе Плимуте музея Атенеум: «...Я думаю, что мы, сибиряки... тоже бы построили такие учреждения, если б у нас частной инициативе было поболее простору. Но все-таки посещение Атенеума внушило мне мысль написать Вам предложение отделить художественную часть от естественно-исторической. Коллекции натуральные пусть поступают в Музей Географ./ического/ Общества, а для худож./ественных/ произведений нужно устроить особое помещение». Свой взгляд на ту же тему высказывает (также в письме к В.П. Сукачёву) и Д.А. Клеменц². Он одобрительно отзывается об инициативе Сукачёва создать коллекцию: «Приобретая картины русской школы, — указывает он, — Вы преследуете тут и общественно-воспитательную цель, не одну личную любовь к искусству. Потомство скажет Вам спасибо за это».

В ту пору большинству научной и творческой интеллигенции представлялось еще вполне нормальным совмещение в учреждении музейного профиля экспозиций произведений изобразительного искусства с естественными коллекциями.

Почти полувековой дореволюционный период существования галереи сменился «ранним послереволюционным». Названный этап представляется переломным, рубежным для дальнейшей истории музея. Эпоха, наступившая в результате революционной ломки в Иркутске, как и в России, характеризовалась явной противоречивостью, двойственностью. Во время гражданской войны вместе со всем культурным достоянием города галерея Сукачёва переживала не лучший для себя период. В столь тревожной обстановке принципиально важным, поворотным событием в судьбе галереи стало принятие Иркутским Губревкомом в феврале 1920 г. постановления о национализации картинной галереи В.П. Сукачёва и передаче всего ее имущества в распоряжение губернского отдела народного образования (ГУБОНО). В заключительной фазе передачи государству галереи Сукачёва

---

²Д.А. Клеменц — известный революционер-народник и ученый, высланный в 1881 г. в Сибирь, где он занимался научно-исследовательской работой в области этнографии, археологии, геологии и географии, был активным сотрудником ВСОРГО и деятельным публицистом в сибирской прессе.

Дом прислуги.

элите — купцам Трапезниковым. Картинная галерея В.П. Сукачёва в качестве отдела вошла в состав Научного музея.

Первоначально, в продолжение неполных четырёх лет, галерея размещалась в респектабельном здании бывшего магазина купца Л.Б. Мерецкого (ул. Урицкого). Затем галерея была перемещена в бывший особняк купца И.М. Файнберга (ул. Халтурина, 1).

В мае 1920 г. она торжественно открыла свои двери для публичного обозрения. Тем самым история коллекции, собранной стараниями основателя галереи, получила дальнейшее достойное продолжение. Весьма характерной чертой развития Иркутской галереи в первые годы Советской власти являлось значительное пополнение ее фондов за счет национализируемых художественных ценностей из частных владений местного купечества, чиновной и политической элиты, реквизируемого имущества храмов и религиозных учреждений, собственности, поступавшей в город с потоками беженцев и эвакуированных, а также репатриированных через Дальний Восток иностранцев. К этому перечню следует присовокупить и дары отдельных граждан.

В этот ранний послереволюционный период галерея обогатилась такими произведениями, как скульптуры Е.А. Лансере и М.М. Антокольского, портреты кисти К.Е. Маковского, П. Веденцкого, К.Я. Рейхеля, пейзажи И.К. Айвазовского, В.К. Бялыницкого-Бирули, Ю.Ю. Клевера, Р. Шульца и А. Прателла, акварели Н.А. Бестужева, А.Н. Бенуа, В.Э. Борисова-Мусатова, М.В. Добужинского и К.А. Сомова и ряда других. Тогда же в собрание галереи поступила вывезенная в Иркутск из Екатеринбурга и подвергшаяся здесь национализации ценная «уральская коллекция» купцов Казанцевых, включающая иконы строгановской школы, собрание произведений русских художников и редких книг.

Наконец, позитивным результатом нахождения картинной галереи в составе Иркутского научного музея явилось поступление в ее фонды ценнейших предметов прикладного восточного искусства, собранных научными экспедициями Географического общества. Уникальные экспонаты — деревянная китайская скульптура XVIII столетия, ритуальные сосуды из бронзы, изделия из лака, кости и камня, китайский фарфор, а также серии гравюр и лубка — легли в основу будущего богатого раздела по искусству Востока. Вместе с позднейшими поступлениями в

обязанности доверенного лица семьи (вдовы Надежды Владимировны) исполнял Владимир Болеславович Шостакович³. В.П. Сукачёва и В.Б. Шостаковича связывали давние деловые контакты еще со времен, когда первый из них являлся Председателем ВСОИРГО, а второй с 1895 года занимал должность консерватора его музея. К тому же В.Б. Шостакович и В.П. Сукачёв находились в родстве и принадлежали к финансово-экономической

³В. Б. Шостакович — известный иркутянин, видный общественный деятель, крупный ученый-геофизик, в рассматриваемую нами пору являвшийся директором Иркутской магнитно-метеорологической обсерватории и профессором географии Иркутского университета.

собрание редких работ китайских, монгольских и японских мастеров — Кацусика Хокуса, Ёсю Тиканобу, Огата Гэкко и других — был сформирован новый раздел музея по искусству Востока, крупнейший в азиатской части страны.

Знаменательно, что с самого начала существования галереи в качестве отдела Научного музея должность хранителей занимали серьезные профессионалы: художник К.К. Пантелеев-Киреев; художник, скульптор и архитектор К.И. Померанцев. Это положительно отразилось на деятельности галереи, оживило ее. Стали проходить мероприятия общества художников. Художники начали оказывать всемерное содействие в выявлении культурных ценностей и включении их в состав экспонатов галереи.

В 1926 г. хранителем галереи стал график и живописец Б.И. Лебединский, человек высокой культуры, получивший профессиональное образование в Петербурге. Он разделял сложившееся у иркутской общественности мнение о необходимости создания художественного собрания с широкой ретроспективной истории мирового искусства, не замкнутого какими-либо периферийными ограничениями. Выполнение такой задачи требовало пополнения музейного собрания новым художественным материалом, что могло бы создать представление об основных этапах развития русского искусства, о формировании советского искусства, о важнейших тенденциях в развитии искусства Западной Европы и Востока. Заполнить эти лакуны из местных источников было невозможно. Государственные музейные фонды обеих исторических столиц России — Петербурга и Москвы, а также богатейшие частные собрания российского центра могли обеспечить необходимые новые поступления. На многие годы они стали для музея тем живительным источником, который питал его, давал ценный материал для исследовательской и активной просветительской деятельности.

В 1920-х годах музейная экспозиция пополнялась произведениями из частных собраний и Иркутского общества художников. Среди них работы Д.Д. Бурлюка, местных живописцев Н.А. Андреева, С.Г. Бигоса, Н.В. Лодейщикова. В это же время в музей поступила древнерусская живопись из Вознесенского монастыря.

1928 год был отмечен значительными поступлениями произведений искусства из Государственного музейного фонда. Галерея обогатилась работами Ф.С. Рокотова, В.Л. Боровиковского, А.И. Иванова, И.И. Шишкина, В.Д. Поленова, В.А. Серова, Н.К. Рериха, Н.Н. Сапунова и других. Большим событием явилась передача музею живописного этюда к плафону Царскосельского дворца В.К. Шебуева «Моисей со скрижалями», пейзажей А.И. Куинджи, коллекций фарфора русских и западноевропейских марок, а также изделий фирм Овчинникова и Фаберже. В фонды галереи влились высокохудожественные произведения, изготовленные на Императорском и Мальцовском стеклянных заводах, небольшие, но ценные коллекции восточного искусства: китайский фарфор и бронзовая скульптура, японские нэцке.

Галерея продолжила пополняться и в 1930-е гг. В эту пору ей было передано одно из интереснейших иркутских собраний — коллекция врача Л. Даукшо, ранее принадлежавшая сенатору Н. Еракову, содержащая редкие памятники из кости и перегородчатой эмали Китая, русское художественное серебро XVIII–XIX веков, а также полотна Ц. Доменикино, Ш. Дофена и С.Л. Вервера, гравюры П.С. Паттера, Е. Вернера и скульптуру Е.А. Лансере.

Чрезвычайно разросшееся собрание галереи насчитывало к 1936 году свыше 2200 экспонатов, включая не только живописные произведения, но скульптуру,

графику, предметы декоративно-прикладного искусства. Сравнение этих данных с количественным составом первоначальной коллекции картин В.П. Сукачёва показывает, что за 16 лет существования галереи в структуре Научного музея она увеличилась более чем в 25 раз!

Едва ли нужно дополнительно разяснять, какое важное значение приобрела галерея в процессе развития культуры самого Иркутска и подчинённого ему региона. Ведь в те годы связь восточных регионов с более развитыми западными на огромной территории страны оставалась достаточно сложной. Значительной части местного населения далеко не всегда удавалось хотя бы однажды побывать в центральных музеях. В этих условиях сосредоточение в столице Восточно-Сибирского региона столь значительной коллекции подлинных шедевров искусства становилось выдающимся событием местной культурной жизни!

Собрание галереи к данному времени уже стало обретать самостоятельность, законченность и целостность. Все более очевидной становилась несовместимость проблемно-тематической и территориально-пространственной направленности проводимой в ней работы с краеведческим характером деятельности остальной части Восточно-Сибирского научного государственного музея. В необходимости создания нового специализированного художественного музея была особенно глубоко убеждена культурная общественность региона. Интересно, что непосредственную поддержку организационному преобразованию Иркутской картинной галереи в отдельный музей с передачей его в ведение Комитета по делам искусств оказала непосредственно Н.К. Крупская, в ту пору заместитель наркома просвещения. В 1936 г. постановлением Совнаркома галерея была выделена в самостоятельный Иркутский областной художественный музей, который и до настоящего времени носит это название. В 1989 г. музею было присвоено имя его основателя В.П. Сукачёва.

После тяжёлых испытаний военных лет культурная жизнь иркутского общества вместе со всей страной вновь вошла в мирное русло.

В 1948 г. директором музея становится Алексей Дементьевич Фатьянов (1915–2004), в течение многих лет неутомимый «собиратель его сокровищ» и «исследователь их судеб». Развитие и пополнение коллекции Иркутского художественного музея стало делом всей его жизни. Энтузиазм и глубоко профессиональная деятельность систематизатора произведений искусства, талантливого строителя музейных экспозиций привлекли и навсегда поселили в стенах музея тысячи ценнейших памятников художественного творчества. Рубеж 1940–1950-х гг. отмечен значительным притоком памятников культуры из государственных фондов страны и от частных лиц. За два года иркутскому собранию было передано при поддержке Комитетов по делам искусств при Совете Министров РСФСР и СССР больше произведений, нежели всем музеям страны в целом.

В эти годы в отдел русского искусства влились полотна Н.Е. Маковского, Ф.А. Малявина, И.Н. Крамского, А.М. Васнецова, А.К. Саврасова, Л.И. Соломаткина, В.И. Сурикова, В.А. Тропинина. Высоким уровнем и разнообразием отличались поступления в раздел графики. Наметились контуры будущей коллекции скульптуры, которая почти отсутствовала в собрании музея. Начало ей положили произведения М.М. Антокольского, М.А. Врубеля, Н.А. Андреева, А.С. Голубкиной, С.Т. Коненкова, И.Д. Шадра, Е.В. Вучетича.

Особое место в музее занимают дары жителей Иркутска. В 1948 г. прошла выставка живописи и графики из частных собраний. Результат превзошел все ожи-

дания: музей пополнился замечательными произведениями, в частности картиной Х. Тербрюггена «Увенчание Христа терниями». На выставке 1957 г. экспонировалось более трехсот произведений китайского искусства, большая часть которых также вошла в музейную коллекцию.

А.Д. Фатьянов хранил многолетние прочные связи с ведущими коллекционерами страны. В результате музей десятилетиями получал от них в качестве даров значительное число первоклассных художественных произведений: в дар Иркутскому областному музею известный потомственный московский коллекционер Ф.Е. Вишневецкий передал около 200 произведений искусства, столь значительных по своей художественной весомости, что позволило Фатьянову приравнять его к первому собирателю и основателю Иркутской картинной галереи В.П. Сукачёву. Дары Ф.Е. Вишневецкого значительно пополнили разделы русской, голландской, немецкой, французской живописи и западноевропейской графики.

Более 2000 музейных предметов преподнес в дар музею Николай Кириллович Величко — московский инженер, унаследовавший обширную художественную коллекцию от своего дяди, известного московского врача Валериана Вадимовича Величко. Среди даров — сотни ценнейших икон XIV–XVIII вв. и графики, произведения китайских мастеров, редчайшие издания книг.

Коллекционер Юлий Владимирович Невзоров подарил музею в общей сложности более 100 произведений живописи и графики русских и западноевропейских художников.

Результатом подобных пополнений явились изменения состава и структуры экспозиции музея, открытия возможностей для организации ярких, запоминающихся выставок. В 1951 г. Музей переехал в предоставленное ему солидное каменное здание на центральной улице города — Карла Маркса (бывший Сибирский торговый банк). А в 1973 г. музей разместил коллекции и фонды в красивом здании бывшей Губернской классической мужской гимназии по ул. Ленина, 5. Таким образом, значительно увеличились экспозиционные и фондовые площади. В 2016 г. в собственность музея переходит 2-этажный деревянный особняк Гиндина (ул. Свердлова, 16). Это позволило открыть в Иркутске виртуальный филиал Русского музея и образовательный центр: для иркутских зрителей расширяются возможности знакомства с коллекциями столичных музеев.

В период 1980–1990-х гг. музей переживает технологическую модернизацию. Реализуется проект Комплексного автоматизированного учета фондов (КАМИС), происходит компьютеризация рабочих мест музея, музейные предметы включаются в Государственный каталог Музейного фонда страны.

Растет собрание музея. После ликвидации фарфорового производства в регионе, коллекция музея Хайтинского завода (более 4 тыс. предметов XIX–XX веков) включается в состав художественного собрания Иркутского музея.

Перемены происходят и в структуре музея. В 1987 году в его состав вошёл уникальный архитектурно-парковый ансамбль «Усадьба В.П. Сукачёва» общей площадью 3,7 гектара. В конце XIX века усадьба представляла собою региональный вариант всероссийских «культурных гнезд» и играла значительную роль в общественно-культурном пространстве Иркутска. Ее сохранение и реставрация создали условия для размещения в усадьбе мемориального музея, центра эстетического воспитания детей. Расширение музейного мира создало новые возможности для возрождения национального самосознания народов Российской Федерации. Указом Президента РФ № 176 от 20.02.1995 г. «Усадьба В.П. Сукачёва»

(1882–1886) была взята под государственную охрану как памятник федерального значения.

В 2017 году в музее был организован отдел учёта музейных предметов. В музее проводится активная каталогизация коллекций собрания, в том числе сибирского искусства. При музее действуют Ученый Совет, Фондо-закупочная комиссия, атрибуционный, методический и реставрационный советы. С 2019 г. проходит серьёзная модернизация фондохранилищ, активно пополняется собрание произведений искусства, идет широкая, многоплановая издательская деятельность, которая приобрела значительный размах, что выделяет ИОХМ в ряду иных региональных художественных музеев России. В издательскую продукцию музея входят и традиционные каталоги выставок, и книги, популяризирующие музей и его собрание. Ряд созданных музеем работ представляет собою значительные достижения и в теоретико-концептуальном, и в научно-исследовательском отношении. Альбомы-каталоги «Сибирский портрет», «Сокровища земли Иркутской», «Российские академики XVII–XX вв. в собрании ИОХМ» были отмечены наградой Российской Академии художеств и Губернатора Иркутской области.

Другое направление деятельности музея чаще всего неприметно. Между тем, оно оказывает крайне важное воздействие на всю сущностную, повседневную жизнь и работу музея. Речь идет об открытии в 1992 г. в структуре музея научно-реставрационной мастерской, работа которой измеряется тысячами отреставрированных произведений искусства: темперная и масляная живопись, предметы декоративно-прикладного искусства и графики.

Широкие всероссийские и международные связи музея воплощаются в уникальные проекты, получившие значительный резонанс: выставки в ИОХМ зарубежных шедевров из Японии, Китая, Кореи, Великобритании, выставки ИОХМ в России, Забайкалье и Дальнем Востоке, в Японии и Польше, Германии и Финляндии, Англии и Канаде, Италии и других странах.

Всё больший размах приобретают музыкальные, литературные, творческие вечера, проводимые на базе прекрасного концертного зала музея, гостями которого за последние несколько лет были такие видные деятели культуры и искусства, как лауреаты международных конкурсов Д. Мацуев, В. Беломестных, В. Щербakov, а также И. Бэлза, С. Юрский, солисты Мюнхенской музыкальной академии Т. Бауэр и З. Маузер, солисты и ансамбли Иркутской областной филармонии и многие другие.

Иркутский областной художественный музей давно уже сложился как объект оригинальной и достаточно продолжительной 150-летней истории зарождения и развития духовной, художественно-эстетической, творческой жизни в сфере изобразительного искусства Иркутской области. Думается, что эта история гарантирует существенные возможности и перспективы ещё более значительного будущего.

Литература:

1. Архив ИОХМ. Клеменц Д. А. Письмо В.Н. Сукачёвой 12.04.1894. ПС- 91 № 1941. Л. 3-4.
2. Архив ИОХМ. Потанин Г.Н. Письмо Сукачёву В.П. от 15 октября 1883. ПС-74. Т 1934. Л. 2-2об.
3. Архив ИОХМ. Дудин Г.И. Краткая история Иркутского художественного музея. Иркутск. 1960. Рукопись. № 3929.
4. Архив семьи Шостакович Б.С. — Зубрий Е.С.
5. Зубрий Е.С. Рукопись Дудина Г.И. как источник изучения истории художественной культуры края и Иркутского музея (на материалах первой части рукописи, периода

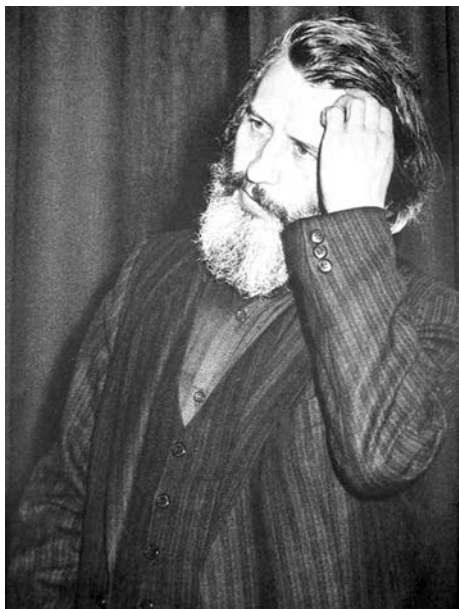
1920–1936 годы) // Современный музей и культурное наследие. Посвящается 355-летию Иркутска: матер. науч. конф. «Сукачёвские чтения — 2016» Выпуск 14. — Иркутск, 2017. — С. 17-22.

6. Зубрий Е.С. Рукопись Дудина Г.И. «Из истории Иркутского областного художественного музея» как источник изучения истории художественной культуры Сибирского края и Иркутского областного художественного музея им. В.П. Сукачева (на материалах второй части рукописи, период 1937–1952). // «Сукачёвские чтения — 2019» Всероссийская научно-практическая конференция «Жизни как отражение эпохи» Выпуск 16. Посвящается 170-летию Владимира Платоновича Сукачёва. — Иркутск, 2019. — С. 58-64.
7. Иркутский художественный музей: альбом-каталог. — Иркутск, 2005. С. 3-18.
8. Фатьянов А.Д. Судьба сокровищ. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1967.
9. Шахеров В.П. Иркутск в панораме веков. Очерки истории города. — Иркутск: Вост.-Сиб. издат-я компания, 2002. — С. 32-35.
10. Шостакович Б.С. На берегу Байкала // Мир музея. — № 3 (211). Март. — 2005. — С. 2-11.

80 лет со дня рождения Юрия Селивёрстова

Слово жителей Усолья-Сибирского

Малая родина художника

Селивёрстов Юрий Иванович (7.08.1940-28.05.1990), русский художник, философ, архитектор. Родился в г. Усолье-Сибирское Иркутской области, в 1946 году семья переехала в г. Иркутск, где Юрий Иванович провёл свои школьные годы. Окончил архитектурный факультет Новосибирского инженерно-строительного института (1963). Член Союза журналистов (с 1967), Союза художников (с 1971). С 1964 жил и работал в Москве. Оформил более 100 книг в издательствах «Малыш», «Молодая гвардия», «Педагогика», «Современник». Обращался к театрально-декорационной живописи (спектакль «Гамлет», Ленинград). Выступал инициатором значительных архитектурных проектов («Бульвар русской славы», воссоздание Храма Христа Спасителя и др.).

Принимал участие в организации «Русской энциклопедии» и ее Культурного центра. Участник многих выставок, в том числе зарубежных (Канада, Япония и др.). Автор серии литографий портретов русских поэтов, писателей, мыслителей. Большой интерес представляет работа Юрия Селивёрстова над иллюстрациями к Новому Завету. В 1985 художник создал серию станковых литографий к «Слову о полку Игореве».

* * *

*...В какую бы сторону не подалась моя дума:
вправо или влево, в небеса или под землю,
она — эта дума — каждый раз оказывается
на краю бескрайней России...*

Юрий Селивёрстов

В городе Усолье-Сибирском, где родился художник, одна из улиц названа его именем. С 12 августа 1995 года в выставочном зале историко-краеведческого музея г. Усолье-Сибирское работает Зал памяти Ю.И. Селивёрстова. В 2005 году по улице Республики, 15 установлена мемориальная доска с надписью: «На этом месте стоял дом, где родился известный русский художник Селивёрстов Юрий Иванович. 7.08.1940 — 28.05.1990». Он улыбается на ней, как в лучшие

Открытие зала им. Селивёрстова.

часы жизни — светло и счастливо. В 2015 году была проведена полная реконструкция зала памяти Ю.И. Селивёрстова в Усольском краеведческом музее. На открытие обновлённого зала были приглашены родственники художника из Иркутска и Усо́лья-Сибирского, его одноклассники, знакомые, друзья. Вдова художника передала в дар музею личные вещи Ю.И. Селивёрстова.

Жизнь Юрия Ивановича Селивёрстова была направлена на рождение России, пусть новой, но великой и с некоторыми старыми порядками. Он осознавал, какая у него миссия, и поэтому, не задумываясь, пожертвовал свою жизнь на благо Отечества. В его мастерской можно было встретить священника и художника, философа и писателя, инженера, врача, студента. Его друзьями были космонавт Виталий Севастьянов и академик Н. Толстой, композиторы Георгий Свиридов и Валерий Гаврилин. В Юрии Селивёрстова поражало желание доставить людям радость и неистощимый оптимизм, который ему помог исполнить предназначенное служение.

Неполные 50 лет были отпущены Ю. Селивёрстову Богом на земле. Можно знать точное число книг, спектаклей, архитектурных проектов, над которыми он работал, но не количеством, а содержанием нужно определять его вклад в русскую культуру. Трудно назвать его главный труд, но легко увидеть в любом (портретная серия «...Из русской думы», проекты Храма Тысячелетия Крещения Руси и Храма Христа Спасителя, архитектурно-скульптурный проект «Бульвар русской славы», историко-философско-публицистические книги «О великом инквизиторе. Достоевский и последующие») главную мысль: необходимость возрождения исторического самосознания русского народа. Еще в 1969 году Ю. Селивёрстов написал: «В наши трудные надломленные времена ощущается острая недостаточность духовного водительства». Ю. Селивёрстов для себя и для своих современников (и для будущих поколений) выход из черноты, потерянности, беспомощности нашел в трудах русских мыслителей и философов. Прочитав, перечитав, изучив и осмыслив их сочинения, он нашел то, к чему стремились и что жаждали обрести его душа и сознание — идею цельного русского знания, основанного на вере, мысли, опыте, бесконечной любви к России. Юрий Селивёрстов — автор са-

Экспозиция.

мого удивительного творческого замысла, не имевшего аналогов в нашем изобразительном искусстве, и самой значительной творческой удачей Юрия Ивановича как художника и человека, стремящегося осознать свое бытие и призвание — галереи портретов русских мыслителей и философов. Свой графический цикл «...Из русской думы» Ю. Селивёрстов начал в 1973 году, последним по времени был законченный в 1989 году портрет Ф. Тютчева. В планах было продолжить этот замечательный ряд — галерею портретов людей, болеющих за Россию: Леонов, Шолохов, Распутин, Свиридов, Астафьев... В планах было издание «Русской энциклопедии» (по типу БСЭ). Еще утром 28 мая 1990 года в Сочи, на симпозиуме, Ю. Селивёрстов сделал блестящий доклад о русской философии, а вечером

Экспозиция.

сердце отказалось служить человеку, который жил с думой о судьбе России.

Известно, что много работ Селивёрстова утеряно, к тому же сам Юрий Иванович, подобно Гоголю, сжёг большинство работ. Однако мысль его и блестящая галерея портретов русских философов, поэтов, прозаиков, композиторов (а он знал, что наша мысль полна только в единстве контекста) жива и деятельна, как жива будет память об этом талантливом художнике и замечательном человеке.

Материалы предоставлены Усольским городским краеведческим музеем, центральной городской библиотекой г. Усолье-Сибирское, библиотекой-филиалом № 6 г. Усолье-Сибирское.

ВАЛЕНТИН РАСПУТИН

Владеющий тайной русской души

Юрий Иванович Селивёрстов владел тайной. Был человеком просвещённым — и в русскую душу, и в тайны ее, и в красоту. И хотя сегодня выходят уже целые собрания сочинений русских мыслителей, всё это стало доступно, но книга «Из русской думы» — это самое драгоценное ожерелье, без которого не разглядеть каждого большого мыслителя.

На снимке В. Распутин на улице имени Ю. Селивёрстова. Фото из архива Усольского городского краеведческого музея.

Мы с Юрием земляки, оба из Иркутска, но он уехал рано, и наша дружба продолжалась здесь, в Москве. Он жил неподалеку от И.С. Глазунова, и мне однажды приходилось бывать и в том, и в другом доме. Мне не хочется делать каких-либо сравнений, поскольку Илья Сергеевич — человек, сделавший для русского искусства и для русского дела очень и очень много. Но я вспоминаю, что когда бывал у Селивёрстова, там никогда не говорилось о себе, не было пустых разговоров ни о чем, но всегда говорилось о России. И тем лучше познавался этот человек, хозяин дома. И в том, и в другом доме всегда было множество народа, но у Юрия Ивановича — народ попроще, не было иностранцев, а нам-то первую очередь хотелось знакомиться с русскими людьми.

В то время, в шестидесятые-семидесятые годы, наша литература нисколько не делилась на литературу интеллигентную, городскую, деревенскую или военную, как это часто стараются представить, а это была литература возвращения домой. Возвращения из России в Россию, из России географической в Россию историческую, и России пространственной в Россию центровую. Ибо существовала не только берлинская стена, разделившая немцев, но была и стена, которая разделила Россию по 1917 году. Нас оторвали от своей истории, от своих глубин. От тех лю-

дей, которые представлены в книге «...Из русской думы». И вот тут надо отдать должное не тем, кто сегодня творит всякие мерзости, а нам все-таки, потому что мы к этому стремились. И многие годы мы всё делали для того, чтобы это возвращение домой состоялось. Оно состоялось, и сейчас трудно представить себе, как мы без него обходились.

Одним из тех, кто добивался этого возвращения домой, кто сделал для этого так много, был Юрий Иванович Селивёрстов.

Он не был одноэтажным человеком. Кажется, Толстой говорил о Белинском, что он одноэтажный человек, а Гоголь — многоэтажный. Я не ради сравнения, ибо и в один этаж можно набрать многие богатства. Но Юрий Иванович не был даже двухэтажным человеком. Для меня это был человек многоэтажный, посвященный в тайну своей Родины, в ее красоту, и способный говорить об этом бесконечно. Он мог переходить с одного на другое, а для меня разговаривать с ним было легко: я человек молчаливый, и мне было интересно слушать и брать что-то от него. Он был из людей действительно взрывчатых, мог одновременно делать множество дел, при этом никогда не перескакивал с одного на другое, но делал всё ладом, как настоящий русский человек. Последнее время ведь из русского человека делают кого угодно. Только не русского человека. Он у нас и Молчалин. Он у нас и Хлестаков, он у нас и Обломов. Причем в самых худших их качествах. Но ведь как раз не Хлестаковы, не Молчалины и не Чичиковы создавали Россию, а Минины и Суворовы, и не анархический дух был главным в русском человеке. А дух всемогущей великой государственности. Этим чувством в полной мере обладал и Юрий Иванович Селивёрстов. Он был человеком невероятно деятельным, ему постоянно мало было того, что он делает, он хотел делать ещё и ещё.

О том, что случилось с ним, когда я впервые узнал, как он скончался, у меня такое чувство, что он «оборвался», причем «оборвался вверх», потому что уже больше не мог. Не выдержал находиться на этой земле, настолько он загнал себя и настолько он был устремлен вверх, и, может быть, это прозвучит несколько красиво, но мне показалось, что состоялось некоторое вознесение вверх.

ВАЛЕРИЙ ГАВРИЛИН

Памяти друга

Пятнадцать лет опьянения дружбой, нежностью, преданностью, бескорыстием и творчеством безостановочным, неудержимым, пламенным, артистичным, вдохновенным, святым и грешным — вот что для меня Юрий Иванович Селивёрстов.

Он был художником во всем — в речах, в словах, поступках, в общении, письмах, в размышлениях и трудах. В нем по-русски ярко и причудливо уживались охальничество и целомудрие, ерничество и застенчивость, копеечничество и безоглядная щедрость, нахрапистость и наивность, расчетливость и ошеломляющая выдумка. И это не была гремучая смесь, заключенная в телесную оболочку, это была цельная, живая, нераздельная натура, околдовывающая непредсказуемыми переживаниями состояний, настроений, порывами мысли и обезоруживающей искренностью.

Вероятно, поэтому он объединял вокруг себя так много самых разных людей. Каждый находил и узнавал в нем частицу самого себя, свои слабости, свою силу, видел открытость Юрия Ивановича, сам открывался. Юрий Иванович как никто умел передавать этот братский дух, где прятаться друг от друга не только не нужно, но и стыдно, и горько, а главное — понимаешь, что спрячешься — и упустишь, может быть, главное в жизни — вычищение души перед товариществом.

«Очень обидел я вчера Я-ка, т.е. на крыльях его успеха хотел вылететь из бездны моих терзаний. Во всём я гнусный начальничек, виноват и глубоко грешен»... «Не обидел ли я тебя, одним своим словом, грубым и неумелым, как-то по тону твоего письма мне чудится, что я чем-то тебя уколел, обидел. Прости меня, прости. Ведь это лишь по чёрствости моей, может быть, прости».

Два отрывка, взятые наугад из разных писем ко мне, замечательно говорят о сердечной тонкости и чуткости Юрия Ивановича, его доброте и постоянной работе самоочищения и покаяния. В последние годы постоянным его присловием стали слова: «Я грешен, я чёрен». О чем бы он ни говорил: о живописи, философии, литературе, домашних, издательских делах, — обыкновенно немного задумавшись, завершал: «А впрочем, не слушай меня. Я грешен, чёрен». До поры до времени меня это раздражало. Мне в этом чудилось нечто ханжеское. Юрий Иванович в это время близко общался с владыкой Антонием и знаменитым московским старцем о. Сампсоном. Однажды он уговорил меня поехать к о. Сампсону исповедаться. Я решил, и мы отправились. Беседа со старцем и исповедь перетрясли всё моё существо. Я стал думать о себе несколько по-иному. «Я грешен, я чёрен, я... страшен» — билось у меня в голове. Мы шли домой пешком, очень далеко, был тёмный, слякотный, дождливый зимний вечер, и Юрий Иванович всю дорогу молчал и плакал. Он бывал у старца постоянно и знал, что теперь со мною. А я знал, как он плачет, и бранил себя за мерзкие подозрения...

Это было в 1972 году. Я сочинял музыку к спектаклю «Гамлет» в Ленинградском ТЮЗе. В театре вдруг пошли разговоры, что пригласили какого-то художника из Москвы, и что художник — гениальный. Мне естественно, захотелось хоть глазком поглядеть на гения. Но он таился где-то в недосягаемых, тайных глубинах театра и был доступен только для избранных (о характере его своенравном — уже ходили легенды). У меня, меж тем, не ладилось дело с постановщиком спектакля, и в один прекрасный день я побежал отказываться от работы. Сказали, что «главный» с художником в зале. Пошёл туда, открываю дверь в зал и нос к носу встре-

чаюсь с «главным». Выкладываю ему свои претензии и заявляю, что ухожу из театра. И тут замечаю, что на меня из-за спины с любопытством смотрит худенький, очень невысокий юноша с голубыми, несколько затуманенными глазами. Он сразу мне очень понравился. Я застеснялся, оборвал свои речи и убежал. Оказалось, что это и был художник «Гамлета», гений и человек с опасным характером. Впрочем, «опасный характер» не спас его от варварского вторжения режиссуры в его замысел, блестяще остроумный, поразительный по тонкости соблюдения старинного стиля, одновременно трепетно злободневный и в то же время как бы не имеющий временной прописки в силу глубины и мудрости толкования высвеченной Шекспиром проблемы — распад связи времен, столь кровотокающий сегодня у нас на родине. Эти гравюры к «Гамлету» из числа тех созданий, которые не выдумываются художником, а как бы его душой и телом вылавливаются, как антенной, из бесконечного тока пространства и времени, где живут всегда независимо от человеческой воли, и только с помощью рук творца становятся зримыми. Такое достаётся в удел только гениям, художникам «со своими крыльями». Это его слова. Позже я получу от него письмо, написанное в один из тяжёлых дней, когда «заворачивались» и уродовались одна за другой дивные его работы.

«Люблю, когда ты говоришь — дивные! Пиши мне это слово почаще. А вообще — поскорее бы выгореть и исчезнуть! Только бы ещё раз окрылиться для взлета или падения, но чтобы были хоть обломанные, но свои крылья за спиной...»

А тогда, ещё задолго-зadolго до этого письма, я ушел из театра страшно расстроенный, но уже не тем, что не будет в спектакле моей музыки, а тем, что из-за этого не познакомлюсь с человеком, который так мне понравился — глазами, что ли? — и к тому же, одного со мной роста и возраста. Однако знакомство состоялось — на банкете по случаю премьеры «Гамлета», куда меня все-таки пригласили. Юрий Иванович сразу ко мне подошел, и для начала мы — оба пострадавшие — стали друг другу страшно ругать «главного», потом перешли на тему о человеческих глупостях, гадостях, подлостях вообще, и я рассказал ему одну историю. До этого я случайно познакомился с одним своим ровесником, немцем по национальности. Во время «сталинщины» его родители, обвинённые в шпионаже, были уничтожены, а он, малое дитё, вместе с сотнями других, таких же несчастных, был помещён в детский концлагерь. Дети работали на трелевке, на лесоповале, обращение было самое жестокое. Побои, наказание голодом — дело было самое обычное. Самое страшное — наказание «серым волком». Нашалившего ребенка охранники (люди в большинстве молодые) выводили на ночь из барака, приводили волка, и ребёнка съедали. И в этом царстве беспросветного, чудовищного, сатанинского зла единственными существами, которые проявляли к детям истинно человеческое отношение, были — крысы. Дети играли с ними, как с котятками, и не было случая, чтобы крыса тронула ребенка. Бараки были из вагонки, и зимними морозными ночами крысы укладывались на детей и согревали их, как одеялом. Крысы были большими гуманистами, чем те, кто смел называть себя людьми.

Закончив рассказ, я посмотрел на Юрия Ивановича. Он плакал. И глаза его, обычно голубоватые с туманом, поразили меня. Они сделались пронзительно синими, жгучая, горящая синева, выстреливающая болью. Так я узнал, как плачет этот неповторимый художник. После я видел и узнавал эту боль в его «Великом инквизиторе», Есенине, Свиридове, Бахтине, Толстом, Мусоргском и в великой притче — «Знаках Зодиака», этом горьком, откуда-то далеко сверху произнесённом приговоре безысходной круговерти жизни, суете сует мира сего, не освящённой ни крестом, ни Духом Святым. Эта боль потом много направляла в моей соб-

ственной музыке. И видение залитой слезами синева до сих пор часто является тем благословенным началом, с которого начинается моя музыка. И сам он после этого стал мне как родной. И я с великой радостью стал читать в его письмах ко мне: «Господи, Благослови! Здравствуй, брат!» Значит, тоже принял за своего.

Первые годы дружбы мы виделись очень часто, не просто виделись — рвались друг к другу. Многими часами бродили по Москве, о которой он знал буквально всё — от глубокой древности до того, кто из современных знаменитостей где живёт и чем интересен. Рассказы о домах, улицах превращались в целые лекции по архитектуре и градостроительству. Благодаря ему я полюбил и почувствовал Москву, которую, как ленинградец, поначалу не принял и не понял. Он, со своей стороны, терпеть не мог Ленинграда, всегда относился к нему с насмешкой и считал его «недоношенным Парижем». Несмотря на все мои старания, он так и остался при своем мнении и всё удивлялся, как это такой русский человек, как я, может жить в таком нерусском городе. Вообще проблемы русскости стали всерьёз интересовать его рано, во всяком случае, он был в числе первых, кто стал этот вопрос изучать. В начале 70-х годов в учёных и культурных кругах уже вовсю заговорили о крахе государства, который должен совпасть с 1000-летием крещения Руси. Усиливались религиозные настроения, интерес к русской философии. Юрий Иванович уловил настроения, они попали в самое его сердце, чуткое до всякого человеческого страдания, и дали мощные всходы. Он изучает труды Н. Федорова, К. Леонтьева, И. Ильина, С. Франка, П. Флоренского, С. Булгакова. Он размышляет сам, пишет свои работы, обдумывает. Уточняет и укрепляет свои представления о добре и зле, об искусстве, о государстве, постоянно очищает себя церковным покаянием. Он как бы готовится во всеоружии встретить время черноты, распада и потерянности, которые обрушатся на Россию. И когда это случилось, и мы, растоптанные и оскорблённые, ослеплённые чернотой и опустившие беспомощные руки, принялись судорожно искать опоры под ногами, воздуха для дыхания и хоть искры света, Юрий Иванович вдруг распахнул перед нами царство света, море свечей, горящих сердец, осиянных мудростью лиц, нет, не лиц — ликов, не то проросших на благословляющем кресте, не то в нем растворившихся. Я говорю о «Русской думе», великом творении великого художника, мостике, протянутом над бездной, нити, связывающей разорванное время, следе, уверенно продолжающем русский путь. Много размышляя о пути как о форме бытия, о кресте как о внешней форме человеческого тела и о связи ее с внутренней, духовной жизнью и сущностью всего земного пребывания человека, делая при этом десятки записей, рисунков и геометрических чертежей, что само по себе требует очень напряжённой работы мысли, больших знаний (читал он очень много и запоминал. Без преувеличения, всё), он, тем не менее, находил возможность заниматься и многим другим, стоящим в стороне от главного направления его мысли. И в этом он был щедр, расточителен и безудержен. У меня хранятся его разработки «Арабесок» Гоголя для музыкально-сценического действия с приложением чертежей и эскизов оформления сцены. Он отыскивает и присылает мне варианты переводов «Пещного действия» с комментариями специалистов, найденных им же, и опять со своей сценической обработкой. После бесед с владыкой Антонием у него возникает идея сделать вместе со мной спектакль о трёх великих русских городах — Киеве, Новгороде, Москве — на основе житий святых. И тут же присылает разработку — довольно неясную, правда, сюжетную и изумительную — сценическую с остроумным чертежом-эскизом. Но особенно он был увлечён сюжетом «Горя от ума». Чтобы показать, как страстен и решителен был он в начинаниях, приведу выдержку из письма по этому поводу.

«Пиши, дорогой, оперу «Горе от ума» — «гору уму»... Как тебе это видится. Не говори сразу «нет», ну найди тактичное «некогда пока», или — «ещё рано»... Если бы ты согласился — пойду к кому угодно и буду доказывать, докажу, и ты мог бы взяться за работу. Мечтаю быть при тебе при либретто, при постановке, при оформлении. Прости, но прямо хоть в Большой театр, доверь, я пойду и буду говорить в Худ. совете, в ЦК, в Обкоме. Хочешь, поеду в Новосибирск! Ах, как вдруг мне верилось перед сном и верится сейчас, весь в бреду, бреду по опере и уже даже кое-что слышу. Прости».

И я не сомневаюсь ни на секунду, что всё это было бы сделано, будь мое согласие. Но на беду, я принадлежу к той категории людей, которые очень долго запрягают или едут не в ту сторону, а когда спохватываются, то ехать уже некуда. Или уже не к кому. Ничто из замыслов Юрия Ивановича мною не осуществлено, и мне остаётся только каяться перед его памятью. И восхищаться его яркой напряженной жизнью труженика. Я не знаю, когда он спал. Иногда он не спал вообще. И все равно трудно представить себе, как он успел делать то, что сделал. При этом постоянная травля, материальные неурядицы, оплеухи редакции, полнейшее игнорирование со стороны художественного Олимпа, и при этом постоянное самоотвержение в дружбе, в труде и очищении. Вот строки из мартовского письма 1986 года — одного из последних:

«Кто есть Истина? Кто есть Путь? Кто есть Жизнь? Каждой душе ясно, лишь не каждый в душе своей сознается. Сам же я бегу за советом к добродушному владыке Антонию. Я всегда это говорил и дерзал даже советовать. Меня это вырывает, по крайней мере, мой мир ныне более умиротворен, и если это имеет место, то только духовным стоянием митрополита Антония — большого молитвенника, большого художника, большого человека, беззаветно преданного Истине и в Ней черпающего советное слово».

Я вижу Юрия Ивановича в тёмном закоулочке за шкафом. Он работает. Потом делает перерыв и неожиданно читает мне святочные рассказы для детей. Он растроган и трёт глаза красивыми нежными пальцами. Странно, что работа с камнем и металлом их не огрубил. Но выше кистей — смотреть больно. Вот она, работа, тяжёлый камень, злой колочий металл, напряжённое усилие резца: до самых плеч руки покрыты густой кровавой сетью лопнувших и перетруждённых сосудов. Это мы, его друзья, видели. Но мы не поняли, что перетрудилось и его сердце. И он сгорел.

В моей душе — свет от него. В комнате — его картины. Я хожу на Никольское кладбище в Александро-Невской лавре и стою у могилы владыки Никодима, у надгробия, сделанного Юрием Ивановичем. Рядом покоится владыка Антоний. Юра далеко и высоко и глядит на меня сверху. Теперь он знает про меня больше, чем я сам. А я слышу его голос: «Я тебя понимаю, т.е. люблю, и очень-очень хочу тебе добра. В чем же мой совет? А нет совета, есть пожелание быть ближе к Свету (знаю, ослепляет и высвечивает), быть ближе к Истине (знаю, обличает), быть ближе живого Спасителя (знаю, что непомерно страшно). Но лишь от этой близости и приходит радость».

Теперь и я знаю про него больше, потому что понял, что значит он для России, а значит, и полюбил тысячекратно. У Бориса Шергина, северного нашего Гомера, как Юрий Иванович его называл, есть такие строки: «Не пуста Россия-то! Люби, храни сердцем и мыслию места те святые святой Руси. И не сомневайся, что оне и есть на своем месте».

Юрий Иванович знал, где есть места, и указал к ним дорогу. Да сам сотворил такое место — свою великую русскую думу.

Произведения Юрия Селивёрстова

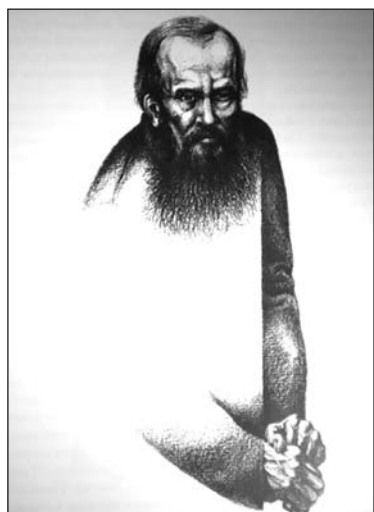
Автопортрет

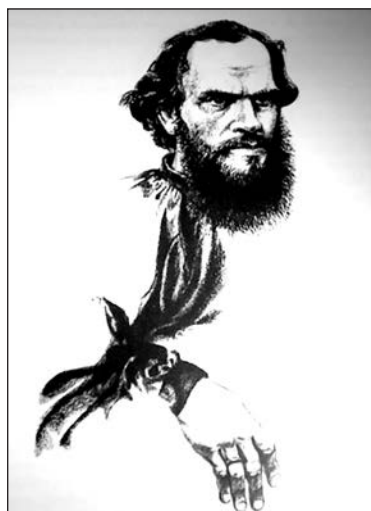
Александр Пушкин

Николай Гоголь

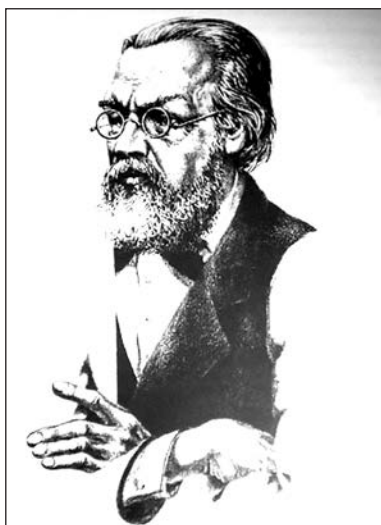
Федор Достоевский

Лев Толстой

Федор Тютчев

Иван Аксаков

Александр Блок

Сергей Есенин

Аполлон Григорьев

Виктор Астафьев

О «Сибирь»

ЮРИЙ ПАВЛОВ

КРИТИК И ПУБЛИЦИСТ, ДОКТОР ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР,
ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ И ЖУРНАЛИСТСКОГО МАСТЕРСТВА
КУБАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

«Сибирь» — лучший журнал востока России

Редакция журнала «Родная Кубань» искренне поздравляет лучший литературный и культурно-просветительский журнал востока России «Сибирь»! Мы помним, что в журнале опубликовали свои лучшие произведения В.Г. Распутин, А.В. Вампилов, В.И. Белов, Е.И. Носов, В.М. Шукшин и другие талантливые русские прозаики, поэты, драматурги. Многие годы ваша работа была связана не только с публикацией произведений художественной литературы, статей о культуре и истории, но и с отстаиванием высокого значения русского слова, с защитой отечественных духовных традиций. В трудное для нашей страны время «Сибирь» не дрогнула под напором всесокрушительного «ветра перемен», смогла сохранить себя, и сегодня дает читателю возможность приобщиться к прекрасным образцам литературного процесса. Желаем своему литературному и духовному собрату журналу «Сибирь» открыть новые таланты среди художников слова, привлечь к сотрудничеству лучших критиков, завоевать внимание еще большего числа вдумчивых читателей. С юбилеем!

МИХАИЛ ЩУКИН

главный редактор журнала «Сибирские огни»

В Сибири жить, «Сибирью» прирастать

Юбилей журнала «Сибирь», который выходит в славном городе Иркутске, это юбилей не только для иркутян, это событие для всей нашей сибирской литературы. Нет возможности перечислить имена всех авторов, чьи произведения были опубликованы на его страницах, но одно имя стоит упомянуть особо — Валентин Григорьевич Распутин. Мне кажется, что и по сей день в политике журнала ощущается его незримое присутствие.

Сегодня наши журналы, особенно выходящие в провинции, переживают не самые лучшие времена, но они есть, они существуют и выполняют свое предназначение. Именно в этих журналах молодой автор может впервые выйти к читателю, получить профессиональные советы, образно говоря, взять верный старт, ведь Москва, как известно, далеко, и не всегда ласково готова встречать таланты из российской глубинки. Именно поэтому «Сибирь», равно как и другие издания, нужно сохранять и оберегать. Радует, что и в условиях нынешнего непростого времени это удастся. Пусть так будет и дальше.

У «Сибири» есть свое «лицо». Его не спутаешь с другими, даже не глядя на обложку. Отдельные рубрики, свои, «сибирские», подходы к подаче материала... Впрочем, перечислять не буду, потому что каждый заинтересованный читатель может это увидеть, прочитать и оценить сам. Но об одной особенности стоит сказать. Она заключается в том, что «Сибирь» делают неравнодушные люди, любящие наш великий русский язык, нашу литературу, нашу историю и нашу веру. Делают по зову души, и делают хорошо. Это — главное. А все остальное, несмотря на трудности, приложится. И воздастся.

С юбилеем, родная «Сибирь»!

МИХАИЛ ТАРКОВСКИЙ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР АЛЬМАНАХА «ЕНИСЕЙ»,
ПРЕЗИДЕНТ ФОНДА АСТАФЬЕВА

В «Сибири» душа Сибири

Что такое дух журнала? Это люди, работающие над изданием. Их представления о добре и зле, их отношение к прошлому и будущему этой земли, к себе и окружающим. Вот об этом отношении и хотелось бы сказать в год 90-летия старейшего и важнейшего журнала, который, по моему представлению, бережёт-выражает душу Сибири, а следовательно, и всей нашей Родины с наибольшей верностью и бережностью. Что же это за люди?

С моего первого попадания в орбиту Иркутской писательской организации у меня не проходило светлого ощущения возвращения домой. К своим единомышленникам — тёплым, дружным и приветливым людям, которым ничего не надо объяснять и с которыми хорошо и привычно, — и на встречах, которые мы проводили и будем проводить в разных городах и сёлах Иркутской области и Забайкалья, и в Доме литераторов за чаем и не чаем, в спорах и не спорах.

Эта атмосфера, стоящая на кровной любви к Отечеству, его культуре, православленной вере и обычаям, была бы неполной без какой-то ненатужной и естественной яркости каждого поэта и писателя, в которых дар русского слова сочетается с талантом быть человеком, мыслящим, страдающим и способным защитить святое. Меня необыкновенно трогает, с какой бережностью и вниманием относится редакция «Сибири» к авторам из самых дальних уголков Иркутской области, будь то Верхнеленск, Бодайбо, или Усть-Кутский район, село Казарки. В чём дело? Наверное незримым оберегом, уровнем и мерой стоит за всем этим Батюшко-Байкал, на берегах которого невозможно не быть таким же талантливым и красивым, ответственным и хлебосольным... И Валентин Григорьевич, который смотрит на нас из своего бессмертия и словно пытается на способность быть бескомпромиссными и стойкими перед лицом грядущего, каким бы оно не было. Поздравляю вас, дорогие братья и сестры! Здоровья, сил и Божьей помощи главному редактору Анатолию Байбородину, его соратникам Владимиру Скифу, Юрию Баранову, Светлане Зубаковой и авторам этого прекрасного издания.

ЛИДИЯ СЫЧЁВА

главный редактор литературного интернет-журнала «Молоко»
и сайта Славянство — Форум славянских культур

Державное и душевное

Хорошо светлым осенним утром, не спеша, в охотку, читать журнал «Сибирь»! И знать — впереди у тебя длинный день, наполненный открытиями, впечатлениями, горестями и радостями жизни. И в Сибири побываешь, и на столицу поглядишь, и в Польшу тебя занесёт, и в веках далёких погостишь, и на времена нынешние с поэтической высоты удивишься. 125 лет прошло со дня рождения Сергея Есенина, а мало что изменилось: «Замелькают деревни с погостами, / С хороводом берёз. / Заглушит песню леса под звёздами / Стук вагонных колёс», — пишет Татьяна Чemezова.

Нет, конечно, одного выходного не хватит, чтобы такой «плотный» журнал в душу принять (в моих руках 4-й номер за 2020 год, и я — его автор!). Больше тридцати писателей в «Содержании», а сколько художественных миров, творческих состояний, мятущегося духа, идейных сшибок, борений! Медленное и вдумчивое чтение хорошей книги — нынче роскошь, немногим доступная. Бедняк, обворованный телевоспитанием, перебьётся интернетом и компьютерной игрой, лёгким видео и коротким днём. А журнал «Сибирь» время, самый драгоценный человеческий капитал, насыщает, делает значительным, серьёзным и судьбоносным.

Что ж, слава тем, кто журнал строит — сотрудникам и главному редактору. Первому лицу — и венцы, и шишки. Анатолий Григорьевич Байбородин — истинный сибиряк, не только по рождению, но и по характеру. Не робкого десятка, не боится брать на себя ответственность. Достоинство самобытного литератора, потому что «кто как живёт, тот так и пишет».

Юрий Павлов, Михаил Тарковский, Валерий Скрипко — эти имена современников, деятелей культуры, литераторов из 4-го выпуска журнала мне хорошо знакомы. А как я порадовалась за Светлану Кузнецову! Обширный очерк о ней написала поэтесса из Якутии Наталья Харлампьева. Впервые о Светлане Кузнецовой, Ольге Фокиной, Людмиле Татьяничевой я услышала на Высших литературных курсах от их руководителя Валентина Сорокина, и так влюбилась в нежное и женственное творчество старших по призванию, что немедленно написала очерк «Сквозь мглу» — о том, как трудно пробивается национальное чувство через завалы «медийной литературы».

С тех пор прошло больше двадцати лет, но стихи Светланы Кузнецовой всё так же тревожат воображение: «Катера идут по Лене. / Память сердцу дорога. / Грустноглазые олени. / Привитимская тайга».

Когда писатель живёт заботами народа, государства, а не только своего «кутка» и личной известности, это всегда отражается на его деле, придавая ему масштаб и значимость. «Сибирь» — журнал не только душевный, но и державный. У него есть направление, и оно — во славу народа и государства российского.

Страна наша сегодня переживает нешуточное давление извне. Сие ожидаемо: Запад привык решать свои проблемы за счёт других. Но нынешняя блокада (санкции), усугубленная технологической отсталостью России, денационализацией и деиндустриализацией, особенно опасна.

Литература, история и география — три наших последних козыря и союзника. Потому «гуманитарные войска» (не путать с медийным мусором и пропагандой!) пора переводить из статуса волонтеров и партизан в разряд профессионалов.

Нет, это не намёк властям на то, чтобы «дали денег» (хотя отказываться от них не будем). Умному человеку разъяснять роль литературы и лингвистического управления сегодня не надо, глупому — объяснять тщетно.

В условиях санкционного давления развитие краёв и земель, обширных регионов России — неизбежно. Социолог Сергей Переслегин говорит об Иркутске как о ключевом городе на огромном пространстве — от Восточной Сибири до Дальнего Востока. Прогноз обоснован историей, географией, экономикой. Мы дополним его литературным аргументом — журналом «Сибирь». Одним из лидеров современного созидательного литпроцесса в стране. (Есть и ударники-разрушители, но не о них сейчас речь.)

Время литературной раздробленности подходит к концу, новый курс — неизбежен. Он зовёт нас к собиранию сил, сосредоточению и серьёзной работе. Духовный разврат слишком дорого обошёлся России, многое погублено и утрачено. Но кое-что уцелело. Благодаря подвижникам, истинно верующим в слово людям, и вопреки трусам, предателям и сознательным врагам русской культуры.

Языковая самобытность — одно из немногих не до конца разграбленных наших богатств. Живи, Сибирь! Без тебя нет России, а без «Сибири» литературной, с её 90-летней историей, невозможно представить не только прошлое страны, но и её будущее.

ЛИДИЯ ДОВЫДЕНКО

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ЖУРНАЛА «БЕРЕГА»,
СЕКРЕТАРЬ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Письмо главному редактору

Дорогой Анатолий Григорьевич!

Редакционный совет литературно-художественного журнала «Берега», его авторы и читатели поздравляют Вас и Ваших коллег со знаменательным событием — юбилеем журнала «Сибирь», который является сегодня именно тем изданием, где публикуются самые яркие писатели, поэты, критики России, где обсуждаются актуальные литературные темы.

Материалы журнала отмечены высоким качеством, глубоким содержанием. Опубликоваться в «Сибири» стало престижным для многих известных литераторов.

Журнал продолжает и развивает лучшие традиции отечественной литературы и сегодня стоит в ряду известных и авторитетных российских периодических литературных изданий. Успех журнала — результат огромных усилий редколлегии журнала во главе с его талантливым редактором.

Желаем творческому коллективу журнала новых интересных публикаций, огромных успехов и издательского долголетия. Пусть озаряет ваши страницы пространство духовно-общественной мысли!

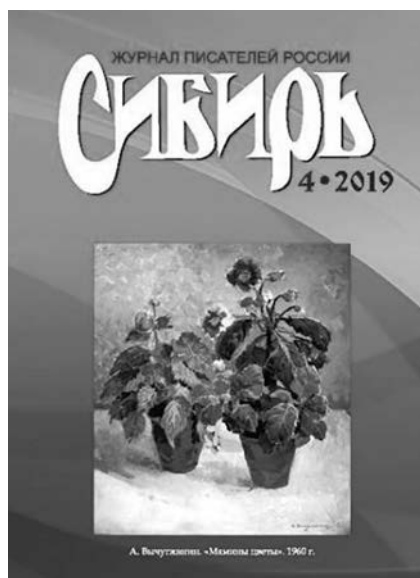
Да здравствует наш светлый журнал «Сибирь»!

Долголетия, творческих удач, продолжения плодотворного сотрудничества с уже печатавшимися авторами и знакомства с новыми именами! Здоровья и успехов Анатолию Григорьевичу, всем, кто был и остается с ним рядом!

С огромным почтением и литературным братством поздравление с берега Балтики — берегам священного моря Байкал!

ЕЛЕНА ПУСТОВОЙТОВА

Еще не кончен Русский век

Говорю совершенно искренне — я не искала этой встречи. Случай вложил мне в руки 4-й номер журнала писателей России «Сибирь» за 2019 год, и первое, что вдруг, словно синица, тенькнуло у меня в груди (да простят меня профессиональные литературоведы и критики), была тонкая вязь букв в строках с названием разделов журнала, исполненных с особым, теперь неведомым никому искусством, когда-то, в мою бытность школьницей, прозаически называвшимся «чистописание». Увы, в моем почерке это высокое искусство теперь уже едва заметно, но я не ошибусь, если скажу, что через непослушные еще пальцы, выводящие правильный нажим и красивый наклон, зарождалось в маленьком человеке и правильное чувство любви к букве, к

слову, языку. С этого несколько сентиментального «мостика» я и глянула на то, что скрывалось под обложкой «Сибири».

Оказалось — по-сибирски просторно. Но встреча была первой, и я неспешно отправилась вниз по течению, подспудно понимая, что в любой момент могу спрыгнуть на бережок.

Не спрыгнула.

Не знаю, случай ли так распорядился, выстроить журнал как «западно», или редактор мудро сложил книжку, хорошо разбираясь в психологии восприятия читателей. Собственно, мне это теперь уже и неважно. Важно, что ты невольно поддаешься тому внимательному и бережному отношению к русскому слову и литераторам, в разные времена отдававшим ему свои таланты, что и сам становишься бережным и внимательным читателем — чувство в наши дни редкое из-за неперестанного насилия над русским словом на телеэкранах, заменивших нам способность видеть мир своими глазами и говорить о нем собственным языком.

Денис Давыдов, Анна Ахматова, Владимир Солоухин — совсем не новые, давно знакомые нам имена. Новыми стали выходящие из обращения чувства гордости и любви к русскому литературному слову, с какими редакция журнала собрала книжку. И череда иркутских поэтов, и прозаики, вошедшие в журнальную книжку, в большинстве своем мне, не бывавшей в Иркутске, неизвестные, казались мне духовно близкими людьми — по силе любви к родному краю, по глубине чувств, испытываемых русским человеком в век нового распада ценностей, иноплеменного нашествия на нашу культуру через наши же средства массовой информации. Сделать эти имена общеизвестными во всей стране означало бы сделать богаче нашу культуру, но как это сделать в условиях самоокупаемости? Талант с торговлей мало совместимы. А Выставки достижений духовной культуры в России теперь уже нет. Но в том и сила «Сибири», что через нее течет в завтра Русский век, наполняя струю жизни новыми именами, стихами, которые легко ложатся на слух и западают в душу. Как у Юрия Аксаментова:

*Спокойно, медленно несет свою волну
Река далекого утраченного детства,
Тумана голубого пелену
Она оставила мне в вечное наследство.
Сквозь этот призрачный голубоватый дым
Я вижу все в неверном освещении,
Отжившее я вижу молодым,
А молодое предаю забвенью...*

*Хочу я быть задумчивой рекой,
Нести счастливых на спине широкой,
Давать уставшим воду и покой
И укрывать их от борьбы жестокой.
Хочу чтоб вечно на моей спине
На легких лодках плавали мужчины,
А женщины бельем стирали мне
С упругих щек мгновенные морщины.*

Я не бывала на Илеме или Ангаре. Не читала прежде Аксаментова, Чулкина или Обухова, но разве это их беда, что так непросто сейчас достучаться из Иркутска, Читы или Якутска до московского или владимирского читателя? Пусть не покажется моя восторженность излишней — она сильнее от сравнения с тем, чем напитывает нас нынешнее телевидение, насаждающее пошлость — как игру ума, безнравственность — как новую мораль, умение себя продать — как образец успеха.

Вот это исходящее от «Сибири» ощущение нравственной чистоты, как я понимаю, и составляет основную ценность журнала. Но придает он и напряжение уму, заставляет вместе с собой бороться за историческую чистоту не только сегодня, но и в нашем прошлом. Я — об удивительном эссе Анатолия Байбородина «Русский обычай». Удивительном потому, что в проходной для нынешней философии теме обычаев на Руси прочертил путь — едва не лестницу — из языческого прошлого моего народа к православной сути нашего прошлого и нынешнего бытия.

Очень затрудняюсь с жанром этого произведения, безусловно, литературного, но и глубоко философского, не вдруг рожденного конъюнктурой сегодняшнего дня, а, видимо, созревавшего годами и напряжением мысли. Что есть традиция русского бытия? Когда и как она сплелась с Православием? Почему и сегодня, в монетизированной жизни русского человека, несмотря на откровенную враждебность духовности, никак не хочет уходить из нашего сознания, а значит и из культуры?

Эссе Байбородина, конечно, не справочник, где на поставленный вопрос даются ответы. Оно — размышление о прошлом, осмысление которого дает нам право утверждать, что мы понимаем, что будет с нами завтра. Автор назвал его очерком о языческом и христианском в народной этике. Но шагнул далеко за очерковую грань, по сути дела, представив читателю широкое исследование проблемы в ее историографическом, философском и социо-психологическом аспектах. Отсюда и масштабность привлеченного исторического материала, и широкое использование Библии, и острота суждений, свойственная всяким коллизиям борьбы добра со злом, которые без опоры на Христовую Истину всегда остаются неразрешимыми.

Я не буду никого интриговать, но история русского крестьянства, «дикого» и «рабского» в западной или прозападной историографии, расчищенная от плевел под пером Байбородина, становится чище и понятнее разуму. Будь то «жажда Истинного Бога» в русской или иудейской традиции, давно осмысленная философиями, но никак не умиротворяющая тех, кто ждал торжества и благоденствия Израиля «сразу по приходе» мессии, с теми, кто жаждал благоденствия на небеси...

Одним словом, закрывая журнальную книжку, познакомившись с публицистикой и критикой, Книжной лавкой и новостями Иркутского дома литераторов, я с удивлением думала о том, как хорошо, что еще не кончен Русский век, что так сразу отзывается душа на Слово.

Нимало не сомневаюсь в том, что не только моя, но и каждая душа, которая познакомится с «Сибирью».

«Российский писатель»

Слово о журнале

Валентина Коростелёва 7.07.18 18:41

...Я бы сказала, — не только богатый, но и мощный — по темам, ритмам, значимости обсуждаемых проблем, по весомым и ярким именам, — словом, наш форпост на огромном пространстве родины! Долгой жизни такому изданию и его творцам!

Обзор журнала «Сибирь» № 3. 2018 год

Геннадий Сазонов. 30.07.19 18:55

Глубокий, интересный обзор журнала, как и само его содержание. Валерий Скрипко очень умело связал прошлое русской литературы, русского духа с настоящим состоянием общества, с тем, что ожидает нас в будущем. Очень верно обозначены проблемы «размывания» крестьянского уклада, а, значит, и всей народной культуры, а также разобщённости русских людей. Но при всех нестроениях Сибирь, думаю, остаётся тем мощным «резервуаром», где русский дух жив, сосредоточен и вызревает для больших дел.

Александр Смышляев. 29.07.19 09:48

Я искренне рад и счастлив, что опубликовался в «Сибири». Это большая честь для любого автора, ведь собирает журнал Анатолий Байбородин — уважаемый человек, замечательный писатель, «самобытенька» вы, батенька, свет Анатолий! Спасибо, друзья!

Обзор журнала «Сибирь» № 3. 2019 год

Григорий Блехман. 30.09.19 17:41

Присоединяюсь к словам моих уважаемых собратьев по перу — «Сибирь» действительно остаётся тем заметным островком нашей духовности, который стойко и убедительно противостоит всё сильнее навязываемому центральной властью современной России пути бездуховного и меркантильного «развития» страны. А точнее — духовной деградации.

Что до публикации малоизвестных авторов, то в том и сила журнала, поскольку эти авторы талантливы, и их произведения гармонично сочетаются с произведениями маститых писателей. Кроме того, на страницах «Сибири» видна ещё и преемственность поколений, значение которой едва ли можно переоценить, поскольку литература — живой организм, и только свежая кровь позволяет ей сохранять динамику своего развития. Всё это касается и свежего номера №4, о котором так убедительно написал Валерий Скрипко. Желаю этому прекрасному изданию долгой и плодотворной жизни. В чём, впрочем, и не сомневаюсь. Спасибо, коллеги, за ваше талантливое служение истинной литературе.

Екатерина Козырева. 29.09.19 08:16

Может быть М.В. Ломоносов имел в виду вот таких людей русских, воцерковленных, православных, издающих журнал «Сибирь», которыми прирастает Россия. Настоящие великороссы, любящие свою родину и свое слово, о чем с таким откровением написали здесь два Валерия. Ангела-Хранителя Русскому миру!

Валерий Латынин. 25.09.19 20:13

Каким же русским духом веет со страниц журнала «Сибирь»! Ай да молодцы сибиряки, сумели сберечь исконную Русь в своих душах во времена сплошного эрзаца и мракобесия! Снимаю папаху перед коллективом редакции. Спаси Бог! С уважением, Валерий Латынин.

Валерий Скрипко. 19.09.19 19:10

Я такой же автор, как и остальные, кому посчастливилось напечататься в «Сибири». Но я знаю, что «Сибирь» — журнал для поэтов и писателей, у которых щемит сердце от душевных строк Николая Рубцова, которые любят свою родину до каждой травинки и блика солнца на воде, чувствуя с ней самую прочную, самую смертную связь! Которые любят настоящим добрым православным человеком и стараются запечатлеть его в своих произведениях. Это романтики-чудаки в рациональном обществе потребления, верные традиционным ценностям — влюблённые в «Русский мир».

Обзор журнала «Сибирь» № 4. 2019 год

Григорий Блехман. 28.10.19 21:56

Валерий Румянцев абсолютно верно заостряет этот вопрос (о русскости, народности в современной российской литературе). Да и вполне логично, что такой вопрос поднят на страницах журнала «Сибирь» — одного из лучших изданий на литературно-патриотическом пространстве современной России. А очерк Валерия Скрипко в целом мне понравился, потому что в нём передано главное достоинство «Сибири» — верность публикуемых материалов современных писателей лучшим традициям глубинной русской литературы. Поэтому и читаю этот журнал постоянно.

Владимир Подлuzский. 28.10.19 15:18

Меньше всего произведение Валерия Скрипко (а это, несомненно, произведение) хотелось бы назвать обзором. Скорее, исповедью русского человека, или, на худой конец, лекцией, беседой. Или, по примеру автора, величать его летописью. Что ни абзац, то ёмкая мысль. Что ни период, стратегически важные выкладки.

Лично меня задела вот такая цитата: «А потом вспомнил: точно с такой же грустью в начале двадцатого века писали стихи в арендованных парижских коммунашках покинувшие родину русские поэты-эмигранты. Разница лишь в том, что век назад после революции 1917 года в русской культуре свирепствовал Лев Троцкий, а сейчас хозяйничают не менее решительные либералы. Современные поэты природного есенинского склада, вроде бы, никуда не уезжали, но почти полное отсутствие у нас на родине многотиражных патриотических изданий мож-

но смело приравнять к высылке из страны самих литераторов-патриотов». Кое-в чём не соглашусь. Да, многотиражных патриотических изданий нет. Но есть же «тысячники», что по нашим временам вовсе не мало. Та же «Сибирь». Я уже не говорю о «Берегах», «Родной Ладог», «Подъёме» и набирающем силу журнале «Александръ». Уважаемых сайтах «Российский писатель» и «День литературы», который есть и в газетном, и в журнальном варианте. Можно и другие издания привести в пример, где современным Есениным дорога открыта.

А вот объединительной широкой деятельности, практически или хотя бы теоретически поддерживающей поэтов глубоко национальных, народных, русских, в стране действительно нет. И премии, которые могли бы получить подобные авторы, благополучно вручаются более близким к раздаточным окошкам городским поэтам, большинство из которых никогда и не окунались в стихию деревенской самобытной речи. То есть, далёких от народа. Да и чаще не русских по рождению и по творчеству. Не зря чуть ли не все лауреаты спешат в своём творчестве произнести как пароль, заклинание имя Бродского или, например, безыменных рангом пониже. А ведь многие из них хотели бы числиться «русскими» и «известными». Настолько всё явственнее чувствуется потребность в новых Есениных. Не иностранцев в собственной стране. Не ссыльных в смысле популяризации их творчества. Произойдёт это, и журналы станут многотиражными. И литературная аудитория значительно расширится.

Обзор журнала «Сибирь» № 5. 2019 год

Александр Смышляев. 5.12.19 01:54

Богат содержанием и красив журнал «Сибирь». И всё потому, что собирают его и делают люди с красивыми душами, как сам главный редактор журнала Анатолий Байбородин, проза которого с чистым, родниковым языком хорошо известна в России. Замечательно, что журнал посвящен графу Муравьеву-Амурскому. Камчатка тоже многим обязана ему. Да что там Камчатка — Россия обязана тем, что Камчатка в годину Крымской кампании осталась в составе России, а не была завоевана союзническими Англией с Францией. Муравьев первым почувствовал, что угроза будет не только Крыму и северо-западу России, но и окраинным землям Северо-Востока России. По его настоянию укрепили Камчатку, направили туда военный транспорт «Двина», повернули в Петропавловск фрегат «Аврора». Экипажи этих кораблей вкупе с Петропавловским гарнизоном, казаками и добровольцами камчадалами дали по зубам англо-французскому десанту, сбросив его в море. А на следующий год, благодаря ставленнику Муравьева военному губернатору Камчатки Василию Завойко, смогли «улизнуть» из Петропавловска в устье Амура наши славные корабли, которые неминуемо попали бы в руки неприятелю, пришедшему снова уже с большим количеством своих многопушечных кораблей и воинов. Славный был губернатор граф Муравьев, недаром награжден приставкой к фамилии — Амурский.

Спасибо, иркутяне, за память. Спасибо за журнал. Имею только 4-й номер за этот год, но теперь хочу выписывать его постоянно наравне с «Нашим современником» и другими любимыми журналами.

Григорий Блехман. 4.12.19 21:21

Прежде всего отмечу очень важную беседу главного редактора «Сибири» Анатолия Байбородина с губернатором Иркутской области, потому что Сергей Левченко относится к той, к сожалению, пока немногочисленной категории людей, наделённых немалой властью, которые не на словах, а на деле являются государственниками. И то, что между основным литературным журналом Сибири и нынешней региональной властью такой контакт, вряд ли можно переоценить, поскольку знаменитое положение: «В начале было Слово» проверено жизнью тысячелетий. В литературном обзоре ниточка или нить не только хороша сама по себе, но, главное, убедительна тем, что передаёт суть очередного содержательного номера одного из самых значимых толстых литературных журналов России.

Обзор журнала «Сибирь» № 6. 2019 год

Надежда Мирошниченко. 9.03.20 00:54

Поражена масштабом обзора свежего номера журнала «Сибирь». Мне кажется, что только в этом масштабе и можно говорить о сегодняшней России. Все остальное — только несвязанные части главного, которые не дают ответа ни на один из мировоззренческих вопросов. Бог в помощь, дорогие сибиряки!

Геннадий Иванов. 8.03.20 20:45

Удивительный обзор всего одного номера журнала! Одно. А впечатление, что это обзор годовой подписки... Такое наполнение, такие интересные мысли и выводы. Такого уже давно не было. Обычно информационная заметка о вышедшем номере, а тут столько осмыслено! Вперёд, Сибирь!

Екатерина Козырева 8.03.20 14:45

Талантливая работа Валерия Скрипко даёт такой полный и художественно значимый обзор свежего номера журнала «Сибирь», что хочется взять в руки этот журнал, пахнущий типографской краской, и прочесть своими глазами названные художественные и публицистические произведения. Но по тщательной подробности описания интерес к журналу не оставит читателя. Спасибо, Валерий, за поднятую и понятую вами проблему крестьянства, особо интересующую меня.

Обзор журнала «Сибирь» № 1. 2020 год

Григорий Блехман. 30.07.20 11:24

Журнал «Сибирь» привлекает основательностью материалов, что является заслугой редколлегии, отбирающей рукописи для публикации. И привлекает ещё тем, что в каждом выпуске журнала, благодаря качеству литературных произведений, из всего разнообразия материалов складывается цельная картина вектора духовного движения в современной России. Здесь уже заслуга главного редактора.

Николай Переяслов. 28.07.20 20:02

Чудесный, обстоятельный очерк, я читал его с удовольствием. Порадовал анализ статьи Юрия Павлова о книге Захара Прилепина «Есенин». Да и вообще, всё написано основательно, отличный материал.

Екатерина Козырева. 28.07.20 19:22

Огромное спасибо Валерию Скрипко за такой обстоятельный и справедливый обзор журнала «Сибирь», одного из лучших журналов нашей обширной Родины. Желаю славы и добра нам всем и дорогим сибирякам! С уважением, Екатерина.

Виктор Бараков. 29.07.20 11:29

Присоединяюсь к оценке Н. Переяслова. В. Скрипко написал отличный обзор! Особенно рад за вдумчивый анализ материала Ю. Павлова о книге З. Прилепина.

Надежда Мирошниченко. 29.07.20 01:59

Поздравляю сибиряков с выходом очередного номера их блистательной «Сибири»! Очередной поклон Валерию Скрипко за его любовь к русской литературе, к Русскому вопросу и к авторам этого уникального журнала! Дорогой Анатолий, искренне жалею, сколько времени ты отнимаешь у своей талантливой прозы на собирание портфеля и редактирование такого серьезного издания! Особое спасибо за Василия Шукшина. Сердце не выдерживает наблюдать сегодняшний шабаш представителей его семейства. Бог в помощь вам всем! P.S. Владимиру Скифу. Дорогой Володя, что-то давно тебя не было на «Р.П.» Надеюсь, всё в порядке со здоровьем. Н.М.

Обзор журнала «Сибирь» № 4 за 2020 год

АННА ПАНОВА-КУВАКИНА

«Душа грустит о небесах...»

О книге А. Байбородина «Озёрное чудо»

Прочитала книгу «Озёрное чудо» — отличная, живая книга. Говорю это не для того, чтобы потешить авторское честолюбие, а потому что встреча с художественными произведениями — это нынче большая редкость и радость. Современная литература, на мой взгляд, выпекается, за небольшим исключением, как быстрая журналистская проза с разными тенденциями, часто без меры, или авторы просто ломаются, как сдобные сухари, и выдают шедевры-фокусы (или, как говорили во времена моей молодости: «Это не что либо, либо что, а не что иное, как вообще»).

Прозревший кричит: «Вижу!», так и я, как читатель, радуюсь, что вижу Ваших героев. Благо Вы их не описываете, Вы их показываете.

Рассказ «Купель» восхитителен (на мой взгляд, его можно было бы сравнить со «Старик и море» Хэмингуэя, хотя мне такие сравнения и

не очень нравятся, просто не могу иначе сформулировать, но там по звуку католический хорал, а у Вас от гармошки до «Господу Богу помолимся...»). Дед Хап говорит слова простые, всем известные, как жить, не беря греха на душу, по ним и поступает, а выходит, что он-то и есть «блажен муж, иже не иде на совет нечестивых». Дед Хап (рыбак до самой смерти — умирать собирайся, а рожь сей) сохранил в себе образ Божий, а правнук Кольша, считающий, что дед умом ворохнулся, уже не понимает, о чём речь идёт. Так мир изменился, что озеро для Кольши больше не Божья купель...

Запоминается сбор ягод — «синим-синё» — в повести «Утоли мои печали» и рассказ «Очарованная явь, или Подлёдный лов хариуса на Байкале» (как будто там побывала! да на морозце!). «Озёрное чудо», «Ленский варнак», «Дураки. Байкальский сказ» — всюду неведомая мне, москвичке, жизнь, но написанная автором с такой любовью и болью, что проникаешься интересом и сочувствием к героям. Рассказ «Дворник. Сказ о захолустном писателе» перечитала дважды, сначала весело посмеялась, потом стало грустно. Шутки шутками, мужицкие прибаутки (справедливые), а много серьёзного писатель тут высказал. Корешки в каморке и злодейские корешки в жизни (Гнедой, Карл Моисеевич и т.д.). Очень хорош абзац «Даже старинные приятели, с кем пуд соли съел», а последний — «Вернувшись в дворницкую камору...» — это как у Гоголя и Толстого — от творчества к учи-

тельству или в дневниках Пришвина: «2 октября 1934... мне поэзия должна быть как молитва». «Тёща моя — не Пушкин», «Бабы тропы» читал?», «...с грустью помянул слова писателя Михайлова», — картина знакомая, что в Москве, что в Иркутске...

О чём бы Анатолий Байбородин в книге не писал, а лейтмотив один, есенинский — «Душа грустит о небесах, она нездешних нив жилица». Грустят, но не знают, как к небесам подобраться (никто с ними не говорил об этом), и потому маются, наломав дров в своей и чужой жизни, и влюблённые герои в повестях «Горечь» и «Белая степь».

Думала о том, почему критики упрекали писателя в «этнографизме, фольклоризме и словесном орнаментализме». То есть в провинциализме по сути. А ведь почти вся Россия XIX века, да и XX — это провинция (и Лесков, и москвичи Иван Шмелёв и А. Островский, и Бунин и др.). Подобный упрёк — это в сущности повторение лозунга: «Даёшь газетный язык!» А Байбородин предлагает медленное чтение, чтение-погружение в родовой (русскую, старообрядческую и бурятскую степную) почти забытую, что вызвала его на свет Божий и следит за ним с неба... И он должен писать, выполняя её таинственный, в крови живущий наказ. Как писал в 1952 году Михаил Пришвин: «Я пишу, значит, тем самым я переживаю свою национальность, переживаю ее в себе, как конь переваривает траву, чтобы бежать вперед по своему назначению. Да, я переживаю свою национальность, я тружусь, я мучусь и, наконец, как из темного леса, выхожу на простор».

А вокруг — городской ритм, событие за событием, ни у кого времени нет очухаться... «Из края в край, из града в град // Судьба, как вихрь, людей метёт...» — писал Тютчев ещё в 1834 году... И все всё бегут! Не останавливаться же? А тут Байбородин со своим фольклором... Не в словарь же Даля заглядывать? А может, именно туда и надо заглядывать? Может, из глубины-старины и понятней день сегодняшний?

Очень люблю Н.С. Лескова, и часто перечитываю его рассказ о случайно напроказивших выпивших мужиках «Грабёж» (вот оттуда: «Ах, господа, как надойдёт воровской час, то и честные люди грабят». «Разве вы, братец, не знаете, какое у нас орловское положение? Постоянно с ворами, и день и ночь от полиции запираемся»). Чем не день сегодняшний? А концовка рассказа — да нам такие представления о нравственности и не снились! Не только деньгами расплатились купцы, но и на богомолье молодой герой отправился...

Теперь о словесном орнаментализме. Это как сладостный аромат розы. Магазинные розы почти не пахнут, потому что выведены из гибридных сортов, удобных к транспортировке. А ведь именно ароматом цветов и запоминается, потому что при нынешних технологиях легко создать розу, почти не отличающуюся внешне от настоящей... Без словесного орнамента, без языка — что за проза?!

И последнее. Анатолий Байбородин относится к тем настоящим русским писателям, кои не позволяют, чтобы «распалась связь времён». Не сочтет писатель за лесть, мысленно ставлю его вслед за Николаем Лесковым и Иваном Шмелёвым — дух тот же.

ЛЮБОВЬ МОСКОВЕНКО

О добром — честно

О книге Э. Анашкина «Честная книга»

Держу в руках «Честную книгу» Эдуарда Анашкина и ловлю себя на мысли о притягательности первой страницы обложки. Романтично смотрятся на ней и старинная ложечка, и письменный набор — чернильница с гусиным пером, и чай в стакане с подстаканником, и книги, а на дальнем плане в призрачном свете — кромка леса. Между ними горящая свеча, огонёк которой в круглой ауре напоминает полную луну...

Название заставляет задуматься, почему честная? Вроде понятно, о чём: документальная повесть о дружбе с писателем и литературоведческие очерки и статьи. Что хочет сказать автор, дав такое название?..

Переворачиваю книгу, и вижу на обратной странице обложки фото и краткую биографию автора. Сибиряк, родился в Читинской области, в 1946 послевоенном году. Отмечаю его желание учиться. Это важное качество на пути самосовершенствования. Брался за любую работу. Начинать рабочим, стал учителем в школе, а затем заведующим отделом сельской районной газеты. Но в итоге затянула литературная стезя. Вступил в Союз писателей России. Жизненные испытания и полученный опыт легли в основу рассказов и повестей. Интерес к творчеству других вылился в литературоведческие очерки и статьи. Публиковался во многих газетах и журналах, выпустил несколько книг. И вот — новая, нынешнего года издания.

Вот так, в нескольких строчках изложена целая жизнь писателя, а что конкретно стоит за пройденными годами?

Отсчёт своего становления и многих, одновременно с ним начинавших, а ныне известных писателей, Эдуард Константинович ведёт с Читинского семинара, состоявшегося в 1965 году. Именно с того судьбоносного поворота молодые писатели стремительно и уверенно входили в литературу. Среди них был и Валентин Григорьевич Распутин.

Ненавязчиво, бережно и аккуратно Эдуард Константинович ведёт нить повествования от первой встречи с Распутиным до его последних дней, рассказывая при этом и о судьбе других писателей — как известных до семинара, так и получивших надёжную поддержку и путёвку в жизнь тогда, более полувека назад. «Надо принимать во внимание то, что значит для молодого писателя подобный семинар и оценка маститых словотворцев. Это таинство обретения своей творческой самобытности, по сути, таинство рождения писателя», — пишет Анашкин (с. 27).

По воле судьбы начинающий прозаик навсегда переехал в Поволжье, но не переставал «пристально следить за творчеством писателей-сибиряков», встреченных в Чите: Валентина Распутина, Вячеслава Шугаева, Александра Вампилова, Геннадия Машкина... «Как читатель-читинец и как земляк-сибиряк радовался их творческим победам» (с. 28–29).

На памятном семинаре приглашённый в качестве гостя Эдуард Анашкин попросил Распутина подарить книгу. На что Валентин Григорьевич «...как-то по-детски улыбнулся: «Пока не могу. Вот выйдет книга — тогда и подарю с радостью...». Так состоялось моё знакомство с будущим классиком отечественной литературы», — вспоминает автор документальной повести (с. 16). И Распутин выполнил своё обещание, данное на центральной площади Читы — подарил Анашкину книгу, и не одну, с дарственными подписями. А к одной из книг, «Запрягу судьбу я в санки», написал предисловие под названием: «На добро — добром». «Наши с Распутиным добрые отношения, собственно, имеют своим истоком ту нашу первую встречу в Чите уже более полувека назад», — считает Анашкин (с. 35–36).

Все эти годы Эдуард Константинович вёл дневник, вписывая в него всё важное и интересное в литературном мире, связанное с Распутиным, собирал газетные и журнальные статьи, сберегая подаренные писателем книги, диктофонные записи разговоров. В 2013 году в Иркутске, на Днях русской духовности и культуры «Сияние России» Валентин Григорьевич спросил Анашкина, почему он интересуется его творчеством. Эдуард Константинович признался, что хочет написать о нём. В ответ Валентин Григорьевич тихо рассмеялся и пожал Анашкину руку со словами: «Благословляю тебя на это. У тебя получится. Главное, книга будет честная» (с. 97).

И вот книга вышла. В ней рассказано о дружбе двух писателей и ещё много о чём. Сбор материала сблизил автора с родственниками знаменитого писателя по его линии и линии жены, Светланы Ивановны. Их воспоминания, фотографии помогают узнать, каким был Валентин Григорьевич в кругу семьи, как относился к друзьям, коллегам по перу, о трагических событиях в его жизни. Всё это подтверждено фактами, вызывает доверие и глубокую благодарность автору «Честной книги» за сохранение памяти о великом писателе, нашем современнике, запечатлевшем историю и события, участником и свидетелем которых он был.

Вторая часть «Честной книги» посвящена прозаикам и поэтам, привнёсшим в литературу своё видение мироустройства, отношений, чувств. Следует отметить, что у Эдуарда Константиновича особое чутьё на талантливых людей. Как-то по-особенному, искренне и душевно рассказывает автор «Честной книги» об их творчестве, жизненном пути. Это же отметил и прозаик Николай Иванов в автографе на своей книге «Тот, кто стреляет первым» (2017): «Моему брату по творчеству — Эдуарду Анашкину, обладающему внутренним зрением и способному за строчками увидеть автора. С поклонением, Н. Иванов» (с. 244).

Ещё одна особенность — географическая широта охвата. Среди тех, кто привлёк внимание Анашкина-читателя, представители Поволжья, Западной и Восточной Сибири, Забайкалья. Есть и москвичи, но преобладают среди них выходцы из российской глубинки, не расставшиеся в творчестве со своими сельскими местами, болеющие за их судьбу.

Имена выстроены по алфавиту, и вот совпадение: первое слово обращено к Светлане Вьюгиной, детской писательнице. Тема детства очень близка Эдуарду Анашкину! Недаром название его очерка «В сторону доброты» перекликается с названием уже упомянутого предисловия Распутина к книге самого автора — «На добро — добром». Без доброго чувства писать о детях невозможно. И потому неслучайно Анашкин упоминает самый болевой эпизод из рассказа Вьюгиной «Папа не пил» («Волшебное словечко», 2019) — когда мама допытывается у маленькой дочки, вернувшейся из магазина с отцом, выпивал ли он с друзьями. Девочка очень любит своего отца и только что увидела его фронтовых друзей, инвалидов, и потому встала перед выбором: «сказать правду о папе, значит фактически предать папу. А не сказать правду — значит обмануть маму. Ребёнку приходится делать выбор даже не между добром и злом... а между большим и меньшим злом», — пишет Анашкин. Понимая терзания девочки, так и не выдавшей отца, он принимает её сторону (с. 231).

Очерк о прозаике Николае Иванове «Жизнь без наркоза» начинается со слов: «Есть писатели, чья биография захватывает читателя не меньше, чем произведения. Потому что их произведения есть не только предмет литературы, но — продолжение авторской судьбы» (с. 240). Эта мысль продолжается и дальше, где автор говорит, что военная проза Иванова «помимо её художественных достоинств, ещё и документ эпохи. Ведь она существует в очень редком жанре — где за художественностью угадывается документальная конкретика» (с. 240). И эта конкретика пронзительна, как в новелле «Золотистый, золотой». Звучит и мнение самого писателя Иванова о том, как изображать войну. Будучи руководителем совещания молодых военных прозаиков, он доказывал: война — не только кровь и стрельба. «Правда войны — это и когда воробей прыгает по колючей проволоке. Когда по крыше землянки бежит ручей...» (с. 245).

Много внимания уделено Станиславу Куняеву, и по причине вполне понятной. Это одна из самых значимых фигур нашего времени — как писатель и как главный редактор журнала «Наш современник». Но Анашкин больше останавливается на его поэзии, считая, что «поэт Станислав Куняев порою незаслуженно попадает в тень публициста Станислава Куняева» (с. 271). Цитируя строфы из разных лет, он убеждает: в книге избранного «Сквозь слёзы на глазах» стихи Куняева не потеряли свежести. Особенно те, в которых идет речь о трагической судьбе России. И даёт своё объяснение: «...Автора этих стихов... наверное, не может это не радовать. Но как гражданин и публицист он наверняка испытывает горечь. Раз стихи в защиту России не просто не устарели, но актуализировались, значит, Россия по-прежнему в беде. Разве только «страшилки» для русского человека сверху поменяли. Раньше пугали: «Лишь бы не было войны». Сегодня пугают: «Лишь бы не вернулись лихие девяностые» (с. 273–274).

Чем дальше читаю, тем больше замечаю: очерки и статьи Эдуарда Анашкина пишутся в свободной форме, переплетаясь с воспоминаниями (не зря он иногда их называет эссе), и это говорит о личном отношении к тем, о ком он рассказывает. И оно, отношение, искреннее и душевное. Действительно, каждый ему знаком как человек, и человек хороший.

В небольшой, но ёмкой статье об известном русском писателе Владимире Крупине чуткий взгляд автора выхватывает такую деталь: Крупин из тех, кто может

отказаться от литературной премии, если это препятствует его убеждениям. В творческой биографии поэта Николая Коновского отмечает, что «такое явление, когда поэт ушёл в тень своих стихов — редкость», в отличие от тех, кто любит «всюду говорить о себе» (с. 260).

За некоторыми названиями сразу угадывается содержание: «Через тайгу к человеку» (об Анатолии Кандаурове), «Верность маленькому человеку» (о Иване Никульшине), «О русской глубинке замолвила слово» (о Елене Чубенко). Проза этих писателей — о простых людях. Но автор книги ни простыми, ни маленькими их не считает: «Да и какой он, собственно, маленький — человек, являющийся плоть от плоти, кровь от крови народа?.. Его душа — огромная вселенная. И писатели, которые по природе своей... также плоть от плоти своего народа, от этой темы никуда уйти не могли» (с. 286).

Многие поэты, ставшие героями книги Эдуарда Анашкина, удивляют тем, что не расстались с такими же важными, как литература, занятиями, то есть не изменили прежней профессии. Делается понятно, почему строчки из цитированных стихов вызвали моё доверие: они подпитаны самой жизнью. Среди тех, кого имею в виду, — талантливый актёр и автор-исполнитель стихов-песен Михаил Ножкин; хирург-кардиолог Виктор Поляков, чьё имя присвоено Самарскому кардиологическому диспансеру; журналист, кандидат политических наук Александр Новопащин; служитель культа протоиерей Сергей Гусельников.

Задержусь на имени последнего. В очерке «Отблеск любви изначальной...» удивилась, прочитав: «...Будучи умудрённым священнослужителем и достаточно известным поэтом, отец Сергей сохранил в себе ту детскую чистоту и ощущение своего изначального человеческого несовершенства, которые помогают ему сохранить исповедальность и покаянность в стихотворениях, не впадая в страсть обличительства и избыточной назидательности». И здесь же, ниже, строчка, которая подтвердила сказанное и обнадёжила: «...И я иду, и падаю в пути, // но мне легко терпеть любую муку. // Теперь я не один, теперь смогу дойти — // ведь рядом Тот, Кто подаёт мне руку!» (с. 236).

Вообще все подобранные цитаты не расходятся с оценками автора, и потому возникает желание найти и прочитать книги тех, с чьим творчеством познакомилась впервые.

Но вернусь к землякам-сибирякам Эдуарда Анашкина. На Днях «Сияния России» 2013 года Эдуард Константинович познакомился с иркутскими писателями. С той поры со многими перезванивается, интересуется, как идут литературные дела. В результате в журналах «Сибирь», «Наш современник», «Подъём», на сайтах интернета появились его статьи о прозаиках Александре Донских, Юрии Баранове, Александре Лаптеве, поэтах Владимире Скифе, Михаиле Трофимове и других.

Не обошёл Эдуард Константинович вниманием и недавно вышедшую книгу критики и публицистики Валентины Семеновой «Под небом родным и тревожным» (Вече, 2019) — статью «Тревога о родном» включил в свою «Честную книгу». Давая одобрительный отзыв очеркам как об известных всему миру Распутине и Вампилове, так и о других талантливых писателях Восточной Сибири — Альберте Гурулёве, Валерии Нефедьеве, Анатолии Горбунове — он говорит о том, как «органично вписана распутинская тема в тему сибирской литерату-

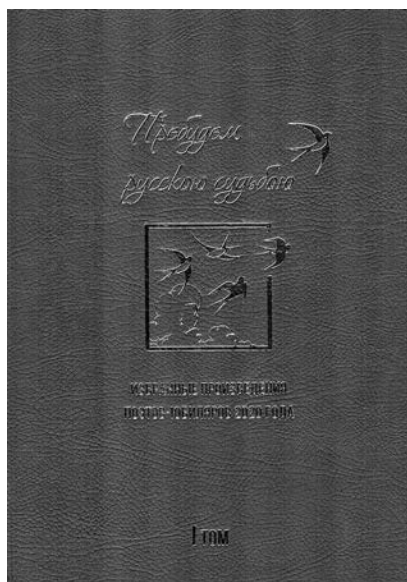

ры, не подминая её под себя, а высвечивая лучшее», и «всё что написано — не плод досужих размышлений, но собственный опыт участия в событиях» (с. 327, 329).

В статье о Сергее Котьяло «Без срока давности» писатель и критик-эссеист выразил одно из своих воззрений на творчество: «Писателем по-настоящему может быть лишь тот, кто любит литературу в себе, а не себя в литературе». Эти слова относятся не только к прозаику, которого он называет «большим тружеником литературы» и высоко оценивает его правдолюбие в военных очерках, — они относятся и к самому Эдуарду Константиновичу. Он пишет о тех, кто придерживается того же. Кто несёт в сердце огромное сочувствие к судьбе своего народа, кто считает честное свидетельство о времени, событиях, людях главной задачей писателя.

Вот почему его книга получилась цельной, живой, будто наполненной теплом дружеской беседы. И читается она легко и с благодарностью.

Книжная полка

Пребудем русскою судьбою. — Том 1. Избранные произведения поэтов-юбиляров 2020 года: Иркутск: Сибирская книга (ИП Лаптев А.К.), 2020. — 400 с.

В первый том избранных произведений поэтов-юбиляров 2020 года вошли стихи семнадцати авторов из Иркутска, Ангарска, Братска, Усолья-Сибирского, Шелехова, посёлка Новонкутск и города Северобайкальска. Вошли стихи поэтов, не только ныне живущих, издающих свои книги, имеющих публикации на страницах газет и журналов, но и поэтов, которых нет среди нас. Их нет, но они живы в своём творчестве, в своей не утратившей поэтическую сущность, современность и красоту слова — поэзии, неумирающей Поэзии. Это —

Георгий Кольцов родом из посёлка Буреть Куйтунского района, Сергей Швецов из города Шелехова и иркутянка Татьяна Миროнова.

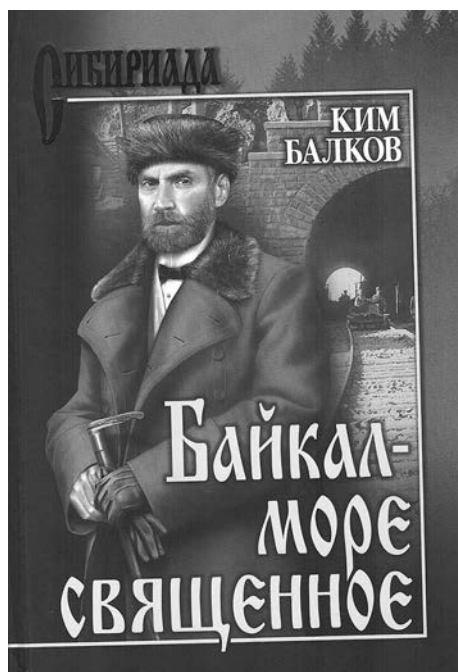
Стихи современных поэтов-сибиряков: братчанина Анатолия Лисицы, ангарских поэтов Владислава Селиванова и Людмилы Беляковой, усольчанина Юрия Кочуры, поэта из Новонкутска Александра Кобелева, Тараса Манданова из села Хандагай Баяндаевского района, Анны Рандиной из города Шелехова, Светланы Аниной из Северобайкальска, как и поэтов-иркутян Валентины Сидоренко, Геннадия Аксаментова, Сергея Эпова, Татьяны Назаровой, Веры Козарь и Владимира Скифа — дают достаточно ёмкий и многогранный срез современной русской поэзии.

Балков, К.Н.

Байкал — море священное : роман / Ким Балков. — М.: Вече, 2020. — 368 с. — (Сибиряда).

Ким Николаевич Балков — автор около тридцати книг, лауреат Большой литературной премии России и Государственной премии Республики Бурятия.

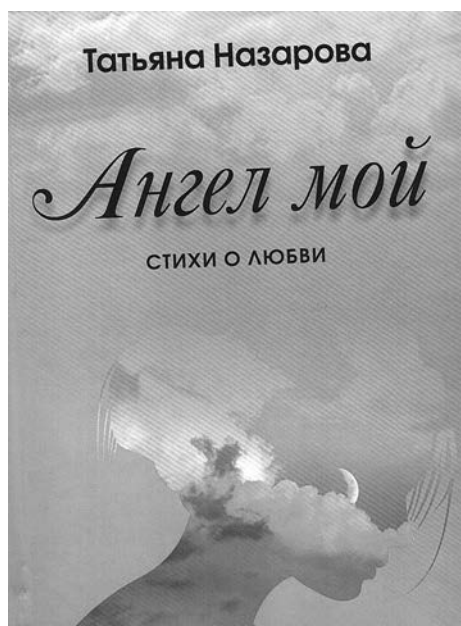
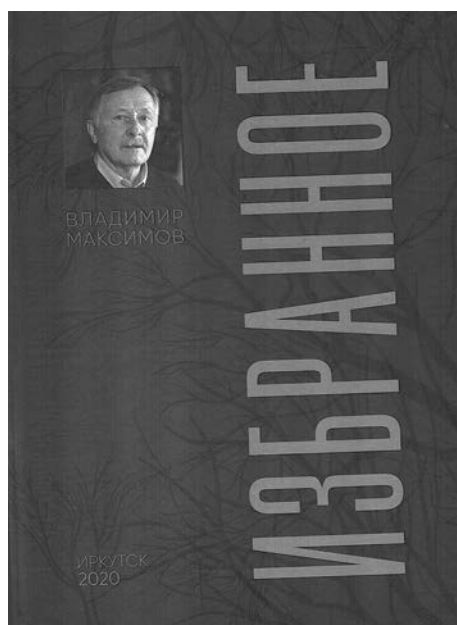
В основе романа «Байкал — море священное» лежит строительство Кругобайкальской железной дороги в период русско-японской войны. Эти события одинаково трагично отозвались на судьбах священного озера и всех людей России.

Максимов, В.П.

Избранное : повесть, рассказы / В.П. Максимов. — Иркутск : Востсибкнига, 2019. — 320 с.

В новую книгу Владимира Максимова «Избранное» вошли лучшие рассказы и повесть, написанные им в разные годы и опубликованные в литературных журналах России, а также за её пределами, в США и Австралии.

Назарова, Т.Д.

Ангел мой: стихи / Т. Д. Назарова. — Иркутск: Сибирская книга (ИП Лаптев А. К.), 2020. — 160 с.

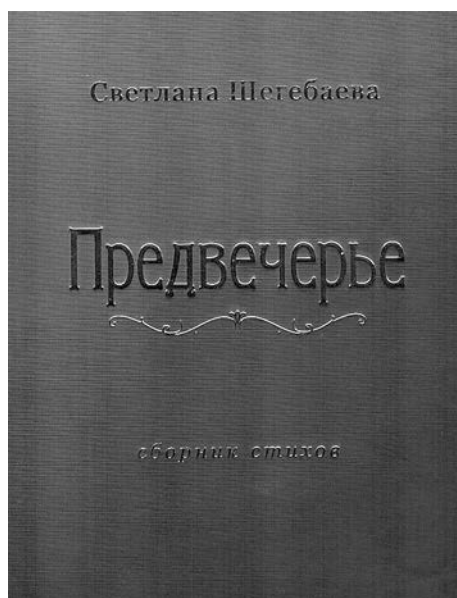
Татьяна Назарова — поэт с необыкновенной лирической способностью писать яркие стихи личного характера. Она особенно хороша в своих любовных произведениях, в душевных метаниях, в тонком восприятии окружающего мира с его полнотой душевных переживаний. Поэзия Татьяны Назаровой посвящена любви, природе, любимым городам — Иркутску и Зиме. Её стихи — это исповедь женщины, жаждущей любить и быть любимой. Также поэтесса много пишет философских стихов. Она полна творческих сил, принимает

активное участие в литературных вечерах, встречах, презентациях. Как говорит сама поэтесса, «поэзия для меня — смысл, радость, основа моей жизни».

Шегебаева, С.

Предвечерье: сборник стихов / Светлана Шегебаева. — Иркутск : Сибирская книга (Иркутск : ИП Лаптев А.К.), 2020. — 192 с.

В новой книге талантливой сибирской поэтессы, члена Союза писателей России и автора нескольких сборников поэзии и прозы, представлены стихи, написанные в последние годы. Автор предельно честен с собой и с читателем. Он заставляет задуматься о главных и очень непростых вопросах: о смысле жизни и о своём предназначении, о долге и о порядочности. И, конечно же, о любви, которой пронизано всё в этом мире. Рекомендуется читателям всех возрастов.

Прищепова, И.А.

Творческая гавань Байкала / Ирина Прищепова. — Иркутск : Издательство ИГУ, 2020. — 183 с.

Жизнь подарила автору интересные встречи с писателями и художниками на берегу Байкала. Результатом стала книга о творческих людях, их произведениях, на которые их вдохновил Байкал.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

Баранов, Ю.И.

Сказки улицы Большой : сборник сказок / Ю.И. Баранов ; худож. Я. и В. Лисицины. — Иркутск : Сибирская книга (ИП Лаптев А.К.), 2020. — 188 с. : ил.

Сказки Юрия Баранова — это причудливая смесь исторических фактов, городских легенд и волшебных придумок, позволяющих увидеть старинный сибирский город по-новому, полюбить его сказочную душу. Книга будет полезна не только детям, но и родителям, а также учителям-краеведам.

Валерий Дмитриевский

КАМЕНЬ НЕБЕС

Дмитриевский, В.В.

Камень небес : повесть, воспоминания / В.В. Дмитриевский. — Иркутск : [б.и.], 2020 (Тип. «Форвард»). — 224 с.

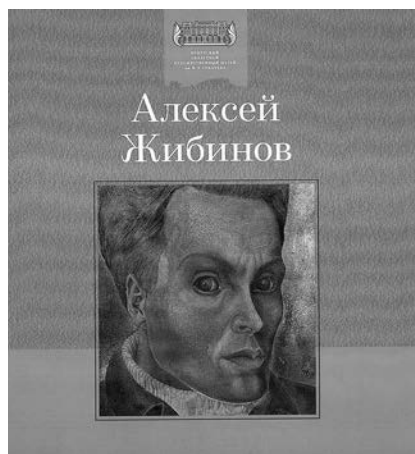
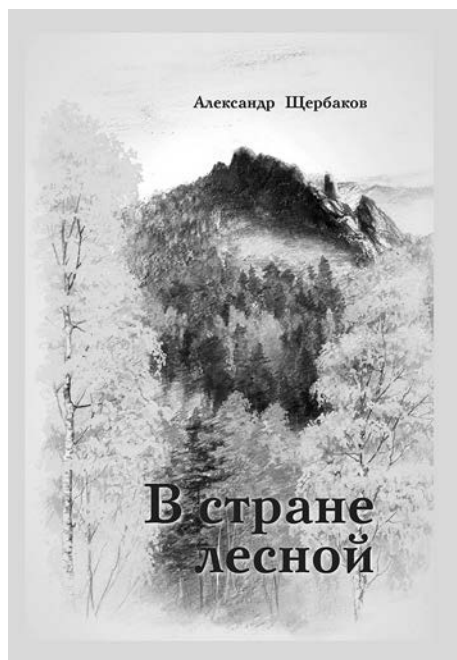
Валерий Дмитриевский — автор трёх книг стихотворений, книги прозы и др. В его новую книгу включены повесть «Камень небес», в которой рассказывается о сложных взаимоотношениях между людьми в небольшом геологическом отряде, работающем в суровых условиях горной тайги, и воспоминания о детских годах, состоящие из двух частей, под общим названием «Хроники обывателя».

Щербаков, А.И.

В стране лесной: сборник рассказов и стихов / А.И. Щербаков. — Красноярск: Издательство «Офсет», 2019. — 312 с.

Сборник рассказов и стихотворений А.И. Щербакова и его переводов из эвенкийской и хакасской поэзии «В стране лесной» можно без преувеличения назвать редким. Посвящен он животному миру Красноярского края. Миру, еще довольно богатому и разнообразному, но остро нуждающемуся в защите и сохранении.

В первом разделе стихотворений автор представляет диких обитателей енисейских просторов, в следующем — домашних животных и птиц. А далее для пополнения галереи копытных, пушных и пернатых дает слово северянину А. Немтушкину и южанину В. Майнашеву, стихи которых на созвучные темы перевел на русский язык.

Алексей Жибинов : альбом-каталог / сост.: Н.С. Сысоева ; вступ. ст.: О.К. Домашева; редактор: М.Л. Ткачёва ; корректор: А.В. Кокин ; оформление: А.А. Шелтунов. — Иркутск : ГБУК ИОХМ им. В.П. Сукачёва, 2020. — 200 с.: ил.

Альбом-каталог «Алексей Жибинов» продолжает серию книг «Иркутские художники», которая рассказывает о самых ярких мастерах изобразительного искусства. Издание подготовлено к выставке «Алексей Жибинов. Жизнь в искусстве», посвященной 105-летию со дня рождения художника. Альбом содержит вступительные статьи, биографическую справку и каталог произведений.

Издание адресовано как специалистам, так и широкому кругу читателей, интересующихся изобразительным искусством.

Издание адресовано как специалистам, так и широкому кругу читателей, интересующихся изобразительным искусством.

Сумочка к ребру

СТЕПАН ПРАВДУРУБСКИЙ

Пародии

Быть собой

*«В тишине горит ночник,
На странице дремлет палец...»*

Геннадий Боткин
Ангарск

На странице дремлет палец.
Печень прячется в углу.
И желудок — мой страдалец
Улетел в ночную мглу.

Как сегодня ни стараюсь,
Не собратся мне вовек.
Рифмой, как гастритом, маюсь,
Чтобы зваться: ЧЕЛОВЕК.

Шаги

*«Горят рубины ягод,
Красна рябины гроздь.
Идет таежным шагом
Последний теплый дождь».*

Геннадий Боткин
Ангарск

Пройду таежным шагом,
А на асфальте враз
Я полечу зигзагом
Асфальтовым как раз.

Целинную строкою
Я степи обойду.

Шахтерскою киркою
Добуду я руду.

Рудой почти словесной
Украшу я шаги.

Пусть будут, словно песня.
Другими — не моги!

С музыкой шипящей

*«Шорох. Шелест. Шум шуршащий.
Это капли дождь швыряет.
С этой музыкой шуршащей
Вся природа отдыхает».*

Александр Пекарский
Иркутск

Вся природа отдыхает
Над шипящей тишиной.
Рифма тихо умирает
Под шуршащею строкой.

Шелестит, шкварчит и шепчет.
Шваркнет, швыркнет, замолчит.
Словно душу кто-то треплет,
Чешет «репу» и фырчит.

Бородатые туманы

*«Я пишу тебе, мама,
Из загадочных мест.
Бородатым туманом
Все объято окрест...»*

Александр Пекарский
Иркутск

Бородатые туманы
Бродят, ходят все окрест.
Береги свои карманы:
Это лозунг наших мест.

Подвяжи скорее сумку
К худосочному ребру.
А не то, имею думку:
От таких стихов помру.

ВЛАДИМИР СКИФ

Пародии

Воскресная прогулка

(Белла Ахмадулина)

Под лёгкое московское стаккато
у будки с газированной водой
я пребываю в поисках стакана,
чтоб насладиться влагой молодой.

Решила я рассудком безрассудным:
коль так добры ко мне мои друзья,

за Женю, за Андрея, за Расула
осмелюсь выпить газировки я.

И мой приятель в пиджаке Булата
с отчётливым желаньем — пригубить,
мне говорит, что газировка — благо!
И это благо следует любить.

Он верит, что дотянет до зарплаты,
решив меня сегодня угостить,
влачит стакан, стучит по автомату,
забыв в него монету опустить...

О, эта невозможная затея
из автомата вынуть механизм!
Приятель мой, похожий на Антея,
на деле оказался мазохист.

Он долго бился о газон примятый,
но не добыл мне влаги молодой...
С тех пор я называю автоматы:
«ублюдки с газированной водой!»

Инструкция

*Как только разжались объятья,
Девчонка вскочила с травы,
Смущённо поправила платье
И встала под тенью листвы...*

*...И может, всё вышло не так бы,
Случись эта ночь после свадьбы...*

Эдуард Асадов

Ах, девочки, девочки, где вы?
Куда это вы по ночам?
Зачем доверяетесь, девы,
Безумию и сволочам?

Наденьте красивые платья,
Идите-ка лучше в кино:
Там тоже бывают объятья,
Но там это всё — не грешно.

Скажу, как всегда откровенно:
Не надо любовь торопить!

Я вас научу непременно —
Как правильной девушкой быть.

Я книги вам на дом доставлю,
Чтоб вам помогли они...
Мне сладко, когда я представлю,
Что девушки дома — одни!

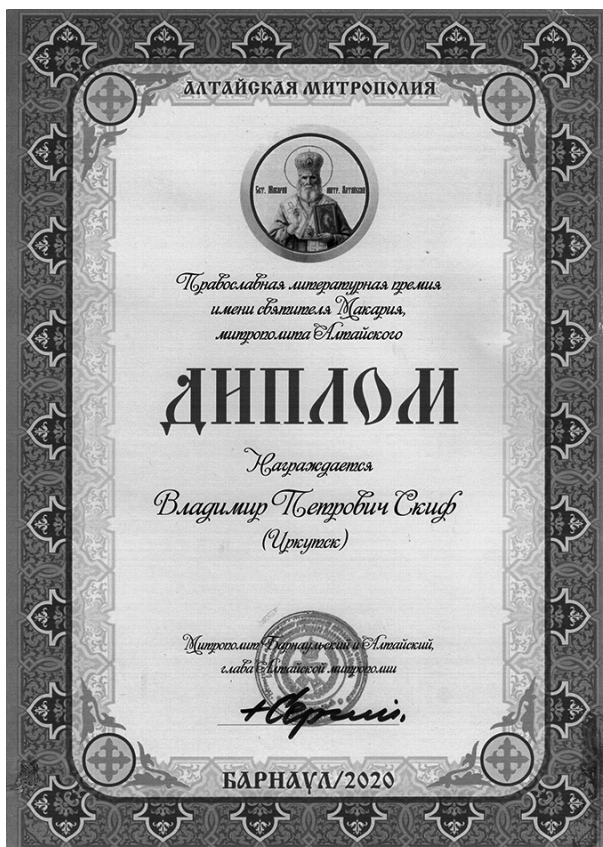
В любви не ходите налево,
Сознание своё ослепя.
Читайте Асадова, девы,
И вы сохраните себя!!!

События

Поздравляем!

Владимира Петровича Скифа с присуждением ему Православной литературной премии имени святителя Макария, митрополита Алтайского.

Юрия Ивановича Баранова с вручением медали им. М. Шолохова за значительные достижения в литературном творчестве.

Желаем дальнейших успехов!

Иркутские писатели-юбиляры

Поэту, члену Союза писателей России, члену Международного пушкинского общества **Анатолию Владимировичу Лисице** в этом году исполнилось 85 лет. Вся жизнь поэта связана с Братском, куда он приехал в 1960 году. Работал учителем, руководителем спорткомитета города, электролизником на БрАЗе. Стихи пишет с юности, активно участвовал в работе литобъединения «Истоки». Он издал более 10 книг, одной из лучших была признана «Опаленные войной». Посвященная военному детству, изданная в 2011 году издательством «Иркутский писатель», она нашла широкий отклик в стране. Анатолий Лисица — активный участник творческих мероприятий Братска, постоянно встречается с детьми и взрослыми в школах и библиотеках.

1 октября отметил 60-летний юбилей **Сергей Рудольфович Эпов**, поэт, член Союза писателей России. Сергей Эпов — автор книг «Посторонний», «Минув сон», «Алфавит-13».

Анна Мироновна Рандина писала стихи с юности. С 1985 живет в Шелехове, где появились стихи о женской судьбе, о городе, о природе. В 2004 фондом Александра Вампилова выпущена её первая книга «Со всеми и... одна», затем издано еще два поэтических сборника «Остаток лета» (2007 г.) и «Время» (2017 г.). «У поэтессы индивидуальная мелодия слова — не спутаешь ни с кем», — пишет в рецензии Анатолий Горбунов. Живя на стыке города и природы, Анна Рандина обрела свою поэтическую нишу.

Людмила Георгиевна Белякова — поэт, публицист, член Союза писателей России. С конца 1950-х живёт в Ангарске. Поэзией увлекалась с детства. Главная тема её стихов — размышление о человеческой совести, о месте человека на земле. Автор четырех поэтических сборников. С 2012 г. является издателем и главным редактором альманаха «Белая радуга». Более двадцати лет занимается книгоиздательской деятельностью. За это время издано более семидесяти книг ангарских авторов и писателей, проживающих на территории Иркутской области.

Александр Константинович Лаптев — прозаик, публицист. По образованию физик. Защитил диссертацию кандидата технических наук. Имеет десять публикаций в научных журналах бывшего Советского Союза. С 1 июня 2001 г. по 31 июля 2006 г. являлся председателем Правления Иркутской областной писательской организации Союза Писателей России. В 2012–2016 гг. — занимал должность главного редактора журнала «Сибирь».

С 1991 года начал заниматься литературой. Как писатель Александр Лаптев работает в двух жанрах: научной фантастики и документальной прозы. В творчестве исповедует идеи позитивизма и научно-технического прогресса. В 2005 году Александр Лаптев был включён в число пятидесяти ведущих фантастов России.

В 2017 г. был издан роман «Бездна», в котором прототипом главного героя стал писатель П.П. Петров, погибший в эпоху репрессий 30-х годов. Сейчас те страшные годы, исследование человеческих судеб, сломленных в сталинских лагерях, стали основной темой прозаика Александра Лаптева.

Редакция журнала «Сибирь», Иркутский Дом литераторов и Иркутское региональное отделение Союза писателей России поздравляют юбиляров! Крепкого Вам здоровья, многих лет и творческих удач!